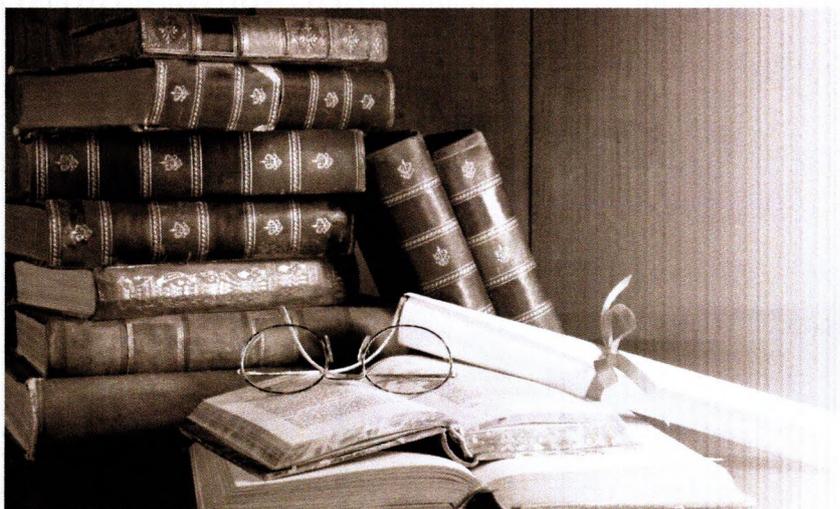
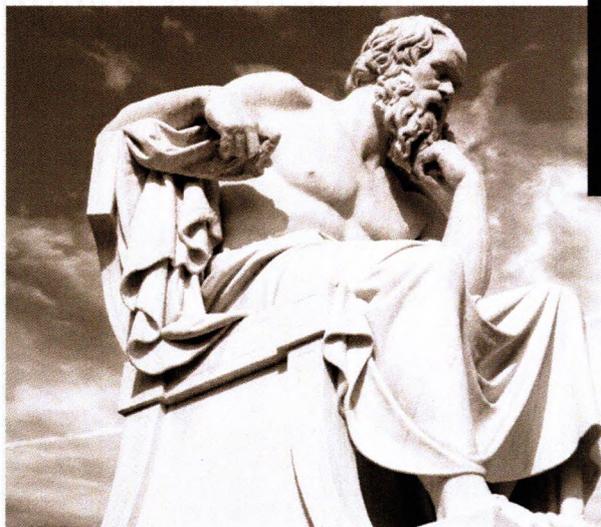

ISSN 2075-1613

Том 39

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

УО «ВГУ имени П.М. Машерова»

ВИТЕБСК
2024

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова»

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

УО «ВГУ имени П.М. Машерова»

Сборник научных трудов

2024 • Том 39

УДК 378.4(476.5)(06)
ББК 74.583(4Беи-4Вит)6я54
В54

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 2 от 20.12.2023.

Редакционная коллегия:

В.В. Богатырёва (главный редактор),
Е.Я. Аршанский (зам. главного редактора),
А.Н. Дулов, И.П. Зайцева, А.П. Косов, А.Г. Кохановский, Е.В. Крикливец,
А.С. Лаптёнок, В.А. Маслова, А.М. Мезенко, С.А. Моторов, И.В. Николаева,
С.В. Николаенко, О.М. Ростовская, Э.И. Рудковский,
В.П. Старжинский, С.П. Стренковский

Редакционный совет:

П.А. Водопьянов (Беларусь), И.А. Королева (Россия), А.А. Михайлов (Россия),
Е.Ю. Муратова (Беларусь), В.Н. Никитин (Россия), Н.Л. Пушкарёва (Россия)

Сборник научных трудов «Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова»»
включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований
по историческим, филологическим и философским наукам

Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова» : сборник научных трудов / Витеб.
гос. ун-т; редкол.: В.В. Богатырёва (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова,
2024. – Т. 39. – 190 с.

УДК 378.4(476.5)(06)
ББК 74.583(4Беи-4Вит)6я54

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

История

Некрашевич Ф.А. Участие войск внутренней стражи в проведении рекрутских наборов 1811–1864 гг. (на примере витебского внутреннего гарнизонного батальона)	7
Антановіч З.В. Дамоўная дакументацыя ў справядстве органаў епархіяльнага кіраўніцтва хрысціянскіх канфесій на беларускіх землях у канцы XVIII – пачатку XX ст.	12
Гавриленко К.Е. Формирование и сохранение культурной памяти о бужских голендрах в Беларуси и Германии	18
Раемский Ю.А. Общественно-политическая реакция на смену руководства Ставки Верховного главнокомандующего в Могилеве в августе 1915 г.	23
Сафронов П.М. Представители семьи Верховских в поисках путей преодоления церковного раскола	28
Соломкина Н.С. Выставочная деятельность в работе Петроградского отделения Главного управления архивным делом Наркомпроса РСФСР в первые годы советской власти (1919–1920 гг.)	33
Субботин А.А. Стахановское движение в промышленности БССР в годы третьей пятилетки (1938–1941 гг.)	38
Ярмусик Э.С. Противостояние: советское партизанское движение и формирования польской Армии Крайовой в западных областях БССР (1942–1945 гг.)	43
Новицкий П.И. Физическое воспитание детей с умеренной и тяжелой интеллектуальной недостаточностью в историческом аспекте становления отечественной системы специального образования (1917–1930-е годы)	50
Гребень Е.А. Германская оккупация Беларуси 1941–1944 годов в воспоминаниях очевидцев: проблема верификации	59
Бубенько Т.С. Городище Бороники в свете исследований 2020–2021 гг.	63
Хуан Сюйшэн Роль Бразилии во внешней политике Китая в 2000–2013 гг.	72
Попеленко Е.С. Православные епархии белорусских земель в период Первой мировой войны (1914 – начало 1917 гг.): историографический аспект	78

СОДЕРЖАНИЕ

Философия

Ростовская О.М. Трансформация феномена «конца истории»	85
Рудковская Е.Э. Социально-гуманитарное знание и духовная культура человека	89
Голубев В.А. Религия как социальный феномен: особенности манипуляции массовым сознанием	94
Чжэнь Дачао Особенности функционирования и развития массовых коммуникаций в современном социальном пространстве	98
Го Цзимао Интернационализация спортивного образования в контексте модернизации с китайской спецификой	103

Филология

Кунтыш М.Ф. Лексико-тематическая группа обозначений мыслительных процессов в лексической структуре рассказов А.П. Чехова	108
Дорофеенко М.Л. Архитектурные ориентиры в урбанонимном пространстве Беларуси и Франции	116
Mounir A.S. An Overview on Linguistic Manipulation	121
Гибкий П.В. Лексические и синтаксические средства обозначения временных отношений в китайском языке	126
Зіманскі В.Э. Рэалізацыя семантыкі просьбы ў беларускай мове: структурна-камунікатыўны і прагматычны аспекты	131
Бобылева Л.И. Категория модальности как компонент убеждающей коммуникации в англоязычном художественном дискурсе.....	139
Грушова Л.Д. Формирование гражданско-патриотических ценностей в обучении иностранному языку студентов неязыкового профиля.....	144
Прищепа М.М. Мотивы и принципы номинации линейных объектов городов Юго-Западной Англии	151
Иванов Е.Е. Функционирование экономической лексики в англоязычном медийном дискурсе	157
Камышева С.Ю. Русский язык и его роль в образовании в странах СНГ	162
Іваноў Я.Я. Функцыі моўных афарызмаў у сучаснай беларускай мове	166
Климкович О.А. Перемирные грамоты Москвы и Великого княжества Литовского первой половины XVI в. в аспекте сопоставительной исторической стилистики	173
Гречихо Т.А. Лингвокультурологический аспект в изучении религиозных традиций в курсе русского языка как иностранного	180

CONTENTS

History

Nekrashevich Ph.A. Participation of Internal Guard Forces in 1811–1864 Recruiting (Based on the Example of Vitebsk Internal Garrison Battalion)	7
Antanovich Z.V. Contractual Documentation in the Records Management of Cristian Diocesan Administration in Belarusian Lands in the Late 18th – Early 20th Centuries	12
Gavrilenko K.E. Shaping and Preservation of Culture Memory about Bug Golendra in Belarus and Germany	18
Rayemsky Yu.A. Social and Political Reaction to the Change of Leadership of the Supreme Commander's Headquarters in Mogilev in August 1915	23
Safronov P.M. Representatives of Verkhovsky Family in Search of Ways to Overcome the Church Schism	28
Solomkina N.S. Exhibition Activities in the Work of the Petrograd Branch of the Main Directorate of Archival Affairs of the People's Commissariat of Education of the RSFSR in the First Years of Soviet Sower (1919–1920)	33
Subbotin A.A. The Stakhanovite Movement in the Industry of the BSSR During the Third Five-Year Plan (1938–1941)	38
Yarmusik E.S. Opposition: Soviet Partisan Movement and Formations of the Polish Krayova Army in the Western Regions of the BSSR (1942–1945)	43
Novitsky P.I. Physical Education of Children with Intellectual Disabilities in the Historical Aspect of the Formation of the Domestic Special Education System in 1917–1930s	50
Greben E.A. The 1941–1944 German Occupation of Belarus in the Memories of Eyewitnesses: the Problem of Verification	59
Bubenko T.S. Settlement of Boroniki under 2020–2021 Studies	63
Huang Xusheng The Role of Brazil in the Foreign Policy of China in 2000–2013	72
Popelenko E.S. Orthodox Dioceses in Belarusian Lands during World War I (1914 – early 1917): the Historiographic Aspect	78

CONTENTS

Philosophy

Rastovskaya O.M. Transformation of the "End of History" Phenomenon	85
Rudkovskaya E.E. Social and Humanitarian Knowledge and Human Spiritual Culture	89
Golubev V.A. Religion as a Social Phenomenon: Features of Mass Consciousness Manipulation	94
Zhen Dachao. Features of the Functioning and Development of Mass Communications in Modern Social Space	98
Guo Jimao. Internationalization of Sports Education in the Context of Modernization with Chinese Characteristics	103

Philology

Kuntysh M.F. Lexical-Thematic Group of Designations for Thinking Processes in the Lexical Structure of Stories by Anton Chekhov	108
Dorofeyenko M.L. Architectural Landscape in the Urbanonym Space of Belarus and France	116
Мунир А.С. Обзор лингвистической манипуляции	121
Gibki P.V. Lexical and Syntactic Means of Temporal Relations Designation in the Chinese Language	126
Zimanski V.E. Implementation of the Semantics of Request in the Belarusian Language: the Structural-Communicative and Pragmatic Aspects	131
Bobyleva L.I. The Category of Modality as a Component of Persuasive Communication in English Literary Discourse	139
Grushova L.D. Formation of Civic and Patriotic Values in Teaching Non-Linguistic Students a Foreign Language	144
Pryshchepa M.M. Motives and Principles of Names of Linear Objects of Cities in Southwestern England	151
Ivanov E.E. Functioning of Economic Vocabulary in English Media Discourse	157
Kamysheva S.Yu. The Russian Language and its Role in Education in the CIS Countries	162
Ivanov E.E. Functions of Stable Aphoristic Units in the Modern Belarusian Language	166
Klimkovich O.A. The Early 16th Century Letters of Truce between Moscow and Great Duchy of Lithuania in the Aspect of the Comparative Historical Stylistics ..	173
Grechikho T.A. Linguistic and Cultural Aspect in the Study of Religious Traditions in the Course of Russian as a Foreign Language	180

ИСТОРИЯ

Участие войск внутренней стражи в проведении рекрутских наборов 1811–1864 гг. (на примере витебского внутреннего гарнизонного батальона)

Некрашевич Ф.А.

Учреждение образования «Академия МВД Республики Беларусь», Минск

В Российской империи в отношении податных слоев населения вводился ряд обременительных повинностей. Самой тяжелой из них являлась рекрутская.

Цель данной статьи – определить место войск внутренней стражи в системе проведения рекрутских наборов на примере витебского внутреннего гарнизонного батальона (1811–1864 гг.).

Материал и методы. *Источники исследования представлены документами законодательства и материалами делопроизводства (циркулярами Военного министерства, официальной перепиской). При подготовке статьи были использованы основные принципы научного исследования (историзм, объективность и системность), а также общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция).*

Результаты и их обсуждение. *Определяется роль военнослужащих внутренней стражи в деятельности рекрутских присутствий. Раскрывается значение данного рода войск в организации доставки новобранцев к местам несения службы. Выявлены мероприятия, проводимые офицерами внутренней стражи, направленные на предотвращение побегов рекрутов.*

Заключение. *Подразделения внутренней стражи играли ключевую роль в организации препровождения рекрутов от мест проведения набора к местам несения службы. Роль войск внутренней стражи при организации деятельности рекрутских присутствий носила вспомогательный характер.*

Ключевые слова: *внутренняя стража, комплектование вооруженных сил, рекрутская повинность, рекрутские присутствия, препровождение рекрутов.*

(Ученые записки. – 2024. – Том 39. – С. 7–11)

Participation of Internal Guard Forces in 1811–1864 Recruiting (Based on the Example of Vitebsk Internal Garrison Battalion)

Nekrashevich Ph.A.

Education Establishment "Academy of the MIA of the Republic of Belarus", Minsk

In the Russian Empire scotted layers of population had a number of onerous duties. The hardest of them was the recruiting scot.

The purpose of the article is to identify the place of internal guard forces in performing recruiting based on the example of Vitebsk Internal Garrison Battalion (1811–1864).

Material and methods. *The research source is documents of legislation and materials of office work (Military Ministry acts, official correspondence). The article is based on the principles of scientific research (historicism, objectivity and consistency), as well as scientific methods (analysis, synthesis, induction, deduction).*

Findings and their discussion. *The role of the military personnel of the internal guard in the activities of recruiting offices is identified. The significance of this type of troops in the organization of escorting recruits to the places of service is revealed. Measures carried out by officers of the internal guard aimed at preventing recruits from escaping were identified.*

Conclusion. *Units of the internal guard played a key role in organizing the transfer of recruits from recruitment sites to duty stations. The role of the troops of the internal guard in organizing the activities of recruiting offices was of an auxiliary nature.*

Key words: *internal guard, staffing of the armed forces, recruiting service, recruiting office, escorting recruits.*

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 39. – P. 7–11)

После разделов Речи Посполитой белорусские земли вошли в состав Российской империи. В новом государстве в отношении податных слоев населения вводился ряд обременительных повинностей. Самой тяжелой из них являлась рекрутская. Практически каждый год крестьянские и городские сообщества были вынуждены отдавать молодых, физически крепких мужчин и платить значительные денежные взносы. Рекрутский набор представлял собой крайне сложную и важную для российских властей процедуру. В организации рекрутских наборов участвовал целый ряд государственных ведомств: МВД, военное министерство, министерство финансов и т.д. Со стороны военного министерства ключевую роль в проведении рекрутского набора на местах играли войска внутренней стражи. Цель данной статьи – определение роли подразделений внутренней стражи в организации проведения рекрутских наборов на примере витебского гарнизонного батальона.

Витебский внутренний гарнизонный батальон являлся типичным примером подразделения войск внутренней стражи. В его состав входил внутренний гарнизонный батальон, расквартированный в г. Витебске, 11 уездных инвалидных команд, а также Росицкая этапная команда (расформирована в 1839 г.). В состав инвалидных команд входили в основном старослужащие солдаты, в состав гарнизонного батальона – более молодые и физически крепкие военнослужащие. Штатная численность внутреннего гарнизонного батальона составляла 1000 чел., уездной команды – 48 чел. [1, Т. 31, № 24568].

В «Положении о внутренней страже», утвержденном 3 июля 1811 г., были перечислены 14 функций, включенных в сферу обязанностей этого рода войск. Несмотря на то, что функция «принятия и провожания рекрутов, преступников, арестантов и пленных» стояла по счету лишь десятой в этом списке, именно она являлась ключевой для войск внутренней стражи [1, Т. 31, № 24704].

До 1811 г. задачи по препровождению рекрутов к местам несения службы возлагались в основном на военнослужащих действующей армии. Военное руководство формировало специальные команды из офицеров и рядового состава, которые конвоировали рекрутов к местам несения службы. Это вызывало значительные неудобства и уменьшало реальную численность личного состава в армейских подразделениях, так как конвойные команды военнослужащих значительную часть времени проводили вне расположения своих частей.

В свете военной конфронтации с наполеоновской Францией руководство Российской империи начало реформу по формированию войск внутренней стражи, которые должны были стать связующим звеном между гражданскими властями и военным ведомством в вопросах проведения наборов, доставки и первоначальной подготовки рекрутов.

В своих воспоминаниях первый командующий войск внутренней стражи генерал от инфантерии граф

Е.Ф. Комаровский подчеркивал, что задача организации сбора и препровождения рекрутов являлась главенствующей при формировании этого нового рода войск [2, с. 185]. В условиях крайнего напряжения сил Российской империи во время борьбы с войсками Наполеона в рамках VI антифранцузской коалиции (1812–1814 гг.) выполнение данной задачи занимало львиную долю всего времени службы войск внутренней стражи. Затем, в относительные мирные периоды (1815–1828, 1832–1847, 1857–1862 гг.), частота проведения рекрутских наборов заметно снижалась, но задача по организации сбора и препровождения рекрутов все равно оставалась главенствующей для этого рода войск.

Материал и методы. Объектом работы является система организации и проведения рекрутских наборов в Российской империи. Источники исследования представлены документами законодательства и материалами делопроизводства (циркулярами Военного министерства, официальной перепиской). При подготовке статьи были использованы основные принципы научного исследования (историзм, объективность и системность), а также общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция).

Результаты и их обсуждение. Условно обязанности войск внутренней стражи по проведению рекрутских наборов можно разделить на несколько стадий: участие в работе рекрутских присутствий; организация препровождения рекрутов к местам несения службы; оформление отчетной документации.

В Российской империи организация рекрутских наборов являлась следствием взаимодействия органов государственной власти и администрации местных сообществ податных. Выборная администрация этих сообществ (различные категории крестьян и мещан) были ответственны за выбор годных к службе новобранцев. Затем выбранные молодые люди передавались в распоряжение рекрутского присутствия.

Рекрутское присутствие – это орган государственной власти, ответственный за прием рекрутов на местах. Помимо гражданских чиновников, в работе рекрутских присутствий принимали участие: военный приемщик (офицер, присланный из действующей армии), офицер корпуса жандармов, войска внутренней стражи [3, с. 179–180]. Последние состояли из офицера, унтер-офицера и необходимого числа рядовых. Численность рядового состава определялась количеством новобранцев, которые проходили через рекрутское присутствие.

На стадии работы рекрутского присутствия обязанности войск внутренней стражи состояли в: охране членов самого присутствия, обеспечении общественного порядка в местах проведения набора, предотвращении побегов со стороны новобранцев, их материальном обеспечении, проверки документации рекрутских присутствий, а также организация бритья лбов рекрутам. Последняя процедура проводилась с целью предотвращения побегов рекрутов. Для этого при батальонах

внутренней стражи состояли вольнонаемные цирюльники [3, ст. 180]. Ответственным за данное мероприятие являлся офицер внутренней стражи. Во время работы рекрутского присутствия приданные подразделения внутренней стражи не принимали решения самостоятельно, а находились в подчинении военного приемщика [4, Т. 6, № 4677].

В период после приема в рекрутском присутствии и до отправки в войска по месту службы новобранцы содержались при батальонах внутренней стражи (если рекрутское присутствие находилось в губернском городе) и инвалидов командах (если присутствие работало в уездном городе) [4, Т. 6, № 4677]. Отрывочные сведения позволяют сделать вывод о неудовлетворительных условиях содержания рекрутов в данный период. Так, совершившие противоправные действия новобранцы, принятые в витебском рекрутском присутствии, вплоть до 1832 г. содержались в местном тюремном замке в одних камерах с заключенными. Тем самым многие из новобранцев из-за общения с преступными элементами еще более теряли желание служить в армии [5, л. 1].

Далеко не все взятые по рекрутскому набору представители податных сословий желали служить в армии. Уже на стадии работы рекрутского присутствия многие новобранцы пытались совершить побег. Например, в мае 1833 г. рекруты Савелий Лукьянов и Иосиф Абрамович сбежали из Себежской городской больницы. Немалую роль в их успешном побеге сыграли халатные действия рядовых местной инвалидной команды [6, л. 1].

В этот же период рекруты начинали проходить первоначальную боевую подготовку под руководством офицеров внутренней стражи. Она сводилась в основном к строевой подготовке, а также изучению военно-уголовного законодательства. При этом обращалось особое внимание на «доброе обращение с рекрутами и сохранение их здоровья» [4, Т. 6, № 4677]. Иными словами, задача внутренней стражи состояла в даче лишь азов знаний и навыков военной службы без использования методов насильственного принуждения. Полноценную боевую подготовку новобранцы должны были проходить уже по месту несения службы. Опять же это делалось для того, чтобы не сподвигнуть рекрутов к побегу.

Кроме того, офицеры внутренней стражи выполняли контрольную функцию по проверке годности рекрутов к военной службе. Они должны были удостовериться, что вся документация, касающаяся новобранцев (возраст, состояние здоровья, семейное положение и т.д.), соответствует действительности. Ответственность офицеров внутренней стражи при исполнении данной задачи имело важное значение. Бывали случаи, когда из-за халатности или коррумпированности членов рекрутского присутствия случались грубые нарушения.

Так, в сентябре 1850 г. при осмотре рекрутов командир витебского гарнизонного батальона подполковник Кривошеев в рапорте на имя витебского гражданского

губернатора С.Н. Ермолова докладывал о принятых рекрутским присутствием Венедикте Лукьянове и Даниле Васильеве. В. Лукьянов имел возраст около 40 лет (хотя не должен был превышать 25 лет). Д. Васильев имел серьезные заболевания, не указанные в документах рекрутского присутствия. В связи с этим подполковник Кривошеев ходатайствовал о переосвидетельствовании этих рекрутов [7, л. 1–1об.]. В ноябре 1850 г. при осмотре партии рекрутов из числа евреев подполковником Кривошеевым были выявлены серьезные нарушения в сведениях о возрасте новобранцев. В результате семь рекрутов также были направлены на переосвидетельствование [8, л. 2–2об.].

Наконец, командование внутренней стражи отвечало за обеспечение рекрутов продовольствием и обмундированием. Выборные представители общин, которые несли рекрутскую повинность, собирали с податного населения необходимые денежные средства на содержание рекрутов и передавали их офицеру внутренней стражи. В задачу последнего входила организация питания и пошива формы для новобранцев [4, Т. 6, № 4677].

Анализируя участие военнотружущих внутренней стражи в работе рекрутских присутствий, следует отметить, что на данном этапе они не были ответственны за принятие ключевых решений. Тем не менее, на протяжении всего периода работы рекрутских присутствий внутренняя стража принимала активное участие в решении всех задач, связанных с охраной, размещением и обучением новобранцев.

После завершения приема рекрутов их необходимо было сопроводить к местам несения службы. Данная функция возлагалась на войска внутренней стражи. Перед отправлением будущих солдат сводили в так называемые рекрутские партии. В зависимости от численности рекрутские партии делились на три категории: большие (от 300 до 500 чел.), малые (150–300 чел.), а также партии недоимочных рекрутов (50–100 чел.) [3, с. 229]. Партии отправлялись в путь к месту назначения немедленно по мере комплектования. Исключения составляли рекрутские партии несовершеннолетних, набранных для нужд флота (в реалиях Витебской губ. это были малолетние евреи). Такие рекруты отправлялись в дорогу в мае месяце.

Для отвода рекрутской партии назначался офицер внутренней стражи, «отличающийся примерным поведением и знанием службы», а также конвойная команда нижних чинов [4, Т. 27, № 26788]. При этом для сопровождения партий недоимочных рекрутов вместо офицера мог назначаться унтер-офицер примерного поведения и владевший грамотой. Расчет численности военнотружущих конвойной команды был следующий. При партии из 50 рекрутов полагалось иметь 5 рядовых, при 100 – 10 рядовых, при 150 – 12 рядовых. При отправлении больших партий на каждые 15 рекрутов прибавлялось по одному рядовому. Кроме того, трое рядовых назначались для охраны сундука с деньгами и бумагами [4, Т. 6, № 4677, Прил. XXII].

Маршрут следования рекрутской партии определялся заранее. Расписание о распределении рекрутов в армейские подразделения составлялось инспекторским департаментом военного министерства и доводилось до командования внутренней стражи до начала текущего набора. Исходя из этих данных, для каждой рекрутской партии составлялся детальный маршрут следования от места набора до воинской части. Маршрут включал в себя указание населенных пунктов, где рекрутская партия должна останавливаться на ночлег и отдых, расстояние между ключевыми населенными пунктами на пути следования, а также указание времени, за которое рекрутская партия должна добраться до пункта назначения. Начальник рекрутской партии был обязан строго придерживаться указанного маршрута [9, с. 213]. Любые отклонения от маршрута следования или задержки во времени должны были иметь место только в силу чрезвычайных обстоятельств (погодные условия, неповиновения рекрутов и т.д.).

Особое внимание при следовании рекрутских партий уделялось новобранцам-евреям. Они должны были направляться к месту несения службы отдельно от рекрутов из христиан. Поэтому численность этих рекрутских партий обычно была меньшей. Вместе с тем военное руководство опасалось, что евреи, до 1827 г. никогда не привлекаемые к рекрутской повинности, будут гораздо чаще совершать побег, чем новобранцы-христиане. В связи с этим еврейские рекрутские партии охранялись гораздо лучше. Так, на каждых 5 рекрутов полагалось иметь по одному рядовому. Например, при отправлении рекрутской партии менее 10 человек конвой состоял из унтер-офицера и двух рядовых. В случае, если рекрутская партия насчитывала от 10 до 15 новобранцев, их сопровождал унтер-офицер и трое рядовых. Получалось, что еврейские рекрутские партии охраняли в два раза больше военнослужащих.

Местная гражданская администрация должна была оказывать содействие войскам внутренней стражи при прохождении рекрутских партий. Так, в пути следования рекрутскую партию в обязательном порядке сопровождал чиновник из полицейского управления. В его задачу входил надзор за соблюдением законности, а также оказание содействия в материальном обеспечении. Для этого командование внутренней стражи должно было заранее оповестить полицию уездов, через которые обязана была следовать рекрутская партия.

Первостепенной задачей внутренней стражи было превозвращение рекрутов к месту несения службы. При выполнении данной задачи возникала объективная трудность – побег нежелающих нести военную службу. Технически совершить побег во время следования рекрутской партии не составляло большого труда. Рекруты следовали пешком. Они не являлись заключенными, поэтому передвигались без кандалов. В процессе следования рекрутская партия совершала остановки. Воспользовавшись временной

занятостью военнослужащих внутренней стражи, рекруты имели возможность незаметно скрыться и пуститься в бег.

Тем не менее, согласно ряду исследований, массовые побег рекрутов совершались достаточно редко [9, с. 241]. Причиной этого являлись как объективные, так и субъективные обстоятельства. К объективным относится отсутствие дальнейших перспектив для беглецов-рекрутов. Вернуться в родной дом и долго скрываться от властей они не имели возможности, так как за беглеца местное сообщество должно было выставить еще одного рекрута. Поэтому община очень редко была заинтересована в сокрытии беглецов. Долго скрываться в незнакомой местности было практически невозможно.

К субъективным обстоятельствам можно отнести мероприятия, проводимые руководством внутренней стражи по предотвращению побегов рекрутов: упомянутое выше бритье лбов новобранцам, введение системы артелей, проведение воспитательной работы с новобранцами, а также ряд рекомендаций по охране еврейских рекрутских партий.

Принятых рекрутов офицер внутренней стражи разделял на группы (артели). Сущность артелей заключалась во внедрении принципа круговой поруки. Так, в случае побега одного новобранца вся артель несла за это коллективную ответственность. Это должно было стимулировать членов артели контролировать поведение друг друга с целью предотвращения возможных побегов [9, с. 212].

Еще одной мерой, помогавшей оперативно вычислить беглого рекрута, было так называемое бритье лбов. Эта мера была введена в 1757 г. взамен установленной Петром I практики накалывания на правую руку рекрутов татуировок в виде креста. Со второй половины 1840-х гг. бритье лбов как мера контроля осталась только для уже бежавших и пойманных рекрутов и была окончательно отменена в 1862 г. [10, с. 69–70].

Кроме того, офицер внутренней стражи должен был проводить воспитательную работу с рекрутами. Она сводилась к разъяснению новобранцам военных уголовных законов. Офицеры доводили до рекрутов степень ответственности за измену, побег к неприятелю, неповиновение, разбой, грабеж и т.д. [4, Т. 6, № 4677, Прил. XXII].

Наконец, военное командование уделяло особое внимание профилактике побегов среди евреев. Так, конвоирам строжайше запрещалось комментировать и оскорблять религиозные взгляды новобранцев-евреев. Тем более при следовании рекрутских партий запрещалось селить евреев в домах, где проживали их соотечественники.

Побег рекрутов во время следования к месту несения службы не были редким явлением. Например, в мае 1829 г. в Динабургском уезде конвоиры из состава дрисненской инвалидной команды допустили побег рекрута [11, л. 1]. В апреле 1830 г. во время

следования рекрутской партии из г. Городка в г. Полоцк из-под конвоя сбежали 8 рекрутов. К тому же беглецы смогли похитить 164 руб. 70 коп. кормовых денег и казенные вещи [12, л. 3]. В случае побега рекрута начальник рекрутской партии обязан был немедленно известить местную гражданскую администрацию и близлежащие отделения полиции, которые должны были заниматься поисками беглеца.

Заключительной стадией участия внутренней стражи в рекрутском наборе была сдача новобранцев по месту распределения. Приближаясь к месту назначения, офицер обязан был за два перехода выслать нарочного с донесением о скором прибытии рекрутской партии. По прибытии офицер внутренней стражи должен был передать ответственному офицеру всю документацию. Кроме того, офицеру необходимо было в трехдневный срок предоставить в местную казенную палату или уездное казначейство на проверку документацию на предмет целесообразного использования материальных и денежных средств.

После сдачи рекрутской партии офицер передавал конвойных в распоряжение местного начальника внутренней стражи, который должен был организовать отправление военнослужащих в свою воинскую часть. В случае успешного прохождения вышеназванных процедур офицер получал от местной администрации квитанции о сдаче рекрутской партии, целесообразном использовании средств, а также о сдаче конвойной команды. Затем офицер должен был отправить в инспекторский департамент военного министерства отчетную документацию, получить прогонные деньги и самостоятельно отправиться назад в свою воинскую часть [9, с. 219–220]. По прибытии офицер представлял батальонному командиру отчет, после чего батальонный командир составлял еще один отчет на имя руководства Отдельного корпуса внутренней стражи.

Заключение. Таким образом, войска внутренней стражи – один из важнейших элементов в цепочке по организации проведения рекрутских наборов в Российской империи. Они являлись одной из немногих государственных структур, обеспечивавших проведение рекрутских наборов, деятельность которых осуществлялась на постоянной основе. С одной стороны, они представляли интересы военного министерства и отвечали за первоначальную подготовку новобранцев и их препровождение к местам несения службы. С другой – это важный силовой инструмент в руках местной гражданской администрации. Подразделения внутренней стражи являлись ключевой структурой, обеспечивавшей охрану рекрутских присутствий и реализацию их распоряжений. Сформированные в 1811 г. специально для препровождения рекрутов и арестантов войска внутренней стражи

помогли создать налаженную систему пополнения армейских частей, которая не претерпевала серьезных изменений вплоть до возникновения железнодорожной сети в Российской империи.

Литература

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1: с 1649 по 12 дек. 1825 г.: в 45 т. – СПб.: Тип. II отд-ния собств. Е. и. вел. канцелярии, 1830–1851. – 45 т.
2. Комаровский, Евграф Федотович (1769–1843). Записки графа Е.Ф. Комаровского / под ред. П.Е. Щеголева; вступ. заметка Е.А. Ляцкого. – СПб.: Огни, 1914. – XII, 279 с., 1 л. портр.; 20. – (Библиотека мемуаров издательства «Огни»).
3. Свод военных постановлений: Ч. 1–5. – Санкт-Петербург: тип. II Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1838–1839. – 27 см. – Ч. 1: Образование военных учреждений. [Кн. 1. Образование военного министерства и особых установлений]. – 1838. – 421 с.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2: с 12 дек. 1825 по 28 февр. 1881 г.: в 55 т. – СПб.: Тип. II отд-ния собств. Е. и. вел. канцелярии, 1830–1884. – 55 т.
5. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 1430. Оп. 1. № 3251. Дело о переводе рекрут, содержащихся в Витебском тюремном замке, в отдельное помещение для заключенных. – 26.04.1832 – 04.05.1832. – 3 л.
6. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. № 4314. Дело о розыске бежавших из Себежской больницы рекрут Лукьянова и Абрамовича. 12.05.1833 – 11.08.1833. – 19 л.
7. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. № 20219. Дело о растрате казенных денег партионным офицером полкового гарнизонного батальона прапорщиком Пашковским. – 2.09.1850. – 2 л.
8. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. № 20564. Дело по рапорту командира Витебского внутреннего гарнизонного батальона о переосвидетельствовании 7 человек, взятых в рекруты. – 16.11.1850 – 17.11.1850. – 5 л.
9. Столетие Военного министерства. 1802–1902: в 13 т. / гл. ред. Д.А. Скалон. – СПб.: Тип. поставщиков двора Е. и. вел. т-ва М.О. Вольф, 1902–1914. – Т. 4: Главный штаб. Исторический очерк. Ч. 2, кн. 1, отд. 2: Комплектование войск в царствование императора Николая I / сост. В.В. Шепетильников. – 1907. – 330 с.
10. Иванов, Ф.Н. История рекрутской повинности в России (1699–1874 гг.): учеб. пособие по дисциплине «История вооруженных сил России» / Ф.Н. Иванов. – М.: Изд-во «Перо», 2017. – 107 с.
11. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. № 1789. Дело о командировании чиновников для следствия над конвойными Дрисненской команды, допустившими побег рекрут. 29.03.1829 – 23.05.1829. – 3 л.
12. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. № 2509. Дело о розыске бежавших от конвойных Городецкой инвалидной команды восьми рекрут. Дело о розыске бежавших от конвойных Городецкой инвалидной команды восьми рекрут. 27.03.1839 – 16.09.1839. – 26 л.

Поступила в редакцию 13.06.2023

Дамоўная дакументацыя ў справаводстве органаў епархіяльнага кіраўніцтва хрысціянскіх канфесій на беларускіх землях у канцы XVIII – пачатку XX ст.

Антановіч З.В.

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск

У артыкуле разглядаецца дамоўная дакументацыя як сукупнасць дакументаў, якімі ажыццяўлялася ўзаемадзеянне органаў епархіяльнага кіраўніцтва хрысціянскіх канфесій на беларускіх землях з органамі дзяржаўнай улады розных узроўняў, прадстаўніцтвамі іншых канфесій і прыватнымі асобамі, аб'ектам якіх выступалі маёмасці або віды работ.

Мэтай артыкула з'яўляецца выяўленне спецыфікі дамоўнай дакументацыі як падсістэмы канфесійнай дакументацыі ў справаводстве органаў епархіяльнага кіраўніцтва хрысціянскіх канфесій на беларускіх землях у канцы XVIII – пачатку XX ст.

Матэрыял і метады. *У артыкуле прадстаўлены кампаратыўны аналіз дамоўнай дакументацыі органаў епархіяльнага кіраўніцтва хрысціянскіх канфесій на падставе шырокага кола архіўных крыніц і нарматыўных дакументаў Расійскай імперыі ў галіне справаводства з прымяненнем гісторыка-генетычнага і гісторыка-параўнальнага метадаў.*

Вынікі і іх абмеркаванне. *Аўтарам разглядаецца відавы склад, структура і спецыфіка зместу дакументаў, якімі фіксаваліся дамоўныя адносіны згаданых органаў з контрагентамі. Аднаведна, да дамоўнай дакументацыі па функцыянальным прызначэнні і сукупнасці дакументаў могуць быць аднесены матэрыялы па распараджэнні канфесійнай маёмасцю (арэнда, продаж, набыццё) і рамонтна-будаўнічых працах (рамонт і пабудова храмаў, іншых будынкаў для патрэб духавенства).*

Заклучэнне. *Дамоўныя стасункі дакументаваліся пры дапамозе кантрактаў, перапіскі і копіі журналаў (праколаў), а таксама праектнай і тэхнічнай дакументацыі пры неабходнасці. Пры стварэнні дакументаў канфесійныя аспекты праяўляліся ў мовах афармлення ўнутранай дакументацыі, тэрмінах арэнды, узроўнях узгаднення і захоўвання дакументаў. Улічваючы распаўсюджанасць гэтых практык і дакументаў, увадзенне ў навуковы ўжытак дамоўнай дакументацыі пашырыць крыніцавую базу даследаванняў не толькі па канфесійнай гісторыі Беларусі і замежжа, фінансава-гаспадарчага стану прадстаўніцтваў, але і развіццю грамадзянскага права, эканомікі, справаводства, архіўнай справы, генеалогіі і іншых навук.*

Ключавыя словы: *дамоўная дакументацыя, кантракт, праваслаўная царква, рымска-каталіцкая царква, уніяцкая царква, евангелічная царква, маёмасць, арэнда царкоўнай маёмасці, справаводства.*

(Ученые записки. – 2024. – Том 39. – С. 12–17)

Contractual Documentation in the Records Management of Cristian Diocesan Administration in Belarusian Lands in the Late 18th – Early 20th Centuries

Antanovich Z.V.

Belarusian State University, Minsk

The article examines the contractual documentation as a complex of documents used for the interaction of the bodies of the diocesan administration of Christian denominations in Belarusian lands with state authorities of various levels, representatives of other denominations and private individuals, the objects of which were property or types of work.

The purpose of the article is to reveal the specifics of contractual documentation as a subsystem of denominational documentation in the administration of Christian diocesan bodies in Belarusian lands in the late 18th and early 20th centuries.

Material and methods. *The article presents the comparative documentation of Christian diocesan bodies on the basis of a wide range of archival sources and regulations of the Russian Empire in the field of record management with the application of historical-genetic and historical-comparative methods.*

Findings and their discussion. The author examines the type composition, structure and specifics of the content of the documents that recorded the contractual relations of the mentioned bodies with counterparties. Accordingly, the contractual documentation on the functional purpose and set of documents can include materials on the disposal of religious property (rent, sale, purchase) and repair and construction work (repair and construction of temples, other buildings for the needs of the clergy).

Conclusion. Contractual relations were documented with the help of contracts, correspondence and copies of logs (protocols), as well as design and technical documentation if necessary. When creating documents, religious aspects were manifested in the languages of internal documentation, lease terms, levels of agreement and storage of documents. Taking into account the prevalence of these practices and documents, the introduction of contractual documentation into scientific use will expand the source base of research not only on the religious history of Belarus and abroad, the financial and economic status of representations, but also on the development of civil law, economics, records management, archival work, genealogy and other sciences.

Key words: contractual documentation, contract, Orthodox Church, Roman Catholic Church, Uniate Church, Evangelical Church, property, rental of church property, records management.

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 39. – P. 12–17)

Хрысціянскія канфесіі мелі разгалінаваную адміністрацыйна-тэрытарыяльную структуру на беларускіх землях, якая ўдасканалвалася на працягу іх існавання, аднак ніжэйшыя іх прадстаўніцтвы, такія як цэрквы, касцёлы і кірхі незалежна ад гэтага атрымлівалі грашовую і зямельную падтрымку ад прыхаджан. Нерухомыя і рухомыя маёмасці з'яўляліся для духавенства крыніцай прыбыткаў, якія накіроўваліся на падтрымку кліру і ўтрыманне храмаў, што патрабавала значнага дакументавання ўсіх дзеянняў для надання ім прававога статусу. Аднак у гістарыяграфіі пераважная ўвага акцэнтуюцца на непасрэдна гаспадарча-фінансавай і прававой праблематыцы. Напрыклад, А.М. Філатава канстатавала, што прадстаўніцтвы праваслаўнай, уніяцкай, лютэранскай і рэфарматарскай цэркваў маглі распараджацца даходамі ад фондушоў і сдачы ў арэнду маёмасцей, дала характарыстыку прыбыткаў ад маёмасцей рымска-каталіцкай царквы [1, с. 44; 47–49; 56–57; 78–79; 91; 134]. У дачыненні ўніяцкага святарства праблематыку арэндных адносін адзначыў Д.В. Лісейчыкаў [2, с. 80]. Расійскія даследчыкі А.В. Іванова і М.М. Уладзіміраў разгледзелі эвалюцыю асноўных прававых падыходаў да арэнды маёмасцей і прыйшлі да высновы, што нарматыўныя дакументы толькі акрэслівалі дамоўныя адносіны, нават на ўзроўні дэфініцыі асноўных паняццяў [3]. Д.А. Самародаў вылучыў вехамі развіцця расійскага грамадзянскага і дамоўнага права першую чвэрць XVIII ст., калі пад уплывам заходне-еўрапейскіх традыцый і інстытутаў яны былі сфарміраваны ў Расійскай імперыі, і 1830-я гг., калі асноўныя палажэнні былі кадыфікаваны ў Зводзе законаў Расійскай імперыі і выкарыстоўваліся да пачатку XX ст. [4, с. 37–38]. Пры гэтым дамоўная дакументацыя канфесіянальных прадстаўніцтваў з пункту гледжання справаводства і кампаратывны аналіз яе вядзення органамі епархіяльнага кіраўніцтва хрысціянскіх канфесій не выступалі аб'ектамі спецыяльных даследаванняў.

Матэрыял і метады. Дамоўная дакументацыя шырока прадстаўлена ў архіўных фондах органаў канфесіянальнага кіраўніцтва за перыяд іх функцыянавання [5–11], што дала магчымасць з прымяненнем гісторыка-генетычнага і гісторыка-параўнальнага

метадаў выявіць змены ў відавым складзе дакументаў, спецыфіку іх зместу, справаводства і падыходаў да апэратывнага і пастаяннага захоўвання ў згаданых органах. Пры гэтым параўноўваліся азначаныя аспекты ў вядзенні дамоўнай дакументацыі органамі епархіяльнага кіраўніцтва хрысціянскіх канфесій на беларускіх землях у канцы XVIII – пачатку XX ст., а таксама яе адпаведнасць агульнадзяржаўным патрабаванням [12–16]. Гэта дазволіла выявіць ролю органаў канфесіянальнага кіраўніцтва ў рэгуляванні дамоўных адносін [17–19].

Вынікі і іх абмеркаванне. Дамоўная дакументацыя з'яўляецца асобнай падсістэмай канфесіянальнай справаводнай дакументацыі, якая аб'ядноўвае дакументы па перадачы маёмасці (зямлі, пабудовы, іх частак) ў арэнду, яе продажы або абмене канфесіянальнымі прадстаўніцтвамі, а таксама выкананні розных работ на іх карысць [3, с. 9]. У заканадаўстве Расійскай імперыі царкоўныя маёмасці вылучаліся ў асобную катэгорыю, а стараверы і сектанты атрымалі права валодання і распараджэння імі пасля 1905 г. [15, арт. 413]. Пры гэтым выкарыстоўваўся комплекс дакументаў абумоўлены патрабаваннямі расійскіх нарматыўных актаў у азначанай сферы і справаводстве і спецыфікай кожнай з канфесій [14, спр. 19, арк. 692–712адв.; 16]. Асноўнымі відамі дакументаў былі рапарт прадстаўніка духавенства, праект і кантракт, журналы (пратакты ў евангелічных абшчынах). Да іх у выпадку арэнды самімі канфесіянальнымі прадстаўніцтвамі маёмасцей давалася перапіска з органамі дзяржаўнай улады і ўказы органаў канфесіянальнага кіраўніцтва і кіраўнікоў епархій, а ў выпадку прадстаўлення іншых уладальнікаў таксама даверанасці на распараджэнне маёмасцю, пры неабходнасці – прашэнні прыватных арандатараў. Пры наняцці работнікаў для выканання будаўніча-рамонтных прац у справах маецца праектная і тэхнічная дакументацыя (схемы, чарцяжы, мапы), якая ўзгадняялася з губернскім архітэктарам з 1826 г. для праваслаўнай царквы і 1830 г. – для інаслаўных [12, т. 1, арт. 186; т. 5, арт. 4165]. Акрамя гэтых дакументаў, далучаліся акты, сметы, тлумачальныя запіскі да іх, перапіска з канфесіянальным кіраўніцтвам і органамі дзяржаўнай улады, квіткі.

Рапарты і журналы (пракаколы) як унутрыканфесіянальныя дакументы складаліся на мове канфесій да ўвядзення патрабаванняў па рускамоўным афармленні. У рымска-каталіцкай царкве гэта пачалося з 1840-х гг. [6, воп. 24, спр. 3050, арк. 1–5; воп. 32, спр. 129, арк. 1–3адв.], а ўніяцкая і евангелічныя царквы ў справаходстве карысталіся дзвюма мовамі. Першая са згаданых – рускай і польскай, а другія – нямецкай і польскай [7, спр. 15]. Рапарты накіроўваліся ў органы епархіяльнага кіраўніцтва і насілі інфарматыўны і суправаджальны характар. У першым выпадку кансісторыям і кіраўнікам епархіяльных адзінак паведамлялася пра намер мясцовага духавенства распарадзіцца маёмасцю і ход узгаднення справы, а ў другім – перадача дакументаў на разгляд. Незалежна ад пазначанага, рапарты ўключалі адрасата і адрасанта, дату і месца складання, а іх змест падзяляўся на ўступ з характарыстыкай абставінаў справы пры неабходнасці і канкрэтныя дзеянні, пра якія паведамлялася. У праваслаўнай царкве ролю пасрэдніка паміж ніжэйшым клірам і кансісторыямі выконвалі благачынныя, а ў рымска-каталіцкай – дэканы, што ўпарадкавала падачу заяў да разгляду. Журналы і пратаколы як від пратакольнай дакументацыі мелі вызначаную форму [20]. Пры гэтым зацверджаны епіскапам чыставы асобнік выніковага журналу далучаўся да справы аб арэндзе ў праваслаўных кансісторыях [5, спр. 18306, арк. 5–8адв.], а чарнавыя асобнікі – у рымска-каталіцкіх [6, воп. 2, спр. 3376; воп. 6, спр. 402].

Найбольш цікавымі відамі дакументаў з’яўляюцца кантракты як пісьмовыя дамовы, якія заключаліся па ўзаемным пагадненні бакоў. У справаходстве органаў епархіяльнага кіраўніцтва кантракты адпавядалі па класіфікацыі цывільнай дакументацыі явачным актам, пад якімі разумеліся “наёмныя запісы” – акты аб найму або перадачы ва ўтрыманне нерухамай маёмасці, а таксама “падрадныя запісы” або “дамовы”, якімі адзін з бакоў уласным коштам абяцаў выканаць працы або даставіць рэчы, а іншы – аплаціць [21, с. 27–28].

Дамовы (кантракты) складаліся ў некалькіх асобніках у залежнасці ад колькасці бакоў, аднак гэта не адзначалася на саміх дакументах. Уніяцкімі кансісторыямі ў пачатку XIX ст. кантракты складаліся на польскай або рускай мовах [9, воп. 1, спр. 2, арк. 35], а іншымі – на мовах афармлення ўнутрыканфесіянальнай дакументацыі. Аднак, калі ўнутраная дакументацыя афармлялася на звычайнай паперы, то кантракты – на гербавай паперы [6, воп. 28, спр. 9, арк. 1–2; 7, воп. 1, спр. 173, арк. 2–2адв.; 10, воп. 8, спр. 19]. Пераважна яны захоўваліся ў кансісторыях і прадстаўніцтвах веравызнання, а таксама ў контрагента. Пры гэтым у кансісторыях яны фарміраваліся ў адпаведныя справы, а ў рымска-каталіцкіх таксама капіраваліся ў справы пратаколаў кантрактаў у 1830-я гг. [6, воп. 27, спр. 101]. Гэта, відавочна, звязана з колькасцю скаргаў, падчас разгляду якіх адзначалася, што часам маёмасці здаваліся без дамовы, а таксама на невыгодных і незаконных умовах, або ў выпадку неаплаты прадстаўніцтвамі царквы пра-

цы падрадчыкаў. З-за колькасці зваротаў, у прыватнасці, Магілёўскай рымска-каталіцкай кансісторыяй пацвярджалася неабходнасць узгаднення з ёю ўсіх дамоў [6, воп. 28, спр. 9, арк. 16–16адв.]. Гэты тэзіс пацвярджае скарга Віктара Александровіча, арандатара зацэнка Паўлікава Рэжыцкага пав. Віцебскай губ., на пробашча Дрысенскага касцёла Юзафа Вайцахоўскага [6, воп. 6, спр. 141, арк. 4–7, 12–17].

Расійскімі нарматыўнымі дакументамі рэгламентаваўся парадак заключэння дамоў [15, арт. 571]. У прыватнасці, апісанне маёмасцей ажыццяўлялася ў прысутнасці 2–3 сведак саслоўнай прыналежнасці як уласнік, аднак маглі абысціся без апошняга [22, с. 146]. У дачыненні канфесіянальных прадстаўніцтваў рашэнні аб продажы маёмасцей прымалі Сінод, Рымска-каталіцкая калегія, Генеральная евангелічна-лютэранская кансісторыя на правах губернскіх месцаў, а таксама Літоўскі сінод [15, арт. 1503]. Найбольш значныя справы разглядаліся праз органы дзяржаўнага кіраўніцтва з 1831 г. [12, т. 6, арт. 4544].

Неабходна адзначыць, што набыццё і продаж маёмасцей адбываліся радзей за іх перадачу прадстаўніцтвамі ў арэнду, што, відавочна, звязана з перавагамі апошняга з пазначаных віду дамоўных адносін як крыніцы прыбытку. Напрыклад, Полацкая ўніяцкая кансісторыя ў 1826 г. ад арэнды атрымлівала 5860 руб. 32 кап. [10, воп. 5, спр. 54, арк. 175–175адв.]. Але, гэты спосаб не з’яўляўся абсалютна надзейным з-за магчымасцей нявыплат, як у 16 арандатараў пляцаў Полацкага Сафійскага сабору, якія затрымалі 1200 руб. 50 кап. [9, воп. 1, спр. 2, арк. 9–9адв.].

Арандатарамі маглі выступаць прыватныя асобы, органы дзяржаўнай улады і ўласна кансісторыі, а таксама святарства. Першыя маглі быць мясцовымі жыхарамі або мець працоўныя сувязі з органамі епархіяльнага кіраўніцтва. Пры гэтым, царкоўныя землі, якія перадаваліся членам праваслаўнага прычту, маглі імі перадавацца ў арэнду, але не пад будаўніцтва [15, арт. 1700, 1711, 1712; 17, арт. 106, 137]. У першым са згаданых выпадкаў па прадстаўленні благачынных у кансісторыях арганізаваліся таргі, на якія заяўляліся зямельныя памеры або пабудовы, і ўмовы арэнды. У выпадку адсутнасці конкурсу маёмасці маглі здавацца любому прэтэндэнту па ўзгадненні з кансісторыяй, як у 1816 г. адбылося з млынамі Пінскага Багаяўленскага і Слуцкага Спаса-Іллінскага манастыроў, калі на іх з’явіўся толькі пасэсар казённага с. Мухаед Рэчыцкага пав. Якаў Казлоўскі, які прапанаваў па 60 руб. асігнацыямі штогадова на 12 гадоў [5, спр. 4165, арк. 13–14адв.].

Перадача ў арэнду прадстаўнікам духавенства і служачым кансісторыі вырашалася праз апошнюю па рэзалюцыі кіраўніка епархіяльнай адзінкі. Будынкі для органаў епархіяльнага кіраўніцтва знаходзіліся ў веданні кансісторыі пад наглядом епархіяльнага кіраўніка [17, арт. 140–141]. Напрыклад, канцылярыст Мінскай праваслаўнай кансісторыі Канстанцін

Зяленскі ў 1845 г. прасіў пляц зямлі архірэйскага дома пад назвай Круты Бераг за гарадскім садам па цячэнні Свіслачы [5, спр. 19253, арк. 1–3адв.].

З прапановай арэнды маглі звяртацца таксама дзяржаўныя органы. Напрыклад, у 1808 г. ініцыявала арэнду памяшканняў губернскае праўленне для захавання солі, якую збіраліся перамясціць з арганізацыяй 40 амбараў у наступным годзе ў м. Парычы [5, спр. 2090, арк. 1–3адв.]. У 1853 г. Быхаўскае павятовае казначэйства арандавала дом плябані мясцовага касцёла [6, воп. 2, спр. 4438], а ў 1874 г. – Палата дзяржаўных маёмасцей у Нідзермуйжскага касцёла памяшканні для землямераў [6, воп. 2, спр. 6151].

Арандатарамі выступалі і кансісторыі, як Магілёўская рымска-каталіцкая ў 1845–1848 гг. для ўласнага размяшчэння ў каменным доме купца Шая Шура на вул. Ветранай [6, воп. 2, спр. 3165, арк. 1–2адв.], а пасля пажару ў Магілёве 1847 г. перамясцілася ў новыя памяшканні, якія належалі купцу Гіршу Аранзону [6, воп. 2, спр. 3165, арк. 24–27адв.].

Уступ кантракту быў уніфікаваным і ўключаў даціроўку і пазначэнне бакоў, абставінаў заключэння дамовы. У асноўнай частцы апісвалася нерухомае маёмасць і колькасць сялян. Акрамя таго, у дамовах арэнды пазначаўся тэрмін і кошт (лічбамі і пропісцю). Напрыклад, Слуцкая Успенская Мікалаеўская саборная царква не мела акрамя Пасадскай гары зямлі і яе палова перадавалася ў арэнду сялянам за 300 руб. срэбрам штогод. У той час падкрэслівалася наяўнасць межавой мапы і фундушоў на зямлю [5, спр. 40603]. У 1870 г. 18 дз. 850 саж. зямлі Новасвержанскай Успенскай царквы з-за аддаленасці ад месца жыхарства прычту перадавалася ў арэнду мясцовым жыхарам за 30 руб. срэбрам у год [5, спр. 40902, арк. 118–122]. Пры гэтым у пачатку XX ст. магілёўскім епархіяльным кіраўніцтвам адзначалася, што попыт на здачу ў арэнду царкоўных зямель узрос [8, воп. 1, спр. 139, арк. 17–56].

У асноўнай частцы кантракта паслядоўна прад'яўляліся правы і абавязкі гаспадара і арандатара, правілы карыстання маёмасцю, адказнасць за пашкоджанне. Адсутнасць любога з пазначаных элементаў з'яўлялася прычынай накіравання кантракту на дапрацоўку [6, воп. 6, спр. 138, арк. 3–бадв.]. Гэтыя ўмовы падзяляліся на неабходныя і адвольныя [15, арт. 1425–1428]. У кантракце, падпісаным 25 чэрвеня 1818 г. з Я. Казлоўскім, падрабязна былі распісаны абавязкі арандатара з пазначэннем даты выплат – 25 чэрвеня, а таксама кампенсацыю выдаткаў на рамонт. Пры пратэрміноўцы арандатар павінен быў выплаціць 660 руб. пад гарантыяй уласнай рухомай і нерухомай маёмасці незалежна ад месца яе знаходжання [5, спр. 4165, арк. 38–39], хаця ў адпаведнасці з нарматыўнымі актамі Расійскай імперыі за гэта фізічнай асобе накладалася аднаразовае спагнанне ў памеры 3% ад невыплачанай сумы [15, арт. 1573]. Усім арэндадаўцамі прадугледжвалася магчымасць перадачы маёмасцей іншаму арандатару пры невыкананні ўмоў нават да зносу пабудовы арандатара

[9, воп. 1, спр. 2, арк. 35]. У іншым выпадку пры нявыплаце арэнды эканомія архірэйскага дома мела права забраць маёмасці разам з пабудовамі без суда [5, спр. 19253, арк. 1–3адв.]. Мог прадугледжвацца далейшы лёс маёмасцей. Так, пасля заканчэння тэрміну арэнды па яе ўмовах К. Зяленскім, калі будуць прэтэндэнты з вышэйшай аплатай, то маёмасці перадаваліся б ім, аднак К. Зяленскаму яны павінны былі выплаціць па агульнай ацэнцы кошт пабудовы. Яму на працягу арэнды забаранялася перадаваць арэнду з таргоў і пад карчму [5, спр. 19253, арк. 1–3адв.]. Пры перадачы ў арэнду Слуцкай кірхай пляцу Лейзеру Беніямінавічу Гельфанду на 3 гады за 180 руб. штогадова на ўмове перадаплаты і 30 кап. штодзённа пры ператэрміноўцы прапісвалася, што арандатар захоўваў сад, але збіраў садавіну і павінен быў вызваліць зямлю з выпадку яе продажы або будаўніцтва дома для пастара [7, воп. 1, спр. 173, арк. 6–бадв.].

Істотнай структурнай часткай кантракта з'яўляліся яго ўмовы, якія былі вызначаны ацэнкай маёмасці, яе якасцямі, рынкавай сітуацыяй, прававымі абмежаваннямі, патрэбамі канфесіянальнага прадстаўніцтва. Кошт маёмасці пры яе набыцці ў часовае або пастаяннае карыстанне залежаў ад дзяржаўных расцэнак. Напрыклад, эмхерынскі парох Рыгор Акаловіч узяў у арэнду плебанію ў мясцовага адміністратара Юзафа Нарбута. Паводле інвентара 1823 г. яна каштавала 120 руб., а праз тры гады – на 30 руб. ніжэй, што выклікала скаргу арандатара на адміністратара ў кансісторыю [10, воп. 6, спр. 2, арк. 1–1адв.]. У іншым выпадку знізіць кошт арэнды па стане пабудовы і спустошанасці зямлі ўгоддзя Мярзінка Стыглоўскага касцёла з-за перадачы ў штогадовае ўтрыманне розным арандатарам з адначасовым павелічэннем тэрміну да 9 гадоў прасіў пробашч Ян Валентыновіч. Пры гэтым сярод умоў была акрэслена колькасць галоў хатняй жывёлы і дрэў, магчымасць арганізацыі дазволенах заканадаўствам Расійскай імперыі прамысловых пабудовы, а таксама супрацьпажарнай бяспекі або страхаванне ад пажару [6, воп. 6, спр. 138, арк. 2–бадв.].

У выпадку адзінай заявы на таргі арандатар мог прапанаваць уласны кошт, як Я. Казлоўскі суму ў 60 руб. асігнацыямі штогадова. Пры гэтым ён абяцаў упарадкаваць і адбудаваць млыны, аднак калі дрэва будзе бясплатным або не выплочваць арэнду за адзін год, паставіць новыя камяні, адрамантаваць масты і іншую неабходную для дзейнасці млыноў інфраструктуру [5, спр. 4165, арк. 13–14адв.]. Цікава вызначаўся кошт арэнды для К. Зяленскага. Ён планаваў узвесці на пэўнай тэрыторыі ў 160 кв. сажань дом і іншыя пабудовы за аплату па 1 кап. срэбрам, што складала гадавы чынш 1 руб. 60 кап., а таксама выконваць гарадскія павіннасці [5, спр. 19253, арк. 1–3адв.]. Кошт арэнды келляў Пінскага Багаяўленскага праваслаўнага манастыра прапаноўвалася вызначаць па захоўваемым пудам солі: па 1 кап. за 1 пуд солі [5, спр. 2090, арк. 1–3 адв., 7–8адв.]. Калі ўмовы былі невыгодныя, то адмаўлялася ў здзелцы,

напрыклад у 1897 г. дваранка Міхаліна Фабіянаўна Няміра прапанавала выкупіць арэндны пляц зямлі Мінскага кафедральнага сабора за 300 руб., аднак сажань у гэтым месцы каштавала 10 руб., а ў яе прапанове атрымлівалася па 50 кап., таму ёй было адмоўлена ўказам [5, спр. 41738, арк. 3–4].

Неабходна таксама адзначыць, што пры перадачы маёмасцей паміж канфесіянальнымі прадстаўніцтвамі арэндныя адносіны не прыпыняліся. У 1830 г. Полацкай кансісторыяй ад імя епіскапа быў аддадзены на год пляц зямлі полацкай архікатэдры на вул. Палтаўскай полацкаму мешчаніну Моўшу Абрамовічу-Рагольскаму за 2 руб. асігнацыямі штогадова. Пры гэтым яму дазвалялася будаваць і жыць на гэтым месцы, а таксама здаваць яго ў арэнду пры ўзгадненні з кансісторыяй. Кантракт падпісалі эканом архірэйскага дома і полацкі дэкан. Арэндныя адносіны працягваліся да 1838 г. і штогадова афармляліся квіткі аб аплаце арэнды. Пры гэтым пляц перайшоў да семінарыі ў 1835 г. разам з арэндай. Квіток уключаў імя і прозвішча арандатара, дату і суму, што замацоўвалася падпісам сакратара арэндадаўцы [10, воп. 8, спр. 19].

Нарматыўнымі актамі Расійскай імперыі арэндныя адносіны прадугледжваліся на тэрмін да 12 гадоў. Таму значным выключэннем з’яўляецца арэнда маёмасці Магілёўскай Успенскай царквы Аронам Нісанавым Галынкіным ў 1857 г. на 25 гадоў з 1 красавіка 1857 па 1882 г. [8, воп. 1, спр. 27, арк. 32–33адв.]. Мінімальны тэрмін складаў год, што часта выкарыстоўвалася ўніяцкай царквой. Так, у 1813 г. пляц Полоцкага ўніяцкага кафедральнага сабора ў Валатоўках аддалі Лейзеру Рыбакову на год за 1 руб. 50 кап. [9, воп. 1, спр. 2, арк. 35].

Дамовы заключаліся таксама на будаўніцтва, напрыклад, новай драўлянай царквы пры Будніцкім манастыры ў 1851 г. Спачатку складаўся тарговы ліст, а падчас таргоў была аформлена табліца: прадмет торгу, аб’яўлены кошт, прапановы з пазначэннем кошту [8, воп. 1, спр. 27, арк. 5–6]. Кантракты таксама заключаліся на рамонт пабудов. Напрыклад, Мінская рымска-каталіцкая кансісторыя ў 1845 г. такім чынам аформіла з майстрамі па выкладцы цэглы Іванам Грыгаровічам, Феліцыянам Галіўскім, а таксама цесляром Ёселем Коганам, якія павінны былі рамантаваць будынак кансісторыі [6, воп. 24, спр. 2256, арк. 6–бадв.]. У 1850 г. Мінскай рымска-каталіцкай кансісторыяй быў заключаны кантракт з купцом Еляй Ляхоўскім на ўзвядзенне двухпавярховай прыбудовы за 730 руб. У апошнім выпадку далучаліся таксама планы прыбудовы, акт агляду дома членамі Мінскай губернскай будаўнічай камісіі (інжынерам, архітэктарам і яго памочнікам), тлумачальная запіска да сметы, прыхода-расходная кніга пабудовы, квіткі на суму [6, воп. 24, спр. 3376, арк. 13–22адв., 65–75адв., 76–77, 112].

Пры найме на выкананне пэўных работ пазначацца павінен быў кошт, а таксама забеспячэнне працоўных утрыманнем і месцам жыхарства падчас працы. Апошнія кансісторыямі не адзначалася, пераважна

таму, што наймалі яны мясцовых работнікаў, як мешчаніна П. Пяткевіча для рамонту печаў у мінскай праваслаўнай кансісторыі [5, спр. 17374, арк. 8–9], або А. Сядова для пашырэння сцеляжнай плошчы ў архіве магілёўскай кансісторыі. У апошнім выпадку дадаваліся заключэнні архітэктара А.Д. Фіялкоўскага і наглядача будынкаў Рымска-каталіцкай духоўнай калегіі і архідыяцэзіяльнага кіраўніцтва Л. Ляскевіча, а дамоўленасці былі вуснымі. Цікава, што з А. Сядова бралі распіску аб бясплатным выпраўленні недахопаў выканання работ [6, воп. 25, спр. 42, арк. 94–95, 100–100адв., 103–104].

Падпіс ставіўся ў тым жа радку, дзе заканчваўся змест кантракту. Без засведчання дамова лічылася несапраўднай, а на працягу сямі дзён пасля гэтага можна было ўносіць змены. Пры непісьменнасці асобы прадугледжвалася прысутнасць паверанай асобы з азначэннем гэтых абставін у акце, чым часта карысталіся органы епархіяльнага кіраўніцтва [21, с. 110–119]. У вядзенні дамоўнай дакументацыі лютэранскіх царкваў мела спецыфіка. Дамовы падпісваліся намеснікам савета кірхі і яго членамі. Напрыклад, у Мінскай кірсе яе падпісалі 7 чалавек у 1884 г. пры здачы кватэры на вул. Захар’еўскай на год стаматолагу Браніславу Францавічу Канстаньскаму за 330 руб. Яму таксама прапісвалася права карыстання вадой, а выплаты ён павінен быў уносіць кожную трэць года і яны афармляліся распіскамі члена савета, на адваротным баку або ніжэй дамовы [7, воп. 1, спр. 173, арк. 2–2адв.]. Пробсты лютэранскіх кірхаў замацоўвалі кантракты таксама натарыяльна. Напрыклад, у 1871 г. кантракт на шасцігадовую арэнду аптэкі Слуцкай кірхі паміж правізарам В. Шмідтам і Мінскай кірхай быў замацаваны публічным натарыусам О. Нефцелем [7, воп. 1, спр. 104, арк. 5–6].

Заклучэнне. Такім чынам, дамоўная дакументацыя па функцыянальным прызначэнні і сукупнасці дакументаў можа падзяляцца на распараджэнне нерухомымі маёмасцямі і будаўніча-рамонтныя працы. Агульнымі відамі дакументаў з’яўляліся дамова, перапіска (рапарты, адносіны і інш.) з органамі епархіяльнага і мясцовага кіраўніцтва, копіі журналаў. У першым выпадку імі і абмяжоўваліся, а ў другім – дадавалася практная і тэхнічная дакументацыя. Мела адрозненне апісанне зместу дамоўнага дакумента – кантракта. У ім прапісваліся або памеры маёмасці і колькасць насельніцтва, або рабіліся спасылкі на практную і тэхнічную дакументацыю, якая дадавалася, а таксама атрыманыя дазволы з падрабязным апісаннем будаўнічых матэрыялаў і іх гатункаў, і падпісваў акрамя контрагентаў архітэктар. Пры вядзенні дамоўнай дакументацыі захоўвалася нарматыўная база Расійскай імперыі ў парадку і афармленні асноўных відаў дакументаў, а канфесіянальная спецыфіка працягвалася ў моўных аспектах, этапах узгаднення і захоўванні дакументацыі.

Контрагентамі выступалі дзяржаўныя органы і ўстановы, духавенства і прыватныя асобы. Праваслаўная,

рымска-каталіцкая і ўніяцкая цэрквы ў асноўным перадавалі ў арэнду зямельныя або нерухомыя маёмасці, таму арандатарамі былі пераважна сяляне або памешчыкі, а пратэстанцкія кірхі, якія змяшчаліся ў гарадах, часта здавалі памяшканні, таму сярод прыватных асоб было больш мяшчан. Канфесіянальная палітыка ў дачыненні маёмасцей таксама адрознівалася. Праваслаўныя і рымска-каталіцкія прадстаўніцтвы маглі перадаваць у арэнду маёмасці на 12 гадоў, уніяцкія пераважна аддавалі на год з далейшым працягам адносін, а лютэранскія – ад трох да шасці гадоў. Пры гэтым апісваліся канкрэтныя абавязкі пры невыкананні ўмоў, вызначаныя стаўленнем органаў канфесіянальнага кіраўніцтва.

Улічваючы распаўсюджанасць, відавы склад і захаванасць дамоўнай дакументацыі ў справядстве органаў епархіяльнага кіраўніцтва хрысціянскіх канфесій, яе інфармацыйны патэнцыял не абмяжоўваецца гаспадарча-фінансавым станам прадстаўніцтваў, і можа быць цікавым для даследчыкаў грамадзянскага права, эканомікі, справядства, архіўнай справы, генеалогіі і іншых навук і дапаможных дысцыплін.

Літаратура

1. Филатова, Е.Н. Конфессиональная политика царского правительства в Беларуси. 1772 – 1860 гг. / Е.Н. Филатова. – Минск: Белорус. наука, 2006. – 192 с.
2. Лісейчыкаў, Д.В. Штодзённае жыццё ўніяцкага парафіяльнага святара беларуска-літоўскіх зямель 1720–1839 гг. / Д.В. Лісейчыкаў. – Мінск: Медысон, 2011. – 198 с.
3. Иванова, Е.В. Аренда земли в истории российского государства / Е.В. Иванова, Н.Н. Владимиров // *Oeconomia et Jus*. – 2017. – № 4. – С. 7–12.
4. Самородов, Д.А. К вопросу о сущности гражданско-правового договора и договорного права / Д.А. Самородов // *Вестн. Моск. ун-та имени С.Ю. Витте. Сер. 2. Юридические науки*. – 2023. – № 1(36). – С. 35–42. – DOI 10.21777/2587-9472-2023-1-35-42.
5. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГА Беларусі). – Ф. 136. Воп. 1.
6. НГА Беларусі. – Ф. 1781.
7. НГА Беларусі. – Ф. 1952.
8. НГА Беларусі. – Ф. 2301.
9. НГА Беларусі. – Ф. 2531.
10. НГА Беларусі. – Ф. 3245.
11. Lietuvos nacionaline Martyno Mažvydo biblioteka. – F. 93. Lietuvos evangelikų reformatų sinodas. VII.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе: в 55 т. СПб.: Тип. II отд. собств. ЕИВ канцелярии, 1830–1884.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье: в 33 т. – СПб.: Тип. II отд. собств. ЕИВ канцелярии, 1884–1913.
14. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1329. Оп. 1.
15. О порядке приобретения и укрепления прав на имущества вообще // *Свод законов Российской империи*. – Санкт-Петербург: Печатано в типографии II-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1857. – Т. 10. – 1857. – С. 73–181.
16. Свод учреждений государственных и губернских // *Свод законов Российской империи*. – Санкт-Петербург: Печатано в типографии II-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1832. – Т. 2. – 1832. – 1042 л.
17. Устав духовных консисторий – Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1843. – 193 с.
18. Устав духовных консисторий с дополнениями и разъяснениями Святейшего Синода и правительствующего Сената / сост. М.Н. Палибин. – Санкт-Петербург: Юридический книжный магазин Н.К. Мартынова, 1900. – 232 с.
19. Lietuvos valstybės istorijos archyvas. – F. 694. Ap. 1. V. 1686, 1687.
20. Антановіч, З.В. Пратакольная дакументацыя кансісторый хрысціянскіх веравызнанняў у беларускіх губернях (па матэрыялах Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі) / З.І. Антановіч // *Религия и общество – 11: сборник научных статей / под общ. ред. В.В. Старостенко, О.В. Дьяченко*. – Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2017. – С. 90–92.
21. Варадинов, Н. Делопроизводство или теоретическое и практическое руководство к гражданскому и уголовному, коллегияльному и одноличному письмоводству, к составлению всех правительственных и частных деловых бумаг и к ведению самых дел, с приложением к оным образцов и форм. – Санкт-Петербург: Тип. Я. Трея, 1857. – 586 с.
22. Дегай, П.И. Учебная книга российской гражданской судопроизводства губерний и областей на общих правах состоящих, составленная для Императорского Училища праведения Павлом Дегаем. – Изд-е 3-е согласов. с послед. изд. Свода Законов. – Санкт-Петербург: Тип. Е. Фишера, 1846. – 250 с.

Паступіў у рэдакцыю 05.03.2024

Формирование и сохранение культурной памяти о бужских голендрах в Беларуси и Германии

Гавриленко К.Е.

Учреждение образования «Республиканский институт высшей школы», Минск

В статье рассматриваются важные составляющие процесса формирования и сохранения культурной памяти о бужских голендрах – коммеморативные практики.

Цель данной публикации – проследить и проанализировать процесс формирования и сохранения памяти о бужских голендрах в Беларуси, осуществляемый по средствам коммеморативных практик.

Материал и методы. Основными источниками изучения являются отчетные материалы о проведении мемориальных мероприятий, протоколы собраний, брошюры организаций и обществ, занимающихся коммеморацией, публикации в периодических новостных изданиях. В ходе исследования были использованы специально-исторические методы: историко-генеалогический, историко-сравнительный и историко-системный.

Результаты и их обсуждение. Процесс формирования и сохранения памяти можно датировать первой половиной 1940-х гг. Реально говорить, что память о голендрах в Беларуси формируется и сохраняется в рамках краеведения. Анализируя коммеморативные практики, осуществляемые в Германии, следует заметить, что они направлены на генеалогические исследования, создание цифровых ресурсов, а также на развитие ностальгического туризма [10].

Заключение. Подводя итог, хотелось бы отметить несколько закономерностей и особенностей в процессах формирования и сохранения культурной памяти о бужских голендрах в Беларуси и Германии. Коммеморация в изучаемых странах представлена широким спектром практик. К ним относятся научные исследования, мемориализация, генеалогические исследования, ностальгический туризм, издание книг, брошюр, фотоальбомов. Однако говорить о массовом характере данных процессов нельзя. Благодаря развитию сети Интернет и личным контактам акторов этих процессов наблюдается создание единой культурной памяти о прошлом бужских голендров.

Ключевые слова: бужские голендры, культурная память, коммеморация, мемориализация, визиты потомков, генеалогические исследования.

(Ученые записки. – 2024. – Том 39. – С. 18–22)

Shaping and Preservation of Culture Memory about Bug Golendra in Belarus and Germany

Gavrilenko K.E.

Education Establishment "National Institute for Higher Education", Minsk

Important components of the process of shaping and preservation of culture memory about Bug Golendra which is commemorative practices.

The purpose of the article is to trace and analyze the process of shaping and preservation of the memory about Bug Golendra in Belarus by means of commemorative practices.

Material and methods. Main study sources were reporting materials about memorial events, minutes of meetings, brochures by institutions and bodies which deal with commemoration, periodical news publications. Special historical methods were used in the research: the historical genetic, the historical comparative and the historical and system.

Findings and their discussion. The process of shaping and preservation of the memory can be dated back to the early 1940s. It is quite possible to state that the memory about Golendra in Belarus is shaped and preserved within land studies. Analysing commemorative practices in Germany it should be pointed out that they are directed at genealogical research, creation of digital resources as well as at the development of nostalgic tourism [10].

Conclusion. Several regularities and peculiarities in the process of shaping and preservation of the culture memory about Bug Golendra in Belarus and Germany should be mentioned in conclusion. Commemoration in the studied countries is presented by a wide range of practices. They include research, memorialization, genealogical research, nostalgic tourism, publishing books, booklets and photo albums. However, one can not consider these processes to be wide spread. The Internet and personal contacts of the actors of these processes lead to shaping joint culture memory about the past of Bug Golendra.

Key words: Bug Golendra, culture memory, commemoration, memorization, descendants' visits, genealogical research.

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 39. – P. 18–22)

В статье рассматриваются неотъемлемые составляющие процесса формирования и сохранения культурной памяти о бужских голендрах – коммеморативные практики. На основе анализа материалов устной истории, публикаций в СМИ, осуществляемых практик по увековечиванию прошлого, прослеживаются главные тенденции и закономерности процесса формирования и сохранения культурной памяти. Приводится сравнительный анализ осуществляемых в Беларуси и в Германии коммеморативных практик. Цель данной статьи – проследить и проанализировать процесс формирования и сохранения памяти о бужских голендрах в Беларуси, осуществляемый посредством использования коммеморативных практик.

Материал и методы. Комплексное изучение истории Беларуси невозможно без анализа поликультурного наследия страны. Беларусь являлась и является родиной многих народов и социокультурных групп. На протяжении трех столетий на территории современного Брестского района (Домачевский, Знаменковский и Томашовские сельские советы) республики проживали общины бужских голендров – полинациональная и поликонфессиональная группа лично свободных крестьян-чиншевиков. Голендры создали целую систему поселений, которая включала в себя «материнские» колонии Нейдорф и Нейбров и более десятка «дочерних» колоний на приграничных территориях Беларуси, Польши и Украины. В этих колониях проживали немцы и поляки, лютеране и католики. В годы Второй мировой войны практически все бужские голендры покинули территорию Беларуси и переселились в Германию (восточная часть страны) [1, с. 18].

В последние десятилетия наблюдается рост интереса к прошлому голендров, который активизировал процесс формирования и сохранения культурной памяти о них. Перед белорусским обществом и представителями потомков бужских голендров стоит важная задача по формированию культурной памяти о истории этой социокультурной группы. В отличие от коммуникативной, культурная память является долговременным «хранилищем» сведений о прошлом. Коммуникативная память (иными словами «живая память») связана с устной трансляцией воспоминаний о былом между поколениями, что неизбежно приводит к потере сведений. Культурная память предполагает сохранение сведений о прошлом в культуре (семиотическом пространстве), которая существует продолжительнее жизни трех-четырёх поколений, ограничивающих коммуникативную память. Важным элементом формирования культурной памяти являются коммеморационные практики, направленные на формирование и сохранение коллективных представлений общества о прошлом. К коммеморационным практикам относятся: мемориализация, музеефикация, проведение мемориальных и просветительских мероприятий, организация

ностальгического туризма, сбор и издание документов и других источников, снятие документальных фильмов и пр. [2, с. 39–43]. Долгое время культурная память о бужских голендрах Беларуси и за рубежом формировалась отдельно друг от друга. В последние годы благодаря активному развитию Интернета стало возможным формирование единой культурной памяти.

Изучением вопросов формирования и сохранения различных видов социальной (в том числе и культурной памяти) занимались Пьер Нора, Юрий Лотман, Ян и Алейда Ассманы, Лорина Репина, Сергей Грунтов и др. [2, с. 13–14]. В историографии есть ряд работ, посвященных отдельным аспектам коммеморации прошлого голендров [3–5].

Основными источниками исследования являются отчетные материалы о проведении мемориальных мероприятий, протоколы собраний, брошюры организаций и обществ, занимающихся коммеморацией, публикации в периодических новостных изданиях, выпуски теленовостей, видео- и фотохроники мемориальных мероприятий, материалы устной истории. Также использовались материалы устной истории, записанные с жителями Домачевского сельского совета Брестского района. К числу интервьюеров относятся Галина Владимировна Пойта, Иван Анатольевич Прокопюк, Леонид Федорович Тарасевич, Николай Григорьевич Гончаров и др. В процессе работы были применены специально-исторические методы: историко-генетический, историко-сравнительный и историко-системный.

Результаты и их обсуждение. Начало процесса формирования и сохранения культурной памяти можно датировать первой половиной 1940-х гг. Во время Второй мировой и Великой Отечественной войн в ходе двух волн переселения (1940–1941 и 1943–1944 гг.) бужские голендры покинули территорию Беларуси. Колонии прекратили свое существование. Осознание того, что многовековая жизнь колонистов стала частью прошлого, вызвало желание сохранить память. Однако послевоенная ситуация в обществе осложнила начало данного процесса. На первый план вышли проблемы устройства своей жизни после войны. Большая часть голендров осталась жить в восточной части Германии (с 1949 г. – ГДР), другие переехали в западную часть (ФРГ) и иные страны [3, с. 32].

Опираясь на воспоминания потомков голендров, можно утверждать, что долгие годы бывшие колонисты открыто не говорили о своем прошлом. По имеющимся данным в первые два послевоенных десятилетия сохранение памяти не имело организованного характера, однако уже в этот период на уровне личных контактов бывшие колонисты пытаются поддерживать связь со «своими». Имело место сохранение памяти в семьях. Потомки переселенцев с бужских колоний в своих интервью рассказывают, что их родители пели им в детстве народные песни (на польском языке), рассказывали истории о местах своего детства и молодости, а в доме висело изображение

Нейдорф-Нейбровской кирхи. За отсутствием большего количества материалов, трудно утверждать, что данная тенденция была характерна для всех семей бывших колонистов.

К 1960-м гг. впервые появляется идея объединиться тем, кто испытывал ностальгию о «потерянном» прошлом. Первая встреча бужских голендров состоялась в 1962 г. в г. Герцике (Бранденбург, ГДР). Этот город был выбран местом встречи в связи с тем, что именно там проживала значительная часть бывших колонистов. В первой встрече приняло участие 67 жителей материнских и дочерних колоний. Следующая встреча вновь состоялась в Герцике спустя два года. Встреча 1964 г. была более многочисленной (106 человек). После 1964 г. масштабных встреч бывшие колонисты не проводили [4, с. 25–26].

Новый виток интереса к прошлому колоний возник в 1990-х гг. В начале последнего десятилетия XX века бывшие колонисты и их потомки спустя полвека осуществили поиски следов бужских колоний. Так, в 1995 и 1996 гг. первая группа жителей Германии посетила Домачевский сельский совет Брестского района [3]. О первых визитах сохранились видеозаписи. Приезд голендров и их потомков вызвал интерес у местных жителей, местной исполнительной власти и СМИ. Именно в этот период появляются первые договоренности о совместной деятельности по сохранению памяти. В периодической печати вышли первые заметки об истории колоний. Значимый вклад в сохранение памяти о голендрах в Беларуси внесли учителя истории школы г.п. Домачево Н.Г. Гончаров, Н.И. Гончарова, Т.В. Синявская, которые вместе с учащимися стали первопроходцами в сборе сведений о прошлом голендров. Данные сведения были использованы для пополнения фондов школьного музея и написания научно-исследовательских работ учащимися.

Интерес среди местного населения к истории голендров постепенно возрастал. Так, выпускник школы Домачево И.А. Прокопюк создал первый сайт, посвященный истории колоний Нейдорф и Нейбров [6]. Изначально история колоний являлась составной частью краеведческого сайта г.п. Домачево (2006) [7]. На веб-ресурсе были размещены отдельные источники о прошлом голендров. Примерно в 2008 г. Ивану Анатольевичу написал потомок бужских колонистов Зигфрид Людвиг, который нашел в Интернете краеведческий сайт. Его очень заинтересовали представленные на ресурсе материалы. Началась переписка об истории колоний. Господин Людвиг стал помогать краеведу в пополнении сайта сведениями. Примерно в 2010 г. возникла идея создать отдельный сайт об истории Нейдорф и Нейбров. Сайт состоит из 7 разделов и доступен для просмотра на русском, польском, немецком и английском языках, что позволяет всем интересующимся историей колоний им пользоваться. Сайт «История колоний Нейдорф и Нейбров» является одним из немногочисленных

примеров электронных баз данных об истории голендров в странах Восточной Европы [6]. На материалы, представленные на веб-ресурсе, ссылаются исследователи из разных стран.

В последующие годы, в ходе визитов в Беларусь, Зигфрид Людвиг и его единомышленник из числа потомков голендров Йенс Рьль встречаются с Иваном Прокопюком и членами его семьи, обмениваются сведениями об истории колоний и края. Сам краевед-любитель на вопрос, как происходил процесс создания сайта, отвечает, что он заключался в долгом поиске в сети Интернет новых сведений, в том числе и на зарубежных ресурсах, в переписке с другими фанатами истории.

В 2009 г. во время визита в г.п. Домачево впервые состоялась встреча потомков колонистов с педагогами и учащимися местной школы. Был установлен долгосрочный контакт, который продолжается до настоящего времени. Наблюдая интерес к истории голендров со стороны местных, потомки колонистов делятся сведениями со школьниками и педагогами, передают в фонды школьного музея материалы (документы, карты и пр.), помогают получить доступ к электронным базам данных. Хотелось бы отметить, что потомки голендров вносят большой вклад в развитие регионов, а также способствуют укреплению отношений между регионами Беларуси и Германии. В свою очередь учащиеся школы г.п. Домачево ухаживают (шефствуют) за мемориальным знаком, установленным на территории бывшей материнской колонии Нейдорф [8] (подробнее об установке знака будет рассказано ниже).

Интересным примером коммеморации прошлого бужских голендров является реклама сыра «Голландский» торговой марки «Брест-Литовск». В ролике, транслируемом на телеканалах, рассказывается о том, что в XVI веке под Брестом поселились голландцы и принесли традиции сыроварения. Широко распространен стереотип, что голендры – это голландцы. Таким образом, данная реклама основана на реальном историческом сюжете, однако трудно утверждать, что в действительности предки голендров принесли западноевропейские традиции сыроварения на территорию Беларуси [9].

Таким образом, можно говорить, что память о голендрах в Беларуси формируется и сохраняется в рамках краеведения. Существует социальный запрос к сохранению прошлого голендров как среди жителей Брестчины, так и среди коммерческих организаций.

В современной Германии сохранением памяти о голендрах занимается общество «Материнские колонии Нейдорф-Нейбов и дочерние колонии» (общество «Буг-Голендры»). Подробнее о его деятельности в Германии и в других странах будет рассказано в отдельной публикации. В данной статье приведены некоторые моменты, связанные с коммеморацией. 6 ноября 2009 г. в г. Потсдаме потомки бужских голендров, интересующиеся прошлым своих предков,

организовали общество «Буг-Голендры». Первым председателем был избран Зигфрид Людвиг [10]. Уже в 2009 г. члены общества совершили свой первый визит на места нахождения колоний. Визиты потомков стали одной из основных постоянно действующих форм коммеморации, осуществляемых обществом. В 2010 г. его члены провели масштабный съезд бывших колонистов и их потомков (107 человек) в городе Герцике, где в 1960-е гг. проводились аналогичные мероприятия. Съезд 2010 г. стал первым в серии подобного рода мероприятий в текущем столетии. На съезде в Герцике подтвердили цели и задачи общества и приняли стратегию развития [4, с. 25].

На последующих собраниях были конкретизированы цели общества. К приоритетным задачам отнесли: подготовку к 400-летию юбилею с момента основания материнских колоний (2017), установку мемориальных знаков на местах, где ранее находились бужские колонии, проведение сбора генеалогических данных, создание отдельного веб-ресурса об истории голендров, реставрацию лютеранского некрополя в Домачево, открытие музея на территории Беларуси или Польши [10].

В 2011 году общество инициировало новый проект по выявлению и оцифровке записей метрических книг прихода Нейдорф-Нейбров, которые хранятся в архивах Латвии, Польши и Беларуси. Руководителем проекта назначили Карла-Хайнца Хюнебурга. Всех бывших колонистов и потомков призвали к участию в развитии проекта «Генеалогическое исследование – обработка церковных записей Нейдорфа с 1790 по 1917 годы». Для этого требовалось представить копии старых документов и изображений, хранящихся в семейных архивах. Помимо сбора и оцифровки документальных источников, в рамках проекта реализуется идея о составлении цифровых каталогов старинных кладбищ бужских голендров [11]. Еще одной интересной тенденцией можно считать факт того, что в социальных сетях потомки голендров создают специальные сообщества, занимающиеся генеалогией. Участники этих сообществ обмениваются сведениями о своих предках, ищут своих дальних родственников. Важным подспорьем для таких сообществ становятся документы личного происхождения (свидетельства о рождении, браке и смерти) и копии метрических книг лютеранского прихода Нейдорф-Нейбров, сохранность которых весьма высока.

Одним из активных членов общества являлся Эдуард Бютов. Под его авторством выходят сборники документов, карт, схем, фотоснимков, рисунков и воспоминаний [3; 4]. Права на публикацию и тиражирование этих книг-сборников получило общество «Буг-Голендры» [10]. Данные сборники невозможно отнести к историографическому либо к источниковедческому изданию, так как в них совершенно не представлены анализ и критика источников, нет информации об их

происхождении. Скорее такие сборники можно воспринимать как попытку коммеморации.

В честь 400-летия с момента основания колоний на Буге была организована серия мероприятий, которые проходили в Германии, Польше, Украине и в Беларуси с 31 мая по 15 июня 2017 г. Подробно о праздновании юбилея написано в специально изданной брошюре, посвященной 10-летию общества «Буг-Голендры» [11]. Кульминацией празднования стало установка специальных мемориальных знаков в июне 2017 г. на местах, где ранее располагались колонии голендров. На территории Беларуси памятник установили около старого лютеранского кладбища в Нейдорф, на окраине г.п. Домачево. Установленный в Беларуси мемориал представляет собой черную стелу, внешне передающую очертания лютеранской кирхи Нейдорф.

Открытие памятного знака состоялось 4 июня 2017 г. По версии, которую поддерживают голендры и их потомки, 3 июня 1617 г. граф Рафал Лещинский дает право на поселение в своем имении Яблечно в долине р. Западный Буг первым голендрам-колонистам. На церемонии открытия присутствовали представители общества «Буг-Голендры» (более 70 человек), представители местной исполнительной власти, местные жители. Освятил памятный знак пастор Владимир – настоятель кирхи в г. Гродно [10].

Одно из перспективных направлений коммеморации, реализация которых была намечена после 2017 г., – восстановление лютеранского кладбища Нейдорф в Беларуси и создание музея в сохранившемся доме бужского колониста. Однако данные проекты до настоящего времени так и не были реализованы. Анализируя коммеморационные практики, осуществляемые в Германии, можно заметить, что они направлены на генеалогические исследования, создание цифровых ресурсов, а также на развитие ностальгического туризма [10].

Заключение. Подводя итог, хотелось бы отметить несколько закономерностей и особенностей в процессах формирования и сохранения культурной памяти о бужских голендрах в Беларуси и зарубежных странах.

Процесс формирования культурной памяти в Беларуси в 1990-е гг. связан с «открытием» для общественности данной социокультурной группы, что в свою очередь привело к возникновению интереса к ней. Также важным фактором для активизации процесса формирования и сохранения культурной памяти можно считать снятия негласных запретов, которые существовали в советские времена. В ФРГ и ГДР эти процессы начались на несколько десятилетий ранее. В каждой из стран, о которых шла речь в данной статье, существуют свои особенности изучаемого процесса. Эти особенности обусловлены рядом причин, таких как наличие в стране диаспоры бужских голендров и их потомков, степень сохранности

культурного наследия, связь с другими процессами по сохранению и увековечиванию памяти.

Таким образом, коммеморация в изучаемых странах представлена широким спектром практик. К ним относятся научные исследования, краеведение, мемориализация, музеефикация, генеалогические исследования, ностальгический туризм, издание книг, брошюр, фотоальбомов. Однако говорить о массовом характере данных процессов нельзя. Благодаря развитию сети Интернет и личным контактам участников этих процессов наблюдается создание единой культурной памяти о прошлом бужских голендров.

Литература

1. Бютов, Э. Происхождение и история Бужских голендров / Э. Бютов // Тальцы. – 2004. – № 4(23). – С. 3–22.
2. Грунтоў, С.У. Фатаграфія і культура памяці беларусаў у другой палове XIX – пачатку XXI ст. / С.У. Грунтоў. – Мінск: Беларус. навука, 2023 – 189 с.: іл.
3. Bütow, E. Bug – Holländer – Holendry – Olendry – Golendry / E. Bütow. – Schwerin: Bütow, 2016. – 372 s.
4. Bütow, E. Bug – Holländer in Wolhynien: Spuren und Geschichte / E. Bütow. – Schwerin: Bütow; Zhitomir: Verl. WOLIN, 2002. – 268 s.
5. Chorąży, A. Nadbużańscy Olędrzy. Rys historyczny w 400. rocznicę założenia kolonii. Die Hauländer an dem Bug. Ein geschichtlicher Überblick zum 400-jährigen Jubiläum der Ansiedlung / A. Chorąży // Spadkobiercy Reformacji. Erben der Reformation. – Lublin: Towarzystwo Naukowe KUL, 2017. – S. 79–102.
6. История колоний Нейдорф-Нейбров на Буге [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://neubrow.domachevo.com/>. – Дата доступа: 21.02.2024.
7. Сайт г.п. Домачево [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.domachevo.com/>. – Дата доступа: 21.02.2024.
8. Reise nach Neubrow // Landsmannschaft Weichsel-Warthe [Electronic resource]. – Mode of access: <https://weichsel-warthe.de/reise-nach-neubrow/>. – Date of access: 21.02.2024.
9. Голландские сыровары из Брест-Литовска // Livejournal [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://boristayskey.livejournal.com/177121.html>. – Дата доступа: 21.02.2024.
10. Mutterkolonie Neudorf und Tochterkolonien Bugholendry e.V. [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.bugholendry.de/>. – Date of access: 18.02.2024.
11. Projekte / Reisen / Veranstaltungen / Mutterkolonie Neudorf und Tochterkolonien Bugholendry e.V. [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.bugholendry.de/>. – Date of access: 18.02.2024.
12. 10 Jahre Bugholendry e.V. Verein Mutterkolonie Neudorf und Tochterkolonien (2009–2019). – Lutsk, 2019. – 44 s.

Поступила в редакцию 09.04.2024

Общественно-политическая реакция на смену руководства Ставки Верховного главнокомандующего в Могилеве в августе 1915 г.

Раемский Ю.А.

Учреждение культуры «Могилевский областной краеведческий музей
имени Е.Р. Романова», Могилев

Учреждение образования «Республиканский институт высшей школы», Минск

Смена командования русской армией в ходе Первой мировой войны оказала значительное влияние не только на ход боевых действий, но и сильно всколыхнула общественное мнение.

Цель исследования – проанализировать реакцию представителей различных общественно-политических групп на принятие Верховного командования императором Николаем II.

Материал и методы. Публикация подготовлена на основе анализа мемуаров современников событий. В работе были использованы основные принципы научного исследования (историзм, системность и объективность), а также общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция).

Результаты и их обсуждение. В условиях военных неудач и обострившейся внутривластной борьбы, в которую оказалась втянута Ставка Верховного главнокомандующего, изменения, произошедшие в высшем командном составе русской армии в августе 1915 г., были крайне необходимы для дальнейшего продолжения войны с Германией. Причины неприятия частью общества факта вступления царя в должность Верховного кроются исключительно во внутривластной борьбе за власть в Российской империи.

Заключение. Несмотря на опасения оппозиционных политических деятелей и части генералитета о неминуемой катастрофе армии в результате вступления в должность Верховного главнокомандующего императора Николая II, бунта на фронте и его последующего обрушения не случилось. Кроме того, в результате организации более эффективного взаимодействия фронта и тыла было налажено стабильное снабжение армии, которого так недоставало в первый год войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, Ставка Верховного главнокомандующего, г. Могилев, император Николай II, внутренняя политика, общество.

(Ученые записки. – 2024. – Том 39. – С. 23–27)

Social and Political Reaction to the Change of Leadership of the Supreme Commander's Headquarters in Mogilev in August 1915

Rayemsky Yu.A.

Establishment of Culture "E.R. Romanov Mogilev Regional Museum of Local Lore", Mogilev
Education Establishment "National Institute for Higher Education", Minsk

The change of commanding body of the Russian army during the First World War had a significant impact not only on the course of war activities, but also greatly stirred up public opinion.

The purpose of the article is to analyze the reaction of representatives of various social and political trends to the adoption of the Supreme Command by Emperor Nicholas II.

Material and methods. The article is based on the analysis of memoirs of contemporaries of the events. The basic principles of scientific research (historicism, consistency and objectivity), as well as general scientific methods (analysis, synthesis, induction, deduction) were used.

Findings and their discussion. In the conditions of military failures and the aggravated internal political struggle, in which the Supreme Commander's Headquarters were involved, the changes that occurred in the highest commanding structure of the Russian army in August 1915 were extremely necessary for the further continuation of the war with Germany. The reasons for the rejection by a part of society of the fact of the Tsar's accession to the post of Supreme Commander lie in the internal political struggle for power in the Russian Empire.

Conclusion. *Despite the fears of opposition politicians and part of the generals about the imminent catastrophe of the army as a result of the assumption of office of the Supreme Commander by Emperor Nicholas II, there was no riot at the front and its subsequent collapse. Moreover, as a result of the organization of more efficient interaction of the front and the rear, a stable supply of the army was established, which was so lacking in the first year of the War.*

Key words: *World War I, Supreme Commander's Headquarters, the City of Mogilev, Emperor Nicholas II, internal politics, society. (Scientific notes. – 2024. – Vol. 39. – P. 23–27)*

Вопрос об общественной реакции на вступление в ходе Первой мировой войны в командование русской армией Николая II уже неоднократно поднимался в советской, белоэмигрантской и современной историографии. Несмотря на то, что основные общественно-политические события разворачивались в столице Российской империи и ее окрестностях, настоящее событие имеет самое непосредственное отношение к истории Беларуси в связи с тем, что местом пребывания Ставки Верховного главнокомандующего последовательно были два белорусских города – Барановичи и Могилев. В советской историографии данному факту уделялось мало внимания, лишь в рамках парадигмы кризиса и неизбежного падения самодержавия. Вопросы смены командования и общественно-политической борьбы вокруг него подвергались исследованию в трудах белоэмигрантских историков. Невзирая на то, что автор трехтомного издания «Великая война и Февральская революция 1914–1917 гг.» генерал А.И. Спиридович был непосредственным участником событий, его труд по праву может считаться полноценным историческим исследованием. Общественная реакция на смену командования и внутривластная борьба в этот период проанализированы в 11-й и 12-й главах первого тома. Отношение представителей правящей элиты и общественно-политических деятелей России к данному вопросу также изложены в монографиях С.П. Мельгунова «На путях к дворцовому перевороту» (глава 2), Г.М. Каткова «Февральская революция» (глава 7), Кобылина В.С. «Анатомия измены» (глава 11). На современном этапе среди российских историков наиболее активным исследователем этого вопроса является биограф Николая II П.В. Мульгатули, автор многочисленных монографий.

Цель статьи – проанализировать реакцию представителей различных общественно-политических групп на принятие Верховного командования действующей армией императором Николаем II.

Материал и методы. Статья подготовлена на основе анализа мемуаров современников событий. При подготовке публикации были использованы основные принципы научного исследования (историзм, системность и объективность), а также общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция).

Результаты и их обсуждение. К лету 1915 г. стала очевидна не только неподготовленность России к длительной войне, но и некомпетентность высшего руководства Ставки Верховного главнокомандующего в военно-стратегических вопросах. После вмешательства во внутривластную борьбу великого князя Николая Николаевича, выступившего на стороне

оппозиции, к августу 1915 г. в стране назрел острейший политический кризис. В настоящей статье автором проведен анализ реакции представителей различных общественно-политических групп на такой путь выхода из данного кризиса как принятие Верховного командования действующей армией императором Николаем II.

Неудачи русской армии на фронтах привели к активизации оппозиционных настроений в стране. В этой ситуации Ставке Верховного главнокомандующего была отведена особая роль. Не имея успехов на фронте, Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич начал вмешиваться во внутривластную жизнь страны, заняв точку зрения оппозиционно настроенных членов Совета министров. Генерал-квартирмейстер Ставки Ю.Н. Данилов в своих мемуарах эти действия Верховного объяснял следующим образом: «Желая сделать попытку спасения положения, Великий Князь Николай Николаевич открыто высказался в пользу течения, уже давно возникшего в пределах Совета министров и находившего необходимым коренным образом изменить взятую политику, путем привлечения к власти общественных сил и духовного сближения с народом» [1, с. 14]. Данное течение вошло в историю как «группа Кривошеина», по фамилии главноуправляющего земледелием А.В. Кривошеина.

14 июня 1915 г. в Ставке в Барановичах под председательством императора впервые состоялось совместное с высшими чинами штаба Верховного главнокомандующего совещание Совета министров. Это совещание Данилов в своих мемуарах даже назвал «лучом надежды» [1, с. 15]. Положительно отзывался об этом событии и только назначенный на должность управляющего Военным министерством А.А. Поливанов. По его словам, Кривошеин и некоторые министры доказывали Николаю Николаевичу мнение о пользе подобных совещаний, а также высказывали мысль о желательности повторения таких собраний в Ставке в будущем [2, с. 137–138]. В мемуарах указанных лиц показана исключительно положительная сторона сотрудничества Ставки и правительства, по сути оппозиционного монарху. На самом деле группа Кривошеина стремилась к изменению государственного устройства России путем постепенных уступок от Николая II и формированием правительства, подотчетного перед Госдумой, так называемого «ответственного министерства». Прикрываясь благими лозунгами о помощи армии, министры группы Кривошеина стремились получить поддержку великого князя Николая Николаевича и Ставки Верховного

главнокомандующего как альтернативного центра власти. Подобная «смычка» на самом деле грозила стране как минимум двоевластием, как максимум государственным переворотом во время войны. Говоря о причинах популярности Николая Николаевича в оппозиционных кругах, могилевский вице-губернатор, князь В.А. Друцкой-Соколинский в своих мемуарах писал: «Беспримерная популярность Великого Князя Николая Николаевича, достигнутая им после первых же месяцев войны, явилась исключительно результатом занятой им по отношению к Государю, Его семье и возглавляемого Им правительства определенной позиции, насыщенной бесцеремонной и суровой критикой, снисходительной насмешкой и высокомерным пренебрежением» [3, с. 31].

Вариантов выхода из непростой ситуации на фронте было два. Пересмотреть «Положение о полевом управлении войск в военное время» с целью расширения полномочий Верховного главнокомандующего, в том числе по взаимодействию с Советом министров, как это предлагали генералы Данилов и Поливанов. Это привело бы к концентрации политического влияния в стране в руках Николая Николаевича. Устранить противоречие можно было и другим путем – император, как глава государства должен был сам встать во главе армии, сконцентрировав в своих руках высшую военную и гражданскую власть в стране.

Варианта просто заменить великого князя на посту Верховного на другое лицо летом 1915 г. уже не существовало. Во-первых, без пересмотра «Положения...» и устранения заложенных в нем противоречий новый глава Ставки оставался бы связан по рукам и ногам в отношении назначений высшего командного состава как штаба Верховного главнокомандующего, так и действующей армии, а также в вопросах взаимодействия с тылом. Во-вторых, в армии на тот момент не было полководца, который был бы одновременно и талантлив, и авторитетен, чтобы переломить неблагоприятную обстановку на фронте в условиях снарядного голода. Таким образом, к августу 1915 г. назрел вопрос о замене высшего руководства Ставки Верховного главнокомандующего. Ситуации, при которой довольно заурядного полководца в своих целях пытались использовать деятели оппозиции, должен был быть положен конец.

Предстоящую смену командования в общественно-политических кругах Российской империи оценивали двояко. О замене штаба Ставки речь шла уже давно. Отношения между председателем Государственной думы М.В. Родзянко и начальником штаба Верховного главнокомандующего были весьма натянутые, что подтвердил в своих мемуарах сам Родзянко: «Вера в в. к. Николая Николаевича стала колебаться. Нераспорядительность командного состава, отсутствие плана, отступление, граничащее с бегством, – все доказывало бездарность начальника штаба при Верховном генерала Янушкевича» [4, с. 103]. Против Наштаверха была настроена и часть министров. Анализ воспоминаний великого князя Андрея Владимировича позволяет

сделать вывод, что министр иностранных дел С.Д. Сазонов также крайне неприязненно относился к Янушкевичу, вмешивавшемуся в его прерогативу отношений с союзниками [5, с. 169–170].

18 августа 1915 г. царь подписал Указ о новых назначениях генералов Алексеева, Рузского и Янушкевича. В Государственной думе, пока еще не подозревавшей истинный смысл кадровых перестановок в армии, выражали полное удовлетворение [2, с. 218]. Впоследствии реакция изменилась на диаметрально противоположную, поскольку изменения коснулись особы самого Верховного, с которым уже получилось наладить контакты. Царь во главе армии перечеркивал всю предыдущую работу оппозиции в борьбе за власть в стране. Председатель Госдумы Родзянко, например, начал воздействовать на некоторых министров, чтобы те уговорили императора отказаться от принятого решения [4, с. 103–104].

18 августа 1915 г. генерал Поливанов на заседании Совета министров доложил о скором отъезде императора в действующую армию. Большинство министров высказалось за инициативу просить Николая II не принимать командования. 20 августа министры А.В. Кривошеин, кн. Н.Б. Щербатов, П.А. Харитонов, С.Д. Сазонов, А.Д. Самарин высказали императору мысль, что его отъезд в Ставку и отстранение великого князя от руководства армией встревожит общественное мнение. Однако заседание закончилось словами государя: «Я выслушал ваши соображения и остаюсь при моем решении» [2, с. 233]. Министр иностранных дел С.Д. Сазонов в своих мемуарах указывает, что 21 августа оппозиционные министры совершили последнюю попытку переубедить царя, составив коллективное письмо императору, в котором содержался открытый намек на их отставку [6, с. 364].

В Госдуме также происходили крайне важные для истории страны события. В течение августа шли переговоры депутатов по созданию объединения, получившего впоследствии название Прогрессивный блок. По существу, это было оппозиционное императору объединение депутатов Госдумы и Госсовета, главным требованием которого стало «создание объединенного правительства из лиц, пользующихся доверием страны» [2, с. 219]. Борьба за так называемое «ответственное министерство», которое должно было формироваться Госдумой, а страна превращалась в парламентскую монархию, закончилась в итоге Февральской революцией.

Говоря об общественной реакции на столь значительную перемену в жизни воюющей страны, нельзя не раскрыть настроения непосредственно в самой Ставке, которая к тому времени уже находилась в Могилеве. Об этом достаточно информативно написал в своих воспоминаниях В.А. Друцкой-Соколинский, бывший на тот момент могилевским вице-губернатором. Он часто посещал гражданскую канцелярию штаба и присутствовал при довольно откровенных разговорах ее сотрудников: князя Н.Л. Оболенского,

А.А. Лодыженского, А.А. Раевского, Е.В. Говорова. Вице-губернатора особо не стеснялись и разговоры были самые откровенные. Приходили чины других управлений, а также чиновники дипломатической канцелярии: Базили, Солдатенков, Валуев. Об общей реакции на отстранение великого князя вице-губернатор писал: «Буквально взрывом негодования встретила Ставка первые известия о предстоящем принятии Государем на себя верховного командования армиями» [3, с. 37]. Гражданская канцелярия превратилась, по определению Друцкого-Соколинского, в потревоженный улей. Причиной удаления великого князя в Ставке считали зависть к его популярности, интриги окружения императрицы Александры Федоровны. Обсуждалась личная обида, нанесенная Николаю Николаевичу таким решением, а также гибельность для России такого решения, ибо утверждали, что императору не удастся поднять боевой дух войск, более того, что на фронте, который откажется повиноваться, разразится бунт [3, с. 37–38].

Практически все противники принятия императором должности Верховного главнокомандующего в своих мемуарах утверждали, что истинной причиной этого шага стало влияние на Николая II окружения императрицы Александры Федоровны, внушавшее ей мысль о том, что само только появление царя во главе армии поднимет боевой дух и отступление прекратится. Министр иностранных дел Сазонов указывал на фрейлину императрицы А.А. Вырубову, находившуюся под полным влиянием Распутина [6, с. 367]. Об отставке Николая Николаевича протопресвитер русской армии и флота Г.И. Шавельский писал, что неудачи на фронте не имели решающего значения, сам великий князь главными причинами считал «ревность царицы и царя к его славе и интриги Распутина» [7, с. 316].

Среди членов правящей династии мнения разделились. Значительная часть Романовых не поддерживала решение о смещении Николая Николаевича. Находившийся при Ставке двоюродный брат Николая II Дмитрий Павлович даже ездил в Петроград, чтобы просить вдовствующую императрицу повлиять на своего сына. Об этом писал дежурный генерал Ставки П.К. Кондзеровский [8, с. 67]. О резко отрицательном отношении матери Николая II выражался и великий князь Андрей Владимирович. Более того, Мария Федоровна активно переубеждала императора: «Когда Ники был перед отъездом у нее, она долго его молила подумать обо всем хорошенько и не вести Россию на гибель» [5, с. 176].

Вторая же часть семьи Романовых, если судить по их дневникам и воспоминаниям, была настроена более оптимистично. Несмотря на общую оппозиционность в отношении политики Николая II, его двоюродный дядя Александр Михайлович в своих заграничных мемуарах высказался об отставке Николая Николаевича как о «приятной» для него новости [9, с. 213]. Положительно он оценил и принятие командования императором, называя это решение

совершенно правильным. Александр Михайлович считал, что никто кроме государя не мог бы в данный момент вдохновить армию на подвиги, а также очистить Ставку от бездарных генералов. Единственным минусом этого решения великий князь видел длительное отсутствие царя в столице [9, с. 213].

Не оставивший после себя воспоминаний великий князь Борис Владимирович в разговоре с министром иностранных дел Сазоновым высказывался весьма категорично в пользу решения императора, утверждая, что это вызовет в армии большой энтузиазм и произведет огромный положительный эффект. Об этом в своем дневнике сообщил его брат, Андрей Владимирович. Что касается самого автора дневника, то он соглашался с этим мнением. Разница была лишь в том, что, по утверждению Бориса, удаление Николая Николаевича должно было пройти незамеченным, а Андрей считал наоборот. Признавая источником такого решения советы Александры Федоровны, Андрей Владимирович, один из немногих Романовых, который считал, что «она поступила правильно, благоразумно и в высшей степени государственно» [5, с. 172]. Дело было не в зависти к популярности, а в том, что своим поведением Николай Николаевич приносил существенный ущерб для престижа государя. Если же говорить о реакции постфактум, то опасения Андрея Владимировича о волнениях в армии вплоть до бунта были им преувеличены. Об этом можно сделать вывод из его дневниковой записи от 1 сентября 1915 г.: «Большинство же приветствовало эту перемену и мало обратило внимание на смещение Николая Николаевича.

[...] Смена штаба и вызвала общее облегчение в обществе. В итоге все прошло вполне благополучно. В армии даже все это вызвало взрыв общего энтузиазма и радости» [5, с. 179]. Оценивая причины недовольства стороны, резко критиковавшей вступление царя в командование армией, Андрей Владимирович утверждал, что для оппозиции всякое усиление императора было неприемлемо, ибо государь во главе своей армии перечеркивал все их предыдущие усилия в борьбе за власть. Критиковать армию, во главе которой теперь находился сам царь, также становилось проблематично.

Оценивая ситуацию со сменой командования, уже находясь в эмиграции, как историк русской революции бывший начальник императорской дворцовой охраны генерал Спиридович написал: «После отъезда Великого Князя стало как-то легче. Как будто разрядилась гроза. Кто знал истинный смысл совершившегося, крестились. Был предупрежден государственный переворот, предотвращена государственная катастрофа» [10, с. 198].

Завершая анализ общественно-политической реакции на смену руководства действующей армии, необходимо дать оценку реакции в самой армии. Для этой цели наиболее объективными будут фрагменты воспоминаний генерала А.И. Деникина, в тот момент генерал-майора, командира 4-й стрелковой дивизии. Деникин в это время не находился на высших

командных должностях, не принимал судьбоносных решений, за которые ему пришлось бы оправдываться в мемуарах, поэтому о данном событии в своем труде «Очерки русской смуты» выражал настроения в армии весьма объективно: «Этот значительный по существу акт не произвел в армии большого впечатления. Генералитет и офицерство отдавали себе ясный отчет в том, что личное участие Государя в командовании будет лишь внешнее, и потому всех интересовал более вопрос, кто будет начальником штаба. Назначение генерала Алексеева успокоило офицерство.

Что касается солдатской массы, то она не вникала в технику управления, для нее царь и раньше был верховным вождем армии» [11, с. 34].

Заключение. Обострение общественно-политической ситуации в Российской империи летом 1915 г. было вызвано очередным витком в борьбе за власть. Оппозиция считала военные неудачи русской армии на фронте удобным моментом, чтобы добиться от Николая II изменения политического устройства страны. Пределом стремлений для них было так называемое «ответственное министерство», полностью формируемое Государственной думой. Ставка в лице Верховного главнокомандующего Николая Николаевича также оказалась втянутой во внутривластную борьбу.

Проведенный автором анализ оценок, данных современниками событий факту вступления в командование действующей армией императора Николая II, позволяет говорить о логичности и своевременности сделанного шага. Накопившиеся к лету 1915 г. противоречия без кардинальной ломки существующего строя можно было решить лишь соединением в одних руках высшей военной и гражданской власти. Вступление в командование действующей армией императора Николая II, а также замена начальника штаба и генерал-квартирмейстера позволяли решить как военно-стратегические, так и общественно-политические задачи, стоявшие перед страной на данном этапе войны.

Литература

1. Данилов, Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич / Ю.Н. Данилов. – Париж: Impr. de Navarre, 1930. – 370 с.
2. Поливанов, А.А. Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 г. – 13 марта 1916 г.) / А.А. Поливанов // Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907–1916 г.: в 2 т. / А.А. Поливанов; под ред. А.М. Зайончковского; с предисл. Мих. Павловича. – М.: Высш. воен. ред. сов., 1924. – Т. 1. – 240 с.
3. Друцкой-Соколинский, В.А. На службе Отечеству: Записки русского губернатора (1914–1918 гг.) / В.А. Друцкой-Соколинский. – Орел: РКФ «3 июля» РИГ «Невероятный мир», 1994. – 406 с.
4. Родзянко, М.В. Крушение империи: (Записки председателя Русской Государственной Думы) / М.В. Родзянко // Архив русской революции издаваемый Г.В. Гессеном: в XXII т. – Москва, 1991–1993. – Т. XVII. – С. 5–169.
5. Романов, А.В. Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова (1914–1917) / сост., предисл., коммент. В.М. Осин, В.М. Хрусталева. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2008. – 448 с.
6. Сазонов, С.Д. Воспоминания / С.Д. Сазонов. – Париж: Кн. изд-во Е. Сияльской, 1927. – 398 с.
7. Шавельский, Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота: в 2 т. / Г.И. Шавельский. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. – Т. 1. – 414 с.
8. Кондзеровский, П.К. В Ставке Верховного. Воспоминания дежурного генерала при Верховном главнокомандующем / П.К. Кондзеровский. – Париж, 1967. – 129 с.
9. Великий князь Александр Михайлович: Книга воспоминаний / Предисл. и коммент. А. Виноградова. – М.: Современник, 1991. – 271 с.
10. Спиридович, А.И. Великая война и Февральская революция 1914–1917 гг.: в 3 т. / А.И. Спиридович. – Нью-Йорк: Всеславян. изд-во, 1960–1962. – Т. 1. – 1960 – 308 с.
11. Деникин, А.И. Очерки русской смуты: Крушение власти и армии. Февраль–сентябрь 1917 / А.И. Деникин. – Минск: Харвест, 2002. – 464 с.

Поступила в редакцию 04.09.2023

Представители семьи Верховских в поисках путей преодоления церковного раскола

Сафронов П.М.

Учреждение образования «Республиканский институт высшей школы», Минск

В статье рассматривается краткая биография семьи Верховских, представители которой внесли существенный вклад в сохранение древлеправославной культуры, старообрядческих традиций и стали яркими богословами единоверия. Нелегкий путь в поисках истины привел Тимофея Верховского из Костромской губернии в Санкт-Петербург, где его деятельность была замечена самим государем Николаем I. А с целью отстаивания общих интересов старообрядцев-единоверцев его сын, Иоанн Верховский, был вынужден отправиться за границу.

Цель статьи – установить связь биографии представителей семьи Верховских с динамикой развития единоверческих процессов и оказания влияния на изменения в подходах преодоления старообрядческого раскола через единоверие.

Материал и методы. Одним из первых богословов проблемные вопросы единоверия стал озвучивать единоверческий священник Иоанн Верховский. Исследованием богословских трудов Верховского продолжают активно заниматься современные богословы, представители единоверия, и историки. Наиболее полным исследователем биографии и трудов Иоанна Верховского является кандидат исторических наук Роман Александрович Майоров. Данный автор опубликовал ряд биографических работ о жизни Верховского и анализ его творчества. В белорусской историографии единоверию уделено мало внимания. История единоверия не описана как отдельная проблема. Для обработки материалов использованы хронологический метод и метод актуализации.

Результаты и их обсуждение. Иоанн Тимофеевич Верховский родился в 1818 году в Черниговской губернии. Многие поколения его предков служили приходскими священниками в Георгиевской церкви села Митино-Верховье Солигаличского уезда Костромской губернии. В 1815 г. дед Александр Мефодиевич перешел в старообрядчество и был приглашен вторым священником в Вознесенскую церковь посада Клиницы Черниговской губернии. Отец Иоанна Тимофей Александрович был определен благочинным единоверческих церквей Черниговской епархии. В начале 1827 года священник Тимофей Верховский приглашен петербургскими единоверцами в храм Святителя Николая в Грязной улице. Вскоре Тимофей Александрович Верховский стал видным деятелем единоверия и известным миссионером. Ревностное служение в единоверческом приходе Санкт-Петербурга и его труды заметил обер-прокурор синода граф Николай Александрович Протасов. Его служением Николай I остался доволен.

Главная идея отца Иоанна заключалась в том, что не церковь принимала бы раскаявшихся раскольников, сочувственно разрешая им отправлять службы по старым книгам, а сами раскольники, соглашаясь принять от церкви иерархию, делали бы ей поблажку, как раскаявшейся и признавшей, наконец, спасительность отправления службы по старым книгам и по старым обрядам.

После клеветы, порицаний и лишения сана отца Иоанна Верховского Церковь все равно пошла по путям, о которых прежде возвещал этот исповедник единоверия:

- 1) в 1918 году был учрежден единоверческий епископат, к чему призывал и о чем умолял гонимый отец Иоанн Верховский;
- 2) на первом Единоверческом съезде серьезно поднимается вопрос о снятии клятв Большого Московского Собора 1666–1667 гг., о чем неоднократно писал отец Иоанн [6].

Заключение. Таким образом, можно заключить следующее: истина дается не легко, борьба за истину – это почти всегда – дорога, пролезающая через тернии. Путь к истине долгий, но он всегда оправдан. На примере поиска истины нескольких поколений старообрядческих богословов можно проследить процесс оформления и изменения единоверия. Направление развития отношений старообрядцев с официальной Русской церковью, предложенное Иоанном Верховским много лет назад, до сих пор актуально и принимается современными богословами как верное.

Ключевые слова: православие, единоверие, старообрядчество, Русская Православная Церковь, раскол, единение церкви.
(Ученые записки. – 2024. – Том 39. – С. 28–32)

Representatives of Verkhovsky Family in Search of Ways to Overcome the Church Schism

Safronov P.M.

Education Establishment “National Institute for Higher Education”, Minsk

The article examines a brief biography of Verkhovsky family, whose representatives made a significant contribution to the preservation of the Old Orthodox culture, Old Believer traditions and became prominent theologians of the same faith. A difficult path in search of truth led Timofey Verkhovsky from Kostroma Province to St. Petersburg, where his activities were noticed by Emperor Nicholas I himself. And to defend the common interests of Old Believers and fellow believers, John Verkhovsky was forced to go abroad.

Адрес для корреспонденции: e-mail: sofon19.int@mail.ru – П.М. Сафронов

The purpose of the article is to establish a connection between the biography of representatives of Verkhovsky family and the dynamics of the development of Edinoverie (one common faith) processes and influencing changes in approaches to overcoming the Old Believer schism through Edinoverie.

Materials and methods. One of the first theologians to voice problematic issues of Edinoverie was a Edinoverie priest John Verkhovsky. Modern theologians, representatives of the same faith, and historians continue to actively study Verkhovsky's theological works. The most complete study of the biography and works of John Verkhovsky is PhD (History) Roman Aleksandrovich Mayorov. This work. In Belarusian historiography, little attention has been paid to Edinoverie. The history of Edinoverie is not described as a separate problem. To process the materials, the chronological method and the method of updating were used.

Findings and their discussions. John Timofeevich Verkhovsky was born in 1818 in Chernigov Province. Many generations of his ancestors served as parish priests in St. George Church in the village of Mitino-Verkhovye, Soligalichsky District, Kostroma Province. In 1815, grandfather Alexander Methodievich was converted to the Old Believers and was invited as the second priest to Ascension Church in Klintsy settlement, Chernigov Province. John's father Timofey Alexandrovich was appointed Dean of the Edinoverie churches of Chernigov diocese. At the beginning of 1827, Priest Timofey Verkhovsky was invited by his fellow believers in St. Petersburg to the Church of St. Nicholas in Gryaznaya Street. Soon Timofey Aleksandrovich Verkhovsky became a prominent figure in the common faith and a famous missionary. His zealous service in the Edinoverie parish of St. Petersburg and his works in the parish were noticed by the chief prosecutor of the synod, Count Nikolai Aleksandrovich Protasov. Nicholas I was pleased with his service.

The main idea of Father John was that it would not be the church that would accept repentant schismatics, sympathetically allowing them to conduct services according to the old books, but the schismatics themselves, agreeing to accept the hierarchy from the church, would do it an indulgence, as repentant and finally recognizing the salvific value of holding services according to old books and old rituals.

After the slander, censure and defrocking of Father John Verkhovsky, the Church still followed the paths previously proclaimed by this confessor of common faith:

1) in 1918, the episcopate of the same faith was established, for which the persecuted Father John of Verkhovsky had called and begged;

2) at the first Edinoverie Congress, the issue of lifting the oaths of the Great Moscow Council of 1666–1667 was seriously raised, about which Father John repeatedly had written [6].

Conclusion. Thus, we can conclude the following: truth is not given easily, the struggle for truth is almost always a road that runs through thorns. The path to truth is long, but it is always justified. Using the example of the search for truth of several generations of Old Believer theologians, one can trace the process of formation and change of the common faith. The direction of development of relations between the Old Believers and the official Russian Church, proposed by John Verkhovsky many years ago, is still relevant and is accepted by modern theologians as correct.

Key words: Orthodoxy, Edinoverie (one common faith), Old Believers, Russian Orthodox Church, schism, unity of the church.

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 39. – P. 28–32)

В статье рассматривается краткая биография семьи Верховских, представители которой внесли существенный вклад в сохранение древле-православной культуры, старообрядческих традиций и стали яркими богословами единоверия. Нелегкий путь в поисках истины привел Тимофея Верховского из Костромской губернии в Санкт-Петербург, где его деятельность была замечена самим государем Николаем I. А с целью отстаивания общих интересов старообрядцев-единоверцев его сын, Иоанн Верховский, был вынужден отправиться за границу.

Несколько веков старообрядческий раскол Русской церкви пытаются решить богословы и политики. Последствия затронули разные сферы общественной жизни: духовную, культурную, экономическую, политическую и повседневную. Здесь прослеживаются как положительные тенденции, так и отрицательные. Определенный уклад жизни и условия существования сформировали старообрядческую культуру, воспитали в обществе много сильных и состоятельных людей. Вопросы богословские и обрядовые привели к появлению у старообрядцев большого количества ветвей, толков и согласий. Это обстоятельство негативно сказывается на процессе примирения и единения старообрядцев с официальной церковью.

За представителями старообрядчества, вошедшими в этот процесс, закрепилось название «единоверцы».

Цель статьи – установить связь биографии представителей семьи Верховских с динамикой развития единоверческих процессов и оказания влияния на изменения в подходах преодоления старообрядческого раскола через единоверие.

Материал и методы. В XIX – нач. XX в. помимо единоверческих процессов в духовных консисториях много сил и ресурсов было приложено в отношении безусловного присоединения старообрядцев к православной Церкви, предполагавшего отказ от старого обряда. Подобный переход старообрядцев в единоверие можно считать «условным единением» с официальной Церковью. Понятие «единоверцы» и в настоящее время претерпевает много критики со стороны представителей старообрядчества. Вокруг названия старообрядческих приходов, вошедших в общение с официальной церковью, идет полемика. Одним из первых богословов это вопрос стал озвучивать единоверческий священник Иоанн Верховский. Исследованием богословских трудов Верховского продолжают активно заниматься современные богословы, представители единоверия, и историки. Наиболее полным исследователем биографии и трудов Иоанна

Верховского является кандидат исторических наук Роман Александрович Майоров. Данный автор опубликовал ряд биографических работ о жизни Верховского и анализ его творчества. Для обработки материалов использованы хронологический метод и метод актуализации.

Для белорусской историографии жизнь и деятельность представителей духовенства семьи Верховских представляет интерес, так как процесс объединения старообрядческих приходов с Русской Православной Церковью в современной истории Беларуси актуальный, имеет свое развитие. В белорусской историографии единоверию уделено мало внимания. История единоверия не описана как отдельная проблема.

Результаты и их обсуждения. Точно раскрыл понятие и смысл единоверия первый единоверческий епископ Симон (Шлеёв). По его определению для соблюдения принципа единоверия необходимо соблюсти несколько условий: старообрядческие приходы должны примириться с Русской и Вселенской церковью, быть совокупными с официальной Русской церковью, едины с ней в вере и притом соблюдать старые обряды [1].

Иоанн Тимофеевич Верховский родился в 1818 году в Черниговской губернии. Многие поколения его предков служили приходскими священниками в Георгиевской церкви села Митино-Верховье Солигаличского уезда Костромской губернии. В 1815 г. дед Александр Мефодиевич перешел в старообрядчество и был приглашен вторым священником в Вознесенскую церковь посада Клиницы Черниговской губернии. У Александра Мефодиевича служение было осложнено конфликтом с прихожанами. А Тимофей Александрович был приглашен игуменей Троицкого единоверческого монастыря занять место дьякона. У Тимофея Верховского карьерный рост сложился успешно: в 1818 году он рукоположен в дьяконы, а в 1822 году – в священники Троицкого единоверческого монастыря. Уже через два года отец Тимофей был определен благочинным единоверческих церквей Черниговской епархии. В начале 1827 года священник Тимофей Верховский приглашен петербургскими единоверцами в храм Святителя Николая на в Грязной улице. В начале марта того же года он с семьей перебрался в столицу.

Вскоре Тимофей Александрович Верховский стал видным деятелем единоверия и известным миссионером. Ревностное служение в единоверческом приходе Санкт-Петербурга и его труды в приходе заметил обер-прокурор синода граф Николай Александрович Протасов. Через некоторое время о священнике единоверческого прихода стало известно государю Николаю I. По указу государя священник Тимофей Верховский был послан в Стародубье осуществлять надзор за устройством новой православной церкви для старообрядцев. В это время Тимофеем Александровичем было выявлено кризисное состояние единоверия, и он был оставлен в Стародубье для

распространения и утверждения единоверия. Миссия эта продолжалась в 1845–1848 гг. За это время в Стародубье было открыто восемь единоверческих приходов и обращен в единоверческий один раскольнический монастырь. Государю доложили о деятельности священника Тимофея Верховского. Его служением Николай I остался доволен.

Священник Тимофей Верховский написал несколько работ по истории старообрядчества, проблемам единоверия и описание личного опыта устройства единоверческих приходов. Собранные документы и письма хранились в его личной библиотеке и вошли в работу «Искание старообрядцами законного архиерейства». Работы отца Тимофея можно отнести к начальному периоду истории единоверия. Протоиерей Тимофей Верховский принадлежал к числу тех представителей единоверия, которые желали бы иметь для единоверцев особого епископа, в духе известного проекта стародубского инока Никодима, видя в этом «единственно верный способ к воссоединению всех старообрядцев с православною церковью» [2].

Ко времени переезда в Санкт-Петербург у священника Тимофея Верховского была своя семья – жена и два сына. Старший сын Иоанн был развитым мальчиком и подавал хорошие надежды. Его крестной матерью стала игуменья Троицкого единоверческого монастыря. А покровителем – двоюродный брат отца, архимандрит Никодим. У отца Никодима удачно сложилась карьера. Окончив Санкт-Петербургскую духовную академию, он был инспектором в Костроме, потом ректором в семинариях Саратова, Иркутска и Перми. Сопровождая своего дядю, будущий иерей Иоанн учился в разных духовных учебных заведениях. В 1832–1834 гг. он обучался в Саратовском духовном училище, а затем в Иркутской и Пермской семинариях.

Иоанн Тимофеевич Верховский в 1842 году окончил семинарию, в 1844 г. был рукоположен в священника и направлен в Николо-Миловскую церковь Санкт-Петербурга. Получив первый опыт безнравственного общения с подчиненными, молодой священник постарался себя исправить. Произшедшие в характере метаморфозы помогли в дальнейших отношениях с паствой. Во время обучения в Пермской семинарии архипастырем был Аркадий, знаменитый борец против раскола. Подмечая способности учеников семинарии для борьбы с расколом, Аркадий обратил внимание и на ученика Иоанна Верховского, который написал рассуждение на тему: «Старообрядцы – не старообрядцы, а новообрядцы» по просьбе архипастыря. Сочинение было настолько удачным, что было удостоено чтения на публичном акте. Верховский сам пришел к мысли и убедился, что единоверие в самом деле «двулично и двусмысленно». Он ставит себе целью «разоблачать эту двусмысленность», и через двадцать лет он свои способности, и свой труд обратил не на служение церкви, а на поддержку и оправдание раскола [2].

Брат Иоанна, Александр Тимофеевич Верховский, был врачом. К тому же и полиглотом: знал более десяти древних и современных языков. Уже в преклонном возрасте он несколько лет являлся слушателем лекций по еврейскому языку и библейской археологии в духовной академии Санкт-Петербурга. Стал известен своими глобальными проектами «Библейско-исторический словарь» и «Церковно-исторический словарь», но незавершенными по причине войны и ранней смерти автора.

Иоанн Тимофеевич был ярким, даже скандальным для своего времени публицистом и богословом. Он поднимал неудобные для тогдашней синодальной Российской церкви темы, был далек от идеализации существовавшей реальности и много неприятностей претерпел от официальной «консистории», в том числе от обер-прокурора, однако не переставал говорить и писать правду, отстаивая свои взгляды на старообрядчество и единоверие [3]. С 1859 г. он стал открыто выступать за права единоверцев. Отец Иоанн обладал твердостью исповедника, ясностью мысли и ярким публицистическим талантом. Священник принимал участие в общественной жизни, участвовал в чтениях о «нуждах единоверия», много публиковался в различных изданиях. Эти качества не могли не привести его к конфликту с епископатом РПЦ и всесильным обер-прокурором Синода К. Победоносцевым. Еще в 1865 году московский митрополит Филарет Дроздов предупреждал Верховского, относительно занятого им положения между церковью и расколом, что такие вещи «даром не проходят» [2].

Подвергнувшись преследованиям за слишком активную пропаганду своих воззрений, отец Иоанн вынужден был отправиться за границу, где вступил в молитвенное общение с белокриницкими старообрядцами, то есть фактически уклонился в раскол. Вследствие этого Святейший синод лишил его священного сана. Однако перед смертью в 1891 г. он принес покаяние. А после возвращения из эмиграции в Петербург скончался и был похоронен как простой мирянин.

У священника Иоанна Верховского взгляды на единоверие носят скорее раскольнический характер. Отец Иоанн поддерживал мысль об учреждении института единоверческого епископа, но стремился к независимому положению единоверия от Русской Православной Церкви. Он выдвинул проект создания «всестарообрядничества» и предлагал уничтожить правила митрополита Платона и само понятие единоверия. И.Т. Верховский выделял два вида единоверия: первое – о котором просили московские старообрядцы в 1799 г. («истинное», «святое») и второе – навязанное митрополитом Платоном («официальное, фальшивое, лживое», «бездушное и бессмысленное», «нечисть наносная»). Отец Иоанн выделял два термина: «соединенство» (доплатоновское единоверие, к нему следует вернуться) и собственно «единоверие», от которого он отрекся [4, с. 481]. Он считал, что митрополит Платон сделал

единоверие половинчатым, он сбил с истинного пути процесс соединения староверов с церковью, который успешно протекал при Екатерине II.

Немалая роль в привлечении внимания общественной мысли к единоверию принадлежит работе отца Иоанна Верховского «Послание, поднесенное высокопреосвященному Платону, митрополиту Киевскому и Галицкому, председателю собора русских архиереев, в Киеве, в сентябре 1884 г.». В данном послании автор выступил в защиту старообрядцев.

В одном из своих трудов Иоанн Верховский размышляет о «Деле ямщика Сулягина». В этой статье есть возможность познакомиться с синодальным стилем церковной политики. Ввести читателя в тему «единоверия» на примере истории брака Тосненского ямщика Григория Сулягина с ямскою девицей Еленой Корчагиной. История вступления в брак Григория Сулягина в XIX веке одна из часто встречающихся подобных историй. Автор очень подробно на ярких образах пытается разобраться с ситуацией, объяснить и доказать Санкт-Петербургской Консистории, что «единоверцы» такие же православные. На образах Вселенской церкви он утверждает, что присоединенные к Русской церкви старообрядцы полноправны членами церкви. Его возмущает вопрос Консистории, «к какой церкви присоединил я Сулягина: к православной или единоверческой» [4, с. 8]. На этом примере он широко раскрывает понятия «православие» и «единоверие».

Продуктивная и интересная дискуссия развернулась в переписке между священником Иоанном Верховским и Гавриилом Фомичом Казанцевым, представлявшим мнение и интересы верхушки единоверцев горнозаводского Урала. В письмах екатеринбургского купца и столичного священника были обстоятельно рассмотрены вопросы не только о единоверческом епископе и отмене «клятв» на старые обряды, но и о самой сущности единоверия. Верховский в письме от 18 июня 1864 г. писал, что вера у церкви и старообрядцев одна, различия лишь в обрядах. Обрядовые раздоры могут быть преодолены двумя способами: «или а) соглашением всех к одному обряду; или б) признанием с обеих сторон равночестности и равноправности обоих обрядств... Но единоверие не есть признание Российскими церковью и правительством равночестности и равноправности обоих обрядов. А потому не есть и примирение, а известная, на хитрости и невежестве основанная, правительственная мера...» [5, с. 70].

Собрав определенный опыт в выстраивании отношений власти с представителями старообрядчества Иоанн Верховский пишет статью «О церковной реформе», в которой он приводит своеобразный план церковной реформы. Автор пытается понять старообрядчество как явление, чтобы решение вопроса о старообрядчестве было согласовано с требованиями православия и государственности. Например, он рассуждает о первенствующей позиции обряда в ряду разных народностей [4, с. 243]. Не мог автор

обойти стороной размышления о государственной и церковной власти.

Главная идея отца Иоанна заключалась в том, что не церковь принимала бы раскаявшихся раскольников, сочувственно разрешая им отправлять службы по старым книгам, а сами раскольники, соглашаясь принять от церкви иерархию, делали бы ей поблажку, как раскаявшейся и признавшей, наконец, спасительность отправления службы по старым книгам и по старым обрядам.

После клеветы, порицаний и лишения сана отца Иоанна Верховского Церковь все равно пошла по путям, о которых прежде возвещал этот исповедник единоверия:

1) в 1918 году был учрежден единоверческий епископат, к чему призывал и о чем умолял гонимый отец Иоанн Верховский;

2) на первом Единоверческом съезде серьезно поднимается вопрос о снятии клятв Большого Московского Собора 1666–1667 гг., о чем неоднократно писал отец Иоанн [6].

Заключение. Таким образом, можно заключить следующее: истина дается не легко, борьба за истину – это почти всегда – дорога, пролегающая через тернии. Путь к истине долгий, но он всегда оправдан. На примере поиска истины нескольких поколений старообрядческих богословов можно проследить процесс оформления и изменения единоверия. Направление развития отношений старообрядцев с официальной Русской церковью, предложенное Иоанном Верховским много лет назад, до сих пор актуально и принимается современными богословами как верное.

Литература

1. Единоверие [Электронный ресурс] // Православная энциклопедия под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. – Режим доступа: <https://www.pravenc.ru/text/189549.html>. – Дата доступа: 14.08.2023.
2. Смирнов, П. Верховский Т.А. [Электронный ресурс] / П. Смирнов // Православная Богословская энциклопедия или Богословский энциклопедический словарь; под ред. проф. А.П. Лопухина: в 12 т. / Петроград: Т-во А.П. Лопухина, 1900–1911. / Т. 3: Ваал – Вячеслав. – 1902. – Режим доступа: <https://azbyka.ru/otechnik/Lopuhin/pravoslavnaja-bogoslovskaja-entsiklopedija-ili-bogoslovskij-entsiklopedicheskij-slovar-tom-tretij-vaal-vjacheslav/172>. – Дата доступа: 14.03.2023.
3. Клинцов, В. «Два единоверия». Уроки Иоанна Верховского для XXI века [Электронный ресурс] / В. Клинцов // Старообрядческий сайт «Русская вера». – Режим доступа: https://ruvera.ru/articles/ioann_verhovskij. – Дата доступа: 14.08.2023.
4. Верховский, И.Т. Труды / И.Т. Верховский. – СПб.: Изд. проект «Квадривиум», 2014. – 880 с.
5. Палкин, А.С. Полемика представителей интеллектуальных элит единоверия о путях его развития в 1860-е гг. / А.С. Палкин // Урал. ист. вестн. – 2012. – N 3(36). – С. 66–72.
6. Васильев, А. О том, почему труды отца Иоанна Верховского и сщмч. Андрея (Ухтомского) должны быть распространены во всей церкви [Электронный ресурс] / А. Васильев // Сокрытая Русь. Общество сщмч. Андрея (Ухтомского). – Режим доступа: <https://sokryt.ru/articles/o-tom-pochemu-trudy-otca-ioanna-verkhovskogo-i-sschmch-andreya-ukhtomskogo-dolzny-byt>. – Дата доступа: 14.08.2023.

Поступила в редакцию 14.03.2024

Выставочная деятельность в работе Петроградского отделения Главного управления архивным делом Наркомпроса РСФСР в первые годы советской власти (1919–1920 гг.)

Соломкина Н.С.

Белорусский государственный университет, Минск

Актуальность изучения истории выставочной деятельности в первые годы советской власти в РСФСР обусловлена тем, что история развития архивного дела в Беларуси напрямую связана с формированием первых органов управления в сфере архивного дела и делопроизводства в советской России. Изучение путей и способов решения проблем, с которыми сталкивались архивные органы в области организации выставок архивных документов на начальном этапе строительства архивной системы, позволяет проводить сравнительный анализ с ее последующей динамикой и выделять ключевые направления, заложившие основы в ее организации на современном этапе.

Цель статьи – выявить проблемные вопросы выставочной деятельности, с которыми сталкивалось Петроградское отделение Главного управления архивным делом Наркомата просвещения РСФСР в первые годы советской власти (1919–1920 гг.)

Материал и методы. *Источниковой базой для написания статьи послужили материалы, опубликованные в сборнике документов «Архивы и власть: Первое послереволюционное десятилетие. Протоколы и журналы заседаний руководящих органов управления архивной отраслью за 1918–1928 гг.». В связи с тем, что эти документы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации, ранее не публиковались, они представляют особый интерес для изучения.*

Для достижения поставленной цели использовались общенаучные, специально-исторические методы: историко-системный, структурный и функциональный анализ.

Результаты и их обсуждение. *Анализируются Протоколы совещаний управляющих Петроградскими отделениями секций Единого государственного архивного фонда. Выделяются основные проблемные вопросы в области организации выставок архивных документов, которые затрагивались на совещаниях секций ЕГАФ в период первых лет советской власти (1919–1920 гг.).*

Заключение. *Выделены основные проблемные вопросы выставочной деятельности в первые годы советской власти в Петроградском отделении Главного управления архивным делом Наркомпроса РСФСР: 1) изучение опыта стран Западной Европы в области организации и функционирования выставочной деятельности; 2) определение формы проведения и целевой аудитории архивных выставок; 3) определение тематики и перечней архивных документов Единого государственного архивного фонда; 4) организационно-методические основы документального сопровождения выставки архивных документов.*

Ключевые слова: *Единый государственный архивный фонд, Наркомат просвещения РСФСР, Главное управление архивным делом, Петроградское отделение, выставки архивных документов.*

(Ученые записки. – 2024. – Том 39. – С. 33–37)

Exhibition Activities in the Work of the Petrograd Branch of the Main Directorate of Archival Affairs of the People's Commissariat of Education of the RSFSR in the First Years of Soviet Sower (1919–1920)

Solomkina N.S.

Belarusian State University, Minsk

The relevance of studying the history of exhibition activities in the first years of Soviet power in the RSFSR is due to the fact that the history of the development of archival affairs in Belarus is directly related to the formation of the first governing bodies in the field of archival affairs and record keeping in Soviet Russia. The study of ways and means of solving the problems that archival authorities faced in the field of organizing exhibitions of archival documents at the initial stage of construction of the archival

system allows for a comparative analysis with its subsequent dynamics and to highlight the key directions that laid the foundations for its organization at the present stage.

The purpose of the article is to identify problematic issues of exhibition activity that the Petrograd branch of the Main Directorate of Archival Affairs of the People's Commissariat of Education of the RSFSR faced in the first years of Soviet power (1919–1920).

Material and methods. The source base for writing the article was the documents published in the collection of documents “Archives and Power: The First Post-Revolutionary Decade. Minutes and journals of meetings of the governing bodies of the archival industry for 1918–1928.” Due to the fact that these documents, stored in the State Archives of the Russian Federation, have not previously been published, they are of particular interest for study.

To achieve this goal, general scientific and special historical methods were used: historical-systemic, structural and functional analysis.

Findings and their discussion. The minutes of meetings of the managers of the Petrograd branches of the sections of the Unified State Archive are analyzed. The main problematic issues in the field of organizing exhibitions of archival documents, which were discussed at meetings of EGAF sections during the first years of Soviet power (1919–1920), are highlighted.

Conclusion. The main problematic issues of exhibition activities in the first years of Soviet power in the Petrograd branch of the Main Directorate of Archival Affairs of the People's Commissariat of Education of the RSFSR are highlighted: 1) studying the experience of Western European countries in the field of organization and functioning of exhibition activities; 2) determining the form and target audience of archival exhibitions; 3) determining the topics and lists of archival documents of the Unified State Archival Fund; 4) organizational and methodological principles of documentary support for the exhibition of archival documents.

Key words: Unified State Archival Fund, People's Commissariat of Education of the RSFSR, Main Directorate of Archival Affairs, Petrograd Branch, exhibitions of archival documents.

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 39. – P. 33–37)

Выставочная деятельность архивных учреждений играет ключевую роль в освещении истории и культурного наследия. Через организацию выставок архивы предоставляют обществу уникальную возможность ознакомиться с документами, фотографиями и артефактами, подчеркивающими важные события и эпохи. Это направление деятельности архивов способствует сохранению исторической памяти, воспитывает чувство патриотизма у школьников и студентов, вдохновляет на исследования ученых и укрепляет связь между прошлым и настоящим в обществе.

История организации выставочной деятельности в Республике Беларусь напрямую связана с историей формирования первых органов управления в сфере архивного дела и делопроизводства в советский период. Начало формирования архивной отрасли в СССР было положено принятием 1 июня 1918 года Декрета «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР». Первым органом управления стало Главное управление архивным делом (ГУАД) в системе Наркомпроса РСФСР. История становления первых органов архивного управления представлена в целом ряде научных статей, монографий и учебных пособий следующих авторов: В.В. Максаков [1], С.О. Шмидт [2–4], В.А. Савин [5], Е.В. Старостин [6], В.Н. Автократов [7], Т.И. Хорхордина [8] и др.

Государственное управление архивным делом (ГУАД) начало функционировать 15 июня 1918 года в Петрограде. В Москве же было образовано Московское областное управление. После переезда Совета народных комиссаров в Москву Московское управление было преобразовано в ГУАД, а в Петрограде оставили Петроградское отделение во главе с заместителем заведующего ГУАД профессором С.Ф. Платоновым. В 1918–1920 гг. в период деятельности ГУАД в Петроградском отделении концентрирова-

лось наибольшее количество архивных фондов, и именно оно являлось «интеллектуальным центром» архивоведческой науки в стране.

Единый Государственный архивный фонд (ЕГАФ), который был образован в соответствии с Декретом 1918 г., не предполагал физическое объединение всех архивных фондов в одном архиве. Под руководством ГУАД объединялось большое количество архивохранилищ. Руководство архивохранилищами осуществлялось секциями – административными органами управления ЕГАФ. Таким образом, ЕГАФ был разделен на семь секций (позже были созданы восьмая и девятая секции), каждая из которых имела одно или несколько отделений.

Материал и методы. Важнейшим источником по истории работы Петроградского отделения являются протоколы совещаний управляющих петроградскими отделениями секций Единого Государственного архивного фонда. Данные протоколы велись более подробно, в отличие от протоколов Коллегии Главархива. В них раскрывались положения архивного дела в Петрограде, где были сосредоточены наиболее важные кадровые и архивные ресурсы. Стоит отметить, что в каждом заседании принимали участие около 30 архивных деятелей, таких как Я.Л. Барсков, Ю.И. Гессен, Н.В. Голицын, А.Е. Пресняков и др. Характер вопросов, обсуждаемых на заседаниях, был разнообразен: проекты постановлений, декретов по архивному делу, острые вопросы, которые касались архивного устройства и его структуры, сбора, учета, использования и сохранности архивных материалов.

Для достижения поставленной цели использовались общенаучные, специально-исторические методы: историко-системный, структурный и функциональный анализ.

Результаты и их обсуждение. Первые выставки секциями проводились совместно с другими органами

и учреждениями: Наркоматом просвещения, музеями и библиотеками т.д. [9, с. 684, 699, 713]. На них выставлялись печатные материалы, которые хранились в архивах. Постепенно на заседаниях стали также подниматься проблемные вопросы, которые касались организации выставочной деятельности архивных материалов.

На заседаниях секций Петроградских отделений Государственного архивного фонда анализировался зарубежный опыт создания выставок.

Так, в частности, участники заседаний приводили примеры организации выставочной деятельности в Италии, Германии и Франции. Ввиду отсутствия собственного опыта в области организации выставок архивных документов руководители секций решение проблемных вопросов рассматривали через призму объединения работы отдельных архивов и всего архивного дела в одну сеть. В своей докладной записке Н.А. Пыпин, Н.П. Черепнин и И.В. Пузино отмечают: *«Так, начиная со времени объединения архивного дела в Италии (в конце девяностых годов), архивные выставки не перестают открываться в различных городах Италии. Вот краткий их перечень за пять лет:*

1901 г. – архивная выставка в Милане;

1903 г. – в Альбе;

1903 г. – в Мантуе;

1904 г. – в Равенне;

1904 г. – в Сьене;

1905 г. – в Мантуе;

1906 г. – в Риме;

1906 г. – в Модене.

В 1906 году архивы Милана, Болоньи, Пизы, Сьены и др[угих] гор[одов] приняли участие в Миланской выставке этого года». Аналогичный опыт выставочной деятельности архивных учреждений был отмечен у Франции и Германии. И.В. Пузино указывал, что на Западе архивные выставки обычно имели громадное значение и больший успех, чем даже ожидали их устроители [9 с. 781].

Второй проблемный вопрос, который поднимался на совещаниях секций Петроградских отделений – это определение цели и задач выставок архивных документов. В ходе обсуждений руководителями секций начала формироваться более глобальная цель, которая стала касаться средней школы. Руководители секций пришли к мысли о том, что помимо цели архивной и исторической, которая содержит в себе пропаганду и популяризацию архивного дела, выставка должна служить также и школе, т.е. выполнять образовательную функцию.

В результате, обычной практикой тех лет становится требование сопровождать выставки чтением лекций. Данные лекции делились на:

1) популярные;

2) для учеников старших классов и студентов;

3) для педагогов, которые наглядно могли иллюстрировать архивные материалы на уроках.

В своей докладной записке Н.А. Пыпин, Н.П. Черепнин и И.В. Пузино писали: *«Нет, кажется, нужды доказывать, насколько такое наглядное изучение по архивным материалам истории является важным в образовательном смысле и как оно может оживить в школе интерес к делу»* [9 с. 781].

Лекции, предназначенные для преподавателей и лиц, которые готовились к педагогической деятельности, а также учащихся средней школы, должны были наглядно давать представление об исторических источниках, а также улучшить восприятие материала по истории. Лекции читались по несколько раз, причем делали акцент на том, что они должны читаться не менее одного раза для учащихся II ступени. Для чтения таких лекций привлекались не только лица, которые являлись специалистами в архивном деле, но и хорошо были знакомы со средней школой, ее особенностями и потребностями. Преподаватели средних учебных заведений, после лекции могли пользоваться собранными архивными материалами и читать эту же лекцию для своих учеников.

В этот период были проведены лекции по следующим темам: «Значение документов как исторических источников», «Петр Великий», «Петербург», «Вопросы просвещения при Екатерине II», «Из истории царствования Павла I», «I Массонство», «Декабристы», «Кодификация при Сперанском», «Крестьянский вопрос», «Судебные реформы при Александре II», «Государственная Дума», «Из истории монастырей» и др. [9, с. 796].

Стоит отметить, что вопрос подготовки квалифицированных кадров в области работы с архивными документами также ставился на заседаниях секций. Для организации выставок необходимо было специальное архивное образование. Постепенно с появлением лекций сопровождающих выставки архивных документов, стали проводиться и архивные курсы для сотрудников архивных учреждений для более глубокого и детального изучения архивных вопросов, формирования компетенций в области работы с архивными документами и выработки навыков по их использованию. Ф.А. Вальтер говорил: *«Устройство выставки имело бы большое значение как способ наглядного обучения служащих в архивах».* Тем самым выставка архивных документов становилась наглядным материалом не только для учителей и школьников, но и для архивных служащих.

В последующие годы курсы для архивных работников стали включать в себя также практические занятия по делопроизводству правительственных и общественных учреждений. Кроме того, планировалось разрабатывать практические занятия по музееведению и библиотековедению. Наличие опыта и знаний по музейному делу позволило бы сотрудникам архивных учреждений работать с разными видами архивных материалов. Т.к. видовой состав документов в архивохранилищах мог включать в себя даже экспонаты, к которым могут быть приложены

принципы музейного хранения [9, с. 651, 700]. В своих лекциях на архивных курсах А.А. Миллер указывал на черты сходства между архивами и музеями.

На заседаниях также поднимались вопросы организации архивных музеев. Примером подобного являлся музей во Франции, который был открыт 28 июля 1878 года при Archives nationales. Активно обсуждали практическую реализацию создания Музея архива по двум направлениям: с одной стороны путем устройства местных музеев при архивных отделениях, с другой – путем устройства при Центральном архивном управлении Архивного технического музея. Однако, после ряда обсуждений на совещаниях, внимание проблеме организации Музея архива больше не уделялось [9, с. 795].

Самые горячие дискуссии на заседаниях совещаний управляющих петроградскими отделениями секций ЕГАФ касались тематики выставок и подборки перечней документов, которые должны были выставляться в витринах. Руководство уделяло внимание тому, что подобранные материалы служат иллюстративным материалом и не должны были коррелировать с тематикой лекционных занятий. Представители секций обращались за опытом к европейским коллегам. За основу демонстрации на зарубежных выставках брались редкие документы, иллюстрировавшие историю города, в котором располагалась выставка. Также выставка могла отражать деятельность учреждения или лица, которые имели отношение к той или иной профессии или представляли отрасль морского или военного дела. Однако, стоит заметить, что представители секций обращали внимание на то, что советская архивная система находится в менее выгодном свете, чем европейская, по причине того, что советская архивная сеть не имеет возможности «оживить» демонстрируемый предмет, о котором говорится в документе. В отличие от их западных коллег. Об этом говорит Н.П. Черепнин: *«Например, в таможенном отделе мы не имеем возможности продемонстрировать образчики тех товаров, о которых сообщают документы, как-то практикуется на Западе. Сообразно с этим ограничивается и наша задача устройства выставочных витрин»* [9, с. 795]. Тематика выставок могла включать в себя: наиболее ранние и сохранившиеся рукописи, международные договоры, дипломатические документы, внутреннюю жизнь государства, революционные памятники, историю старого Петербурга, частные архивы, образцы описей, инвентарей, издание архивов и архивных материалов, Собрания планов и печатей, водяных знаков, образцы палеографии [9, с. 921].

Отдельное внимание во время заседаний секций было обращено к практической реализации, организации и деятельности выставки архивных документов. Эта работа включала в себя разработку плана выставки, финансирование и делегирование полномочий по созданию выставки и т.д. [9, с. 798–799].

На заседаниях обсуждались возможные варианты организации выставок, деление на секции, назначение ответственных за административно-хозяйственную часть выставки. Предполагалось, что разработка плана выставки и все работы по организации возлагались на Выставочную комиссию, в состав которой входили: представитель Коллегии Главархива, лица, избираемые совещанием, как из своей среды, так и из числа других деятелей, а также были представители учреждений, которые принимали участие в выставке. Председатель Выставочной комиссии выбирался в первом ее заседании из ее состава на все время действия комиссии, осуществляя общее руководство по устройству выставки. Выставочная комиссия в качестве своего распорядительного органа выделяла из своего состава особый комитет выставки в ограниченном числе сотрудников и избирала секретаря выставки, непосредственно отвечающего за административно-хозяйственную часть.

Стоит отметить, что проведение выставок планировалось не в зданиях архивов и в органах управления. Речь шла об институтах, музеях и библиотеках, на базе которых возможно проведение выставки архивных материалов. В зависимости от места выставки подбирался и график ее работы. Например, выставка в Археологическом институте проводилась 3 дня в неделю: 2 раза по будням и 1 раз по выходным. Время работы: с 16 до 20 ч. вечера в будние дни и с 12 до 16 ч. по воскресеньям.

Распределение расходов для создания выставок в основном уходило на:

- 1) расходы по организации чтения лекций и вознаграждение административного персонала;
- 2) хозяйственные расходы.

Вознаграждение получали лекторы, ассистенты, дежурный член выставочного комитета, секретарь. Также отдельно рассчитывалось материально-техническое обеспечение выставки: освещение, перевозка материалов, оборудование и закладывался бюджет на непредвиденные расходы.

Каждая лекция читалась по два раза, а те, что пользовались спросом, по три и больше, чтобы предоставить возможность ознакомиться с материалом более широкому кругу лиц. Однако стоит отметить, что на прочтение лекций при выставке архивных материалов стоимость их не закладывалась организаторами выставки, а предоставлялся счет в Народный комиссариат просвещения [9, с. 798–799]. А.С. Николаев сообщал: *«Означенному проекту в той его части, которая касается устройства лекций, обеспечено содействие со стороны Наркомпроса ввиду того, что эти лекции являются чрезвычайно ценными в отношении усовершенствования постановки преподавания истории и истории литературы в средней школе...»*.

Заключение. Таким образом проблематика в секциях Петроградского отделения по вопросам организации выставок архивных документов

в первые годы советской власти стала формироваться в 1919 году. Основные проблемные вопросы, которые обсуждались на заседаниях секций Петроградского отделения в области выставочной деятельности, включали в себя:

1) изучение опыта стран Западной Европы в области организации и функционирования выставочной деятельности;

2) определение форм проведения и целевой аудитории архивных выставок. Стоит отметить, что появление лекционных занятий при выставках заложило основы и предпосылки к архивной педагогике и способствовало формированию образовательной функции архивных учреждений в будущем;

3) определение тематики и перечней архивных документов Единого Государственного архивного фонда;

4) организационно-методические основы документального сопровождения выставки архивных документов, которые включали в себя разработку плана выставки, определение источников финансирования и делегирование полномочий по созданию выставки.

Литература

1. Максаков, В.В. История и организация архивного дела в СССР (1917–1945) / В.В. Максаков. – М., 1969. – 430 с.
2. Шмидт, С.О. К истории архивного строительства в первые годы Советской власти / С.О. Шмидт // Проблемы архивоведения и истории архивных учреждений: материалы юбилейной науч. конф. архивистов Ленинграда 13–14 июня 1968 г. – Л., 1970. – С. 19–35.
3. Шмидт, С.О. Вступительное слово на заседании Археографической комиссии РАН 3 апреля 2003 г., посвященном памяти С.Ф. Платонова / С.О. Шмидт // Археографический ежегодник за 2003 год. – М., 2004. – С. 301–302.
4. Шмидт, С.О. Сергей Федорович Платонов и «Дело Платонова» / С.О. Шмидт // Советская историография / Российский государственный гуманитарный университет. – Москва: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1996. – С. 215–239.
5. Савин, В.А. «Хранить нельзя уничтожить». Формирование и организация Государственного архивного фонда РСФСР – СССР: 1918–1950-е годы / В.А. Савин. – М., 2000. – 225 с.
6. Старостин, Е.В. К 80-летию декрета «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» / Е.В. Старостин, А.С. Прокопенко // Отечественные архивы. – 1998. – № 2. – С. 31–34.
7. Автократов, В.Н. Из истории централизации архивного дела в России // Отечественные архивы. – 1993. – № 3–4. – С. 3–27
8. Хорхордина, Т.И. Главное управление архивным делом (ГУАД) Наркомпроса РСФСР / Т.И. Хорхордина // Россия – великая архивная держава: электронная архивная энциклопедия / Российское общество историков-архивистов. – Москва, 2020.
9. Архивы и власть: Первое послереволюционное десятилетие. Протоколы и журналы заседаний руководящих органов управления архивной отраслью за 1918–1928 гг.: сборник документов: в 2 т. / отв. ред. О.Н. Копылова. – М.: Кучково поле, 2018. – Т. 1. 1918–1920 гг. – 1040 с.; 8 л.: ил.

Поступила в редакцию 13.03.2024

Стахановское движение в промышленности БССР в годы третьей пятилетки (1938–1941 гг.)

Субботин А.А.

Учреждение образования

«Витебский государственный технологический университет», Витебск

Проблема развития стахановского движения в БССР в довоенные пятилетки, его влияния на экономическую и социальную жизнь общества не нашла своего должного отражения в трудах отечественных историков.

Целью данной статьи является определение характерных особенностей развития стахановского движения в промышленности БССР в годы третьей пятилетки.

Материал и методы. Для изучения вопросов стахановского движения были использованы опубликованные документы, материалы государственных архивов. При исследовании применялись общенаучные методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, а также специально-исторические методы: историко-генетический, историко-системный и историко-типологический.

Результаты и их обсуждение. Стахановское движение нашло свое логическое развитие в годы третьей пятилетки в ключевых отраслях промышленности БССР. В этот период оно приобретает массовый характер, разворачивается в новой его форме – движение за многостаночное обслуживание и совмещение профессий. Ключевым фактом 1939–1941 гг. стало участие в стахановском движении рабочих западных областей БССР.

Заключение. Стахановское движение в годы третьей пятилетки внесло большой вклад в повышение производительности труда и в то же время не избежало и таких негативных явлений, как производственные сбои, кампанейщина, формализм.

Ключевые слова: стахановское движение, промышленность, рабочие, пятилетка, социалистическое соревнование, БССР.
(Ученые записки. – 2024. – Том 39. – С. 38–42)

The Stakhanovite Movement in the Industry of the BSSR During the Third Five-Year Plan (1938–1941)

Subbotin A.A.

Education Establishment “Vitebsk State Technological University”, Vitebsk

The problem of the development of the Stakhanovite movement in the BSSR in the pre-war five-year plans, its impact on the economic and social life of society has not found its proper reflection in the works of national historians.

The purpose of this article is to identify the characteristic features of the development of the Stakhanovite movement in the industry of the BSSR during the third five-year plan.

Material and methods. Published documents and materials from state archives were used to study the issues of the Stakhanovite movement. General scientific methods were used in the study: analysis, synthesis, induction, deduction, as well as special historical methods: historical-genetic, historical-systemic and historical-typological.

Findings and their discussion. The Stakhanovite movement found its logical development during the third five-year plan in the key industries of the BSSR. During this period, it acquired a massive character, unfolded in its new form – the movement for multi-machine tool service and the combination of professions. The key fact of 1939–1941 was the participation of the workers of the western regions of the BSSR in the Stakhanovite movement.

Conclusion. The Stakhanovite movement in the years of the third five-year plan made a great contribution to increasing labor productivity and at the same time did not escape such negative phenomena as production failures, campaigning, formalism.

Key words: the Stakhanovite movement, industry, workers, five-year plan, socialist competition, the BSSR.
(Scientific notes. – 2024. – Vol. 39. – P. 38–42)

Среди ключевых феноменов советского общества центральное место, безусловно, занимает стахановское движение. Эта форма социалистического соревнования вошла в историю как проявление высшей степени трудового героизма. Развитие стахановского движения характеризовалось высокими показателями производительности труда и установлением новых трудовых рекордов, благодаря которым удалось осуществить поставленные задачи по форсированному развитию промышленности и превращению БССР в аграрно-индустриальную республику.

Теме стахановского движения был посвящен значительный пласт разнообразных исследований, особенно в советский период. Советская историография преимущественно рассматривала стахановское движение через призму становления рабочего класса, его трудовой и общественно-политической деятельности. Большое внимание уделялось историками вопросам деятельности партии, комсомола и государственных органов в организации стахановского движения. В зарубежной историографии стахановское движение анализировалось в основном в политическом контексте как элемент тоталитарной системы, катализатор сталинских репрессий, а также рассматривалось как средство мобилизации трудовых ресурсов.

Проблема развития стахановского движения в БССР в довоенные пятилетки, его влияния на экономическую и социальную жизнь общества не нашла своего должного отражения в качестве отдельной темы исследования в трудах отечественных историков.

Целью данной статьи является определение характерных особенностей развития стахановского движения в промышленности БССР в годы третьей пятилетки.

Материал и методы. В качестве основной источниковой базы для проведения исследования были использованы документы фондов партийных органов и профсоюзов из Государственного архива Российской Федерации, Национального архива Республики Беларусь, Государственного архива Витебской области и Государственного архива Минской области. В данных документах содержится аналитическая информация о развертывании стахановского движения в годы третьей пятилетки, как на отдельных предприятиях, так и в целом в отраслях промышленности БССР, дается информация о количестве участников стахановского движения и приводятся примеры осуществления производственных рекордов отдельными рабочими. Информацию из архивных источников дополняют опубликованные статистические материалы, где был отражен количественный состав стахановцев республики.

При изучении намеченного нами вопроса были использованы общенаучные методы, среди которых анализ, синтез, индукция и дедукция, а также специально-исторические методы: историко-генетический, историко-системный и историко-типологический.

Результаты и их обсуждение. Стахановское движение как форма социалистического соревнования зародилось в 1935 г. и до конца второй пятилетки оказывало влияние на повышение темпов производства, укореняло новые методы организации труда. В годы третьей пятилетки государственными и партийными органами стахановское движение также определялось как важный инструмент повышения производительности труда, увеличения количества продукции и укрепления обороноспособности республики. На предприятиях были закреплены достижения второй пятилетки, рабочие продолжали улучшать свой труд и устанавливать новые производственные рекорды, используя методы уплотнения рабочего дня, усовершенствования работы станков и оборудования, предварительной подготовки рабочих мест, распределения вспомогательных операций на подсобных рабочих.

Например, лучший стахановец Витебского станко-строительного завода имени Кирова Лин, работая на процессековки деталей, усовершенствовал технику обработки металла, и 6 января 1938 г. дал 218 единиц продукции за смену при норме в 21 единицу, выполнив план на 1038%. В феврале 1938 г. во время стахановского месячника высокие результаты работы показали лесорубы БССР: стахановцы Е. Астрейко и С. Микула, работая лучковой пилой, распределили производственные операции между собой и выполнили месячную норму на 570%, а стахановцы К. Маслович и М. Чигирь давали за смену до 70 м³ древесины (485% нормы). Летом 1938 г. стахановец Минского деревообрабатывающего завода имени Молотова В. Пинчук на процессе фанеровки письменных столов за счет качественной подготовки рабочего места, инструментов и последовательного распределения производственных операций добился выполнения сменной нормы до 800%.

В годы третьей пятилетки в трудовых коллективах, кроме ранее известных стахановцев, возникали новые имена производственных героев, перевыполнявших нормы выработки в 2–4 раза. Так, на заводе цепей Галя (Минск) в апреле 1938 г. стахановцами-двухсотниками, которые вырабатывали нормы более чем на 200%, стали 30 человек. Среди них, например, высокие результаты труда показали рабочие заготовительного цеха: Прохоренко выполнил норму на 434%, Лешков – на 436%, Клевко – на 273%. Молодая ревельщица Матусевич впервые выработала норму на 249%. Осенью 1938 г. лучшими стахановками Могилевской швейной фабрики стали работницы Е. Парфёнова и М. Москалёва, они систематически вырабатывали нормы на 200%. В январе 1939 г. лесоруб В. Готин из Осиповичского леспромхоза за счет эффективного распределения труда в своей бригаде достиг выполнения нормы до 300%. С течением времени по его методам начали работать и остальные передовики деревообрабатывающей отрасли БССР, которых стали называть «готинцы» [1, л. 109–110].

Трудовой энтузиазм стахановцев проявился во время третьей пятилетки в новой его форме – движение

за многостаночное обслуживание, зародившееся в СССР летом 1939 г. и поспособствовавшее дальнейшему повышению производительности труда. Широкое распространение движение многостаночников в БССР получило в основном в легкой и машиностроительной отраслях промышленности. Так, в сентябре 1939 г. на Витебской льнопрядильной фабрике имени Кагановича ткачихи Богданова и Левшун первыми перешли работать с 2-х на 4 станка, чем в 2 раза увеличили производительность труда. На Гомельском станкостроительном заводе имени Кирова участием в новой форме стахановского движения был отмечен рабочий Ковалёв, который стал работать на 4-х фрезерных станках, на основе чего систематически давал за смену по две нормы. В октябре 1939 г. стахановец Минской щеточной фабрики имени Крупской Е. Тарулин перешел работать с 3-х на 7 станков. Вместе с многостаночным обслуживанием среди стахановцев промышленности внедряется практика совмещения профессий. Так, высокой производительности труда достиг осенью 1939 г. стахановец Верхоглядов с Могилевского труболитейного завода за счет совмещения своей основной профессии формовщика с обязанностями заливщика труб. На заводе «Гомсельмаш» в цехе № 9 слесари Будников и Бакат совмещали свою работу с работой сверловщиков, слесарь Заметеев одновременно работал шорником. В ряде цехов завода развернулось движение за изучение нескольких станочных профессий. Например, токарь Петракова освоила револьверный, токарный и резьбофрезерный станки.

Перечисленные выше формы стахановского движения получили широкое распространение среди рабочих. Осенью 1939 г. на Витебской трикотажной фабрике имени К. Цеткин на многостаночное обслуживание перешла 31 работница. На 1 января 1940 г. на Минском станкостроительном заводе имени Ворошилова насчитывалось 20 многостаночников, а на Минской швейной фабрике «Октябрь» их было 30 и 90 стахановцев совмещали несколько профессий [2, л. 98].

Активизация стахановского движения стала основой для планирования со стороны государства нового промышленного скачка, что, как и в 1936 г., был отмечен повышением норм выработки в некоторых отраслях промышленности БССР с ориентацией на показатели труда стахановцев. Так, например, в январе 1940 г. нормы выработки были повышены на предприятиях пищевой промышленности: в хлебной промышленности – на 12%, кондитерской – на 12,2%, дрожжевой – на 12,9%, махорочной – на 5%. Параллельно с повышением норм на предприятиях были снижены сдельные расценки: по Могилевскому плодосушительному заводу – на 7,4%, на Борисовской макаронной фабрике – на 5,2%, по крахмальным заводам БССР – на 2,3% [3, л. 1–2].

Стахановское движение постепенно приобрело массовый характер, и рост участников этой формы социалистического соревнования был очевидным.

Например, на Минском кожевенном заводе «Большевик» в конце 1935 г. насчитывалось 178 стахановцев, а на начало 1938 г. их было зафиксировано 378. Если на заводе «Гомсельмаш» в декабре 1935 г. было 177 стахановцев, то в сентябре 1938 г. – 857 участников стахановского движения. Значительный рост численности стахановцев наблюдался на ведущих предприятиях Витебска: на щетинно-щеточном комбинате 1 марта 1937 г. стахановцами были 463 рабочих, а на 1 января 1939 г. – 608, на фабрике «КИМ» за отмеченный период численность стахановцев увеличилась с 1726 до 3310 человек, на станкостроительном заводе имени Кирова – с 365 до 435 человек, на фабрике имени Кагановича – с 216 до 482 человек [4, л. 21; 5, л. 15]. На некоторых предприятиях стахановцы даже составляли абсолютное большинство от общего состава рабочих. Например, на 1 января 1941 г. Минская швейная фабрика имени Крупской насчитывала 69,7% стахановцев от общей численности рабочих, а на Минской кожгалантерейной фабрике имени Куйбышева стахановцы составляли 62,9% [6, л. 10]. На части предприятий возникали целые стахановские бригады: наиболее распространены они были, например, в легкой промышленности БССР. Так, на май 1939 г. по Днепровской мануфактуре, Оршанской ватной фабрике и Яковлевичской суконной фабрике было зафиксировано 7 стахановских бригад с общей численностью 214 человек [7, л. 222; 8, л. 20]. На Минском станкостроительном заводе имени Ворошилова в феврале 1939 г. действовало 14 стахановских бригад [5, л. 24]. Всего по промышленности БССР на 1 января 1938 г. среди рабочих насчитывалось 39,4% стахановцев, на 1 января 1939 г. – 46,5%, а на 1 января 1940 г. – 48,6% [6, л. 10; 9, л. 66]. Подобный же рост числа стахановцев наблюдался и по предприятиям отдельных наркоматов БССР в 1938–1940 гг. (табл.)

Отмеченное увеличение числа стахановцев, безусловно, предопределялось проявлением трудового энтузиазма со стороны рабочих, но при этом нельзя отрицать и административных мер, когда партийные и государственные структуры ставили для предприятий задачи по массовому развертыванию стахановского движения, которые незамедлительно должны были выполняться. Кроме того, для части рабочих со стороны хозяйственных руководителей искусственно создавались более благоприятные условия для повышения производительности труда.

При таких обстоятельствах на фоне значительного роста количества стахановцев некоторые хозяйственные единицы во время третьей пятилетки сталкивались с рядом организационных и производственных проблем, которые наблюдались еще в первые годы развертывания стахановского движения. Например, в феврале 1938 г. в БССР была проведена стахановская декада на лесозаготовках, где в первые 5 дней было вывезено 117000 м³ леса, а в последующие 5 дней из-за технических сбоя темпы вывоза были снижены на 12000 м³. На некоторых предприятиях при увеличении

Динамика численности стахановцев по промышленности БССР за 1938–1940 гг.

Наркоматы	1.11.1938 г.			1.1.1939 г.			1.1.1940 г.		
	Количество рабочих	Количество стахановцев	% стахановцев	Количество рабочих	Количество стахановцев	% стахановцев	Количество рабочих	Количество стахановцев	% стахановцев
Наркомат лесной промышленности	25297	7817	30,9	21560	8216	38,2	20000	8275	41,9
Наркомат легкой промышленности	28000	14000	50	27762	14991	54	25774	13385	52
Наркомат пищевой промышленности	12138	5523	45,5	11275	5618	49,8	10750	5631	52,4
Наркомат местной промышленности	12274	5867	47,8	8184	4090	49,9	7494	3970	53

Таблица составлена на основе: Индустриализация Белорусской ССР (1926–1941 гг.): док. и материалы / Гл. арх. упр. при СМ БССР, Ин-т истории партии при ЦК КПБ – фил. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Центр. гос. архив Окт. революции и соц. стр-ва БССР; редкол.: В.Н. Жигалова [и др.]. – Минск: Беларусь, 1975. – 468 с., с. 332; Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 15710. Л. 66.

темпов производства наблюдались частые простои и, как следствие, обратная динамика – уменьшение числа стахановцев. Если на 1 января 1940 г. на предприятиях местной промышленности БССР насчитывалось 53% стахановцев от общего состава рабочих, то на 1 февраля того же года их было 48,5% [2, л. 245]. Снижение численности стахановцев в 1940 г. наблюдался на части минских предприятий: за период с 1 июля 1940 по 1 января 1941 г. на швейной фабрике «Октябрь» количество стахановцев было уменьшено на 40 человек, на фабрике «Коммунарка» – на 59 человек, на трикотажной фабрике «Красный Текстильщик» – на 30 человек, на стеклозаводе «Пролетарит» – на 30 человек [6, л. 10].

О срыве стахановских мероприятий в течение 1938 г. по организационным причинам на промышленных предприятиях, в том числе и в БССР, неоднократно заявлял ЦК ВЦСПС. Так, например, решением данного органа было отменено проведение стахановского месячника в марте [10, л. 28].

При определении количества стахановцев по-прежнему можно было наблюдать проявления формализма со стороны хозяйственников, когда рабочие считались стахановцами только «на бумаге», не показывая в реальности высокой производительности труда. Так, ЦК КП(б)Б в феврале 1940 г. на Минском станкостроительном заводе имени Ворошилова были выявлены факты, когда стахановцы определялись начальниками цехов по своему усмотрению без привлечения общественности, при этом участниками движения становились рабочие, перевыполнившие нормы несисте-

матически [11, л. 69]. Такой подход к разворачиванию стахановского движения позволяет утверждать, что цифры количества стахановцев по БССР были в некоторых случаях завышены и не соответствовали реальному совершенствованию производства.

Несмотря на определенные недостатки, можно считать, что разворачивание стахановского движения оказало значительное влияние на интенсивный рост объема валовой продукции и повышение производительности труда в экономике БССР. Так, в 1937 г. объем промышленной продукции вырос по сравнению с 1932 г. в 2,5 раза, при этом рост производительности труда повысился на 61,9%. За следующие два года продукция промышленности еще возросла на 19,1%, а рост производительности труда в 1939 г. по сравнению с 1937 г. повысился на 25,3%.

Включение Западной Беларуси в состав БССР, в рамках осуществления социально-экономических преобразований советской власти в 1939–1941 гг., было отмечено организацией стахановского движения среди рабочих, которое было направлено на интенсивную реконструкцию экономики для скорейшей интеграции с хозяйством восточных областей. В первую очередь большое значение придавалось преобразованиям в ведущих для западно-белорусского региона отраслях легкой и деревообрабатывающей промышленности, в которых и появляются первые стахановцы. Советская власть, например, поставила цель сделать из Белостока новый центр текстильной промышленности СССР, который находился бы на одном уровне с Иваново, в связи с чем стахановское движение было

широко развернуто на Белостокском текстильном комбинате, где свою отличную работу показали передовики Медлинский, Высоцкий, Лившиц, Миллер, Елин, выполняя план по выпуску продукции до 200% [8, л. 16]. К марту 1941 г. численность стахановцев на отмеченном предприятии возросла до 110 человек. Среди стахановцев деревообрабатывающей отрасли отлично проявил себя лесоруб Мицкевич (Столбцовский леспромхоз), организовавший звено из 6 человек, которое выполняло норму выработки в среднем до 300% [2, л. 110]. На Скидельском кожевенном заводе на 1 мая 1940 г. своей стахановской работой выделилось 47 рабочих.

Несмотря на положительные примеры повышения производительности труда и энтузиазма трудящихся, в западных областях БССР не наблюдалось такого интенсивного роста стахановского движения, как в восточных. Так, например, в лесной промышленности западных областей на 1 июня 1940 г. стахановцами являлись лишь 15,4% рабочих [12, л. 59].

Это можно объяснить, с одной стороны, психологией рабочих данного региона, у которых не было устойчивых мотивов к сверхактивному труду, т.к. их трудовая деятельность проходила в условиях капиталистического уклада Польши и соответствующие ценностные ориентации, характерные для советских рабочих, здесь только начинали складываться. С другой стороны, сыграла свою роль и слабое техническое обеспечение промышленности западных областей в сравнении с восточными, что не давало возможности увеличивать темпы производства «стахановскими» темпами.

В целом можно утверждать, что в западных областях после их присоединения к БССР стахановское движение также стало неотъемлемой частью социалистических преобразований и являлось результатом большой организационной работы новой власти, которая сумела побудить рабочих не только к участию в общественном производстве, но и к проявлениям высокой степени трудового энтузиазма.

Заключение. Таким образом, стахановское движение в БССР в годы третьей пятилетки было развернуто в ключевых секторах промышленности республики, получив особое распространение в легкой

и деревообрабатывающей отраслях, а также на предприятиях машиностроения. Новой формой социалистического соревнования в рамках развертывания стахановских кампаний стало движение за многостаночное обслуживание и совмещение профессий. В годы третьей пятилетки участие в стахановском движении приобретает массовый характер.

Это привело к тому, что стахановцы составляли на некоторых предприятиях абсолютное большинство. Такая ситуация определенным образом снижала высокий социальный статус части стахановцев и формировало в обществе восприятие их как обычных рабочих.

На фоне значительного роста фактов трудового энтузиазма при организации стахановского движения по-прежнему сохранялись проблемы, связанные с нехваткой сырья, техническими сбоями и формализмом со стороны местных руководителей, что опять-таки приводило к нестабильной динамике количества участников социалистического соревнования и невыполнению планов по отдельным хозяйственным единицам. Стахановское движение стало одним из факторов интеграции в 1939–1941 гг. западных областей в единый хозяйственный организм БССР и позволило сформировать здесь новые формы активной трудовой деятельности.

Литература

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 14029.
2. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 14028.
3. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 16054.
4. Государственный архив Витебской области. – Ф. 1021. Оп. 1. Д. 129.
5. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 14708.
6. Государственный архив Минской области. – Ф. 164. Оп. 1. Д. 620.
7. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 13273.
8. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 15968.
9. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 15710.
10. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 5451. Оп. 22. Д. 76.
11. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 15924.
12. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 15923.

Поступила в редакцию 09.10.2023

Противостояние: советское партизанское движение и формирования польской Армии Крайовой в западных областях БССР (1942–1945 гг.)

Ярмусик Э.С.

Учреждение образования «Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы», Гродно

В годы Великой Отечественной войны в западных областях БССР проходила острая борьба между советскими партизанскими формированиями и отрядами польской Армии Крайовой. Главными причинами этого конфликта были территории, которые вошли в состав БССР в сентябре 1939 года. Польша считала их неотъемлемой частью своей государственности, поэтому стремилась любыми средствами, включая вооруженную борьбу, не допустить возвращения их в состав БССР и СССР.

Цель статьи – показать особенности политической и военной обстановки в условиях обострения борьбы за западные области БССР в 1942–1945 гг.

Материал и методы. *Источники исследования представлены публикациями белорусских и польских авторов, а также архивными документами. При подготовке статьи были использованы принципы научного исследования (историзма, научности, объективности и системности), а также общенаучные (анализ, синтез, индукция и дедукция).*

Результаты и их обсуждение. *Раскрываются цели и задачи, которые преследовали советские и польские формирования в западных областях БССР. Характеризуется напряженная военно-политическая обстановка, относительно короткий период взаимодействия советских и польских отрядов в борьбе с немецкими оккупантами и период вооруженного противостояния. Показаны методы борьбы, используемые противоборствующими сторонами.*

Заключение. *Польские формирования Армии Крайовой не достигли поставленных целей. Западные области БССР остались в составе советского государства. В мае 1945 года АК была расформирована, а ее участники освобождены от присяги. Однако постаковские формирования не сложили оружия. Борьба в западных областях БССР продолжалась до начала 1950-х годов. В настоящее время проблема этих территорий активно обсуждается польскими политиками и учеными, которые по-прежнему считают их неотъемлемой частью польского государства.*

Ключевые слова: *антисоветское сопротивление, Армия Крайова, вооруженная борьба, западные области БССР, конфронтация, оккупация, партийное и советское руководство, партизаны.*

(Ученые записки. – 2024. – Том 39. – С. 43–49)

Opposition: Soviet Partisan Movement and Formations of the Polish Krayova Army in the Western Regions of the BSSR (1942–1945)

Yarmusik E.S.

Education Establishment “Yanka Kupala State University of Grodno”, Grodno

During the years of the Great Patriotic War, there was a fierce struggle in the western regions of the BSSR between Soviet partisan formations and the detachments of the Polish Krayova Army. The main causes of this conflict were the territories that became part of the BSSR in September 1939. Poland considered them an integral part of its statehood and sought, by any means including armed struggle, to prevent their return to the BSSR and the USSR.

The purpose of the article is to demonstrate the particularities of the political and military situation during the intensification of the struggle for the western regions of the BSSR from 1942 to 1945.

Material and methods. *The study sources consist of publications by Belarusian and Polish authors, as well as archival documents. The article was prepared using the principles of scientific research (historical accuracy, scientific character, objectivity, and consistency), as well as general scientific principles (analysis, synthesis, induction, and deduction).*

Findings and their discussion. *The aims and objectives pursued by Soviet and Polish formations in the western regions of the BSSR are revealed. The tense military-political situation, the relatively short period of interaction between Soviet and Polish units in the fight against German occupiers, and the period of armed confrontation are characterized. Methods of struggle used by the opposing sides are described.*

Conclusion. *The Polish formations of the Krayova Army did not achieve their goals. The western regions of the BSSR remained part of the Soviet state. In May 1945, the Krayova Army was disbanded, and its members were released from their oath. However, the post-Krayova Army formations did not lay down their arms. The struggle in the western regions of the BSSR continued until the early 1950s. Currently, the issue of these territories is actively discussed by Polish politicians and scholars, who still consider them an integral part of the Polish state.*

Key words: *anti-Soviet resistance, Army Krayova, armed struggle, western regions of the BSSR, confrontation, occupation, Party and Soviet leadership, partisans.*

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 39. – P. 43–49)

Территория современной Беларуси исторически воспринимается Польшей как зона особых интересов, так как в период Речи Посполитой земли, ныне принадлежащие Республике Беларусь, входили в ее состав. С 1921 по 1939 г. Западная Беларусь находилась в составе Польского государства и рассматривалась как «крэсы восточные Второй Речи Посполитой». Их утрата в связи со вхождением в БССР и СССР вызвала острую борьбу, которую начали польские подпольные антисоветские организации, объединившиеся осенью 1939 года в Союз Вооруженной Борьбы (СВБ). 14 февраля 1942 года по приказу польского правительства, находящегося в эмиграции в Лондоне, на территории, оккупированной немцами, была создана Армия Крайова (АК), имеющая четкую структуру, организацию и командование. Основной целью борьбы было восстановление довоенных границ Польши, следовательно, территория западных областей БССР была в зоне ее военно-политических и стратегических интересов. Безусловно, что в этой борьбе были жертвы – и немалые – как с одной, так и с другой стороны. Не обошли они и мирное население. Репрессиям, особенно в послевоенный (т.н. «постакровский» период), подверглась часть мирных жителей по причине лояльного отношения к советскому строю, вступления в колхоз, сотрудничества с новой властью и др. Историки Польши, выискивая правовые аспекты деятельности Армии Крайовой на территории Беларуси, аковцев оправдали так: «Польская сторона не могла признать изменение границ после 17 сентября 1939 года до момента проведения Потсдамской конференции в 1945 году, а, следовательно, правомочным был приказ польского правительства, находящегося в эмиграции, о создании военных структур в рамках довоенных границ и борьбе за независимость в границах после второго раздела Речи Посполитой» [1].

Проблема деятельности АК и её взаимоотношений с советскими партизанскими формированиями в западных областях БССР не получила широкого и всестороннего освещения в белорусской историографии. Исследованиями этой проблемы в основном занимались историки гродненской исторической школы С.А. Ситкевич, С.А. Сильванович, Н.А. Рыбак, В.В. Барабаш. В опубликованных ими работах на основе привлечения широкого круга белорусских

и зарубежных источников и литературы обстоятельно раскрыта деятельность подпольных польских анти-советских формирований в западном регионе БССР, роль польского эмигрантского правительства в борьбе за возвращение бывших «крэсов восточных» в состав польского государства. Советское и партийное руководство, партизанские отряды, действовавшие в этом регионе, стояли на позиции признания этих территорий неотъемлемой частью БССР и СССР. В работах приводятся многочисленные факты, раскрывающие сложность военно-политической обстановки и борьбы польских и советских формирований во время Второй мировой войны и послевоенный период [2–4].

В то же время в польской историографии эта тема не теряет свою актуальность с конца 1980-х годов. Авторы многочисленных публикаций обстоятельно разработали эту проблематику, обосновывая исторически, политически и идеологически право Польши на «крэсы восточные», показывая формы деятельности Польского Подпольного Государства, героизируя солдат АК, выявляя всё новые и новые факты и имена участников и интерпретируя их с точки зрения интересов польского государства [5–7]. Вместе с тем, учитывая развернувшуюся в последнее время информационную войну в польско-белорусских отношениях, представляется актуальным показать ее исторические корни, выявить причины польско-советского противостояния в вопросах принадлежности западных территорий Беларуси, осветить борьбу за них в период войны.

В данной статье автором поставлена цель: показать особенности политической и военной обстановки в условиях обострения борьбы за западные области БССР в 1942–1945 гг.

Материал и методы. В статье использованы некоторые публикации белорусских и польских авторов, а также архивные материалы, отражающие различные точки зрения на события, происходившие в западном регионе БССР в годы Великой Отечественной войны. Борьба за территориальную принадлежность вылилась в кровавые столкновения между польскими и советскими партизанскими формированиями. При подготовке статьи были использованы принципы научного исследования (историзма, научности, объективности и системности), а также общенаучные (анализ, синтез, индукция и дедукция).

Результаты и их обсуждение. В начале войны с Германией польское антифашистское движение в западных областях Беларуси не было достаточно организационно сплоченным. Оно не представляло собой силу, способную оказать немцам успешное сопротивление. К июню 1941 г. здесь сохранились лишь отдельные конспиративные ячейки. Поэтому с установлением немецкой оккупации в польском подполье развернулась работа по созданию его организационных очагов и материальной базы. Усилиями Главного командования СВБ – АК в регион было направлено значительное количество офицеров и подхорунжих. В результате была сформирована на протяжении 1941–1942 гг. организационная структура, укомплектованы штабы командований. Она была разделена на обшары (включали несколько воеводств), округа (соответствовали воеводствам) и обводы (соответствовали поватам). Подполье охватывало территорию всей предвоенной Польши, хотя в западных областях БССР антисоветские организации были почти целиком уничтожены советскими органами НКВД, а социальная база изрядно сузилась за счет депортаций польского населения. Однако вследствие немецкой оккупации польские структуры очень быстро возродились, что позволило 14 февраля 1942 года польскому эмигрантскому правительству все польские подпольные организации, а также ряд польских партий объединить в Армию Крайову. На 1 марта 1943 года состав АК на территории западных областей Беларуси насчитывал 21 900 – 22 600 человек [4, с. 158–159].

Следует отметить, что, в отличие от остальной территории Беларуси, в 1941 – первой половине 1943 г. советское партизанское движение в западных областях не приобрело прочных организационных форм. До 1943 г. здесь не было массового наплыва населения в партизанские отряды. Согласно данным Белорусского штаба партизанского движения (БШПД), в начале 1943 г. на всей территории Беларуси насчитывалось более 56 тысяч партизан, при этом в западной части республики, которая до 1939 г. входила в состав Польши, их было 11,1 тыс. человек. Наряду с отрядами действенного сопротивления, имелись и группы, ставившие единственной целью выживание. Последние не вели активной борьбы с немцами.

Партизанские группы в западных областях Беларуси в начальный период войны в абсолютном большинстве формировались из бывших воинов Красной Армии. В первые недели военных действий значительные силы Красной Армии попали здесь в окружение. Только западнее Минска свыше 330 тыс. солдат и командиров попало в плен. Эту огромную массу военнопленных немцы не смогли содержать в лагерях, и часть из них отпустили на проживание в местные деревни. Оккупанты надеялись, что война будет победоносно завершена, однако просчитались. Окруженцы стали уходить в партизаны [3, с. 46–47].

На первых порах между польскими и советскими вооруженными формированиями, действовавшими

в западнобелорусском регионе, не возникало конфликтов, поскольку подписанное 31 июля 1941 г. между правительствами СССР и Польши соглашение предусматривало военное сотрудничество. Уже в 1942 г. и до разрыва дипломатических отношений между польским и советским правительствами в апреле 1943 г. разведка АК эффективно взаимодействовала с советскими партизанами и разведчиками. На основе наблюдений в тылу за частями вермахта собиралась информация о направлениях ударов немецкой армии, которая разными путями систематически передавалась советскому руководству. Известно о проведении советскими и аковскими антифашистами совместных боевых операций. В местечке Налибоки (Барановичская область) 11 августа 1942 г. ими была уничтожена немецкая колонна вместе с новогрудским гебитскомиссаром, а в ночь на 17 августа 1942 г. атакован отряд эсэсовцев. На протяжении всего периода оккупации польские и советские подпольщики, партизанские и десантные группы в Белостокской области, преимущественно в районе Августовской пуши, результативно проводили диверсионную деятельность против немцев. Факты советско-польского сотрудничества упоминаются и в документах службы СД [2, с. 248–249].

Однако обе стороны соблюдали осторожность и недоверие во взаимоотношениях. Руководители польского сопротивления считали советскую угрозу очевидной и существенной. Их позиция заключалась в отстаивании польских прав на «восточные кресы» и недопущении установления здесь советской власти. В марте 1942 г. Верховный главнокомандующий польских вооруженных сил и премьер-министр польского правительства в эмиграции В. Сикорский издал ряд директив, которые предписывали в случае вступления Красной Армии на территорию бывшей Польши встретить ее войска хорошо организованными формированиями АК и обеспечить передачу власти органам администрации, назначенными Делегатурой правительства Польши. Указаниями премьера запрещалось вступать в борьбу с советскими частями как бессмысленное пролитие крови.

Эти директивы были восприняты командованием АК с большим сопротивлением и острой критикой. Главный Комендант АК Стефан Ровецкий («Грот»), в отличие от премьера, высказывал глубокое недоверие и враждебность по отношению к Советскому Союзу. Он стремился провести на «крэсах» крупную вооруженную операцию и втянуть ее западных союзников посредством участия их десантных частей, чтобы тем самым придать более широкий масштаб возможному польско-советскому конфликту [4, с. 167–168].

В конце 1942 года польское подпольное руководство рассматривало возможность проведения операции, направленной на вытеснение (ликвидацию) советских партизанских групп в западных областях БССР. Однако польское правительство не давало согласия на такое решение проблемы. В данном

случае руководство АК приняло решение издать приказ о ликвидации бандитизма. В силу этого приказа стало возможным трактовать как бандитские действия советских партизан, которые проводили реквизиции у местного населения без согласия АК. Приказ давал право ликвидировать те советские группы, которые не считались с Польским Подпольным Государством. И наоборот, те отделы, которые вели себя спокойно и поддерживали контакты с польским движением сопротивления, воспринимая его как хозяина, должны были рассматриваться как союзники. Реализуя такие установки, отделы АК приступали к ликвидации коммунистических групп, которые создавали угрозу польскому подполью. Эта политика должна была вынудить советскую сторону признать поляков подлинными хозяевами этих территорий, причем свести до минимума расширение этого конфликта.

Западные области БССР становятся объектом пристального внимания советского руководства только после создания Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД) 30 мая 1942 г. и Белорусского штаба партизанского движения (БШПД) в сентябре 1942 г. С этого времени фактически можно говорить об оперативных и политических планах создания партийных и военных структур в западных регионах БССР. 8 сентября 1942 г. ЦК КП(б) принял постановление о восстановлении деятельности Белостокского обкома партии. В числе важнейших задач были установление связей с действующими на территории Белосточчины партизанами, членами партии и антифашистским подпольем. С этой целью следовало в кратчайшее время перебросить на запад оперативные группы в составе 7–10 человек с заданием добраться до Белостока, Ломжи, Сокулки, Лап, Августова, Гродно и Волковыска. Им было приказано установить связь, информировать ЦК и обком о ситуации в области, проводить диверсии и подготовить условия для создания в ближайшем будущем подпольных партийных организаций во всех городах области. Одновременно из армии были отозваны и направлены на специальную переподготовку бывшие партийные и советские работники, которые ранее работали в этом регионе. Они должны были прибыть на западное направление вместе со сформированными партизанскими отрядами. Однако реализовать поставленные задачи удалось только весной 1943 года [5, с. 225–227].

В начале 1943 г. руководством СССР был взят курс на радикальное усиление советского партизанского движения в западных областях БССР. 26–28 февраля 1943 г. этот вопрос обстоятельно рассматривался на состоявшемся в Москве V пленуме ЦК КП(б) «Об обстановке и задачах работы партийных органов и партийных организаций в оккупированных районах Беларуси». Подчеркивалась особая важность активизации политической работы в западных областях БССР «с целью дальнейшего расширения партизанского движения и вовлечения в него широких

слоев трудящихся, а также в противовес ведущейся националистической обработке населения со стороны различных польских нелегальных организаций». Была поставлена задача образования в регионе подпольных партийных комитетов. Выступая на пленуме, первый секретарь ЦК КП(б)Б, начальник ЦШПД П.К. Пономаренко указывал: «Задача наша – развить работу в западных областях, насадить там конспиративные центры, ничего общего не иметь с поляками. Они убивают наших представителей, или будут убивать. Как только откроете, что вы представитель партийного органа, что вы против фашистов, они вас обманут. Поляков в партизанские отряды нужно принимать с огромным ограничением и отбором».

На февральском пленуме ЦК КП(б)Б 1943 г. был сделан первый шаг в разработке программы установления контроля советского руководства над западными областями Беларуси, неотъемлемой частью которой была борьба против действовавших на этих территориях польских вооруженных формирований [4, с. 170–171].

Последовавший в апреле 1943 г. разрыв дипломатических отношений между польским и советским правительствами привел к усилению противостояния польских и советских партизан. И без того натянутые отношения перешли в открытую вооруженную борьбу, в которой и одна, и другая стороны несли большие людские потери.

Сразу же после разрыва дипломатических отношений главнокомандующий АК Стефан Ровецкий («Грот») приказал воздерживаться диверсий на железной дороге в направлении «восток – запад» (разрешено было их проведение на линии север – юг), чтобы таким образом не поддерживать СССР. В отношениях с советскими партизанами в то же время следовало выразительно подчеркивать, что они находятся на территории Речи Посполитой. Между польским и советским подпольем зачастую доходило до конфликтов. Возникали они на почве неурегулирования польско-советской границы. Польские конспиративные силы рассчитывали, что на территории II Речи Посполитой, в том числе и в восточных воеводствах, советские отряды должны им подчиняться, в том числе будут тщательно координировать свои действия. Для советских органов это было неприемлемо. Более того, на деятельность польского подполья в западных областях БССР они смотрели с недоверием.

В середине 1943 года в Беларуси сформировалась огромная партизанская армия. Согласно различным данным, она насчитывала от 150 до 350 тысяч человек, однако она активно действовала на территориях, которые до 17 сентября 1939 входили в состав БССР. Такая ситуация вызывала обеспокоенность П.К. Пономаренко: как с военной, так и политической точки зрения приоритетным было для него охватить влиянием западные области БССР, включая Белосточчину до Ломщицны. В июне 1943 года ЦК КП(б)Б принял решение провести энергичные действия с целью

открыть западные границы республики до 22 июня 1941 года. В связи с этим Пономаренко решил перебросить из района Белостока и Бреста 40 партизанских отрядов. Их задачей было развитие массового партизанского движения. Предполагалось также создать прокоммунистические польские группы, которые впоследствии предстояло выслать на территорию Генерального Губернаторства.

На заседании бюро ЦК КП(б)Б 24 июня 1943 г. П.К. Пономаренко направил директиву подпольным организациям западнобелорусских областей: «Нам нужно ориентировать наши партизанские отряды на то, чтобы все эти польские организации, польские соединения, которые создаются, их выявлять и всячески ставить под удар немецких оккупантов. Немцы не постесняются расстрелять, если узнают, что это организаторы польских соединений или других польских организаций. ...Методами тут не нужно стесняться. На это нужно идти широко, но обставлять нужно таким образом, чтобы это было гладко». И указания начальника ЦШПД выполнялись точно.

В свою очередь, Армия Крайова платила тем же. Бывший комендант Новогрудского округа АК Я. Правдиц-Шлясский в своей книге сообщает, что таким же образом в Столбцовском обводе АК была ликвидирована коммунистическая подпольная организация, список членов которой аковцы передали немцам. Аресту подверглось 80 человек. В конце 1943 – в первой половине 1944 г. на основании полученных своей контрразведкой сведений, АК уничтожила советские подпольные группы, а также лиц, связанных с советскими антифашистами на территории Ивенецкого района. Среди прочих, было ликвидировано подполье в Ивенеце, в которое входили 21 полицейский, готовый перейти к советским партизанам [2, с. 263–264].

Белорусские коммунисты были полны решимости наносить удары по польскому подполью, что видно из письма партийным и партизанским формированиям от 22 июня 1943 года, где П. Пономаренко призывал в районах, находящихся под влиянием наших партизанских отрядов и партийных центров, деятельность польских групп, созданных националистами, не допускать. Руководителей уничтожать различными способами. Отряды распускать и забирать склады оружия или, если будет возможность, брать такие отделы под свое определенное влияние. Использовать для активной борьбы с немцами. Соответствующим образом перегруппировать и расчленять, лишая их возможности и значения как самостоятельных боевых единиц и присоединить их к большим советским отделам, после чего потихоньку проводить соответствующие чистки от враждебных элементов. Брать во внимание, что польские националисты являются хорошими конспираторами, мастерами вероломства и провокаций. Они будут высылать и уже высылают в наши отряды своих представителей, которые выдают себя за лояльных лиц. [...]. Таких лиц, по мнению началь-

ника Центрального Штаба партизанского движения, следовало выкрывать и ликвидировать».

Только в июле 1943 г. приступил к работе Белостокский подпольный обком КП(б)Б. Он активизировал работу по пополнению новыми силами партизанских отрядов, развитию партизанского движения, разрабатывал наиболее крупные операции по разгрому немцев, проводил политмассовую работу. Секретарем обкома стал В.Е. Самутин, в состав входили также Т.М. Стрижак, Д.К. Сукачѳев, П.П. Капуста, С.К. Майхрович. Основная база находилась в Липичанской пуще [8, с. 84].

В сложившихся военно-политических условиях важной задачей было пополнение личного состава партизанских отрядов. Однако партизанское командование учитывало, что в западных областях БССР действовали отряды Армии Крайовой, Русской освободительной армии (РОА), белорусских коллаборантов и другие, поэтому следовало тщательно подходить к каждому прибывшему. Так, во «входящих» и «исходящих» из штабов партизанских отрядов Белостокского соединения документах вместе с указаниями о необходимости создания новых формирований из числа местных жителей и расширения сети скрытого партизанского резерва вполне резонно подчеркивалась потребность в «железной дисциплине» и «сохранении военной тайны». Всем командирам отрядов и бригад категорически запрещалось «самовольно, без соответствующей работы начальников и уполномоченных особых отделов» производить набор в партизанские отряды. Все вновь прибывшие и желающие поступить в отряд должны были немедленно задерживаться. Только после тщательной проверки через всевозможные источники им могло быть доверено оружие. Такого рода подход был продиктован самой жизнью: к отрядам «прибывалось» немало разных людей, нередко среди них выявлялись шпионы, провокаторы, бывшие полицейские и др. В одном из приказов этого времени имелся следующий пункт: «При принятии нового пополнения обязательно требовать характеристику о данном человеке от знающих его командиров и партизан, в которой должно быть указано, что им сделано в пользу партизанского движения, и другие положительные моменты о его деятельности за период войны». В последующем на всех прибывающих в отряды заполнялась анкета по форме № 6 [9, с. 66–67].

2 августа 1943 года ЦК КП(б)Б направил «Закрытое письмо» Белостокскому, Брестскому, Барановичскому, Вилейскому и Пинскому нелегальным обкомам КП(б)Б, Белорусскому штабу партизанского движения «О военно – политических задачах работы в западных областях БССР». Подчеркивая недостаточный уровень состояния борьбы против немецких оккупантов по сравнению с восточными областями, в письме отмечалось, что «основной и неотложной задачей в политической и организационной работе партийных организаций и партийных органов

западных областей является разжигание партизанской борьбы против оккупантов во всех районах и уголках Западной Белоруссии, создание всюду во всех районах нелегальных партцентров и подпольных партийных и антифашистских организаций, всемерное усиление политической работы среди населения, усиление газет и листовок». В письме поставлены конкретные задачи, которые должны были выполнить партийные организации, БШПД, партизанские отряды: «Развивать ее на той основе, что западные области Советской Белоруссии являются неотъемлемой частью БССР. На этот основной, коренной элемент нашей политики, имеющий государственный характер, ЦК обращает особое внимание в связи с тем, что польское правительство и националистические польские реакционные круги, став на позицию враждебных отношений к Советскому Союзу и не признавая исторических прав белорусского и украинского народа быть объединенными в своих национальных государствах, выступали с захватническим империалистическим планом раздела исконных белорусских и украинских земель. Польское правительство рассматривает западные области Советской Белоруссии и Советской Украины как часть территории Польши, игнорируя всем известный факт происшедшего уже воссоединения белорусов и украинцев в своих национальных государствах и выступает за продолжение политики раздробления белорусского и украинского народов». От партийных органов, партизанских формирований требовалось «добиваться, чтобы на захваченной немецкими оккупантами территории Западных областей Белоруссии действовали только группы, организации и отряды, руководствующие интересами СССР» [10, лл. 2–6об.].

Выполняя указания ЦК КП(б)Б, руководители советских формирований прилагали усилия для организации отдельных советских польских партизанских отрядов. Однако результаты оказались незначительными. В западных областях Беларуси было создано несколько польских партизанских отрядов и менее десятка партизанских групп. Не удалась попытка подчинения советско-партийному руководству отрядов АК или разложения их изнутри. Тогда советская сторона перешла к открытой конфронтации. С разрешения П.К. Пономаренко бригада имени Ворошилова, возглавляемая Ф. Марковым, 26 августа 1943 г. провела операцию по разоружению у озера Нарочь (Вилейская область) бригады подхорунжего А. Бужинского («Кмитица»). 80 легионеров, включая А. Бужинского и других офицеров, были расстреляны. Из разоруженных аковцев был образован отряд под командованием Винченца Мрачковского в количестве 120 человек. Однако насильно включенные в советскую бригаду поляки, в том числе и В. Мрачковский, дезертировали и вернулись в ряды АК. Отношения между советскими и польскими формированиями обострились и в других районах западных областей Беларуси [2, с. 258].

В той ситуации польско-советский конфликт решили использовать в своих целях немцы. Они предложили отделам АК заключение антисоветского соглашения. Некоторые из польских командиров решились на такой драматический шаг.

Весной 1944 года штаб Белостокского соединения потребовал от командиров партизанских бригад повышения бдительности в связи с активизацией в их регионе агентурной и террористической деятельности частей РОА и польских отрядов Армии Крайовой. На основании этого было приказано: «Категорически запретить приём перебежчиков из РОА и АК, а пришедших немедленно арестовывать и вести тщательное следствие о каждом отдельном случае и о результатах немедленно докладывать в штаб. Запретить появление лиц из гражданского населения в расположении лагерей, а в случае обнаружения таковых в лесных массивах задерживать их и тщательно проверять» [9, с. 66–67].

В конце 1943 – начале 1944 г. польское эмигрантское правительство и подчиненные ему силы Армии Крайовой начали форсировать подготовку к выполнению «Большого плана». Одним из его элементов было проведение ширококомасштабной операции под кодовым названием «Буря». Предполагалось в момент отступления немецких войск захватить один или несколько крупных городов на территории Западной Беларуси или Западной Украины (предположительно Вильнюс или Львов) и объявить там восстановление власти польского эмигрантского правительства. На территории западных областей БССР в рамках общей операции «Буря» была разработана операция «Острая Брама». Ее подготовку возглавил командир Надземанского соединения АК майор М. Коленкевич («Котвич»).

План предусматривал захват Вильнюса до прихода советских войск силами Виленского и Новогрудского округов АК. Операция намечалась на 10 июля 1944 г. Стремительное наступление советских войск заставило перенести операцию на 7 июля. Хотя Новогрудский и Виленский округа насчитывали в тот момент около 16 тыс. человек, к назначенному времени собралось около 4 тыс. бойцов (сказались несогласованность действий некоторых соединений, а также прямой отказ отдельных командиров отрядов АК участвовать в боевых действиях). Штурм Вильнюса силами АК начался 6 июля и продолжался в течение суток. Отдельные соединения АК продолжали участвовать в боях за Вильнюс совместно с частями Красной Армии. В результате боевых действий в районе Вильнюса аковцы потеряли убитыми 71 человека и более 500 раненых. Операция потерпела полный провал [11, с. 284].

Заключение. Западные области БССР, которые в годы Великой Отечественной войны стали территорией противостояния советских и польских государственных интересов, оставили в истории неизгладимый след. После разрыва дипломатических

отношений между СССР и польским правительством в эмиграции они стали фактически ареной польско-советской партизанской войны. События, происходившие здесь как во время войны, так и почти десятилетие после ее окончания, были трагическими для многих тысяч людей – участников АК и постаковского подполья, советских партизан, сотрудников органов госбезопасности, внутренних дел, офицеров и солдат Советской Армии, мирных жителей. Несмотря на то, что с каждым днем события тех лет все больше и больше отдаляются, они требуют переосмысления как с точки зрения интересов белорусской государственности, так и с общечеловеческих гуманистических позиций. В современной политике всё больший и больший акцент ставится на вопросах исторической памяти, национальной идентичности, гражданско-патриотического воспитания. Чтобы не ошибиться в оценке событий сегодняшнего дня, нужно хорошо знать их исторические корни.

Литература

1. Армия Крайова: попытка вернуть Западной Беларуси статус «крэсы вхадне» [Электронный ресурс] / Наш час. Волковысский новостной портал. – Режим доступа: <https://volkovysknews.by/istoriia/23071>. – Дата доступа: 15.01.2023.
2. Ситкевич, С.А. Польское подполье на территории западных областей Беларуси (1939–1954 гг.): монография / С.А. Ситкевич [и др.]. – Гродно, 2004. – 345 с.
3. Барабаш, В. Поляки в антифашистской борьбе на территории Беларуси (1941–1944 гг.) / В. Барабаш. – Гродно: ГГАУ, 1998. – 144 с.
4. Барабаш, В. Беларусь в советско-польских отношениях в период Второй мировой войны: монография / В. Барабаш. – Гродно: ЮрСаПринт, 2017. – 398 с.
5. Boćkowski, D. Na zawsze razem. Białostoczczyzna i Łomżyńskie w polityce radzieckiej w czasie II wojny światowej (IX 1939 – VIII 1944) / D. Boćkowski. – Warszawa: Wyd-wo Neriton Insytut Historii PAN, 2005. – S. 225–227.
6. Motyka, G. Na Białych Polaków obława. Wojska NKWD w walce z polskim podziemiem 1944–1953 / G. Motyka. – Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2014. – 512, [1] s.
7. Żołnierze Armii Krajowej na Kresach Wschodnich podczas II wojny światowej: historia – polityka – pamięć / pod. red. nauk. Olgierd Grott (ed), Adam Pełakowski (ed) /. – Kraków, 2022. – S. 432.
8. Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне 1941–1945. Энцыклапедыя. – Мінск: Беларус. Сав. Энцыкл. імя П. Броўкі, 1990. – С. 84.
9. Черепица, В.Н. Мобилизационные мероприятия партизан Беларуси в 1943–1944 гг. (На примере боевой деятельности партизанской бригады имени Кастуся Калиновского) / В.Н. Черепица // Великая Отечественная война в исторической судьбе белорусского народа: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 65-летию победы в Великой Отечественной войне, Гродно, 4–5 мая 2010 г. / Нац. Акад. наук Беларуси, Ин-т истории, Гродн. гос. ун-т им. Я. Купалы; Департамент по архивам и делопроизводству М-ва юстиции Респ. Беларусь; редкол.: А.А. Коваленя [и др.]. – Минск: Беларус. навука, 2012. – С. 64–69.
10. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4П. Оп. 33а. Д. 397.
11. Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / А.А. Коваленя (рук. авт. кол.), А.М. Литвин, В.И. Кузьменко [и др.]. – Минск: БЕЛТА, 2005. – 544 с.

Поступила в редакцию 29.06.2023

Физическое воспитание детей с умеренной и тяжелой интеллектуальной недостаточностью в историческом аспекте становления отечественной системы специального образования (1917–1930-е годы)

Новицкий П.И.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

В статье представлен материал исследования состояния и развития физического воспитания детей с интеллектуальной недостаточностью в историческом аспекте становления отечественной системы специального образования в 1917–1930-е годы.

Цель публикации – ретроспективный анализ и выявление факторов, продвигавших и сдерживавших эволюционное развитие адаптивного физического воспитания детей с умеренной и тяжелой интеллектуальной недостаточностью (УиТИН) в отечественной системе специального образования в 1917–1930-е годы революционных перестроек государства и общества.

Материал и методы. Материалом исследования послужили научные и учебно-методические публикации отечественных и зарубежных авторов, периодической печати, а также данные статистических и законодательных документов разных лет, имеющих отношение к цели работы. Использовались общенаучные и специально-исторические методы: анализ и синтез, системный, сравнительно-исторический, ретроспективный, проблемно-хронологический.

Результаты и их обсуждение. В отличие от дореволюционного периода после Великой Октябрьской социалистической революции цели, задачи, средства и методы физического воспитания учащихся с УиТИН в учебных учреждениях стремительно утрачивали специфику адаптивного подхода к психофизическим особенностям развития детей и удовлетворению их образовательных потребностей. Перестройка работы вспомогательных школ на принципах новой «единой трудовой школы», а также введение в стране всеобщего (1930 г.) окончательно вытеснили из образовательной системы детей с тяжелыми нарушениями развития, превратив их на долгие последующие годы в категорию «необучаемых».

Заключение. В рассматриваемом периоде выделяется не только ряд предпосылок и причин, сдерживающих эволюционное развитие физического воспитания учащихся с УиТИН и приведших к его полной остановке в отечественной системе специального образования на многие десятилетия, но и многие позитивные факторы, методические разработки и практический опыт, которые предопределили современную парадигму адаптивной физической культуры данной категории детей.

Ключевые слова: физическое воспитание, цели, задачи, содержание, учебные программы, единая трудовая школа, дети с умеренной и тяжелой интеллектуальной недостаточностью, система специального образования.

(Ученые записки. – 2024. – Том 39. – С. 50–58)

Physical Education of Children with Intellectual Disabilities in the Historical Aspect of the Formation of the Domestic Special Education System in 1917–1930s

Novitsky P.I.

Educational Establishment “Vitebsk State University named after P.M. Masherov”, Vitebsk

The article presents research material on the state and development of physical education of children with intellectual disabilities in the historical aspect of the formation of the domestic special education system in the 1917–1930s.

The goal is a retrospective analysis and identification of factors that promoted and restrained the evolutionary development of adaptive physical education of children with moderate and severe intellectual disabilities (MSID) in the domestic special education system in the 1917–1930s, the years of the revolutionary restructuring of the state and society.

Адрес для корреспонденции: e-mail: nov.hanna123@mail.ru – П.И. Новицкий

Material and methods. The research material included scientific and educational publications of domestic and foreign authors, periodicals, as well as data from statistical and legislative documents of different years relevant to the purpose of the study. General scientific and special historical methods were used: analysis and synthesis, systemic, comparative-historical, retrospective, problem-chronological.

Findings and their discussion. In contrast to the pre-revolutionary period, after the October Socialist Revolution, the goals, objectives, means and methods of physical education of students with MSID at education establishments rapidly lost the specificity of the adaptive approach to the psychophysical characteristics of children's development and the satisfaction of their education needs. The restructuring of the work of auxiliary schools on the principles of the new "unified labor school", as well as the introduction of universal education in the country (1930), finally forced children with severe developmental disorders out of the education system, turning them into the category of "unteachable" for many years to come.

Conclusion. In the period under review, a number of prerequisites and reasons are identified that not only hindered the evolutionary development of physical education of students with MSID and led to its complete stop in the domestic system of special education for many decades, but also highlight those positive factors, methodological developments and practical experience that predetermined the modern paradigm adaptive physical culture of this category of children.

Key words: physical education, goals, objectives, content, curriculum, unified labor school, children with moderate and severe intellectual disabilities, special education system.

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 39. – P. 50–58)

Физическое воспитание как составная часть жизни общества, в большей или меньшей мере связанное с жизнедеятельностью человека, имеет глубокие корни эволюции развития.

Выявление и раскрытие закономерностей возникновения и развития различных социальных практик в обществе, в том числе физического воспитания, остается важным направлением в сфере исторических и педагогических знаний. Их изучение имеет не только познавательную ценность, помогая понять прошлое и его уроки, но и с опорой на это более объективно оценивать состояние текущих событий исследуемой области социальной практики, использовать позитивное в настоящем или предупреждать отрицательное в будущем ее развитии и совершенствовании.

В настоящее время ретроспективные данные и события отечественной олигофренопедагогике в различных ее исторических периодах (до Октябрьской революции, советский период, современный период) представлены работами Д.И. Азбукина, Х.С. Замского, Н.Н. Малофеева, Б.П. Пузанова, Н.П. Коняевой, Б.Б. Горскиной, Ф.М. Новика, В.В. Хитрюк, И.М. Боблы, И.Ю. Макавчик, Н.М. Назаровой, В.М. Мозгового и др.

На этом фоне исторические исследования о возникновении и развитии физического воспитания детей с интеллектуальной недостаточностью как социальной практики, неразрывно связанной с историей возникновения и развития отечественной системы специального образования, встречаются единично и фрагментарно [1–3]. В отличие от научного изучения организационно-методической стороны адаптивного физического воспитания лиц с интеллектуальными нарушениями, научные изыскания в направлении комплексного анализа эволюции всех образующих его основ как целостной, специально организованной педагогической системы к настоящему времени еще недостаточны. В значительной мере это затрагивает физическое воспитание лиц с УиТИН, одной из молодых и наименее изученных образовательных практик в сфере адаптивной физической культуры (АФК).

Анализируя доступные литературные источники и документальные материалы, содержащие информацию, касающуюся обучения и воспитания умственно отсталых детей в дореволюционной Российской империи и после Октябрьской революции, в тех или иных вопросах приходится сталкиваться с противоречивыми мнениями и фактами. Нельзя не согласиться с выводами аналитического исследования исторических этапов развития специального образования Н.Н. Малофеева, что положение умственно отсталых детей в предреволюционной России и в первые годы революционных перестроек государства и общества не только не улучшилось, но в целом в масштабах всей страны оказалось еще в худшем положении, особенно детей с тяжелыми нарушениями умственного развития. Автор пишет: «...многие полагают, что в царской России помощь глухим, слепым и умственно отсталым сводилась к их приречению, а прогрессивные перемены в деле обучения аномальных детей последовали буквально за подписанием известных декретов 1917–1919 гг. Конечно, это не так» [4, с. 48].

Ранее представленные нами результаты ретроспективного изучения физического воспитания, как неразрывно связанной с историей развития общества социальной практикой было показано, что если с древних времен у населения, проживающего на белорусских землях древнерусского, затем Российского государства, лица с легкой интеллектуальной недостаточностью предположительно могли включаться в элементарные самостоятельные формы физического воспитания нормально развивающихся детей и взрослых, то в жизнедеятельности лиц с УиТИН, в отличие от государств Западной Европы, какая-либо связь с физическим воспитанием, вплоть до конца XIX века фактически отсутствовала. С появления первых как зарубежных, так и отечественных врачебно-воспитательных и педагогических практик ухода, лечения и воспитания данной категории детей (приюты, врачебно-педагогические учреждения и др.) различные средства и формы физического воспитания становятся

их неразрывной составной частью. К началу Октябрьской революции в России действовала сеть приютов и специальных образовательных учреждений, которые использовали зарубежный и накопленный собственный эмпирический опыт призрения, лечебной и педагогической работы с лицами, имеющими различные степени умственной отсталости, и которые, по-существу, стали основой для создания будущей системы специального образования в послереволюционной России [2; 3].

Непосредственный научный и практический интерес в эволюции частных методик АФК представляют вопросы: как в послереволюционный период построения государства и нового общества осуществлялось физическое воспитание детей с УиТИН как соотносились происходящие в стране перемены и реформы в историческом становлении отечественной системы специального образования с целями, задачами и содержанием физического воспитания данной категории детей, их реальными психофизическими возможностями и образовательными потребностями настоящей и будущей жизни в обществе.

Таким образом, цель настоящего исследования заключалась в ретроспективном анализе и выявлении факторов продвигавших и сдерживавших эволюционное развитие адаптивного физического воспитания детей с УиТИН, рассматриваемых нами актуальными маркерами позитивных и отрицательных реалий современного состояния АФК в отечественной системе специального образования Республики Беларусь.

Материал и методы. Материалом исследования послужили научные и учебно-методические публикации отечественных и зарубежных авторов, периодической печати, а также данные статистических и законодательных документов разных лет, имеющих отношение к цели исследования. Использовались общенаучные и специально-исторические методы: анализ и синтез, системный, сравнительно исторический, ретроспективный, проблемно-хронологический.

Результаты и их обсуждение. Октябрьская революция, объявив Россию Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которым принадлежит вся власть в стране «в центре и на местах», коренным образом изменила вековые ценности прежних эпох государственного обустройства.

Новая власть отделяет церковь от государства, школу от церкви, вероисповедание попадает под запрет, уничтожая моральные ценности, правила и нормы христианства и других религий, ликвидирует все благотворительные и филантропические общества, ведомства, братства, а также частные приюты и учреждения, занимавшиеся уходом, лечением, воспитанием, обучением и помощью нуждающихся в этом детей и взрослых (в том числе с различными нарушениями умственного развития), передавая все это в ведение Народных комиссариатов.

В первые же дни после смены старой власти народный комиссар по просвещению А.В. Луначарский обращаясь к гражданам России объявляет первоочередную

цель новой «истинно демократической власти... добиться в кратчайший срок всеобщей грамотности путем организации сети школ, отвечающих требованиям современной педагогики, и введения обязательного и бесплатного образования» (Из Обращения народного комиссара по просвещению (от 29 октября 1917 г.) [4].

Государство внедряет принципы новой «единой трудовой школы»: единый тип школы и в известной мере одинаковый образовательный процесс для всех детей; приоритет политехнического образования, знакомство учеников с «методами всех важнейших форм труда», «с тем, что больше всего нужно в жизни». Правительство рассматривает школу как инструмент массового перевоспитания, воспитания «полезного» поколения, способного своими убеждениями и трудом «окончательно установить коммунизм» [5].

Физическому воспитанию (гимнастике и спорту) подрастающего поколения отводилась большая роль, как взаимосвязанной с трудовым воспитанием, неотъемлемой стороной подготовки всесторонне развитого строителя коммунистического общества. В «Положении об единой трудовой школе Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» (1918) говорилось: «Трудовое начало в школе в высокой мере способствует физическому развитию детей, но само по себе оно для этой цели недостаточно. Массовая ритмическая гимнастика, индивидуальное развитие мускулатуры под наблюдением врача, игра, переходящая постепенно в серьезный спорт, лишенный однако нездорового духа соревнования, – таков путь в этом отношении» [6].

Кроме того, в соответствии с Декретом ВЦИК «Об обязательном обучении военному искусству» (1918), взяв курс на всеобщее военное обучение, организации и содержанию занятий физической культурой в школах придавалось большое значение. Всеобуч разработал содержание занятий физической культурой с детьми и подростками (1919), на его основе губернскими отделами народного образования стали составляться примерные программы. В разных местах программы значительно отличались по структуре и содержанию, но практически все включали перечень военных умений и навыков.

Основу практического материала программ составляла гимнастика, в большинстве случаев приближенная к сокольской системе или полностью повторявшая ее отдельные разделы: строевые и порядковые упражнения, перечень военных умений и навыков, подвижные и некоторые спортивные игры [7].

Единая трудовая школа комплектовалась из разных категорий детей, в том числе ранее находившихся в детских домах и приютах. Безусловно, не у всех детей с нарушениями развития уровень физических и психических возможностей мог соответствовать требованиям образовательного процесса единой трудовой школы в достижении ее конечных целей.

К детям-инвалидам с тяжелыми нарушениями развития, не способных осваивать учебные программы,

явно просматривалось отношение как к «большим», которые нуждаются в уходе и лечении и не могут находиться в системе образования.

Потенциальные возможности ребенка с нарушениями психического или (и) физического развития к обучению, овладению ремеслом, иначе говоря, его перспективу стать «полезным» гражданином определяла специальная комиссия. «Перспективных» детей-инвалидов, как и малолетних преступников, следовало направлять на перековку в систему специальных учебно-воспитательных учреждений, «бесперспективных» ждали детские дома, где воспитание и обучение практически не предусматривались. Детям с тяжелыми нарушениями развития государство обещало минимальный уход и лечебную помощь [4, с. 10].

В связи с этим устанавливалось:

1. Нервные и психически больные дети воспитываются в соответствующих учреждениях Народного комиссариата здравоохранения (школы-санатории, школы-лечебницы и т.п.).

2. Умственно-отсталые дети воспитываются во вспомогательных школах Народного комиссариата просвещения.

3. Телесно дефективные дети (глухонемые, слепые, калеки) воспитываются в специальных учреждениях Народного комиссариата просвещения [8].

С образованием в 1919 году Белорусской Советской Социалистической Республики (БССР) все дальнейшие коренные изменения в сфере развития системы образования (в том числе специального) являлись, как правило, отражением и исполнением постановлений и законов Центрального Комитета Коммунистической партии и центральных органов образования единого образовательного пространства Союза Советских Социалистических Республик (СССР). По линии Наркомпроса РСФСР в октябре 1920 года в Витебске открылась первая вспомогательная школа, детские дома для умственно отсталых в Гомеле (март 1920 г.) и в Могилеве (февраль 1921 г.). В 1921 году появился Детский дом для дефективных детей № 22, в котором находились умственно-отсталые еврейские дети [9]. Как свидетельствует А.Н. Граборов, стремительно открывающиеся в это время детские дома для «дефективных детей», охватывали самые разные детские группы и «лишь в самой незначительной степени детей отсталых, умственно недостаточных» [10, с. 3]. Многие дети с интеллектуальной недостаточностью по-прежнему оставались в массовых школах, создавая проблемы (на что постоянно указывалось в выступлениях и публикациях) для полноценного обучения «нормальных» учеников и специальной педагогической работы с учащимися, нуждающимися во вспомогательном обучении. Специальное обучение таких детей требовало специалистов-педагогов, которых также было крайне мало. К педагогической работе в детских домах прибегались разные работники, в том числе далекие от педагогического образования.

В начале 1920-х гг. среди используемых учителями физической культуры различных систем физического воспитания широкое распространение получила «Схематическая программа физического воспитания и трудовых навыков в возрасте от 7 до 18 лет на основе пролетарской физкультуры» (А.А. Зикмунд, А.И. Зикмунд, 1923). Упражнения в программе были просты, легко дозировались, имели четко выраженную восстановительно-поддерживающую направленность [11, с. 178–180].

В основе программно-методического обеспечения учебно-воспитательного процесса вспомогательных школ в первые годы Советской власти (1918–1923) лежали принципы, средства, методы и планирование, сложившиеся в работе вспомогательных школ до Октябрьской революции [12].

Первые специальные программы по учебным предметам вспомогательной школы были опубликованы в книге Е.В. Герье и Н.В. Чехова «Вспомогательные школы для отсталых детей» (1923), где был обобщен дореволюционный опыт и рассматривалась возможность приспособить содержание обучения к новым социальным условиям [13]. Программы не были официально утвержденным документом, по существу, являлись примерными и рекомендательными, педагоги могли вносить в них изменения и дополнения, использовать их содержание в соответствии с имеющимися условиями и контингентом учащихся. Отдельная программа по физическому воспитанию для учащихся вспомогательной школы отсутствовала. Как уточняли авторы, задачи преподавания физических упражнений и подвижных игр, а также содержание, т.е. виды физических упражнений и характер их в школах для умственно отсталых детей, были общими с нормальными школами. Разница же заключалась в «методе преподавания» [14, с. 170].

К тому же и содержание физического воспитания учащихся с различной степенью интеллектуальных нарушений не дифференцировалось, в основе лежал учебный материал одной для всех учебной программы.

Анализируя основные направления (развернутую задачу), которыми Х.С. Замский раскрывает сущность учебно-воспитательного процесса вспомогательных школ в первые годы Советской власти (1918–1923 гг.) [12, с. 364], обращает внимание на отсутствие в перечисленном каких-либо позиций, связанных с укреплением или сохранением здоровья детей, созданием условий для всестороннего физического развития, рассматриваемой категории детей; не видно и уточнений, связанных со спецификой образовательных потребностей и возможностей детей с УИТИН, которые в этот период также были широко распространены среди учащихся вспомогательных школ.

В материалах того периода П.Я. Ефремов (1924) отмечал: «До настоящего времени все учреждения для физически дефективных и умственно-отсталых детей не имеют определенных положений, не имеют уставов, нет строго установленных типов учреждений, нет выдержанных примерных учебных планов

и программ, что, естественно, вносит разноречивость в работу, некоторую неопределенность, неуверенность в правильности проводимой работы. ... Физическое и эстетическое воспитание проводится в той или иной форме во всех дет. учреждениях, но здесь также нет единства плана, определенной системы и в этом отношении необходимо выработать определенные программы и методы воспитания» [15].

Объясняя положение специального образования на фоне реформ общего народного просвещения и «успехов новой педагогической мысли» Л.С. Выготский, редактор сборника «Вопросы воспитания слепых, глухонемых и умственно-отсталых детей» (1924), позиционируемого как первый шаг к постановке до сих пор не решенных в России конкретных вопросов и практических направлений «воспитания дефективного детства», в предисловии издания писал: «Мы, конечно страшно отстали... от европейской и американской практики. Мы, помимо того, не подготовлены еще и теоретически достаточно для того, чтобы решать эту трудную проблему в сколько-нибудь полной, широкой и исчерпывающей постановке вопроса... Вопросы воспитания таких детей за все это время ни разу не ставились в центр пристального общественного внимания и в поле зрения новой научной мысли» [16, с. 3].

В середине 20-х годов вспомогательным школам была предоставлена возможность в своей деятельности по выбору руководствоваться любым из существовавших вариантов учебных программ:

а) составленных московскими учителями в 1923 г. и опубликованных, как мы уже отмечали в книге «Вспомогательные школы для отсталых детей» под редакцией В.И. Герье и Н.В. Чехова; б) программ А.Н. Граборов, опубликованных в 1923–1925 гг. в его книге «Вспомогательная школа»; и в) программ московских учителей, опубликованных в сборнике «Вопросы воспитания слепых, глухих и умственно-отсталых детей» под редакцией Л.С. Выготского [17, с. 114].

Как уже подчеркивали, в книге В.И. Герье и Н.В. Чехова «Вспомогательные школы для отсталых детей» был представлен раздел «Физические упражнения», однако для учителей физической культуры, в отличие от программ по другим предметам, какой-либо конкретной программы или упражнений он не содержал. Физическое воспитание детей вспомогательной школы представлялось как использование физических упражнений и подвижных игр по аналогу и в соответствии с их задачами, видами и содержанием, которые имели место в «нормальных школах» [14].

Особое внимание в рассматриваемом издании обращалось к «Психической ортопедии». Получившие название и признание психическая ортопедия, сенсорно-моторная культура в педагогических системах французского олигофренопедагога Ж. Ваня, итальянского педагога М. Монтессори и др., по существу, представляла преобразованную систему упражнений и методов, разработанных Э. Сегеном. Содержание «Психической ортопедии» представляло собой систему упражнений,

имеющих целью развитие произвольного внимания, наблюдательности, ловкости движений корпуса и рук (например, нанизывание бус, переноска сосудов с водой и др.); упражнений, в процессе которых развивались зрение, слух, обоняние, вкус, осязание (например, узнавание предметов на ощупь).

Не содержала конкретной программы по физической культуре и книга А.Н. Граборов «Вспомогательная школа». Все содержание раздела «Физическое воспитание» представляло теоретические аспекты проблемы экологии, гиподинамии и заболеваний населения и места в этих вопросах занятий физическими упражнениями [10, с. 248–262]. В то же время в представленных в книге достаточно основательно разработанных программах по «Психической ортопедии» и «Сензорной культуре» содержался во многих аспектах адекватный практически значимый учебный материал для занятий с учащимися, имеющими умеренную и тяжелую степень интеллектуальной недостаточности. Позже, в 1935 году А.Н. Граборов писал, что система психической ортопедии и сенсомоторного воспитания посредством проведения специальных уроков «надо признать не нужной». Этот дидактический материал и упражнения должны растворяться в общем плане отдельных учебных предметов. «Таким образом, – заключал ученый, – сенсомоторное воспитание как один из элементов коррекционно-воспитательной работы является уже не предметом, а скорее методом школьной работы» [18, с. 115]. В настоящее время упражнения такой направленности входят в содержание «Коррекционно-развивающего компонента» учебных программ по «Адаптивной физической культуре» для учащихся второго отделения вспомогательных школ (умеренная и тяжелая интеллектуальная недостаточность) [19].

Более ясное представление о преподавании физических упражнений и подвижных игр во вспомогательной школе содержалось в сборнике «Вопросы воспитания слепых, глухих и умственно-отсталых детей», хотя отдельной программы по физической культуре он не предлагал, поскольку по утверждению авторов – коллектива преподавателей Московских вспомогательных школ – она «является неразрывно связанной с психомоторной культурой». В данном сборнике информация о преподавании физических упражнений представлялась в объяснительной записке к программе «Сенсорно-моторная культура». Здесь же авторы формулируют «цель сенсорно-моторной культуры – развить физический организм ребенка и его внешние чувства и при помощи этого воздействовать на развитие психологических процессов, ... создать систему упражнений, способствующую образованию социально-полезных рефлексов и тормозящую социально-вредные» [20, с. 131].

Признавая необходимость психомоторного и сенсорного воспитания умственно отсталых детей, в то же время как свидетельствуют архивные материалы [9], в советской школе 20–30-х годов имело место негативное отношение к системам упражнений

А.С. Фридмана, М. Монтессори, В.П. Кащенко, А.Н. Граборова и др. по психической ортопедии и сенсомоторной культуре, так как они являлись «во многом не умственны и оторваны от жизни».

Так, о преподавании во вспомогательных школах психической ортопедии и сенсомоторной культуры как приоритетных, первостепенных задач учебного процесса с жесткой критикой выступил Л.С. Выготский на II съезде по социально-правовой охране несовершеннолетних (1924). Х.С. Замский писал: «Выготский осудил методы «психической ортопедии», представляющие собой систему искусственных упражнений по развитию органов чувств и моторики, не связанных с учебной, трудовой и игровой деятельностью ребенка. «Психическая ортопедия» и «сенсорная культура», по его мнению, противоречат принципам социального воспитания» [12, с. 382].

Как отмечают Б.П. Пузанов, Н.П. Коняева, Б.Б. Горский (2001): «...такое категорически негативное отношение к системе упражнений, направленных на сенсорное развитие ребенка, особенно на ранних стадиях этого развития и тем более детей с глубокими степенями умственной отсталости, нанесло определенный ущерб педагогической работе с аномальными детьми» [17, с. 115].

Позже, анализируя события этого времени и актуализируя значение коррекционной работы по сенсомоторному воспитанию, И.И. Финкельштейн (1961) писал: «Случилось, однако, то, что, старая система сенсомоторных упражнений была забраксована, а новую не создали. В результате работа была сначала отставлена, а впоследствии совсем забыта» [21, с. 6].

К 1924 году в РСФСР, куда входила и часть западных земель современной Беларуси, существовало 65 вспомогательных школ и детских домов-интернатов для умственно отсталых детей, охватывающих 3442 человека. [22, с. 69]. Однако специально организованным педагогическим процессом они охватывали предположительно около 5% нуждавшихся [12].

В 1927 г. Государственный ученый совет Наркомпроса РСФСР (ГУС) утверждает первые обязательные школьные программы по физической культуре для школ I и II ступени. В этом же году публикуются программы по учебным предметам (математика, русский язык и др.) для вспомогательных школ, построенные на редакции программ ГУСа для городских школ I ступени [23], но специальных программ по физической культуре не предоставлялось, а рекомендовалось пользоваться программами и методическими записками Единой трудовой школы, рассчитанными на массовую школу первой ступени.

В сборнике программ для вспомогательных школ уточнялось, что поскольку программы по физическому воспитанию специально для вспомогательных школ еще не разработаны, учителя должны использовать соответствующие программы, действующие в нормальной школе, с внесением в них поправок, обусловливаемых особенностями умственно-отсталых детей [23].

Также указывалось, что «общие цели и задачи, стоящие перед Единой трудовой школой, являются вместе с тем целями и задачами вспомогательной школы. Ближайшая цель, стоящая перед вспомогательной школой, совпадает с ближайшей целью, какую ставит себе нормальная школа I ступени, ... «дать самые необходимые для трудовой деятельности и культурной жизни навыки и знания...» [23].

В 1928 году утверждается первое «Положение о вспомогательной школе и вспомогательных группах умственно-отсталых детей». Во вспомогательную школу принимаются умственно-отсталые дети легкой и средней степени отсталости (дебилики и легкие имбецилики). Умственно-отсталые дети, отягощенные тяжелыми формами психо-невропатки, в школу не принимаются.

Вспомогательные школы, как и массовая переходят на работу по комплексным программам. Согласно действующему принципу утилитарности, в теории и практике воспитания умственно отсталых детей, все в их воспитании и обучении приспособлялось к дефекту ребенка. Это отразилось и в сокращении объема содержания образования до минимума.

В отношении предмета «Сенсомоторное воспитание и физическая культура», такой подход во многом соответствовал адаптивному обучению, содержание и методы которого приспособлялись к образовательным возможностям и потребностям детей с УиТИН. Для учащихся с легкой интеллектуальной недостаточностью (ЛИН), возможно образовательный процесс по этому и другим учебным предметам не мог в полной мере передать все то индивидуально доступное многообразие знаний, умений и навыков, которыми они способны были овладеть.

В 1930 году решениями XVI съезда ВКП(б) страна взяла курс на культурную революцию. Выходит Постановление «О всеобщем обязательном начальном обучении», вслед за которым в 1931 году вводится всеобщее обязательное обучение умственно отсталых детей в возрасте 8–15 лет (Приказ Наркомпроса «О введении всеобщего обязательного начального обучения физически дефективных, умственно-отсталых и страдающих недостатками речи (логопатов) детей и подростков» от 8 июня 1931 г.). В этот период педагогами разворачивается активная кампания освобождения массовых школ от учащихся со сниженным интеллектуальным уровнем. Позже эти события были названы «педагогическими извращениями», так как в силу несовершенных тестов во вспомогательную школу перевели много детей педагогически запущенных, с задержкой развития, с нарушениями поведения и пр., познавательные возможности которых были значительно выше тех, которыми обладали умственно отсталые. Ориентация именно на таких детей приводила к тому, что перед вспомогательной школой ставились задачи, близкие к задачам массовой школы.

В течение ряда последующих лет Х. Замский пишет: «...вспомогательная школа по содержанию

и методам обучения все больше уподоблялась массовой школе» [12, с. 317]. Все это привело к ослаблению вспомогательной школы и значительной потере ею своей специфики в содержании и методике педагогического процесса.

После постановления ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе» (1931) на смену комплексным программам приходят предметные, в начальной и средней массовой школе признается необходимым обеспечить в учебных программах точно очерченный круг систематизированных знаний. Все это находит отражение и в программах вспомогательных школ, все острее вступающая в противоречие с образовательными возможностями умственно-отсталых учащихся. Учебный процесс разбивался на два концентрира, первый из которых должен был обеспечить общеобразовательную подготовку (5 лет), а второй (2 года) – подготовку учащихся к поступлению в фабрично-заводские училища.

Это открывало возможность для учащихся с легкими формами нарушений продолжить свое обучение в сфере профессионально-технического образования и трудоустроиться, что являлось положительной стороной единого образовательного ценза. Негативным же последствием стало закономерное «вытеснение» из образовательной системы детей с тяжелыми нарушениями развития. «Дети, пожалуй, более других нуждавшиеся в особой психолого-педагогической помощи, были вытеснены из пространства “дефектологического квадрата”; диктат образовательного ценза способствовал разделению аномальных детей на “обучаемых” и “необучаемых”, в число последних попали дети с глубокими интеллектуальными, эмоциональными нарушениями, сложной структурой дефекта» [24, с. 112].

В БССР, как и в других республиках СССР, «необучаемые дети» вплоть до середины 80-х годов оставались за рамками массовой практики специального образования.

В 1933 году учебно-методический сектор Наркомпроса РСФСР издал проект специальных предметных программ для вспомогательных школ с учетом специфики их работы. В 1938 г. вводятся новый учебный план вспомогательной школы и специальные программы по предметам. Акцентируется внимание на коррекционно-развивающей работе (исправлении дефектов развития учащихся), на необходимости укрепления здоровья учащихся путем лечебно-педагогических мероприятий, впервые определяется место и содержание пропедевтического (подготовительного) периода обучения по всем основным учебным предметам. Однако отсутствие специальной программы по физической культуре в очередной раз подтверждало, что данный учебный предмет все еще не был выведен в статус особой самостоятельной образовательной области, а его содержание и методика по-прежнему остались упрощенной копией физкультурной работы в массовой школе, для проведения уроков физической культуры учителями использовался материал ее программ.

Анализируя состояние социальной практики использования средств физического воспитания в обучении и воспитании детей с УиТИН через призму исторического развития национальных и отечественной систем специального образования, наблюдается как негативное, так и позитивное в подходах, средствах и методах, – по существу, уроков того времени, предопределивших современную парадигму АФК данной категории учащихся. Предоставляется возможность констатировать не только ряд основных предпосылок и причин, сдерживающих данного направления АФК.

Среди многочисленных событий, связанных с предметом нашего исследования, можно выделить две группы факторов, определявших динамику эволюционного развития АФК и состояние происходящего: движущие и сдерживающие факторы.

К движущим факторам рассматриваемого периода (конец 1917–1930-е годы), отражающим позитивные и системообразующие предпосылки, события и явления, прогрессивные тенденции становления и дальнейшего развития АФК детей с УиТИН, следует отнести:

- передача всех учреждений для аномальных детей из ведения Наркомсобеса в Наркомпрос (1918). Смещение основного упора на изоляцию и признание детей в сторону воспитания и обучения;

- необходимость практической реализации в физическом воспитании умственно-отсталых учащихся задач и средств учебных программ массовой школы;

- право учителей использовать имеющиеся программы по учебным предметам в качестве примерных с учетом реальных психофизических возможностей и образовательных потребностей умственно-отсталых учащихся;

- признание педагогической общественностью физической культуры неотъемлемой составляющей обучения и воспитания детей с нарушениями развития;

- имеющая место связь средств и методов преподавания физической культуры для умственно-отсталых учащихся с коррекцией нарушений психического и сенсорного развития (задачами коррекционно-развивающей направленности);

- прогрессивные установки об основной миссии физического воспитания во вспомогательной школе: «...основная же задача системы физического воспитания – это забота о нашем организме» (Н.Н. Граборов, 1923);

- апробированный и накопленный опыт вспомогательных школ работы по комплексным программам (1928–1931 гг.), закрепивший эффективность межпредметного подхода в воспитании и обучении учащихся с интеллектуальной недостаточностью, на практике раскрывший коррекционно-педагогический потенциал формирования знаний и умений в тесной взаимосвязи между природой, трудом и обществом;

- изменение многолетнего вектора в целеполагании образовательного процесса вспомогательной школы общего с единой трудовой школой в сторону первостепенной значимости коррекционно-педагогического

процесса («вспомогательная школа должна работать по особому учебному плану и программам, ее специальными задачами является исправление дефектов развития учащихся») и необходимости усиления внимания укреплению здоровья путем лечебно-педагогических мероприятий (1938);

– богатейший зарубежный практический опыт психической ортопедии и сенсомоторной культуры, получивший продолжение и новые дополнения в отечественной практике воспитания и обучения детей с интеллектуальным нарушением в учреждениях специального образования;

– опыт распределения учебного материала по годам обучения без точного возрастного деления, как примерное, по мере индивидуального освоения;

– опыт использования примерных, по существу, рекомендательных учебных программ, в которых педагоги могли вносить изменения и дополнения, использовать их содержание в соответствии с имеющимися условиями и контингентом учащихся;

– критические оценки существующих и актуализация создания предметных специальных учебных программ по дисциплинам (в том числе физической культуре), учебной и методической литературы для образовательного процесса с умственно-отсталыми учащимися;

– переход во вспомогательных школах с комплексных программ начальной и средней массовых школ на предметные специальные учебные программы (1931)

– введение в стране Всеобщего обязательного обучения умственно-отсталых детей в возрасте 8–15 лет (1931).

Сдерживающими факторами развития системы специального образования, в том числе отрицательно отразившимися на развитии АФК детей с УиТИН, выступали:

– в различное время рассматриваемого периода в учебно-воспитательном процессе учащихся с УиТИН наблюдалось то смещение и/или замещение основных задач физического воспитания задачами «психической ортопедии и сенсорно-моторной культуры», то вовсе вытеснение из коррекционной работы «старой системы сенсомоторных упражнений», без ее замены какой-либо новой;

– целеполагание учебно-воспитательного процесса Единой трудовой школы, направленное на воспитание и обучение подрастающего поколения (не исключая «дефективных» детей) «полезными гражданами, строителями коммунистического общества», которое распространялось и на детей с УиТИН, находившихся во вспомогательных школах;

– отсутствие примеров и опыта во вспомогательных школах включения детей с интеллектуальной недостаточностью в спортивную деятельность (занятия спортом, проведение соревнований);

– отсутствие специально разработанных программ для учащихся с УиТИН, соответственно проведение занятий физической культурой по программе Единой

трудовой школы совместно с учащимися, имеющими ЛИН. Задачи, вид и содержание физического воспитания (физические упражнения и подвижные игры) для использования во вспомогательных и обычных («нормальных») школах были общими;

– отношение к детям с тяжелыми нарушениями развития, не способных осваивать общие для всех учебные программы как к «больным», которые нуждаются в уходе и лечении и не могут находиться в системе образования;

– ограниченное количество вспомогательных школ и детских домов, при огромном количестве детей не охваченных специальным образованием;

– отсутствие научно-методического и программного обеспечения учебных предметов по физической культуре, дифференцированных для различных отделений учащихся с учетом степени интеллектуальных нарушений;

– отсутствие вопросов физического воспитания лиц с умственной отсталостью в «поле зрения новой научной мысли».

– прием во вспомогательную школу только умственно-отсталых детей с легкой и средней степенью отсталости (дебилики и легкие имбецилики) («Положение о вспомогательной школе и вспомогательных группах умственно-отсталых детей» (1928);

– отсутствие профессиональной подготовки специалистов по физической культуре к педагогической деятельности в учреждениях для детей с интеллектуальными нарушениями и действующих учителей, имеющих физкультурное образование.

Заключение. Отношение государства и общества к физической культуре в учреждениях специального образования закрепилось многолетней зарубежной и отечественной практикой вспомогательного обучения (с начала XIX в.), с одной стороны, констатацией его исключительной роли в воспитании умственно отсталых, но с другой – по существу, обезличиванием ее как самостоятельной образовательной области, так и не получившей в рассматриваемый период истории XX века специальной учебной программы, разработанной на государственном уровне. В отличие от дореволюционного периода после Октябрьской социалистической революции цели, задачи, средства и методы физического воспитания учащихся с УиТИН в учебных учреждениях стремительно утрачивали специфику адаптивного подхода к психофизическим особенностям развития детей и удовлетворению их образовательных потребностей. Перестройка работы вспомогательных школ на принципах новой «единой трудовой школы», а также введение в стране всеобуча (1930) окончательно вытеснили из образовательной системы детей с тяжелыми нарушениями развития, превратив их на долгие последующие годы в категорию «необучаемых».

Анализируя события рассматриваемого периода, выделяется не только ряд предпосылок и причин (см. выше), сдерживающих эволюционное развитие физического воспитания учащихся с УиТИН и приведших

к его полной остановке в отечественной системе специального образования на многие десятилетия, но и многие позитивные факторы, методические разработки и практический опыт, которые предопределили современную парадигму адаптивной физической культуры данной категории детей.

Литература

- Самыличев, А.С. Становление адаптивной физической культуры умственно отсталых / А.С. Самыличев, О.В. Яшин // *Адаптивная физическая культура*. – 2001. – № 4. – С. 9–13.
- Новицкий, П.И. Физическое воспитание детей с интеллектуальной недостаточностью на территории Беларуси (древнейший период – конец XIX в.) / П.И. Новицкий // *Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова»*: сб. науч. тр. – 2021. – Т. 34. – С. 14–19.
- Новицкий, П. И. Физическое воспитание умственно отсталых детей в первых врачебно-воспитательных и педагогических практиках общества и государства (середина XIX – начало XX в.) / П.И. Новицкий // *Ученые записки УО «ВГУ имени П. М. Машерова»*: сб. науч. тр. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2022. – Т. 35. – С. 39–47.
- Малофеев, Н.Н. Специальное образование в меняющемся мире. Россия / Н.Н. Малофеев. – М.: Просвещение, 2010. – Ч. 1. – С. 48.
- Основные принципы единой трудовой школы / РСФСР. Государственная комиссия по просвещению. – Москва: (тип. Адм. отд. Моск. сов. р. д.), 1918. – 14 с.
- Единая трудовая школа [Текст]: положения о единой трудовой школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. – Москва: Изд-во Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Р., С., К. и К. депутатов, 1918. – 24 с.
- Карпушко, Н.А. Историко-теоретический анализ школьных программ по физической культуре: учеб. пособие для студентов, аспирантов и слушателей фак. повышения квалификации ГЦОЛИФКа / Н.А. Карпушко; Гос. центр. ин-т физкультуры. – Москва: ГЦОЛИФК, 1992. – 61 с.
- Постановление СНК «О согласовании функций Народного Комиссариата Просвещения и Здравоохранения в деле воспитания и охраны здоровья дефективных детей» // *Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства*. – 1919. – № 61. – С. 564.
- Бобла, И.М. История становления и развития специального образования детей с особенностями психофизического развития в Беларуси: пособие / И.М. Бобла, И.Ю. Макавич. – Минск: БГПУ, 2010. – 180 с.
- Граборов, А.Н. Вспомогательная школа (школа для умственно-отсталых детей) / А.Н. Граборов. – М.–Петроград: Гос. изд-во, 1923. – 328 с.
- Голощапов, Б.Р. История физической культуры и спорта: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Б.Р. Голощапов. – М.: Изд. центр – «Академия», 2001. – 312 с.
- Замский, Х.С. История олигофренопедагогики [Электронный ресурс] / Х.С. Замский. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 1980. – 398 с. – Режим доступа: https://pedlib.ru/Books/4/0174/4_0174-269.shtml. – Дата доступа: 05.03.2024.
- Коняева, Н.П. Развитие содержания обучения в советской вспомогательной школе (историко-педагогическое исследование): дис. ... канд. пед. наук: 13.00.03 / Н.П. Коняева. – М., 1988. – 230 л.
- Вспомогательные школы для отсталых детей: сб. под ред. Е.В. Герье и Н.В. Чехова. – Москва: Задруга, 1923. – 170 с.
- Ефремов, П.Я. Ближайшие задачи социально-правовой охраны несовершеннолетних в деле воспитания физически-дефективных и умственно-отсталых детей / П.Я. Ефремов // *Вопросы воспитания слепых, глухих и умственно отсталых детей*: Сб. ст. и материалов; под ред. Л.С. Выготского. – Москва: Изд. отдела соц.-прав. охраны несовершеннолетних Главсоцвоса наркомпроса РСФСР, 1924. – С. 31–36.
- Вопросы воспитания слепых, глухих и умственно-отсталых детей: сб. ст. и материалов; под ред. Л.С. Выготского. – Москва: Изд. отдела соц.-прав. охраны несовершеннолетних Главсоцвоса наркомпроса РСФСР, 1924. – С. 3.
- Обучение детей с нарушениями интеллектуального развития: (Олигофренопедагогика): учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Б.П. Пузанов [и др.]; под ред. Б.П. Пузанова. – М.: Изд. центр «Академия», 2001. – 272 с.
- Граборов, А.Н. Основные моменты коррекционно-воспитательной работы во вспомогательной школе / А.Н. Граборов // *Новые пути в дефектологии: Вопросы психологии и педагогики умственной отсталости, глухонемые и слепоты*: сборник. – Москва: Учпедгиз, 1935 (тип. изд-ва «Крест. газ.»). – С. 88–115.
- Адаптивная физическая культура I–IX классы: учеб. программа для 2-го отделения вспомогательной школы / М-во образования Респ. Беларусь. – Минск: НМУ «Национальный институт образования», 2019. – 45 с.
- Опыт применения программ ГУСа во вспомогательной школе / коллект. преподавателей Моск. вспомог. школ // *Вопросы воспитания слепых, глухонемых и умственно-отсталых детей*: сб. ст. и материалов / под ред. Л.С. Выготского. – Москва: Издание отдела социально-правовой охраны несовершеннолетних Главсоцвоса Р.С.Ф.С.Р., 1924. – С. 131.
- Коррекционная работа во вспомогательной школе: сб. ст. / под ред. И.И. Фенкельштейна, С.В. Ильича. – М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1961. – 75 с.
- Ефремов, П.Я. Ближайшие задачи социально-правовой охраны несовершеннолетних в деле воспитания физически-дефективных и умственно-отсталых детей / П.Я. Ефремов // *Вопросы воспитания слепых, глухонемых и умственно-отсталых детей*: сб. ст. и материалов; под ред. Л.С. Выготского. – Москва: Издание отдела социально-правовой охраны несовершеннолетних Главсоцвоса Р.С.Ф.С.Р., 1924. – С. 74–75.
- Программы вспомогательной школы [Текст]: (Для умственно-отсталых детей) / Нар. ком. прос. РСФСР. Главсоцвос. – Москва; Ленинград: Гос. изд-во, 1927. – 84 с.
- Специальная педагогика: пособие для студ. высш. учеб. заведений / Л.И. Аксенова [и др.]; под ред. Н.М. Назаровой. – 10-е изд., стер. – М.: Изд. дом «Академия», 2010. – 400 с.

Поступила в редакцию 19.04.2024

Германская оккупация Беларуси 1941–1944 годов в воспоминаниях очевидцев: проблема верификации

Гребень Е.А.

Учреждение образования «Белорусский государственный
аграрный технический университет», Минск

Воспоминания очевидцев каких-либо исторических событий являются специфическим источником, требующим от исследователя осторожности в их оценках в процессе подготовки публикаций.

Целью статьи является анализ оценки информантами основных аспектов оккупационной повседневности Беларуси 1941–1944 гг.

Материал и методы. *Статья подготовлена на основе публикаций белорусских исследователей, посвященных воспоминаниям очевидцев германской оккупации Беларуси 1941–1944 гг., а также воспоминаний очевидцев.*

Результаты и их обсуждение. *Устные источники являются исключительно важными для реконструкции повседневности периода германской оккупации Беларуси 1941–1944 гг. Они дополняют документальные источники, показывают восприятие гражданами конкретных аспектов оккупации. В статье обозначены группы информантов, чьи воспоминания требуют от исследователя верификации. Отмечается специфика восприятия оккупационной действительности информантами-женщинами и детьми. Автор также обращает внимание на проблему датировки событий, описываемых информантами.*

Заключение. *Таким образом, несмотря на значительный временной промежуток, отделяющий процесс записи воспоминаний от военных событий, именно они являются наиболее травматическим опытом в жизни информантов. Устная история дает возможность увидеть человеческое измерение войны и оккупации, чего не дают документальные источники. В то же время, реконструируя военную повседневность на основе воспоминаний, исследователь обязан учитывать ряд факторов, повлиявших на позднейшие оценки информантами военных событий, и использовать только выверенные факты.*

Ключевые слова: Беларусь, германская оккупация, повседневность, воспоминания.

(Ученые записки. – 2024. – Том 39. – С. 59–62)

The German Occupation Belarus 1941–1944 in the Memories of Eyewitnesses: the Problem of Verification

Greben E.A.

Education Establishment "Belarusian State Agrarian Technical University", Minsk

Memoirs of eyewitnesses of any historical events are a specific source, requiring the researcher to be careful in their assessments in the process of preparing publications.

The purpose of the article is to analyze the informants' assessment of the main aspects of the occupation everyday life of Belarus in 1941–1944.

Material and methods. *The article was prepared on the basis of publications by Belarusian researchers dedicated to the memories of eyewitnesses of the German occupation of Belarus in 1941–1944.*

Findings and their discussion. *Oral sources are extremely important for the reconstruction of the everyday life of the 1941–1944 German occupation of Belarus. They complement documentary sources, show citizens' perception of specific aspects of the occupation. The article indicates groups of informants whose memories require verification from the researcher. The specificity of the perception of the occupational reality by informants-female women and children is noted. The author also draws attention to the problem of dating events described by informants.*

Conclusion. *Thus, despite the significant time period separating the process of recording memories from military events, they are the most traumatic experiences in the lives of informants. Oral history provides an opportunity to see the human dimension of war and*

occupation that documentary sources do not provide. At the same time, when reconstructing war everyday life on the basis of memories, the researcher is obliged to take into account a number of factors that influenced informants' later assessments of military events and use only verified facts.

Key words: Belarus, German occupation, everyday life, memories.

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 39. – P. 59–62)

Несмотря на то, что научных публикаций, основанных на воспоминаниях очевидцев, несоизмеримо меньше, чем работ, подготовленных на основе архивных документов, назрела необходимость анализа практики полевых исследований. В настоящее время в белорусской историографии этот аспект не получил отражения. Имеющиеся сборники воспоминаний и статьи, касающиеся устной истории периода Великой Отечественной войны, в большинстве своем носят нарративный характер, описывают различные аспекты оккупации глазами очевидцев или касаются какого-то отдельно взятого региона [1; 2]. Целью статьи является анализ оценки информантами основных аспектов оккупационной повседневности Беларуси 1941–1944 гг.

Материал и методы. Статья подготовлена на основе публикаций белорусских исследователей, посвященных воспоминаниям очевидцев германской оккупации Беларуси 1941–1944 гг., а также воспоминаниях жителей Витебщины. Использованный историко-сравнительный метод позволил выявить особенности восприятия оккупационной повседневности различными информантами.

Результаты и их обсуждение. Воспоминания очевидцев являются специфическим источником. В отличие от документов эпохи, они дают ее человеческое измерение. Результатом интервью очевидцев событий практически всегда является определенная информация, интересующих исследователя. При этом всегда возникает вопрос объективности и точности предоставленной информации, ее грамотной интерпретации самим исследователем. В ходе интервью информант вновь и вновь переживает травматические события прошлого. При этом на описание событий спустя многие десятилетия влияют индивидуальные особенности памяти, место проживания, возраст человека. Жители соседних населенных пунктов или даже односельчане могут полярно оценивать одни и те же факты.

Для оценки оккупационной повседневности возраст информанта на момент интервьюирования значения не имеет. В равной степени встречаются граждане старше 90 лет, бывшие в годы оккупации уже взрослыми, которые обладают фотографической памятью. Они способны не только детально описать события, но и дать оценку, почему все было именно так. Информанты, бывшие в период оккупации детьми или подростками, могут вспоминать лишь отдельные моменты, наиболее запомнившиеся им по какой-то причине. И наоборот, возможна ситуация, когда более возрастные информанты характеризуют оккупацию фрагментарно, а бывшие в годы оккупации детьми детально описывают свою жизнь в этот период.

На первый взгляд, наиболее уязвимыми для критики являются детские воспоминания. Возникает закономерный вопрос, насколько адекватно мог оценивать ситуацию ребенок 6–10 лет? С одной стороны, в силу малолетства, человек вряд ли задумывался о том, какие отношения складывались у его родителей и односельчан с представителями местной администрации, какие образом семье удавалось обеспечивать себя продуктами и о многих других аспектах оккупации. Даже если в настоящее время информант и готов говорить о таких вещах, то в его повествовании с высокой долей вероятности присутствуют рассказы его родных и близких уже в послевоенную эпоху, и воспринятая позднее от других людей информация может восприниматься как личный опыт самим же информантом. Разумеется, детская повседневность не была насыщена деталями, но многие моменты невольно оставались в памяти ребенка так же, как и в памяти взрослого, или даже в силу особенностей детской психики, более ярко, чем у взрослого. Ребенок мог в то время не осознавать, как и откуда родители доставали продукты, но в любом случае, навсегда запоминал полуголодное существование, поэтому во время интервью способен детально описать скудный рацион. Во многих рассказах переживших оккупацию детей фигурирует тяжелый труд наравне с взрослыми членами семьи, тем более что часто в семье не было взрослого мужчины, и старшие дети вынуждены были выполнять не свойственные своему возрасту обязанности. Информанты описывают способы лечения различных болезней (чесотка, фурункулез), боль, которую они испытывали, помнят внешний вид и поведение военнослужащих вермахта или полицейских, которые были в их деревне, заходили в их дом, помнят эпизоды общения с ними: грубость, насилие или наоборот, проявление человечности со стороны врага [3–5]. Иначе говоря, вспоминается то, что вызывало детский интерес (страх и одновременно детское любопытство к врагу) или являлось повседневной реальностью (как питание). В то же время такие информанты не могут комплексно оценить картину оккупации, не обладают информацией, какие налоги платили взрослые в пользу немцев, какие работы в пользу оккупационных властей приходилось им выполнять, где взрослые брали предметы, необходимые в повседневной жизни, почему кто-то из местных жителей пошел в полицию или стал сельским старостой.

Как и для информантов, бывших детьми, для информантов-женщин также часто характерны узко сфокусированные воспоминания. Практически никто из женщин, живших в сельской местности, не дает информацию относительно взимавшихся в пользу

оккупационных властей денежных и натуральных налогов. Как правило, информанты не могут даже приблизительно указать, кому и сколько натуральных налогов платила их семья в годы оккупации. Для многих женщин эта постановка вопроса удивительна и неприемлема сама по себе. Обычно такая реакция характерна для информантов, проживавших в населенных пунктах, слабо контролируемых (или не контролируемых вовсе) оккупационной администрацией, где не действовала система взимания натуральных налогов, и периодически происходили принудительные реквизиции скота и продуктов. Другие же просто признают, что какие-то налоги выплачивались, но никаких подробностей не приводят, ограничиваясь фрагментарными данными: забрали корову (свинью, лошадь, зерно и т.д.) [6–8]. Это обстоятельство объясняется тем, что, при наличии в семье взрослого мужчины (муж, отец, брат) именно он контактировал с представителями местной вспомогательной администрации. Именно хозяевам-мужчинам доводился план натуральных налогов с семьи. В то же время женщины хорошо помнят повинности, к выполнению которых в обязательном порядке привлекалось все трудоспособное население деревень, более-менее надежно контролировавшихся оккупационными властями, такие как дорожная, гужевая, работы в лесу и многое другое [7–9].

Во всех воспоминаниях крайне редко говорится о выдававшихся оккупационными властями удостоверениях личности (так называемые «аусвайсы»). Многие информанты, проживавшие в деревнях, находившихся в партизанских зонах, могли и вовсе продолжительное время не иметь контактов с оккупационной администрацией. Лишь отдельные опрошенные признают, что имели аусвайсы, но после войны они, также как и любые другие документы, выданные оккупационными властями, были уничтожены их владельцами, поскольку люди опасались сохранять какие-либо документальные свидетельства периода оккупации [8–10].

Оценка оккупационной повседневности также зависит от места проживания информантов: населенный пункт находился на территории, входившей до сентября 1939 г. в состав БССР или же Польши (восточная или западная Беларусь). В рассказах информантов из восточных районов фигурируют такие сюжеты, как раздел колхозной земли, инвентаря и скота осенью 1941 г., более акцентирован экстремальный быт (дефицит продуктов питания, промтоваров, практика закрепления скота за несколькими семьями одновременно). Как правило, даются позитивные оценки партизан. Жители западных районов Беларуси, где к началу войны в основном сохранилось подворное землепользование, свой быт первых лет оккупации характеризуют менее brutally, поскольку какое-то время сохранялись довоенные запасы продуктов и промтоваров, оценки партизан не всегда позитивные. Однако, 1943–1944 годы информантами из разных регионов оцениваются фактически одинаково,

поскольку в условиях, набравших обороты репрессий оккупантов против мирного населения, имевшие место отличия в начальный период оккупации стирались. Экстремальный быт, карательные операции нацистов, необходимость спастись в лесах стали реалиями по всей Беларуси [11].

Актуальной проблемой в ходе интервьюирования является датировка событий, о которых сообщает конкретный информант. Говоря о трагических событиях, повлиявших на жизнь его семьи, информант не всегда может указать точную или приблизительную дату. Например, сожжение деревни и уход в лес, угон на принудительные работы в Германию могут относиться как к 1942-му, так и к 1943-му году. Отдельные информанты датируют событие достаточно точно, например: «приехали палить деревню на Миколу, 19-го...», «спалили самую першую нашу вёску, 3 октября 1943 г.», «бежали через лед на озере» и т.д. [3; 4; 12]. Другие называют лишь пору года. Часто жители конкретной деревни неоднократно вынуждены были бежать в лес от карателей, и несколько блокад в настоящее время могут сливаться в одну в ходе рассказа. Понять, когда произошло описываемое событие, можно с помощью уточняющих вопросов об обстоятельствах, ему сопутствующих. Например, какая была пора года, или какой в тот момент отмечался религиозный праздник, какой был цикл сельскохозяйственных работ. Это позволяет рассказчику уточнить датировку, например, событие произошло «на Пасху», «на Троицу», «сеяли», «лето, коровы в поле», «убрали урожай». [13]. Если речь идет о сожжении населенного пункта, то, обладая в настоящее время информацией о карательных экспедициях немцев в каждом районе Беларуси, можно с высокой степенью достоверности датировать событие. Угон рассказчика в Германию или описание актов расстрела немцами односельчан или родственников можно датировать приблизительно. Иногда мельчайший факт, упомянутый рассказчиком, может дать исследователю зацепку. Например, проживавшая в Ушачском районе гражданка 1935 года рождения затруднялась вспомнить, когда ее и семью немцы поместили в лагерь в Лепеле, но упоминает, что некоторое время охранники позволяли группам заключенных искупаться в реке (было тепло). Можно предположить, что информант и ее семья были захвачены карателями во время операции «Коттбус», май – июнь 1943 г. [14].

Независимо от пола и возраста, все информанты исключительно детально описывают акты насилия со стороны оккупантов, например, сцены расстрела родственников или односельчан, происходившие у них на глазах, похороны жертв репрессий, сожжение деревень, депортацию из них жителей в другие населенные пункты, в концентрационные лагеря или на принудительные работы в Германию [8; 12; 15; 16].

Эта же тенденция имеет место и при характеристике отношений с партизанами. Учитывая масштабы партизанского движения в Беларуси, сведения о них очень точные и подробные: названия отрядов, имена

командиров и рядовых партизан, подробности повседневного общения с ними. По сути описание геноцида и партизанского движения – единственные аспекты воспоминаний, не вызывающие сложностей в интерпретации.

Заключение. Таким образом, несмотря на значительный временной промежуток, отделяющий процесс записи воспоминаний от военных событий, именно они являются наиболее травматическим опытом в жизни информантов. В памяти человека, пережившего боевые действия и оккупацию, могут изглаживаться отдельные, несущественные для них моменты быта, но такой опыт, как смерть близких, угроза жизни для информанта, исходившая от немцев или бойцов коллаборационных формирований и полиции, запоминаются навсегда.

Устная история дает возможность увидеть человеческое измерение войны и оккупации, чего не дают документальные источники. В то же время, реконструируя военную повседневность на основе воспоминаний, исследователь обязан учитывать ряд факторов, повлиявших на позднейшие оценки информантами военных событий, и использовать только выверенные факты.

Литература

1. Великая Отечественная война в зеркале народной речи и фольклора: Тексты. Исследования. Аудиоприложение / под общ. ред. Н.В. Большаковой; сост.: Н.В. Большакова, М.И. Муратова, Г.И. Плошук (ПсковГУ); В.А. Лобач (Полоцкий ГУ). – Псков: ЛОГОС, 2016. – 332 с.
2. Агееў, А.Р. Вобразы нацысцкіх акупантаў і партызан ва ўспамінах жыхароў Магілёўскага раёна – сведак Вялікай Айчыннай вайны / А.Р. Агееў // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць: зб. навук. прац VII Міжнар. навук. канф., Магілёў 29–30 чэрв. 2011 г. / уклад. А.М. Бацкоў, І.А. Пушкін. – Магілёў: УА «МДУ імя А.А. Куляшова, 2011. – С. 232–238; Корсак, А.И. Становішча насельніцтва Лепельшчыны ва ўмовах нацысцкай акупацыі (1941–1944 гг.) (па матэрыялах этнаграфічных экспедыцый УА “ПДУ”) // Лепельскія чытанні: матэрыялы VI навук-практ. канф., Лепель, 17–18 кастр. 2014 г. / рэдкал.: Я.А. Грэбень; А.У. Стэльмах. – Мінск: Медысонт, 2014. – С. 155–160.
3. Воспоминания Головки Анны Игнатьевны, 1935 г.р., записаны 13.08.2017 г. в д. Миськие Поставского района; аудиозапись (42 минуты на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
4. Воспоминания Зыковой Александры Герасимовны, 1934 г.р., записаны 9 сентября 2014 г. в пос. Освея Верхнедвинского района; аудиозапись (58 минут на русском языке) хранится в личном архиве автора.
5. Воспоминания Захаровой Валентины Васильевны, 1930 г.р., записаны 23 февраля 2009 г. в г. Лепеле; аудиозапись (28 минут на русском языке) хранится в личном архиве автора.
6. Воспоминания Санковской Лидии Васильевны, 1927 г.р., записаны 11 августа 2008 г. в г. Витебске; аудиозапись (1 час 7 минут на русском языке) хранится в личном архиве автора.
7. Воспоминания Марченко Марии Федоровны, 1929 г.р., записаны 14 августа 2008 г. в д. Мазолово Витебского района; аудиозапись (1 час 30 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
8. Воспоминания Койры Фелиции Бернардовны, 1927 г.р., записаны 12 августа 2017 г. в д. Ковали Поставского района; аудиозапись (1 час 3 минуты на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
9. Воспоминания Снежин Станиславы Григорьевны, 1923 г.р., записаны 18 апреля 2014 г. в д. Жигули Верхнедвинского района; аудиозапись (57 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
10. Воспоминания Грибко Марии Антоновны, 1922 г.р., записаны 7 октября 2017 г. в д. Петровичи Поставского района; аудиозапись (1 час 21 минута на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
11. Грэбень, Е.А. Экстремальны быт жителяў беларускага Подвіння в перыяд германскай акупацыі 1941–1944 гг. (по воспоминаниям очевидцев) / Е.А. Грэбень // Беларускае Падзвінне: вопыт, метадыка і вынікі палявых і міждyscyплінарных даследаванняў: зб. арт. V Міжнар. навук. канф., Полацк, 15–16 крас. 2021 г. / Полац. дзярж. ун-т; пад агул. рэд. А.І. Корсак (адк. рэд.), В.У. Чараўко, У.Я. Аўсейчыка. – Наваполацк: Полац. дзярж. ун-т, 2021. – С. 249–253.
12. Воспоминания Василевской Надежды Васильевны, 1924 г.р., записаны 9 июля 2009 г. в д. Пышно Лепельского района; аудиозапись (46 минут на русском языке) хранится в личном архиве автора.
13. Воспоминания Сандар Галины Евдокимовны, 1923 г.р., записаны 9 сентября 2014 г. в г. Верхнедвинске; аудиозапись (36 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
14. Воспоминания Храменок Ольги Андреевны, 1935 г.р., записаны 23 февраля 2009 г. в г. Лепеле; аудиозапись (43 минуты на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
15. Воспоминания Гнивицкой Евгении Васильевны, 1924 г.р., записаны 24 августа 2009 г. в д. Сосновка Витебского района; аудиозапись (1 час 4 минуты на русском языке) хранится в личном архиве автора.
16. Воспоминания Журомского Бронислава Ивановича, 1931 г.р., записаны 12 августа 2017 г. в д. Попелики Поставского района; аудиозапись (24 минуты на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.

Поступила в редакцию 07.05.2024

Городище Бороники в свете исследований 2020–2021 гг.

Бубенько Т.С.

Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова», Витебск

В рамках выполнения Государственной программы фундаментальных исследований на 2021–2025 гг. «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства», подпрограмма 12.1 «История», задание 12.1.1 «Археологическое наследие как фактор обеспечения гуманитарной безопасности белорусского общества», подзадание 12.1.01.5 «Культурно-историческое развитие Витебского Подвинья I тыс. до н.э. – третьей четверти I тыс. н.э. в свете новых исследований в регионе» в 2020–2021 г. были проведены археологические раскопки на городище в аг. Бороники Витебского района, ныне городская черта Витебска (100 м²).

Цель статьи – введение в научный оборот новых материалов, позволяющих определить культурно-хронологическую принадлежность городища Бороники и установить основные этапы существования поселения.

***Материал и методы.** В основу публикации положены материалы авторских раскопок и результаты исследований предшественников на городище Бороники Витебского района. При написании текста использовались методы, применяемые в исторических и археологических исследованиях.*

***Результаты и обсуждение.** Изучение культурного слоя на поселении, его состава и структуры позволило выделить три стратиграфических горизонта. Планиграфия артефактов внутри каждого горизонта и анализ узкодатированных вещей дали возможность определить хронологические рамки стратиграфических слоев и время предположительного заселения площадки городища.*

***Заключение.** Городище Бороники возникло не позднее середины I тыс. до н.э. Древнейшие напластования фиксируются по краю площадки городища и в заполнении рва. На раннем этапе поселение было укреплено лишь частоколом, земляной вал появился не ранее рубежа эр. Верхний слой, судя по вещам, имеющим довольно четкие рамки бытования, образовался в промежутке между рубежом эр и серединой I тысячелетия нашей эры. Присутствие в керамическом комплексе наряду с днепро-двинской посудой значительного количества штрихованной и текстильной керамики позволяет предположить смешанный состав населения городища.*

***Ключевые слова:** днепро-двинская культура, городище, культурный слой, стратиграфия, хронологические индикаторы, штрихованная керамика, текстильная керамика.*

(Ученые записки. – 2024. – Том 39. – С. 63–71)

Settlement of Boroniki Under 2020–2021 Studies

Bubenko T.S.

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

Within the 2021–2025 State Fundamental Research Program “Society and Humanitarian Security of Belarusian State”, subprogram 12.1 “History”, task 12.1.1 “Archeological Heritage as a Factor for Providing Humanitarian Security of Belarusian Society”, subtask 12.1.01.5 “Cultural and Historical Development of Vitebsk Dvina River Basin in one thousand B.C. – third quarter of one thousand A.D.: New Research in the Region” in 2020–2021 archeological excavations at the settlement of Boroniki Vitebsk District, which is now the territory of the City of Vitebsk were carried out (100 m²).

The purpose of the article is introduction into scientific circulation of new materials which make it possible to identify the cultural and chronological status of the settlement of Boroniki and find out main stages of the existence of the settlement.

***Material and methods.** Materials of the author’s excavations and research findings of the predecessors at the settlement of Boroniki of Vitebsk District made up the basis for the publication. The methods used in historical and archeological research were applied in the article.*

***Findings and their discussion.** The study of the cultural layer at the settlement, its composition and structure made it possible to single out three stratigraphic horizons. Planography of the artefacts within each horizon as well as analysis of narrow dated things allowed to identify chronological frames of stratigraphic layers as well as the time of possible inhabiting the site of the settlement.*

***Conclusion.** The settlement of Boroniki emerged not later than mid one thousand B.C. Most ancient layers are identified along the edge of the site of the settlement and in the ditch. At the early stage the settlement was fortified only by a fence, the earth wall*

appeared not earlier than the borderline of the eras. The upper layer, according to objects with distinct frames of household use, was formed in the gap between the borderline of the eras and mid one thousand A.D. The presence of a large amount of hatched and textile ceramics in the ceramic complex, alongside the Dieper and Dvina crockery, makes it possible to suggest a mixed composition of the population of the settlement.

Key words: the Dnieper and Dvina culture, settlement, cultural layer, stratigraphy, chronological indicators, hatched ceramics, textile ceramics.

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 39. – P. 63–71)

В рамках выполнения Государственной программы фундаментальных исследований на 2021–2025 гг. «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства», подпрограмма 12.1 «История», задание 12.1.1 «Археологическое наследие как фактор обеспечения гуманитарной безопасности белорусского общества», подзадание 12.1.01.5 «Культурно-историческое развитие Витебского Подвинья в I тыс. до н.э. – третьей четверти I тыс. н.э. в свете новых исследований в регионе» в 2020–2021 г. были проведены археологические раскопки на городище в аг. Бороники Витебского района, ныне городская черта Витебска (100 м²).

Цель статьи – введение в научный оборот новых материалов, позволяющих определить культурно-хронологическую принадлежность городища Бороники и установить основные этапы существования поселения.

Материал и методы. В основу статьи положены материалы авторских раскопок и результаты исследований предшественников на городище Бороники. При написании текста использовались методы, применяемые в исторических и археологических исследованиях: сравнительно-исторический, типологический, исторической реконструкции и др.

Результаты и обсуждение. Городище расположено на левом берегу р. Лучесы, в 0,5 км восточнее д. Бороники, которая в настоящее время включена в городскую черту Витебска (рис. 1). Площадка в плане овальной формы размерами 74×42 м возвышается над окружающей местностью от 8–10 м (западная сторона) до 20 м – восточная. Высота над уровнем Балтийского моря 156–158 м.

Городище выявлено в 1951 г. Л.В. Алексеевым, который заложил в центре площадки шурф и зачистил обнажения культурного слоя в ямах военного времени [1, с. 39]. Планомерное изучение памятника началось в 1965 г. В северо-восточной части поселения Г.В. Штыхов разбил разведочный раскоп площадью 16 кв. м, рядом с которым в 1972 г. был изучен участок площадью 124 кв. м [2, с. 17–19; 3, с. 51–53]. В 2004 г. исследователь сделал зачистку обнажения насыпи вала в северной части площадки, в 2006 г. частично был изучен вал с южной стороны городища [4, с. 231]. На площадке мощность культурных отложений варьировала в пределах 0,4–0,9 м. В предматериковом слое были выявлены ямы от столбовой постройки размерами 2,2×2,0 м. Здесь же обнаружен топор т.н. «скифского типа», нож с горбатой спинкой, боченковидное

пряслице и уникальная умбоновидная височная подвеска (рис. 2:3,5). В составе керамического комплекса исследователь проследил три основные традиции: днепро-двинскую, штрихованной керамики и, вероятно, позднезарубинецкую [4, с. 231]. В третьей четверти I тыс. н.э. городище использовалось как убежище. В верхнем слое был обнаружен клад из трех височных колец с трапециевидными подвесками (рис. 2:1–2,4), который Г.В. Штыхов предварительно датировал VI–VIII вв. [2, с. 17–19, рис. 11].

В 2020–2021 гг. раскопки на городище проводились автором статьи. Было заложено три небольших раскопа общей площадью 80 м² и траншея длиной 20 м². Выбор мест для раскопов, их размеры и ориентация находились в прямой зависимости от размеров свободных от растительности участков, поскольку вырубка деревьев в зоне отдыха запрещена (рис. 1).

Раскоп 1 площадью 24 м² был заложен в 12 м западнее входа на городище на краю площадки. Мощность культурного слоя в основной его части невелика – от 0,35 до 0,5 м, лишь в квадратах, расположенных на краю площадки, она достигала 1,1–1,3 м.

Раскоп 2 занимал центральную часть городища. Площадка размерами 8×4 м была вытянута в мери-

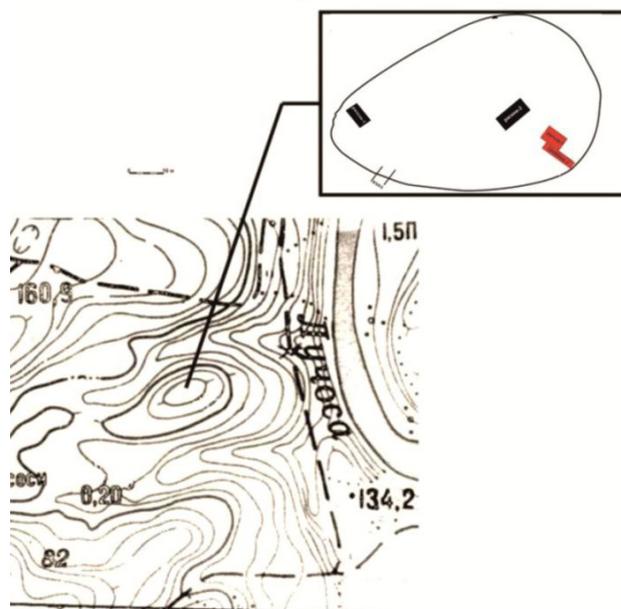

Рис. 1. План городища Бороники с локализацией раскопов 1–3 и траншеи – 1 (2019–2021)

диональном направлении, ориентирована стенами по сторонам света с небольшим отклонением. Мощность культурного слоя варьировала от 0,33 м до 0,55 м.

Раскоп 3 (24 м²) располагался в 9 м западнее раскопа 2 на краю площадки. Толщина культурных отложений не превышала 35–50 см, в западине она достигала 0,9 м. С целью изучения оборонительных укреплений городища с южной стороны к раскопу 3 была прирезана траншея длиной 10 м при ширине 2 м. Мощность культурного слоя в ней не превышала 0,5–0,9 м, во рву – 0,9 м.

Таким образом, общая площадь, изученная на городище Бороники за годы исследований, составляет 240 м². Накопленная источниковая база позволяет нам дать предварительную характеристику памятника и определить его культурную принадлежность.

Стратиграфия и хронология культурного слоя.

На исследованных участках выделено три стратиграфических горизонта, соответствующие трем хронологическим периодам. Напластования верхнего горизонта присутствуют во всех раскопах. Слой – 2 зафиксирован на краю площадки и на ее склоне в раскопе 1, на дне западины (раскоп 3 и траншея). Древнейший горизонт (стратиграфический слой – 3) удалось проследить лишь в заполнении рва в раскопах 1, 3 и в выброшенном при его рытье грунте.

Стратиграфический слой – 1 – супесь серого цвета, не содержащая примесей, и довольно рыхлая по структуре. Мощность слоя в центральной части поселения колеблется от 0,33 до 0,55 м, ближе к склонам увеличивается до 0,5–0,8 м. В раскопах 1–2 целост-

ность слоя нарушена многочисленными перекопами и воронками военного времени. В раскопе 1 данный слой отделен от нижележащего линзами красной глины, толщина их составляет 6–12 см. Местами глину перекрывает тонкая прослойка желтого песка (3–5 см).

В раскопе 3 и в северной части траншеи у нижней границы слоя – 1 зафиксирована западина, врезанная в материковый грунт на 0,45 м. По форме она напоминает постройку размерами 3,9×5,4 (?) м, ориентированную углами по сторонам света. Заполнена западина гумусом серого цвета, в котором встречены жатвенный нож (рис. 4:14), посоховидная булавка (рис. 4:2), обломок круглодротового браслета (рис. 4:16), более 130 фрагментов керамики (рис. 3:8–14), куски глиняной обмазки стен. К сожалению, отсутствие в раскопе соединительных углов не позволяет интерпретировать западину как объект.

В нижней части слоя – 1 во всех раскопах встречаются бесформенные развалы камней, возможно, остатки очагов. Камни лежат свободно и не связаны между собой, их размеры от 5–6 до 11 см в поперечнике. При расчистке развалов между камнями встречена немногочисленная керамика.

Хронологические индикаторы стратиграфического слоя – 1 сконцентрированы в центральной и северо-восточной части площадки (раскопы 2 и 3, траншея) в основном ближе к нижней границе слоя.

Жатвенные ножи с коротким черенком (2 экз.), к сожалению, сохранились фрагментарно (рис. 4:14, 16). Длина лезвия относительно целого экземпляра – 8,5 (+?) см, рукояти – 5 см. Близкие по форме ножи,

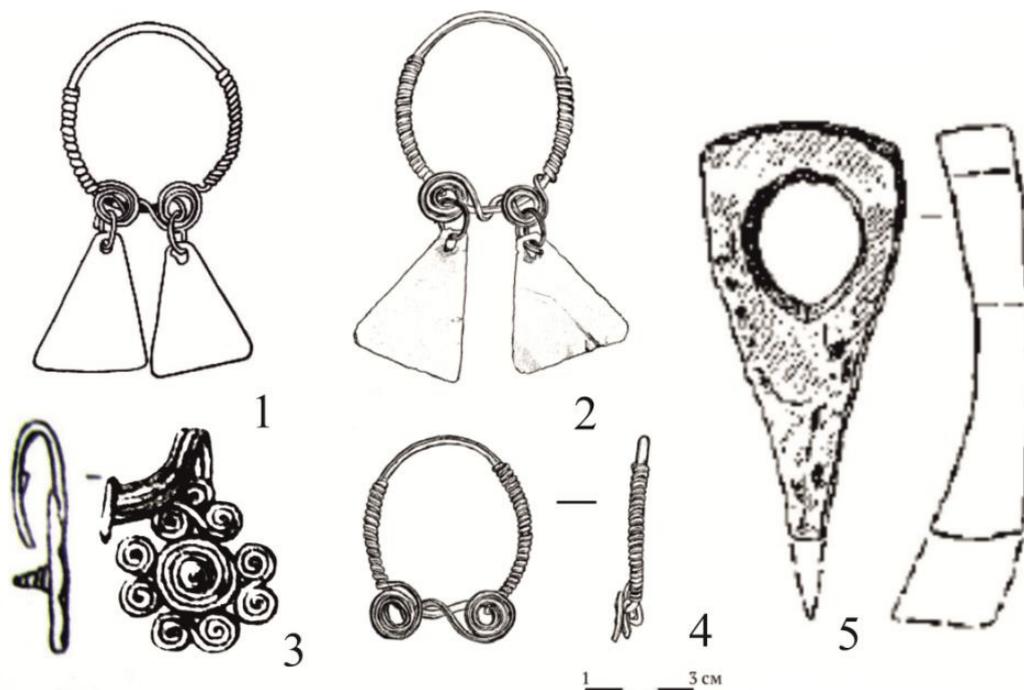

Рис. 2. Артефакты из раскопок Г.В. Штыхова: 1, 2, 4 – височные кольца из клада; 3 – умбонovidная подвеска; 5 – топор «скифского типа» (1, 4 – рисунки В.Н. Тарасевич, В.М. Воронина; 2, 3 – рисунки Г.В. Штыхова; рисунок В.И. Шадыро)

по классификации Р.С. Минасяна, датируются I–IV вв. н.э. [5, рис. 2:1–10]. Такие ножи известны главным образом в днепровской части днепро-двинской культуры, в культуре штрихованной керамики [6, с. 80, рис. 46]. До некоторой степени близки им так называемые кривые ножи из городища Подгай в Верхнем Подвинье [7, рис. 42]. Подобные ножи были встречены и в нижних слоях городищ Витебского Подвинья (Кострица, Камень, Новое Село, Загорцы).

Серп со слабо изогнутым клинком, переходящим в черешок и изогнутой спинкой. Переход лезвия в черешок оформлен в виде уступа, рабочая часть лезвия слегка вогнута (рис. 4:17). Длина сохранившейся части лезвия 11 (+?) см, черенка – 4 см. По мнению Р.С. Минасяна, эти серпы появляются в днепро-двинском ареале на рубеже нашей эры и бытуют до V–VI вв. [5, с. 77–78, рис. 3].

Вток железный относится к комплексу вооружения. Это втульчатый конус длиной 13,5 см, внутренний диаметр втулки 1,6 см (рис. 4:12). Железные втки, правда, больших размеров известны на памятниках культуры поздней штрихованной керамики (Оздятичи, Лабенщина) [8, с. 83].

Звено двусоставных кольчатых удил (край обломан) изготовлено из железного прута диаметром 8 мм с загибающимися в кольца концами (рис. 4:18). Длина изделия 13,5 см. Удила встречаются нечасто на поселениях I тыс. н.э. (Зароново, Дорохи, Прудники, Ивань, Демидовка, Слобода–Глушица и др.) [8, с. 84; 9, рис. 15. П. 37–39; 10, с. 60]. По мнению В.В. Седова, двучастные удила на территорию Подвинья

и Верхнего Поднепровья могли попасть с запада с ареала распространения пшеворских и вельбарских древностей [11, с. 62].

Посоховидные булавки (4 экз.) по форме головки отнесены к трем типам: украшения с прямым стержнем, край которого утончен и закручен сбоку в небольшую петельку, образующую головку булавки (тип 1); со скрученной в спираль головкой (тип 2) и булавка с подтреугольной головкой (тип 3).

Булавки с петельчатой головкой (рис. 4:2,3) известны с эпохи поздней бронзы, наибольшее распространение данный тип получил в V–IV вв. до н.э. на территории Правобережной Украины [12, с. 18]. Вполне вероятно, что традиция их ношения была заимствована у племен, населявших правобережье Среднего Поднепровья.

Железные булавки с неплотно скрученной в двухвитковую спираль головкой (рис. 4:10) известны на городищах милоградской культуры во второй половине VII – первой половине VI в. до н.э. [13, с. 61]. Позднее они встречаются у населения полесского варианта зарубинецкой культуры [14, с. 56], в связи с чем М.И. Лошенко высказывает предположение об их повторном распространении [13, с. 196]. В древностях днепро-двинской культуры подобные застёжки относят к последним векам до н.э. – первым векам н.э. На поселениях дяковской культуры они получают распространение с III–II вв. до н.э. [15, с. 45].

Булавка с изогнутым в верхней части стержнем круглого сечения и подтреугольной головкой, расположенной симметрично над осью изделия (рис. 4:2).

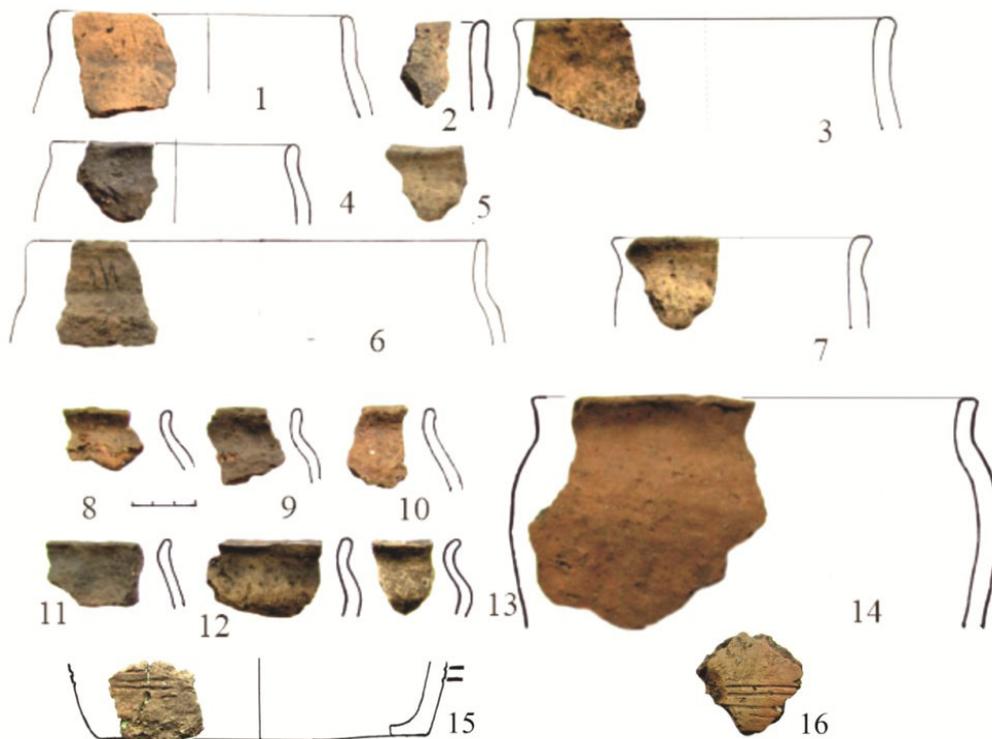

Рис. 3. Керамика из верхнего слоя (стратиграфический горизонт – 1) на городище Бороники

Длина застежки – 7,2 см. По наблюдениям А.М. Медведева, на территории Витебского Подвинья посоховидные булавки получают распространение не ранее рубежа эр – I в. н.э. [16, с. 180–181].

Фрагмент круглодротового браслета (рис. 4:15), обломки лезвий топоров (рис. 4:5,9), ножей (рис. 4:6), шилья и т.д. также присутствуют в верхнем стратиграфическом слое, однако, ввиду широких рамок бытования либо из-за фрагментарности, не привлекались в качестве хронологических индикаторов.

С верхним стратиграфическим слоем следует связывать клад височных колец с витыми щитками и миниатюрными трапециевидными подвесками (комплект из двух колец и дужка от третьего), который Г.В. Штыхов предварительно датировал VI–VIII вв. (рис. 2: 1–2, 4). При этом исследователь пишет, что керамики моложе IV–V вв. н.э. на городище не обнаружено, что подтверждено и нашими исследованиями [3, с. 52]. Поиск прямых аналогий украшениям бороникского клада, к сожалению, пока не дал результатов. Детальный анализ клада из Бороник был сделан В.Н. Тарасевич, В.М. Васильевым [17, с. 64–71]. Исследователи установили, что орнаментальные мотивы, использовавшиеся при изготовлении височных колец, были широко распространены в лесной и лесостепной зонах Центральной и Восточной Европы во время Великого переселения народов. По их мнению, кольца можно

датировать промежутком времени с конца V до конца VII – начала VIII в. [17, с. 70].

Однако не следует забывать о сопутствующем кладу вещевом материале: нож с горбатой спинкой (в лесной полосе Восточной Европы они доживают до IV–V вв.) [18, с. 69], два каменных клиновидных топора, боченковидное пряслице и обломки днепродвинской керамики. При этом Г.В. Штыхов подчеркивает: «Никаких стратиграфических прослоек культурный слой здесь не имеет и представляет собой сплошную черную массу земли», т.е. следы более позднего сокрытия клада им не зафиксированы [3, с. 19]. Думаем, здесь следует вспомнить точку зрения Л.Д. Поболя, относившего клад височных колец из Бороник к кругу зарубинецких древностей [19, с. 134].

Малые керамические формы представлены глиняными пряслищами битрапециевидной формы (2 экз.). Они имеют плоскую верхнюю и нижнюю площадки, боковые стенки прямые либо немного вогнуты, центральное ребро оттянуто и слегка скругленно. Высота пряслиц равна половине диаметра и, как правило, равна диаметру внутреннего канала. Подобные пропорции характерны для большинства усеченно-конических пряслиц из Абидни во второй четверти I тыс. н.э. [20, с. 209, рис. 11; 39, с. 107].

В керамическом комплексе стратиграфического слоя – I доминирует гладкостенная профилированная

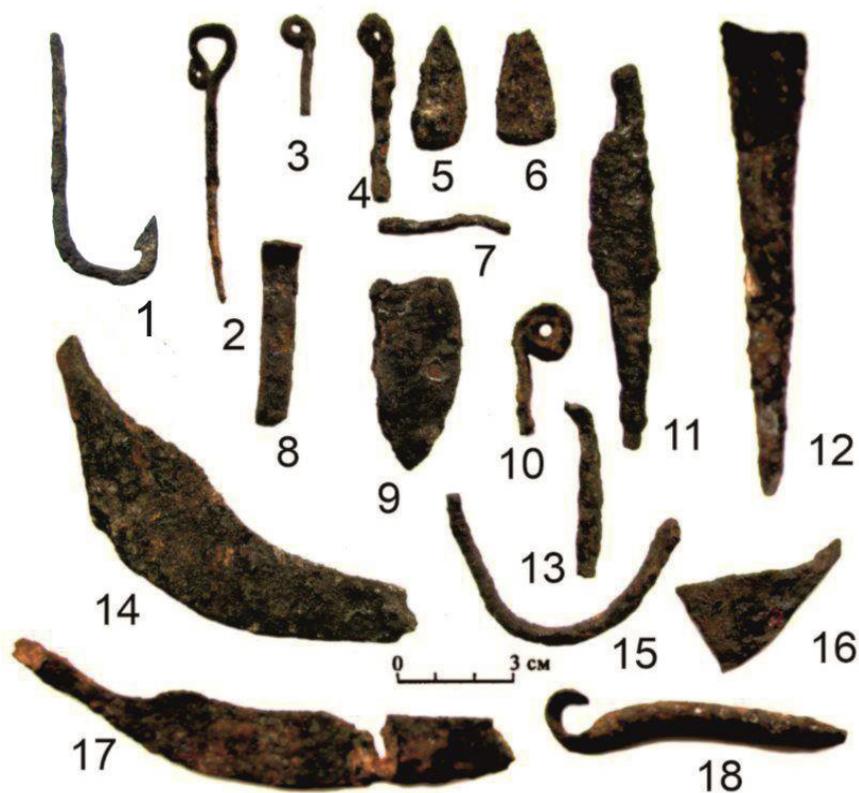

Рис. 4. Железные изделия из раскопов 1–3 и траншеи на городище Бороники Витебского района: 1 – рыболовный крючок; 2–4, 10 – посоховидные булавки; 5–6, 9 – топоры (фрагменты); 7–8, 13 – фрагменты железных изделий; 11 – нож; 12 – вток; 14, 16–17 – жатвенные ножи; 15 – браслет железный; 18 – двусоставных удил (фрагмент)

керамика, характерная для смоленского варианта днепро-двинской культуры, присутствуют немногочисленная керамика баночных форм, типичная для позднего этапа днепро-двинской культуры, встречаются фрагменты сосудов с ребром, являющиеся визитной карточкой культуры штрихованной керамики (рис. 3:1–14). Штрихованная посуда составляет 8,2%, фрагменты керамики с отпечатком текстиля и с расчетами единичны (рис. 3: 15–16).

Судя по концентрации шлаков, обломкам домниц и ошлакованной керамики, собранным в центральной и северной частях площадки городища, можно предположить существование здесь мастерских по обработке железа.

Таким образом, анализ вещевых комплексов, имеющих относительно узкие временные рамки бытования, позволяет отнести стратиграфический слой – 1 к рубежу эр – второй четверти I тыс. н.э.

Стратиграфический слой – 2 – супесь темно-серого, почти черного цвета из-за содержащихся в ней зольных включений, зафиксирована в раскопах 1,3 и в траншее. В раскопе 1 от верхнего слоя он отделен прослойкой красной глины и песка. Здесь слой плавно спускается по склону, заполняет ров и горизонтальную площадку, образовавшуюся, вероятнее всего, в процессе эскарпирования склона городища. Мощность слоя – 2 на склоне возрастает до 0,2–0,4 м (рис. 7:1).

В раскопе – 3 и в северной части траншеи данный слой обнаружен в нижней части западины, здесь удалось зафиксировать контуры сгоревшего объекта – 1.

Объект ориентирован стенами по сторонам света с отклонением 26° против часовой стрелки. От сооружения сохранилась северная и часть западной стен и образующий их угол. Размеры вошедшей в зону исследований части постройки были не менее 4,0×5,1 (?) м. Отсутствие столбовых ям по периметру объекта может указывать на срубную конструкцию стен, а толщина пласта внутри строения (от 20 до 35 см) – на углубленный в грунт нижний венец.

В заполнении найдены два пряслица с боченковидными стенками (рис. 5:1,2), рыболовный крючок (рис. 4:1), обломок лезвия топора (рис. 4:9). Пряслица средних размеров (30–36 мм), соотношение диаметра к высоте 2:1. У одного маховичка оба основания орнаментированы насечками, а боковая поверхность – ромбами (рис. 5:2). Из данного объекта происходит 183 фрагмента керамики, среди которой обломки штрихованных сосудов составляют 12,6% (рис. 6).

Вне объекта в стратиграфическом слое – 2, наряду с гладкостенной керамикой, встречается штрихованная (12,1%) и текстильная посуда (3,1%). Несколько венчиков отнесено к т.н. «керамике милогридного облика» (рис. 6:11), о находке подобной керамики упоминает и Г.В. Штыхов [4, с. 231]. Из индивидуальных находок найдены два костяных предмета – тупик и кость со следами обработки (рис. 5:4,5).

Датирующих вещей во время раскопок городища в 2019–2021 гг. не обнаружено, поэтому в качестве

хронологических индикаторов мы привлекли две вещи, найденные Г.В. Штыховым в нижнем слое в раскопе 1972 г.

Топор «скифского типа» длиной 13,5 см имел ширину лезвия 3,1 см, диаметр проушного отверстия – 3,2 см (рис. 2:5). Топоры «скифского типа» встречены при раскопках городищ Новые Батеки, Холмец, где Шмидт их датирует IV в. до н.э. [6, табл. 19:1,3]. Подобный топор происходит из Горошковского клада, уточненное время сокрытия клада С.Е. Рассадин относит ко II в. до н.э. [21, с. 37]. В.И. Шадыро считает, что на территории Подвинья данный тип топоров получил распространение не ранее первого века до н.э. (Кубличи, Бороники, Замошье) (9, с. 52, рис. 31:1–3).

Подвеска умбовидная из бронзы найдена в предматериковом слое, вместе с топором «скифского типа» (рис. 2:5). В центре небольшого диска (диаметр 1,7 см) имеется узкий выступ конической формы, отдаленно напоминающий умбон, край щитка декорирован крестообразно расположенными волютами. Изогнутый в виде петли плоский стержень состоял из трех тонких проволочек, по внешнему краю имел ограничитель. Единственный декоративный элемент дужки – спиралевидный завиток над верхней волютой щитка (рис. 2:3). Подвеска отлита по восковой модели в два приема. Ажурный стержень изготавливался отдельно, а затем припаивался к центру щитка

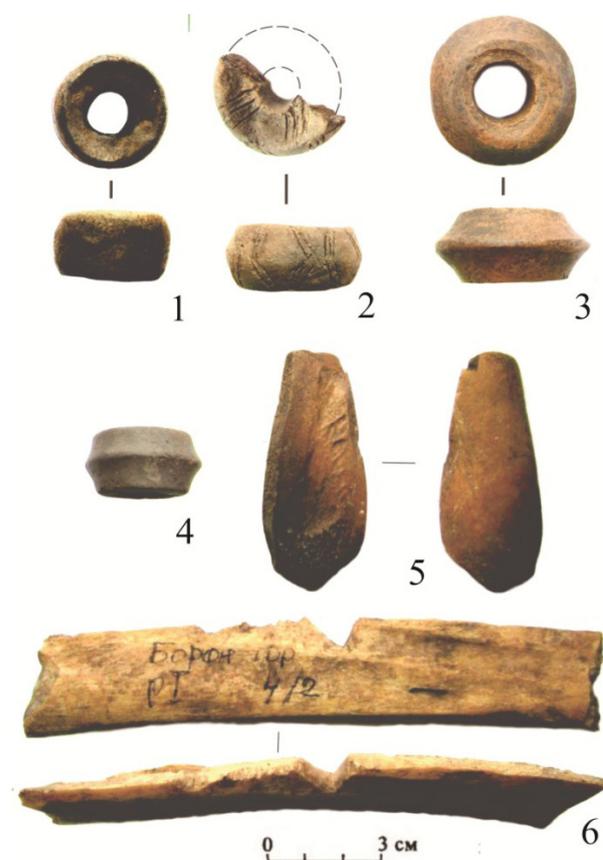

Рис. 5. Глиняные пряслица (1–4) и костяные изделия (5–6) из культурного слоя городища Бороники

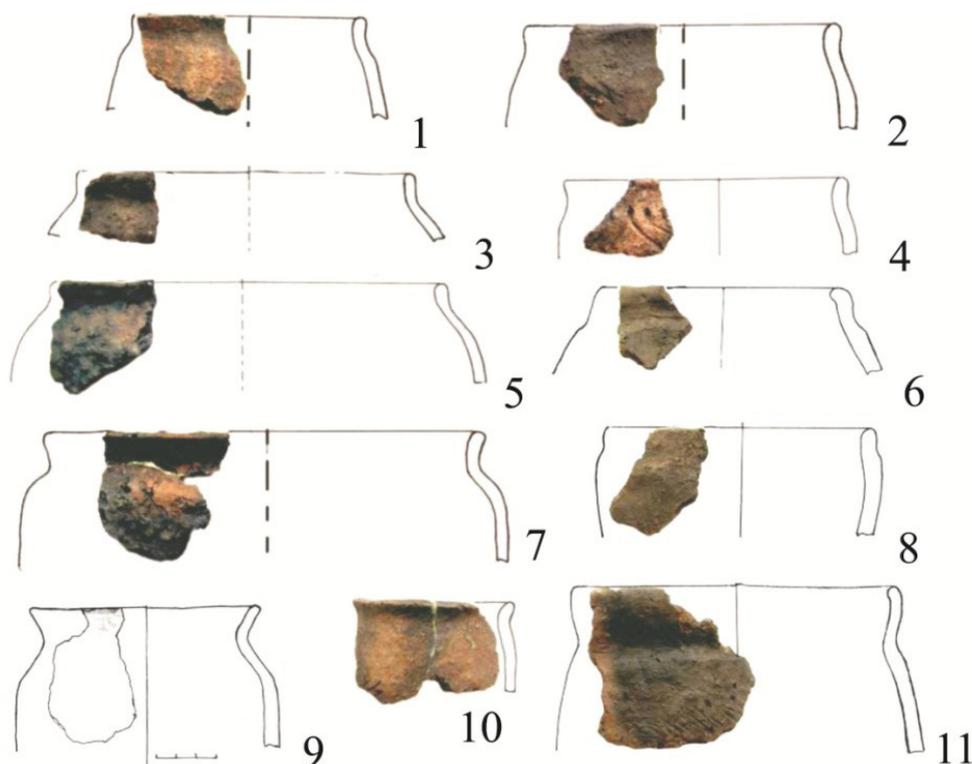

Рис. 6. Керамика из стратиграфического слоя – 2 и объекта – 1 на городище Бороники

с обратной стороны. По предположению Н.А. Кренке, подобные подвески могли быть результатом синтеза скифских серег и более сложной формы височных украшений, характерных для лесной полосы Восточной Европы [22, с. 81].

Наша датировка слоя – 2 опирается на хронологию вышеописанных артефактов и на единственный результат радиоуглеродного анализа сгоревших конструкций у нижней границы слоя – 2500 ± 50 лет¹. Условно данный слой можно отнести к середине – третьей четверти I тыс. до н.э.

На площадке городища четко фиксируется тонкая прослойка пожара (2–5 см), перекрывающего материк. В заполнении рва (раскоп 1) мощность зольно-угольного слоя возрастает до 30–35 см, в нем присутствуют остатки сгоревших бревен от первоначальных укреплений, довольно много костей животных, керамика.

Пожар перекрывает сверху *стратиграфический слой* – 3, который зафиксирован на краю площадки и во рву. Это тонкий слой гумуса светло-серого цвета, перемешанного с пылеватым материковым песком и золой. Мощность его не превышает 8–12 см. В раскопе 1 данный слой уходит вниз по склону площадки и выклинивается за древним рвом. Этот же слой прослежен на дне западины в раскопе 3 и в заполнении рва на юго-восточном краю площадки (траншея 1). Мощность его на площадке не более 10–15 см, во рву – до 40 см.

Вещевой материал слоя – керамика (108 фрагментов), среди которой встречено десять штрихованных стенок (9,3%) и шесть текстильных (5,6%).

Временем гибели слоя – 3 является вышеуказанная радиоуглеродная дата, которая укладывается во временной интервал VIII–VI вв. до н.э.

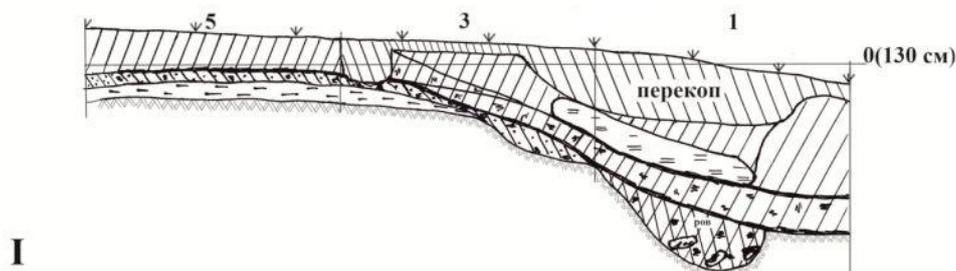
Фортификация городища. В северо-западной и юго-восточной частях площадки исследованы небольшой по протяженности (3,1 и 2,0 м) участки рва и остатки оборонительной стены из частокола. Неглубокий ров (0,4–0,6 м) шириною 1,2–1,4 м был вырыт на склоне городища. Со стороны площадки у верхнего обреза рва в землю были вбиты столбы диаметром 40–60 см на глубину 0,7–0,8 м, расстояние между ними не превышало 0,5–0,7 м. Выброшенный при рытье рва грунт использовали для укрепления нижней части столбов ограды. Подобные поселения Е.А. Шмидт относит к полуукрепленным [6, с. 27].

Верхняя часть рва в раскопе 1 на глубину до 0,4 м заполнена черным зольным слоем, содержащим куски сгоревших бревен и угли. Ниже пожарища зафиксирован древнейший слой светло-серой окраски мощностью середины I тыс. до н.э.

Остатки более поздних укреплений исследованы Г.В. Штыховым в северной части площадки (раскоп 1972 г.) и в обнажениях с южной стороны городища. Насыпь вала высотой 1,0 м была возведена из культурного слоя на напластованиях черного цвета, соответствующих стратиграфическому слою – 2 [3, с. 53]. В насыпи среди немногочисленных фрагментов

¹ Анализ проведен в лаборатории РАИМК, образец Ле-12120

Бороники — 2020. Городище. Раскоп 1.
Профиль юго-западной стенки

Бороники — 2021. Городище. Траншея — 1. Профиль восточной стенки

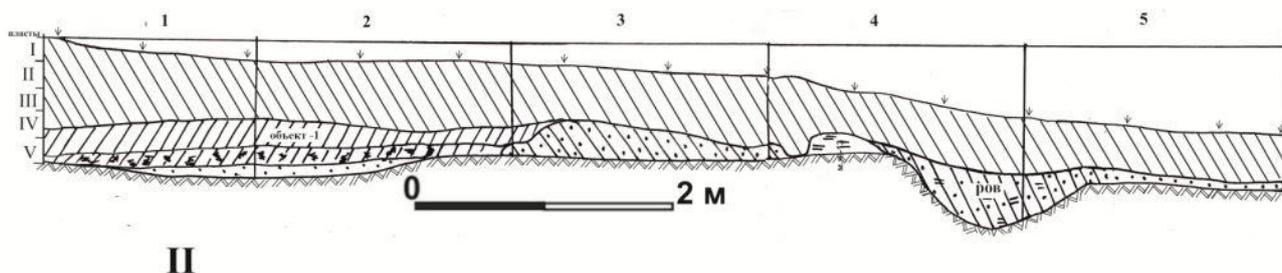

Рис. 7. Разрезы исследованных участков древнего рва по краю площадки городища Бороники: I – северо-западный склон площадки (раскоп 1); II – юго-восточный склон площадки (траншея 1)

горшков встречается керамика с изломом при переходе от венчика к тулову (т.н. милогроидной формы), в подсыпке насыпи выявлена гончарная керамика с линейным орнаментом X века [4, с. 281].

Заключение. Детальное изучение стратиграфии и хронологии культурного слоя позволяет нам в общих чертах воссоздать основные этапы существования городища. От первоначального поселка сохранились сгоревшие деревянные конструкции в заполнении рва и столбовые ямы от стоящего по краю площадки частокола. Судя по радиоуглеродной дате, гибель раннего поселка произошла в VIII–VI вв. до нашей эры. Вещевой комплекс из слоя пожара и предшествующего ему стратиграфического слоя – 3 представлен исключительно керамикой, среди которой преобладает гладкостенная посуда профилированных форм, штрихованная керамика составляет 9,2%, текстильная 5,6%. Как долго после пожара площадка оставалась незаселенной, установить пока довольно сложно. Отдельные артефакты из предматерикового слоя можно отнести ко второй половине I тыс. до н.э.: топор «скифского типа», бронзовая умбонидная привеска. Все они найдены в закрытом комплексе – столбовой постройке небольших размеров. Данному периоду жизни поселения соответствует стратиграфический слой – 2. Присутствие в слое древностей южного круга, сосудов милогроидного облика и значительное количество штрихованной керамики дает основание предположить активное освоение региона как днепро-двинцами со Смоленского Поднепровья, так и штриховиками.

Верхний слой зафиксирован на всей площадке городища. Древний ров в юго-восточной части городища к этому времени был засыпан, в результате чего площадка расширилась на 2–3 м. С северной и южной сторон городище укрепили короткими земляными валами, насыпи которых были возведены из культурного слоя. Напластования последнего периода жизни на поселении содержат материалы, временные рамки бытования которых не выходят за пределы первой половины I тыс. н.э. Г.В. Штыхов считает, что во второй половине тысячелетия городище использовалось как убежище [4, с. 281].

Присутствие в керамическом комплексе наряду с днепро-двинской посудой значительного количества штрихованной и текстильной керамики позволяет предположить смешанный состав населения городища.

Литература

1. Алексеев, Л.В. Отчет об археологических исследованиях Полоцко-Прибалтийского отряда Прибалтийской комплексной экспедиции летом 1959 г. / Л.В. Алексеев // Центральный научный архив НАН Беларуси. Фонд археологической научной документации. – Минск, 1960. – Д. № 189. – 39 с.: ил.
2. Штыхов, Г.В. Отчет об археологических исследованиях в Витебской области и Логойске в 1965 г. / Г.В. Штыхов // Центральный научный архив НАН Беларуси. Фонд археологической научной документации. – Минск, 1974. – Д. № 259. – 48 с.: ил.
3. Штыхов, Г.В. Отчет об археологических исследованиях Полоцко-Витебского отряда в 1972 г. / Г.В. Штыхов //

- Центральный научный архив НАН Беларуси. Фонд археологической научной документации. – Минск, 1973. – Д. № 413. – 86 с.: ил.
4. Штыхаў, Г. Вынікі даследвання гарадзішча Баронікі пад Віцебскам / Г. Штыхаў // Гістар.-археал. зборнік. – 2007. – Вып. 23. – 271 с.
 5. Минасян, Р.С. Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья / Р.С. Минасян // Археол. сборник Гос. Эрмитажа. – 1978. – № 19. – С. 74–85.
 6. Шмидт, Е.А. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. Днепродвинские племена (VIII в. до н.э. – III в. н.э.) / Е.А. Шмидт. – М.: Прометей, 1992. – 207 с.
 7. Короткевич, Б.С. Пять вариантов днепро-двинской культуры / Б.С. Короткевич, А.М. Мазуркевич // Петербург. археол. вестн. – 1992. – Вып. 2. – С. 63–82.
 8. Егорейченко, А.А. Культуры штрихованной керамики / А.А. Егорейченко. – Минск: БГУ, 2006. – 207 с.
 9. Шадыро, В.И. Ранний железный век Северной Белоруссии / В.И. Шадыро. – Минск: Наука и техника, 1985. – 126 с.
 10. Лопатин, Н.В. Северные рубежи раннеславянского мира в III–V вв. н.э. / Н.В. Лопатин, А.Г. Фурасев // Археология славян и их соседей / РСМ. – 2007. – Вып. 8. – Москва: Ин-т археологии РАН. – 251 с.
 11. Седов, В.В. Белорусское Подвинье и Смоленское Поднепровье в период Великого переселения народов / В.В. Седов // Российская археология. – 1998. – № 2. – С. 54–77.
 12. Петренко, В.Г. Украшения Скифии VII–III вв. до н.э. / В.Г. Петренко. – М.: Наука, 1978. – А.М. 144 с. (САИ. Вып. Д4–5).
 13. Лошенко, М.И. Городища милоградской культуры на территории Беларуси / М.И. Лошенко. – Минск: МФЦП, 2011. – 408 с.
 14. Дробушевский, А.И. Зарубинецкая культура Белорусского Поднепровья / А.И. Дробушевский // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя: в 2 кн. / О.Н. Левко [и др.]; науч. ред.: О.Н. Левко, В.Г. Белевец; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск: Беларус. навука, 2016. – Кн. 1. – (Славянские древности Беларуси). – С. 56.
 15. Смирнов, К.А. Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) / К.А. Смирнов // Дьяковская культура; под ред. Ю.А. Краснова. – М.: Наука, 1974. – С. 7–89.
 16. Медведев, А.М. Посоховидные булавки / А.М. Медведев // Гістар.-археал. зборнік. – 1995. – № 7. – С. 172–201.
 17. Тарасевич, В.Н. Клад височных колец из городища Бороники (Витебск) / В.Н. Тарасевич, В.М. Васильев // Журн. Беларус. гос. ун-та. История. – 2020. – № 3. – С. 64–71.
 18. Минасян, Р.С. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья / Р.С. Минасян // Археологический сборник ГЭ. – 1980. – № 21. – С. 68–84.
 19. Поболь, Л.Д. Археологические памятники Белоруссии: Железный век / Л.Д. Поболь. – Минск: Наука и техника, 1983. – 456 с.
 20. Ильютик А.В. Пряслица второй четверти I тыс. н.э. с поселения Абидня // МАБ. – 2005. – Вып. 9: Древности Белоруссии (железный век и средневековье). – С. 106–111.
 21. Рассадин, С.Е. Милоградская культура: ареал, хронология, этнос / С.Е. Рассадин. – Минск: ГНУ «Институт истории НАН Беларуси», 2006. – 106 с.
 22. Кренке, Н.А. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. / Н.А. Кренке. – М.: ИА РАН, 2011. – 548 с.

Поступила в редакцию 15.05.2024

Роль Бразилии во внешней политике Китая в 2000–2013 гг.

Хуан Сюйшэн

Белорусский государственный университет, Минск

В рамках выполнения Государственной программы фундаментальных исследований на 2021–2025 гг. «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» исследование затрагивает двусторонние отношения между Бразилией и Китаем, двумя крупнейшими развивающимися странами в своих регионах, которые могут влиять на формирование нового мирового порядка.

Целью публикации является анализ развития отношений Бразилии и Китая с 2000 по 2013 год и влияния внутренней политики обеих стран на интенсификацию этого сотрудничества.

Материал и методы. Исследование основывается на анализе политических, экономических и социальных данных за указанный период. Основное внимание уделено роли государства в формировании внешнеполитических стратегий для достижения заявленных целей.

Результаты и их обсуждение. Таким образом, было установлено, что Бразилия и Китай имеют возможность совместно формировать повестку дня международной политики. А режим «стратегического партнерства» между этими странами охватывает практически все сферы взаимодействия, включая политический диалог, создание механизмов сотрудничества и институциональной базы.

Заключение. Несмотря на укрепление отношений двух стран, были выявлены проблемы, связанные с вопросами согласования и реализации общих идей и намерений в сфере международной безопасности в рамках деятельности международных регулирующих структур.

Ключевые слова: Бразилия, Китай, двусторонние отношения, внутренняя политика, национальное развитие, международная политика, сотрудничество.

(Ученые записки. – 2024. – Том 39. – С. 72–77)

The Role of Brazil in the Foreign Policy of China in 2000–2013

Huang Xusheng

Belarusian State University, Minsk

As part of the implementation of the State Basic Research Program for 2021–2025. "Society and Human Security of the Belarusian State" study addresses the bilateral relations between Brazil and China, the two largest developing countries in their regions, which can influence the formation of a new world order.

The purpose of the study is to analyze the development of relations between Brazil and China from 2000 to 2013 and the impact of the domestic policies of both countries on the intensification of this cooperation.

Material and methods. The study is based on the analysis of political, economic and social data for the specified period. The main focus is on the role of the state in the formation of foreign policy strategies to achieve the stated goals.

Findings and their discussion. As a result, it was found out that Brazil and China have the opportunity to jointly shape the agenda of international policy. Besides, the "strategic partnership" regime between these countries covers almost all areas of interaction, including political dialogue, the creation of cooperation mechanisms and an institutional framework.

Conclusion. Despite the strengthening of relations between the two countries, problems were identified related to the coordination and implementation of common ideas and intentions in the field of international security within the framework of the activities of international regulatory structures.

Key words: Brazil, China, bilateral relations, domestic policy, national development, international policy, cooperation.

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 39. – P. 72–77)

Бразилия, являясь наиболее крупной развивающейся страной в Западном полушарии, и Китай, как самая большая развивающаяся страна в мире, устанавливают двусторонние связи, которые могут влиять на отношения между странами

«Глобального Юга» и формирование нового мирового порядка. Уже в 1993 году эти две страны заявили о создании стратегического партнерства, при этом Бразилия стала первой латиноамериканской страной, заключившей такое партнерство с Китаем. С тех пор

отношения между двумя странами стремительно развиваются, охватывая практически все области.

В начале XXI века китайско-бразильские отношения вступили в новую эру, поддерживаемую как расширением глобального капитализма в Восточной Азии, так и изменениями во внешней политике обеих стран. Китай, благодаря своему экономическому росту, стал более активным участником мировой политики. В то же время в связи с продолжающейся модернизацией Китая, основанной на интенсивной индустриализации, внешняя политика страны была в значительной степени ориентирована на поиск зарубежных рынков, капитала, технологий, энергетических ресурсов и сырья, которые являлись ключевыми инструментами развития экономики Китая. Эти трансформации значительно приблизили Китай и Бразилию.

Целью исследования является анализ развития отношений Бразилии и Китая с 2000 по 2013 год и влияния внутренней политики обеих стран на интенсификацию этого сотрудничества.

Хронологические границы исследования отношений Китая и Бразилии в 2000–2013 годы выбраны по следующим причинам. Начало периода (2000 год) является значимым, поскольку в это время стали активно развиваться экономические и торговые отношения между Китаем и Бразилией, определяться новые векторы построения политического диалога. Конец периода (2013 год) выбран в качестве конечной точки, поскольку ограничивает время правления Ху Цзиньтао и определяет новый вектор развития международных отношений с приходом к власти Си Цзиньпина в Китае.

Материал и методы. В историографии, посвященной взаимоотношениям Китая и Бразилии в период с 2000 по 2013 год, проводился анализ двусторонних связей этих стран. Эти отношения были ключевыми во внешней политике обеих стран, и они стали предметом исследований не только в Китае и Бразилии, но и во многих западных государствах. В статье К. Перейра и Ж.А. де Кастро Невеш проводится сравнительная оценка развития отношений между двумя странами в торговле, политико-стратегической сферы и прямых иностранных инвестиций. В данном контексте бразильские ученые стремились определить тенденции растущего дисбаланса и асимметрии в торговых потоках и инвестициях [1]. В статье Хайбинь Ниу описываются новые методы экспансии Китая в странах Латинской Америки и Бразилии, в частности. Утверждается, что проблемы деиндустриализации Китая, острая конкуренция, а также снижение спроса на товары со стороны Китая привели к переосмыслению отношений стран Латинской Америки и Карибского бассейна с азиатской сверхдержавой [2, с. 39]. Монография Е.И. Сафроновой затрагивает несколько ключевых вопросов истории, концептуальных основ и практики взаимодействия между КНР и Бразилии с момента создания Китайской Народной Республики до 2012–2013 годов, которые были отмечены вступлением в должность пятого поколения лидеров Китая [3].

Исследование как внешней политики, так и дипломатии Китая в отношении Бразилии предполагает прежде всего раскрытие, систематизацию, изучение и сопоставление ее субъективных, культурных, исторических, социальных, философских и других предпосылок.

Для достижения цели написания статьи был проведен первичный отбор наиболее распространенных и цитируемых публикаций в академической среде, с целью выявления общих тенденций и различий, а также оценки влияния этих взглядов на внешнюю и внутреннюю политику Китая в отношении Бразилии. В процессе исследования реформ в политической, экономической и социальной сферах жизнедеятельности Китая и Бразилии широко использовался метод компаративного анализа.

Источниковую основу исследования составляют официальные политико-дипломатические документы КНР и Бразилии об установлении дипломатических отношений и двустороннего сотрудничества, ряд экономических соглашений и другие документы, позволяющие проследить характер и основные направления развития двусторонних отношений в 2000–2013 годы.

Результаты и их обсуждение. Межгосударственные отношения Китая и Бразилии развивались под воздействием национальных идей и целей внешних политик руководств двух стран. Так, в период 2000–2013 гг. президентами Бразилии были: Фернанду Энрики Кардозу (1995–2002), Луиса Инасиу Лула да Силва (2003–2010) и Дилма Вана Русеф (2011 год по 12 мая 2016 года, первая женщина на посту лидера Бразилии). В Китае за этот же период сменилось два поколения правителей: Цзян Цзэминь (1989–2001) и Ху Цзиньтао (2002–2012).

Встречи на высоком уровне проходили между двумя странами на протяжении 2000–2013 гг. Так, 11 апреля 2001 года председатель КПК Цзян Цзэминь провел переговоры с президентом Бразилии Ф.Э. Кардозу в Президентском дворце в Бразилии. Обе стороны обменялись мнениями о дальнейшем продвижении и развитии двусторонних отношений. Цзян Цзэминь подчеркнул, что «укрепление координации и сотрудничества между Китаем и Бразилией, а также углубление двустороннего стратегического партнерства имеют большое значение для повышения общей мощи развивающихся стран и содействия установлению справедливого и разумного нового международного политического и экономического порядка» [4]. Президент Бразилии Ф.Э. Кардозу сказал, что «Бразилия и Китай разделяют многие схожие взгляды на международные дела. Мы все поддерживаем многополярный мир и надеемся жить в мире мира, процветания, взаимного уважения и диалога. Именно на этой основе Бразилия и Китай установили стратегическое партнерство» [4]. Таким образом, завершая свои президентские сроки оба президента указывали на необходимость продолжения тесного сотрудничества.

В период правления Ху Цзиньтао (2002–2012) Китай продолжал укреплять межгосударственные связи с развивающимися странами. Сближение с Африкой и Латинской Америкой было мотивировано стремлением Китая продолжить свой ускоренный экономический рост. Эти страны были рассмотрены китайскими властями как важнейшие источники сырья, товаров и природных ресурсов, а также как важные рынки для продажи своей продукции. Китай использовал риторику сотрудничества «Юг-Юг» и защиту Вестфальских принципов, а также прямые инвестиции, чтобы сблизиться с этими странами. Интенсификация отношений с Бразилией стала частью этой стратегии.

В период правления Луиса Инасиу Лулы да Силвы (2003–2010) бразильская внешняя политика прошла ряд изменений, направленных на формирование идентичности страны на континентальном уровне, с акцентом на региональную интеграцию как новую форму международного присутствия и диверсификацию партнерских связей с целью превращения Бразилии в глобального игрока и торговца. Усиление позиций Бразилии как страны, активно развивающейся, привело к тому, что основным приоритетом бразильской дипломатии стал поиск новых рынков в различных регионах мира, подчеркивая «универсализм» как ключевой принцип внешней политики. Это способствовало укреплению и возобновлению отношений с Китаем.

Визит президента Бразилии Лулы да Силвы в Китай в мае 2004 года, в котором приняли участие девять министров, шесть губернаторов и около 400 бизнесменов, был одним из ключевых событий его правления и важным актом в китайско-бразильских отношениях. В ходе визита было подписано девять двусторонних соглашений и 14 коммерческих контрактов. С точки зрения Бразилии основной целью поездки было продемонстрировать Китаю стратегическую и коммерческую значимость, которую Бразилия стремилась придать своим отношениям с Китаем. Бразилия рассматривала Китай как потенциального партнера, способного стимулировать его развитие через инвестиции в инфраструктуру и приобретение бразильской продукции [5].

С ответным визитом председатель КПК Ху Цзиньтао прибыл в Бразилию в ноябре 2004 года. В ходе визита он и президент Бразилии Луис да Силва согласовали четыре ключевых принципа для укрепления двусторонних связей:

- 1) усиление взаимного политического доверия и проведение консультаций по вопросам равноправия;
- 2) раскрытие возможностей для расширения взаимовыгодного торгово-экономического сотрудничества;
- 3) координация действий и сотрудничество в международных вопросах;
- 4) поощрение обменов между народами для углубления взаимопонимания. Эти принципы стали основой укрепления двусторонних связей в политической, экономической, торговой, научно-технической,

космической, сельскохозяйственной и культурно-образовательной сферах сотрудничества [6].

Важную роль в развитии межгосударственных связей между странами сыграли новые институты сотрудничества. Так, согласно Меморандума о взаимопонимании между Китайской Народной Республикой и Бразилией «О создании Китайско-бразильской комиссии высокого уровня по согласию и сотрудничеству» (COSBAN) был сформирован первый межгосударственный регулирующий институт, который 24 марта 2006 года провел свое первое заседание. В сферу деятельности данной Комиссии входили следующие функции:

- координация развития двусторонних отношений;
- разработка стратегии двустороннего сотрудничества;
- содействие международному сотрудничеству посредством организации и координирования переговоров;
- организация гуманитарных обменов [2, с. 46].

Также COSBAN внедрил шесть механизмов для построения политического диалога и сотрудничества между странами, включая механизм политических консультаций, объединенную экономическую и торговую комиссию, научно-технический комитет, комитет по проектам сотрудничества в области космических технологий, комитеты по культуре и сельскому хозяйству. Стороны призывали соответствующие учреждения обоих правительств приложить усилия для как можно более быстрого завершения переговоров о подписании Соглашения по таможенным вопросам между правительствами Китая и Бразилии.

В 2007 году обе стороны заявили о налаживании стратегического межгосударственного партнерства. В 2008 году лидеры двух стран провели три встречи, продемонстрировав сохранение близости двустороннего политического диалога и отношений. В этом же году две страны провели несколько важных встреч на высоком уровне во время лондонского финансового саммита «Большой двадцатки» и визита заместителя председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина в Бразилию [3].

В год 35-летия китайско-бразильских отношений президент Лула совершил свой второй официальный визит в Китай (18–20 мая 2009 год). По этому случаю было подписано совместное заявление правительств двух стран, в котором были перечислены некоторые достижения, указывающие на укрепление двусторонних отношений. Среди них особое внимание заслуживают некоторые инструменты двустороннего сближения:

1. «Китайская повестка дня» в коммерческой сфере.
2. Китайско-бразильская комиссия по координации и сотрудничеству высокого уровня (Косбан), с 2006 г. отвечающая за координацию различных аспектов двусторонних отношений.
3. Стратегический диалог, созданный в 2007 году.
4. Финансовый диалог Бразилия–Китай в 2008 году [7].

В рамках «Китайской повестки дня» были определены следующие ключевые цели:

- повышение уровня технологического развития экспортной продукции на китайский рынок, превосходящей по добавленной стоимости традиционно экспортируемые товары;

- достижение количественного и качественного баланса в китайско-бразильской торговле путем увеличения экспорта бразильской промышленной продукции;

- расширение бразильского экспорта продукции, активно использующей природные ресурсы для удовлетворения растущего спроса на товары, которые Китаю сложно обеспечить в достаточном объеме;

- углубление участия Бразилии в миссиях, ярмарках и других гуманитарных проектах с Китаем, чтобы обеспечить координацию действий между партнерами из обеих стран [7].

В повестку дня также были включены инициативы по привлечению китайских инвестиций в Бразилию, в том числе в области инфраструктуры и логистики [2]. Обе стороны подтвердили важность Китайско-бразильского комитета высокого уровня в управлении и координации развития отношений между двумя странами в различных областях. Представители Китая и Бразилии заявили о готовности поддерживать тесные обмены на высоком уровне и укреплять двусторонние отношения через стратегический диалог, политические консультации между министерствами иностранных дел двух стран, регулярные механизмы встреч между членами Всекитайского собрания народных представителей Китая и Палатой депутатов Бразилии. Стороны также обменялись мнениями по двусторонним отношениям и основным международным и региональным вопросам, представляющим взаимный интерес [7]. С целью подтверждения своих инициатив, представители Китая и Бразилии подписали документы о сотрудничестве, охватывающие политику, правосудие, торговлю продукцией сельского хозяйства и животноводства, науку и технологии, космос, финансы, энергетику, портовое сотрудничество и другие области, чтобы еще больше укрепить отношения между китайским и бразильским народами.

Таким образом, после запуска правительством Бразилии «Китайской программы» в июле 2008 года экономические и коммерческие цели Бразилии по отношению к Китаю были более четко определены. В результате создания в декабре 2007 года Китайской рабочей группы, состоящей из представителей различных органов и организаций, заинтересованных в формулировании инициатив в государственной и частной сферах, «Китайская повестка дня» была направлена как на углубление анализа китайско-бразильских отношений, так и на долгосрочное развитие китайско-бразильских отношений с целью разработки стратегии по стимулированию двусторонней торговли и расширению взаимных инвестиций, в дополнение к содействию техническим исследованиям

и действиям по продвижению потенциала бразильских производителей и экспортеров на китайском рынке.

Последняя встреча между председателем КНР Ху Цзиньтао с президентом Бразилии Лула да Силва состоялась 15 апреля 2010 года. В ходе встречи стороны обсудили вопросы китайско-бразильских отношений и другие темы, представляющие общий интерес. Председатель КНР Ху Цзиньтао подчеркнул стратегическую значимость и глобальное влияние китайско-бразильских отношений. Он предложил три направления для дальнейшего развития двусторонних отношений:

1. Укрепление политического доверия. Стороны намерены развивать политический диалог с целью углубления взаимопонимания и поддержки, формирования прочной политической основы межгосударственных связей.

2. Китай придает большое значение механизму китайско-бразильского комитета высокого уровня и готов продолжать расширять стратегический диалог с Бразилией, добиваясь создания механизмов сотрудничества в законодательных, партийных, военных и других областях, чтобы обеспечить институциональные гарантии на долгосрочную перспективу развития двусторонних связей.

3. Повышение уровня стратегического сотрудничества в международных делах. Ху Цзиньтао отметил, что «прагматическое сотрудничество Китая и Бразилии вступает в новую фазу. Китай готов работать с Бразилией над расширением прагматического сотрудничества и сосредоточить усилия на следующих областях» [8]:

- 3.1 Углубление торгово-экономического сотрудничества. Ху Цзиньтао призвал обе стороны диверсифицировать структуру торговли, способствовать восстановлению торговли и поддерживать ее стабильный рост.

- 3.2 Содействие инвестиционному сотрудничеству. Обе стороны должны активно поощрять двусторонние инвестиции своих предприятий в области энергетики, горнодобывающей промышленности, сельского хозяйства, промышленности и строительства инфраструктуры, а также в полной мере использовать роль Китайско-бразильского комитета предпринимателей и агентств по содействию торговле и инвестициям двух стран, чтобы стимулировать обмены между своими бизнес-сообществами и способствовать инвестиционному сотрудничеству.

- 3.3 Расширение энергетического сотрудничества. Он выразил надежду, что обе стороны хорошо реализуют соответствующие соглашения. Китай выразил намерение активизировать проекты, связанные с разработкой нефти в Бразилии.

- 3.4 Расширение финансового сотрудничества. Правительство Китая активно поддерживает финансовые институты двух стран, предлагая финансовые услуги для двустороннего сотрудничества в сферах торговли, энергетики, горнодобывающей промышленности, транспорта, электроэнергетики, сельского хозяйства и жизнеобеспечения населения [8].

Таким образом, Китай активно продвигал новые механизмы межгосударственного сотрудничества, предлагая Бразилии выгодные экономические стимулы в виде инвестиций и финансовой помощи китайских банков в реализации крупных инфраструктурных проектов.

После завершения двух сроков президентства Лулы да Силвы и вступления в должность Дилмы Руссеф (2011–2016) Бразилия продолжала уделять важное значение сотрудничеству с Китаем. В ходе визита Д. Руссефы в Китай в апреле 2011 года в целях дальнейшего содействия реализации «Плана совместных действий» лидеры двух стран договорились реализовать «Десятилетний план сотрудничества» (далее – «Десятилетний план»), «уточнив области сотрудничества – науки и технологий, инноваций и экономики на 2012–2021 годы» [9]. «Десятилетний план сосредоточен на следующих областях: технологии, инновации и аэрокосмическое сотрудничество; энергетика, полезные ископаемые, инфраструктура и транспортное сотрудничество; инвестиционное, промышленное и финансовое сотрудничество; экономическое и торговое сотрудничество; гуманитарное сотрудничество» [10].

При этом Правительство Бразилии все больше придавало значение глобальным политическим сетям и укреплению связей с крупными внерегиональными и развивающимися странами. В этом контексте Китай выделялся как ключевой партнер. Это отражено в решении обеих стран усилить двустороннее стратегическое сотрудничество. Тем не менее коллективное сотрудничество Китая с Латинской Америкой больше указывает на стратегию взаимодействия, чем на подход к управлению двусторонними отношениями. Понятие «коллективное сотрудничество» подразумевает широкое взаимодействие с регионом и основывается на концепции, согласно которой коллективный диалог способствует максимизации преимуществ взаимодействия на более широкой основе [2, с. 46].

Китай и Бразилия активно сотрудничали в рамках международных организаций и многосторонних механизмов, определяющих мировую политику, таких как ООН, «Большая двадцатка», БРИК (современный БРИКС) [11] и BASIC (Бразилия, Южная Африка, Индия, и Китай – объединение по переговорам по изменению климата). Две страны продолжали укреплять свои взаимосвязи и согласованность в отношении важных глобальных проблем, включая трансформацию международной финансовой системы, климатические изменения и сотрудничество с крупными региональными странами.

Группа БРИК в 2000–2013 годах достигла существенных успехов в своих усилиях по развитию сотрудничества в вопросах обеспечения глобальной безопасности. Однако Китай и Бразилия не всегда имели общие взгляды на решение международных вопросов. Примером этого может служить вопрос, связанный с ядерной политикой Ирана, когда Бразилия и Турция пытались достичь дипломатического решения в 2010 году. Однако Китай предпочел

поддержать Соединенные Штаты и других постоянных членов Совета Безопасности, вместо поддержки инициатив близких партнеров. Другим примером отсутствия поддержки со стороны Китая позиции Бразилии в области безопасности является продвижение Бразилией расширения нормы «Обязанность по защите» (R2P) по принципу ответственности при защите (RWP). Бразилия предложила этот принцип в ООН в 2011 году, когда была несогласна с военной интервенцией в Ливии. Вместо военной интервенции Бразилия выступила с инициативой активизировать усилия по созданию условий для мирного сосуществования сторон конфликта. Однако и в этом случае Китай не поддержал инициативу Бразилии [12]. Все эти примеры подчеркивают, что обе страны имеют больше возможностей для координации политических позиций в области глобального экономического управления, чем в области международной безопасности. В то же время стоит отметить, что и Бразилия, и Китай сталкиваются со своими собственными проблемами национальной безопасности, включая территориальные споры [13].

Независимо от этого, лидеры обеих стран в 2000–2013 годах придерживались общего тезиса, что в текущей сложной международной обстановке для Китая и Бразилии имеет еще большее значение дальнейшее укрепление стратегического партнерства. Обе стороны подтвердили свою стратегическую и долгосрочную перспективу в развитии китайско-бразильских отношений и выразили готовность к дальнейшему углублению взаимного доверия, расширению сфер сотрудничества и постоянному повышению уровня межгосударственного взаимодействия на основе принципов уважения, равенства и взаимной выгоды.

Заключение. Анализ развития отношений между Китаем и Бразилией за 2000–2013 годы показал, что внутренняя политика сыграла важную роль в интенсификации двустороннего сотрудничества между исследуемыми странами. В Китае сотрудничество было одобрено неоинтернационалистическими членами КПК. В Бразилии все началось при президентстве Лулы да Силвы, который был представителем левой идеологии. В обеих странах государство играло роль менеджера, определяя наилучшие стратегии для достижения этими акторами своих целей, и при этом политические власти считали, что они способствуют реализации последовательной стратегии интернационализации, решая проблемы глобализации и продвигая вперед национальные проекты развития.

В период президентства Лулы да Силва (2003–2010), и особенно после кризиса 2008 года, Китай вышел на первое место среди партнеров Бразилии в области торговли и инвестиций, уступая лишь Европейскому союзу. Во время своего правления Лула да Силва дважды официально посещал Китай. В 2004 и 2009 годах председатель КПК Ху Цзиньтао в свою очередь дважды совершил визит в Бразилию. Всего за период с 2008 по 2009 год Лула да Силва и Ху Цзиньтао провели

девять встреч, что свидетельствует о тесных связях между двумя странами. Однако это не определяет характер этих отношений. Термин «стратегическое партнерство» скорее всего является метафорой, подчеркивающей приоритет, который оба правительства придают увеличению объема торговли и инвестиций между странами, а также стремлению Бразилии установить более тесные политические связи с Китаем.

Быстрый экономический рост, характерный для обеих стран на этом этапе, помог им повысить свое международное политическое влияние. Впервые в истории у Бразилии и Китая (наряду с Индией и Южной Африкой) появились условия для совместного формирования повестки дня международной политики. С учетом современных вызовов международному порядку, Бразилия и Китай часто рассматриваются как союзники. Большинство аналитиков и политических деятелей видят в этих двух гигантах восходящие державы, которые все более активно координируют свои действия на международной арене, участвуя в таких форумах, как БРИКС, G20 и BASIC.

Взаимодействуя с Бразилией и другими быстрорастущими экономиками, такими как Индия, Южная Африка и Россия, Китай в настоящее время работает над увеличением своего политического влияния, чтобы иметь больше инструментов для формирования повестки дня международной политики. Эта политика оказывается далека от аксиом Дэна Сяопина, формировавших внешнюю политику Китая на протяжении последних 30 лет.

Литература

1. Pereira, C. Brazil and China: South-South Partnership or North-South Competition? / C. Pereira, J.A. de Castro Neves // Policy Paper. – 2011. – № 26. – PP. 1–24.
2. Niu, Haibin. A Nea Era of China-Latin America Relations / Niu Haibin // Anuario de Integración. – 2015. – № 11. – PP. 39–51.
3. Сафронова, Е.И. КНР – развивающиеся страны: история и концептуальная база отношений (1949–2013) на примере Африки и Латинской Америки / Е.И. Сафронова. – М.: ИД «ФОРУМ», 2017. – 130 с.
4. 江泽民主席和巴西总统卡多佐举行会谈 = Президент Цзян Цзэминь провел переговоры с Президентом Бразилии Кардозу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mfa.gov.cn/gjhdq_676201/gj_676203/nmz_680924/1206_680974/xgxw_680980/200104/t20010412_9367657.shtml. – Дата обращения: 02.03.2024.
5. 胡锦涛主席與巴西總統盧拉舉行會談 = Председатель Ху Цзиньтао провел переговоры с президентом Бразилии Лулой 2004 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zjzg_663340/ldmzs_664952/xwlb_664954/200411/t20041113_591366.html. – Дата обращения: 07.03.2024.
6. 中国巴西签署联合公报 2004年5月24日 = Совместное коммюнике Китайской Народной Республики и Федеративной Республики Бразилия (24 мая 2004 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/200405/t20040525_7946897.shtml. – Дата обращения: 08.03.2024.
7. 中国巴西关于进一步加强中巴战略伙伴关系联合公报 = Совместное коммюнике Китайской Народной Республики и Федеративной Республики Бразилия о дальнейшем укреплении китайско-бразильского стратегического партнерства (19 мая 2009 г. в Пекине) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/200905/t20090520_7947217.shtml. – Дата обращения: 08.03.2024.
8. 胡锦涛主席與巴西總統盧拉舉行會談 = Ху Цзиньтао провел переговоры со своим бразильским коллегой Лулой 2010 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/eng/gjhdq_665435/3447_665449/3473_665008/3475_6_65012/201004/t20100419_594684.html. – Дата обращения: 07.03.2024.
9. 中华人民共和国和巴西联邦共和国联合公报 = Совместное коммюнике Китайской Народной Республики и Федеративной Республики Бразилия (Пекин, 12 апреля 2011 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lawdb.cncourt.org/show.php?fid=147006>. – Дата обращения: 02.03.2024.
10. 中华人民共和国政府和巴西联邦共和国政府十年合作规划 = [Десятилетний план сотрудничества между Правительством Китайской Народной Республики и Правительством Федеративной Республики Бразилия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mds.mofcom.gov.cn/article/ghlt/201206/20120608194994.shtml>. – Дата обращения: 07.03.2024.
11. Совместное заявление лидеров стран БРИК. 1-й саммит БРИК, 16 июня 2009 г., Екатеринбург [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/209>. – Дата обращения: 07.03.2024.
12. China-Brazil Business Council, 2013/6. Chinese Investments in Brazil from 2007–2012: A review of recent trends. Brazil: CBBC and Inter-American Development Bank, IDB [Electronic resource]. – Access mode: https://www.redalc-china.org/monitor/images/pdfs/Investigacion/24_CBBC-IDB_2013.pdf. – Date of access: 02.03.2024.
13. China's security and military cooperation in Latin America and the Caribbean: Implications for Europe [Electronic resource]. – Access mode: https://www.kas.de/documents/272317/12679622/China%E2%80%99s+security+and+military+cooperation+in+Latin+America+and+the+Carribbean_Implications+for+Europe.pdf/d2ea96ac-cc60-a0a0-916a-a8e6d18bf5f2?version=1.0&t=1651220224766. – Date of access: 02.02.2024.

Поступила в редакцию 28.03.2024

Православные епархии белорусских земель в период Первой мировой войны (1914 – начало 1917 гг.): историографический аспект

Попеленко Е.С.

Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова», Витебск

Историография деятельности православных епархий белорусских земель Первой мировой войны представлена разнообразными научными трудами по времени и характеру написания.

Цель статьи – проследить эволюцию подходов к изучению истории Православной церкви периода Первой мировой войны на территории Беларуси.

Материал и методы. *Источниками послужили труды авторов дореволюционного периода, советских ученых, монографии современных белорусских и зарубежных историков. В ходе исследования использованы различные методы, включая историко-генетический, типологический, историко-сравнительный и историко-системный.*

Результаты и их обсуждение. *Сложности изучения деятельности церкви в военный период (1914–1918 гг.) заключаются в том, что спустя несколько лет после окончания Первой мировой войны и Революции 1917 г. церковь в лице епископов, священнослужителей и дьяконов была подвергнута гонениям. Репрессии в отношении живых свидетелей эпохи привели к тому, что осталось очень мало их писем, воспоминаний, дневников. Информацию для исторической реконструкции данного периода сегодня можно найти преимущественно в архивах из отчетов в духовную консисторию и Святейший Синод. Тем не менее, за прошедшее с описываемых событий время сформирован определенный историографический корпус.*

Заключение. *Анализ историографических источников свидетельствует: в советское время история церкви изучалась на основе марксистско-ленинской методологии с позиций воинствующего атеизма, что затрудняло объективную оценку ее деятельности и в период Первой мировой войны. Современная белорусская и зарубежная историография раскрывают деятельность Церкви как самодостаточное явление, но комплексный труд, посвященный белорусским епархиям военного периода, к сожалению, отсутствует.*

Ключевые слова: *Первая мировая война, Православная церковь, Святейший Синод, духовенство, историография, историческая наука.*

(Ученые записки. – 2024. – Том 39. – С. 78–83)

Orthodox Dioceses in Belarusian Lands during World War I (1914 – early 1917): the Historiographic Aspect

Popelenko E.S.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The historiography of Orthodox dioceses in Belarusian lands during World War I is presented by various from the point of view of time and character scientific papers.

The purpose of the article is to trace the evolution of approaches to studying the history of the Orthodox Church during the First World War on the territory of Belarus.

Material and methods. *The sources were the works of authors of the pre-revolutionary period, Soviet scientists, monographs of modern Belarusian and foreign historians. During the study, various methods were used, including historical-genetic, typological, historical-comparative and historical-systemic.*

Findings and their discussion. *Difficulties in studying the activities of the church in the War period (1914–1918) are explained by the fact that some years after the end of World War I and the Revolution of 1917 the church, represented by bishops, clergymen and deacons, was persecuted. Repressions of eyewitnesses of the epoch resulted in a very small number of their surviving letters, memoirs, diaries. Information for the historical reconstruction of the period can be found mainly in archives*

from the reports to Spiritual Consistory and Holy Synod. At the same time, since the described events a certain historiographic corps has been shaped.

Conclusion. An analysis of historiographical sources shows that during the Soviet period, the history of the church was studied on the basis of Marxist-Leninist methodology from the position of militant atheism, which made it difficult to objectively assess its activities during the First World War. Modern Belarusian and foreign historiography reveal the activity of the Church as a self-sufficient phenomenon, but, unfortunately, there is no comprehensive work dedicated to the Belarusian dioceses of the war period.

Key words: World War I, Orthodox Church, Holy Synod, clergy, historiography, historical science.

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 39. – P. 78–83)

Два первых десятилетия XXI века ознаменовались феноменом возрождения церкви в странах СНГ и в частности в Беларуси. Стали открываться старые и строиться новые храмы, осуществлять свою деятельность духовные семинарии и Минская духовная академия. После фактического гонения на Церковь в XX веке, негативной оценки ее влияния на жизнь общества начался процесс переосмысления роли Православной церкви в истории Беларуси. Особенно в значимые, переломные ее периоды, например, такие как Первая мировая война. Однако при всем многообразии исследований военного периода 1914–1918 гг. некоторые аспекты истории Православной церкви в Беларуси этого времени остаются без достаточного внимания в исторической науке.

Цель статьи – проследить эволюцию подходов к изучению истории Православной церкви периода Первой мировой войны на территории Беларуси.

Материал и методы. Источниками послужили труды авторов дореволюционного периода, советских ученых, монографии современных белорусских и зарубежных историков. В ходе исследования использованы различные методы, включая историко-генетический, типологический, историко-сравнительный и историко-системный.

Результаты и их обсуждение. Сложности изучения деятельности церкви в военный период (1914–1918) заключаются в том, что спустя несколько лет после окончания Первой мировой войны и Октябрьской Революции 1917 г. церковь в лице епископов, священнослужителей и дьяконов была подвергнута гонениям. Репрессии в отношении живых свидетелей эпохи привели к тому, что осталось очень мало их писем, воспоминаний, дневников. Информацию для исторической реконструкции вышеуказанного периода сегодня можно найти преимущественно в архивах из отчетов в духовную консисторию и Св. Синод. Тем не менее за прошедшее с описываемых событий время сформирован определенный историографический корпус. Его анализ и предлагается в данной работе.

Историографию истории белорусского православия времен Первой мировой войны можно разделить на историографию Российской империи, которая продолжилась в эмиграции, советскую, белорусскую (Республика Беларусь) и зарубежных стран.

Начало изучению темы было положено еще в период Российской империи. Некоторые работы, написанные участниками и очевидцами событий, увидели свет в эмиграции. Для нашего исследования они ценны, поскольку их авторы опирались на собственные живые впечатления и наблюдения. Это труды С.Г. Рункевича [1], Г.И. Шавельского [2], архиепископа Афанасия (Мартоса) [3].

С.Г. Рункевич, являясь в 1911–1917 гг. помощником управляющего канцелярией Св. Синода, был автором более 300 статей в Православной богословской энциклопедии и «Русском биографическом словаре». Особое внимание автор уделял истории северо-западных земель Российской империи. Исторический очерк «Великая Отечественная война и церковная жизнь» был составлен на основе распоряжений Св. Синода начиная с первых дней войны 1914 г., которые касались всех сфер деятельности русской церкви: военнотружеников, их семей, работы с беженцами, военнопленными, попечении о православных и русских за границей и т.д.

«Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота» и «Русская Церковь пред революцией» были написаны Г.И. Шавельским в 1930-е годы в Болгарии. В своих мемуарах священнослужитель русской церкви и член Св. Синода в 1915–1917 гг. раскрывал особенности жизни русского общества, которое до революционных событий было нераздельно связано с православной церковью.

Монографией «Беларусь в исторической государственной и церковной жизни» архиепископ Афанасий (Мартос) продолжил историографию истории Православной церкви в эмиграции. Труд был написан в Аргентине в 1960-е годы и посвящен истории Православной церкви на белорусских землях, ее системе управления и структуре.

Советская историография. После революции 1917 г. и до начала 1980-х гг., в связи с распространением коммунистической идеологии, история Православной церкви в Беларуси изучалась мало и, как правило, с позиций воинствующего атеизма.

Священник в военный период представлен в работах советских историков как пропагандист, защитник царя и помещиков. Так, Б.П. Кандидов в своей монографии «Церковный фронт в годы мировой

войны» в разделах «Организация лжи и оправдание массового убийства», «Церковные церемонии тыла на службе милитаризма» указывал, что «одновременно с подготовкой военной программы и изготовлением запасов снарядов, бомб и патронов царское правительство совместно с религиозными организациями принимает меры в подготовке попов. Когда запахло порохом и кровью, церковный аппарат немедленно мобилизовался» [4]. Организованные в церквях благотворительные сборы автор рассматривает как «пожертвования на нужды войны», что «поддерживало российскую буржуазию и способствовало организованной капиталом войне». Интересно, что сам Кандидов в данной работе ссылается на труды Степана Рункевича, однако его интерпретация кардинально отличается от дореволюционной и постсоветской.

М.С. Корзун, Е.Ф. Грекулов, Г.Ф. Рыбкин, Ф.Н. Олещук, К. Троицкий [5] писали в подобном ключе, используя сходную терминологию.

Так, М.С. Корзун в своих трудах указывает, что церковь в дореволюционный военный период являлась частью государственного аппарата и нередко выполняла светские функции и потому оценивать ее деятельность нельзя однозначно. События Первой мировой войны и участия в ней церкви в монографии М.С. Корзуна описаны фрагментарно [5].

Е.Ф. Грекулов использует термин «клерикализм русской церкви», говорит об усилении клерикализма в военный и предреволюционный период. Замечает в негативном ключе, что все правительственные решения предварительно согласовывали с церковными иерархами, дабы у людей вызывать больший авторитет. Но тем самым подчеркивает значимость церкви в жизни общества.

Таким образом, в целом можно согласиться с мнением современного российского историка Д.Е. Леонова: «...работы, издававшиеся в советский период не претендовали на научность, их целью являлась антирелигиозная пропаганда»¹. Во всех вышеназванных трудах прослеживается тенденциозность: церковь изображалась как оплот самодержавия и контрреволюции. Тем не менее, труды советских авторов содержат ценный фактический материал.

Историография независимой Беларуси. С начала 1990-х годов начался принципиально новый этап в анализе взаимоотношений между государством и церковью, ее роли в обществе, основанный на признании универсальных человеческих ценностей, гуманизма, а также национальных и государственных приоритетов.

Исследования этого периода характеризуются изменением устоявшихся ранее методов и направлений изучения, вырабатываются новые критерии в интерпретации прошедших событий.

Сведения по истории Беларуси периода Первой мировой войны приведены в учебных пособиях для

высшей школы и обобщающих трудах 1990-х – начала 2000-х гг. [6]. Данные издания, как правило, содержат фрагментарную информацию по функционированию Православной церкви в белорусских губерниях в контексте эвакуации церковных ценностей, благотворительности и беженства.

Для нашего исследования интерес представляют монографии, в которых ведущей темой повествования является Православная церковь. Примером таких работ может послужить труд архиепископа Димитрия (Дроздова) [7], в котором подробно излагается история Витебской епархии, тенденции ее развития в начале XX в., направления деятельности и структура епархиальных организаций и отделов.

Преподаватель Минской духовной академии и семинарии священник Федор Кривонос [8] внес значимый вклад в исследование белорусских епархий в XX в. Им дана подробная характеристика деятельности церкви по всем белорусским губерниям в военный период. Освящены такие вопросы, как эвакуация духовенства и имущества церквей и монастырей из прифронтовых территорий, открытие лазаретов, деятельности братств и церковно-приходских попечительств. В работе Ф. Кривонос пользуется не только архивными документами, но и источниками личного происхождения – письмами и воспоминаниями очевидцев исследуемых событий. Однако характер издания (курс лекций) исключал возможность детального научного анализа проблемы. Материал о Православной церкви на территории Беларуси изложен автором на нескольких страницах.

Внимания заслуживает монография Э.В. Старостенко «Деятельность православного военного духовенства на территории Беларуси в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.)» [9]. Белорусская исследовательница углубилась в изучение деятельности православного военного духовенства на территории белорусских губерний. Опираясь на данные архивных документов, была проведена реконструкция структуры ведомства военного и морского духовенства во время войны. Особое внимание уделено богослужбной и внекультовой деятельности священнослужителей в составе армии. Однако, при всей полноте сведений о деятельности Православной церкви, практически не затрагиваются структурные особенности епархиального устройства, а также служение духовенства на приходах белорусских епархий.

Существенным вкладом в белорусскую историографию истории Православной церкви стала коллективная монография «Канфесіі на Беларусі (к. XVIII–XX ст.)» [10]. Она написана с использованием значительного архивного материала. Впервые в белорусской историографии историками В. Григорьевой (Яновской), В. Новицким и Е. Филатовой была подробно изложена конфессиональная история белорусского народа указанного периода.

Значимый вклад в изучение истории Православной церкви белорусских губерний внесли гродненские исто-

¹ Леонов, Д.Е. Русская православная церковь в период революции 1905–1907 гг. (по материалам Верхнего Поволжья): автореф. дис. канд. ист. наук / Д.Е. Леонов. Ярославль, 2010. –23 с.

рики. В.Н. Черепица опубликовал две книги: «Очерки истории православной церкви на Гродненщине» и «Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны» [11], в которых повествуется история православия в Принеманском крае и детально рассматривается деятельность церкви во взаимодействии с гражданскими властями в период войны. О.А. Родионова обратилась к изучению деятельности православного духовенства белорусских епархий в годы Первой мировой войны [12].

Одним из ключевых направлений реконструкции истории Первой мировой войны с целью изучения неизвестных ее аспектов, стало проведение в период с 2007 по 2018 г. в Беларуси и России научно-практических конференций, посвященных юбилейным датам. Эти мероприятия способствовали возрождению памяти и актуализации исторических вопросов военного времени 1914–1918 гг.

В 2007 г. в Сморгони прошла Международная конференция «Беларусь у гады Першай сусветнай вайны: Сморгоншчына: трагедыя, гераізм, памяць» [13], посвященная 90-летию 810-дневной обороны города. В ноябре 2008 г. в Национальной академии наук состоялась конференция «День примирения: 90-летие окончания Первой мировой войны». В 2008 г. для исследователей ближнего и дальнего зарубежья открыл свои двери Витебский государственный университет, где прошла международная конференция «Первая мировая война: история, геополитика, уроки истории и современность: к 90-летию окончания Первой мировой войны и началу формирования Версальско-Вашингтонской системы международных отношений» [13]. Пензенский госуниверситет провел в 2014 г. в столетнюю годовщину начала Первой мировой войны международную конференцию «Первая мировая война в истории российской нации» и опубликовал по ее итогам сборник научных статей [13]. В 2018 г. в ВГУ имени П.М. Машерова состоялась международная научно-практическая конференция «Первая мировая война и становление Версальско-Вашингтонской системы международных отношений» [13].

По большей своей части в докладах, прозвучавших на вышеупомянутых конференциях, раскрывались вопросы военного, социального, медицинского характера, но стоит отметить, что были рассмотрены и темы деятельности Православной церкви: Т.Г. Дорофеева «Русская православная церковь в годы Первой мировой войны», Л.Ю. Юматова «Некоторые аспекты деятельности православного духовенства в годы Первой мировой войны», А.И. Каптюг «Храм-памятник памяти русских воинов, павших в «Настоящую отечественную войну» (1914–1917 гг.)» [13], А.Г. Яцкевич «Приходское и военное духовенство Русской православной церкви в прифронтовой полосе и в действующей армии во время Первой мировой войны» [13].

В книгах историко-документальной хроники «Памяць» рассматривается региональный аспект истории Первой мировой войны через призму различных проблемных полей, охватывая города и районы Беларуси.

Зарубежная историография. Всесторонний анализ истории Русской церкви содержится в трудах российских ученых, в которых детально изложена сложная историческая эпоха, предшествовавшая военным событиям.

Основными исследованиями, которые дают представление о положении православия в западных губерниях Российской империи, являются фундаментальные работы С.Л. Фирсова, М.В. Шкаровского, В. Рожкова, И. Дестивеля [14]. М.В. Шкаровский – советский и российский историк, специалист в области истории Русской православной церкви XX века. В центре исторических трудов профессора Санкт-Петербургской духовной академии кризис русской церкви, который, на его взгляд, усилился из-за революционных и военных событий.

Монография И. Дестивеля посвящена истории Поместного собора, однако автор повествует о событиях в русской церкви, которые начались задолго до этого времени. Исследователь рассматривает период и причины появления Св. Синода, эволюцию его управления, особенно на заре своего существования, в военный и революционный периоды.

Первое десятилетие XXI в. характерно появлением исследований, которые подготовили российские научные центры и издательства. Так «Православная энциклопедия» содержит разнообразный материал по истории белорусских епархий от их основания по настоящее время. Значимым событием явился выход в свет справочного издания «Русская Православная Церковь. XX век», подготовленного светскими и церковными авторами [15]. Энциклопедия содержит статьи, различный справочный материал, документы, рассказывающие о событиях церковной жизни за период с 1 января 1901 года по 31 декабря 2000 года. Затрагивается в ней и история белорусских епархий северо-западных губерний Российской империи в период 1914–1918 гг.

В Российской Федерации на тему участия Православной церкви в военных событиях защищен ряд диссертаций: С.Ю. Шишкина, С.Л. Фирсова, Д.А. Пашенцева, П.В. Белоуса [16]. Однако они носят региональный характер, что позволяет на уровне определенной отдельно взятой территории проследить отражение глобальных процессов, происходивших в церкви, и получить материал для сравнения с ситуацией на территории Беларуси.

Необходимо отметить исследования, которые косвенным образом затрагивают интересующую нас проблематику. Ряд работ как белорусских, так и российских историков посвящены различным аспектам Первой мировой войны, среди которых особое место занимают темы благотворительности, беженства, военнопленных, национальных общностей. Так, имеет интерес для нашего исследования работа В.Р. Корнелюка, в которой изучены демографические и конфессиональные изменения белорусских губерний в контексте мобилизации и беженства.

Заключение. Таким образом, несмотря на значительное внимание историков, в том числе белорусских, к теме Первой мировой войны, в отечественной и зарубежной историографии присутствуют лишь отдельные работы, затрагивающие некоторые аспекты функционирования Православной церкви на территории Беларуси в годы войны. При этом в советской историографии церковь изучалась на основе марксистско-ленинской методологии и с позиций воинствующего атеизма, что затрудняло объективную оценку ее деятельности и в период Первой мировой войны.

В современной белорусской и российской историографиях появились работы по теме, написанные с опорой на актуальные теоретико-методологические подходы. Большую роль в активизации исследования истории Православной церкви сыграли международные конференции, приуроченные к 100-летию начала и окончания Первой мировой войны. Раскрыто положение церкви в военный период 1914–1918 гг. в отдельных регионах Российской империи, в том числе на белорусских землях, обращалось внимание на деятельность духовенства.

Несмотря на ежегодно увеличивающееся количество исследований, комплексного труда, который охарактеризовал бы процессы изменения епархиальных структур в начале военных действий 1914 г. на территории Беларуси, а также культовую и внебогослужбную деятельность белорусского духовенства этого времени, на сегодняшний день нет.

Литература

1. Рункевич, С.Г. Великая Отечественная война и церковная жизнь. Кн. 1. Распоряжения и действия Святейшего синода в 1914–1916 гг.: исторические очерки доктора церковной истории С.Г. Рункевича / С.Г. Рункевич. – Петроград, 1916. – 356 с.
2. Шавельский, Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота / Г.И. Шавельский. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. – 706 с.; Русская Церковь пред революцией / протопресв. Георгий Шавельский. – Москва: Артос-Медиа, 2005 (Тип. АО Мол. гвардия). – 509 с.
3. Мартос А., арх. Беларусь в исторической государственной и церковной жизни [Текст]: в 3 ч. / Архиепископ Афанасий Мартос. – Репр. – Минск: Белорусский экзархат Русской Православной Церкви, 1990. – 292 с.
4. Кандидов, Б.П. Церковный фронт в годы мировой войны / Б.П. Кандидов. – 2-е изд., (доп.). – М.: Атеист, [1929]. – 158 с.
5. Корзун, М.С. Русская православная церковь на службе эксплуататорских классов: X в. – 1917 г. / М.С. Корзун. – Минск: Беларусь, 1984. – 255 с.; Грекулов, Е.Ф. Русская церковь в роли помещика и капиталиста / Е.Ф. Грукелов. – М.: Атеист, 1930. – 153 с.; Рыбкин, Г.Ф. Православие на службе самодержавия в России / Г.Ф. Рыбкин. – Москва: Безбожник, 1930; Олешук, Ф.Н. Борьба церкви против народа / Ф.Н. Олешук. – М.: Воениздат НКО СССР, 1941. – 140 с.; Троицкий, К. Церковь и государство в России / К. Троицкий. – Москва: Красная новь, 1923. – 60 с.
6. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2000–2008. – Т. 4: Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / М. Біч [і інш.]. – 2005. – 519 с.; Нарысы гісторыі Беларусі: у 2 ч. / М.П. Касцюк, У.Ф. Ісаенка, Г.В. Штыхаў [і інш.]. – Мінск: Беларусь, 1994. – Ч. 1 – 527 с.; Гісторыя Беларусі: у 2 ч. / П.І. Брыгадзін [і інш.]. – Мінск, 2002. – Ч. 2: XIX–XX стагоддзі. Курс лекцый. – 656 с.
7. Витебская епархия: история и современность: монография / архиепископ Дмитрий (Дроздов). – Минск: Медисонт, 2011. – 232 с.
8. Кривонос, Ф. Белорусская православная церковь в XX столетии: спецкурс лекций для Минской духовной семинарии / Ф. Кривонос. – Минск: ВРАТА, 2008. – 255 с.; Правящие архиереи Минской епархии (1793–2003) / Белорусская православная церковь. – Минск: Свято-Петро-Павловский собор, 2003. – 192 с.; Православные храмы Минска накануне 1917 года / протоиерей Феодор Кривонос // Врата небесные: духовно-просветительный журн. – 2010. – № 2. – С. 18–21.
9. Старостенко, Э.В. Православное военное духовенство на территории Беларуси в годы Первой мировой войны: монография / Э.В. Старостенко. – Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2020. – 200 с.
10. Грыгор’ева, В.В. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII–XX ст.) / В.В. Грыгор’ева [і інш.]; навук. рэд. У.І. Навіцкі. – Мінск: ВП «Экаперспектыва», 1998. – 340 с.
11. Черепица, В.Н. Очерки истории Православной Церкви на Гродненщине / В.Н. Черепица. – Гродно, 2005. – 440 с.; Черепица, В.Н. Город–крепость Гродно в годы Первой мировой войны / В.Н. Черепица. – Минск: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2010. – 536 с.
12. Родионова, О.А. Православное духовенство белорусских епархий в начальный период Первой мировой войны (июль – декабрь 1914 г.) / О.А. Родионова // Весн. Гродз. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы: навук.-тэарэт. часопіс. – 2009. – № 2. – С. 28–36; Родионова, О.А. Православное духовенство Гродненской епархии в годы Первой мировой войны / О.А. Родионова // Беларусь у гады Першай сусветнай вайны. Смаргоншчына: трагедыя, гераізм, памяць: матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф.; Смаргонь, 18–19 мая 2007 г. / навук. рэд.: А.М. Літвін, У.В. Ляхоўскі. – Мінск, 2009. – С. 608–620.
13. Беларусь у гады Першай сусветнай вайны. Смаргоншчына: трагедыя, гераізм, памяць: матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф.; Смаргонь, 18–19 мая 2007 г. / навук. рэд.: А.М. Літвін, У.В. Ляхоўскі. – Мінск: Чатыры чвэрці, 2009. – С. 543; Первая мировая война: история, геополитика, уроки истории и современность: к 90-летию окончания Первой мировой войны и началу формирования Версальско-Вашингтонской системы международных отношений: материалы междунар. науч. конф., Витебск, 11–12 нояб. 2008 г. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: В.А. Космач (гл. ред.) [и др.]. – Витебск, 2008 – 321 с.; Первая мировая война и становление Версальско-Вашингтонской системы международных отношений: материалы междунар. науч.-практ. конф. к 100-летию Великой войны 1914–1918 гг., Витебск, 18–20 окт. 2018 г. / Витеб. гос. ун-т; редкол. В.А. Космач (гл. ред.) [и др.]. – Витебск, 2018 – 202 с.; Первая мировая война в истории российской нации: сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию начала Первой мировой войны, Пенза, 10–11 июня 2014 г. / под общ. ред. О.А. Суховой, О.В. Ягова. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2014. – 199 с.
14. Фирсов, С. Русская церковь накануне перемен: (Конец 1890-х – 1918 гг.) / С. Фирсов. – Москва: Культур. центр

-
- «Духов. б-ка», 2002. – 623 с.; Шкаровский, М.В. Русская Православная Церковь в XX веке / М.В. Шкаровский. – М.: Вече, Лепта, 2010. – 480 с.; Рожков, В., прот. Церковные вопросы в Государственной Думе / В. Рожков. – Москва: Изд-во Крутицкого подворья, О-во любителей церковной истории, 2004. – 560 с.; Дестивель Иакинф, священник. Поместный собор Российской Православной Церкви 1917–1918 годов и принцип соборности / Дестивель Иакинф. – М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2008. – 312 с. Сер.: Материалы по истории Церкви, книга 41.
15. Беглов, А.Л. Русская Православная Церковь. XX век / А.Л. Беглов [и др.]. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2015. – 800 с.: ил.
16. Шишкина, С.Ю. Тобольская губерния в годы Первой Мировой войны (1914–февраль 1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / С.Ю. Шишкина; Тюмен. гос. ун-т. – Тюмень, 1999. – 24 с.; Фирсов, С.Л. Православная Церковь и Российское государство в 1907–1917 гг.: социальные и политические проблемы: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / С.Л. Фирсов; Ин-т российской истории. – СПб., 1997. – 47 с.; Пашенцев, Д.А. Благотворительная деятельность Русской Православной Церкви во второй половине XIX – начале XX века: автореф. дис. ... М., 1995. – 24 с.; Белоус, П.В. Тобольская епархия Русской Православной Церкви в годы Первой мировой войны (1914–1918): автореф. дис. ... канд. ист. наук / П.В. Белоус. – Тюмень, 2017. – 35 с.; Утгоф, В.С. Белорусские беженцы Первой мировой войны в 1914–1922 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / В.С. Утгоф. – СПб., 2003. – 23 с.; Грицаева, А.Н. Благотворительность в России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.): опыт помощи пострадавшим от военных действий: автореф. дис. ... канд. ист. наук / А.Н. Грицаева. – Москва, 2008. – 16 с.; Грудина, А.Д. Государственная помощь семьям нижних чинов российской армии в годы Первой мировой войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук / А.Д. Грудина. – Брянск, 2019. – 24 с.; Николаева, Е.В. Проблемы интеграции и адаптации беженцев Российской империи в годы Первой мировой войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е.В. Николаева. – Мытищи, 2021. – 29 с.; Белова, И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг.: (по материалам центральных губерний Европейской России): автореф. дис. ... д-ра. ист. наук / И.Б. Белова. – Брянск, 2015. – 43 с.; Лапановіч, С.Ф. Дзейнасць дзяржаўных і недзяржаўных арганізацый па аказанні дапамогі бежанцам у Беларусі ў гады Першай сусветнай вайны (1914–1917 гг.): аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / С.Ф. Лапановіч. – Мінск, 2002. – 20 с.; Дмитриева, О.П. Национальные общности на территории Беларуси в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / О.П. Дмитриева. – Минск, 2015. – 26 с.
- Поступила в редакцию 17.05.2024*
-

ФИЛОСОФИЯ

Трансформация феномена «конца истории»

Ростовская О.М.

Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова», Витебск

Статья посвящена не новой, но актуальной в настоящее время философско-исторической проблеме «конца истории», которая осмысливается автором в контексте исследования феноменов смерти и смысла, традиционно являющимися центральными предметами философской рефлексии.

Цель статьи – определение значения феномена «конца истории» в исторической архитектонике.

Материал и методы. *Материал исследования – исторический процесс. В работе использовались общелогические и общенаучные методы познания (анализ, синтез, абстрагирование, идеализация), диалектический метод, архетипический подход.*

Результаты и их обсуждение. *На основе обращения к интерпретации модели исторического развития Ф. Фукуямы проанализирована общая тенденция к многообразию и континуальности истории. Акцентировано внимание на реализации в ходе истории глубинного смысла, осуществление которого определяет направленность исторического процесса. Сигнификатором смысла истории выступает архетип смерти, проявленный в образе Танатоса, а феномен смерти представляется в качестве константы исторического бытия.*

Заключение. *Значение феномена «конца истории» в исторической архитектонике заключается в проявлении общеисторического смысла, заданного влиянием архетипического образа смерти.*

Ключевые слова: «конец истории», феномен смерти, архетип, Танатос, история, историческая архитектоника, общество.

(Ученые записки. – 2024. – Том 39. – С. 85–88)

Transformation of the “End of History” Phenomenon

Rostovskaya O.M.

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The article deals with not a new, but currently relevant philosophy-historical problem of the "end of history." It is comprehended by the author in the context of the study of the phenomena of death and meaning, which are traditionally the central subjects of philosophical reflection.

The purpose of the article is to identify the meaning of the "end of history" phenomenon in historical architectonics.

Material and methods. *The research material is historical process. General logical and general scientific methods of cognition (analysis, synthesis, abstraction, idealization), the dialectical method, the archetypal approach are used in the research.*

Findings and their discussion. *Based on addressing the interpretation of the model of historical development of F. Fukuyama, a general tendency towards diversity and continuity of history was analyzed. Attention is focused on the implementation of the deep meaning in the course of history, the implementation of which determines the orientation of the historical process. The signification of the meaning of history is the archetype of death, manifested in the image of Thanatos while the phenomenon of death is presented as a constant of historical being.*

Conclusion. *The significance of the "end of history" phenomenon in historical architectonics lies in the manifestation of the general historical meaning, which is given by the influence of the archetypal image of death.*

Key words: “end of history”, death phenomenon, archetype, Thanatos, history, historical architectonics, society.

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 39. – P. 85–88)

Один из ведущих представителей русской философии Н. Бердяев столетие назад в своей книге «Смысл истории» писал: «Мы живем во времена грандиозного исторического перелома. Началась какая-то новая историческая эпоха. Весь темп исторического развития существенно меняется» [1]. Совре-

менники последнего десятилетия XX века также вполне могли бы согласиться с Н. Бердяевым.

И сегодня мы ощущаем, что живем на перепутье, что темп истории ускоряется и человечество переступает очередной рубеж исторического развития. Полагаем, что это уже не очередной «пост»-период;

в ближайшие годы мы узнаем, что в исторической периодизации эпоха Новейшей истории закончилась, и нам предстоит жить в другую эпоху.

Всякая «новая историческая эпоха» неизбежно знаменует собой конец предыдущей, порой многозначительно заявленный как «конец истории». А в ситуации угрозы самоуничтожения человеческой цивилизации идея «конца» приобретает апокалиптический смысл. В связи с этим существует необходимость изучать обозначенную проблему с учетом современных социально-политических и социокультурных условий, что и послужило стимулом для написания данной статьи, цель которой – определить значение феномена «конца истории» в исторической архитектонике.

Материал и методы. Материал исследования – исторический процесс. Используются общелогические и общенаучные методы познания (анализ, синтез, абстрагирование, идеализация), диалектический метод, архетипический подход.

Результаты и их обсуждение. Н. Бердяев констатирует неизбежность конца истории, апеллируя к тому, что «если бы история была бесконечным процессом, плохой бесконечностью, то история не имела бы смысла» [1]. Более тридцати лет назад японско-американский политический мыслитель Ф. Фукуяма объявил очередной «конец истории». Речь шла не об апокалиптическом событии, грозившем одновременному летальному исходу человечества, а о триумфе западного либерализма, который превзошел все другие социальные проекты и окончательно установился как единственно правильный... Утверждалась несостоятельность и «конец» всех других вариантов исторического развития [2].

Рассуждая в духе Н. Бердяева: «Никогда не осуществлялось то, что ставилось задачей и целью какой-либо исторической эпохи», стоит заметить, что следовало бы сразу предвидеть крах столь грандиозного мероприятия, как объявление «конца истории». И он не удался, «как не удалось все в истории» [1]. История эмпирически подтвердила верность этой предсказанной общей тенденции. Западный либерализм в той форме, в которой он в социальной действительности реализовывался, оказался неудавшимся и демонстрирует очередной «конец». Следует отметить, что такой сценарий масштабных исторических проектов зачастую связан с их претензией на унификационную по своей сути позицию в отношении прогностического рассмотрения и практического выстраивания модели всеобщей истории. Рационалистическая недалекость, проявленная в нежелании воспринимать исторический мир многогранным, где социокультурный фактор исключать нельзя, влечет ошибки понимания, интерпретации и прогнозирования исторического развития. Иллюзия единого глобализованного мира, основанная на западной идее унифицированного либерализма, рушится. Активно продвигающиеся наднациональные интересы

стран западного блока идут вразрез с нарастающими внутригосударственными проблемами и побочным эффектом, нежелательным, но вполне ожидаемым результатом становится угроза укрепления позиций ультраправых сил.

Человечеству стоит усвоить: любая крайность вызывает свою противоположность – еще более агрессивную и социально опасную. Ошибочная стратегия продиктована убежденностью в возможности создать, достичь и «намертво» установить какую бы то ни было единообразную социокультурную, социально-политическую или экономическую форму.

Прежде известный нам путь исторического развития со всей очевидностью демонстрирует и современникам, и их потомкам многомерность истории как процесса трансформации, каждый качественный виток которой можно было бы именовать «концом истории», причем с большим порывом и пафосом, нежели Ф. Фукуяма. Всемирная история не должна быть и не станет унифицированной, монолитно политически западно-либеральной или какой-либо иной монополизированной формы. Стремление к любому рода радикальной и внешне продиктованной унификации антиутопично. Политически глобализованный, унифицированный, а, следовательно, монолитный мир не соответствует самой природе истории, которая состоит в полифоничности, многополярности и континуальности. И в современном геополитическом контексте, где настойчиво реализуется общая тенденция к стандартизированному общественному сознанию и существованию, остро проявляется потребность в осознании и признании многообразия путей развития, которая не сводится к курсу однопавленной глобализации.

Феномен «конца истории» содержит в себе значительный жизнеутверждающий и смыслотворческий потенциал. Сегодня он отсылает к завершению, к смерти очередной формы – западного либерализма как неудавшегося, нереализованного смысла глобализирующегося мира. И вопрос выработки смысла остается актуальным. В смыслообразовании перспективного глобализованного мира теперь задействованы концепты безопасности и экологичности. И они, вероятно, имеют весьма существенное значение и в мировом, и в национальном масштабе. При этом, если взглянуть в «лицо истории» [3], то в ретроспективе человечества, в генеалогии всемирно-исторического процесса мы обнаружим более глубокий универсальный смысл, который и порождает частные актуальные смысловые образования. Он запечатлен в архетипическом образе смерти, который воплощается в образах античных богов Аида, Плутона, Танатоса, Морса или, позже, в образе Мрачного жнеца (мы будем далее в данной работе использовать понятие Танатоса) и содержит в себе мощную трансформирующую энергию.

Через архетип смерти раскрывается смысл истории, посредством него феномен смерти реализуется

как универсалия истории, поскольку являет себя и наличествует везде на всех этапах исторического развития: не было общества, цивилизации, которые не претерпели бы смерть, не столкнулись с нею «лицом к лицу» и не зафиксировали соответствующий опыт в обычаях, традициях, мифах, сказках, символах и других продуктах культуры.

Танатос в человеческой истории проявляется не только фактами физиологической смерти в силу естественных причин, суицидов, преступлений, войн, эпидемий и др., но и в самом феномене войны, и в том, что принято называть открытыми проблемами прикладной этики (в их числе эвтаназия, аборт, смертная казнь). Архетипический образ смерти реализуется в самых разных сферах общественной жизни, социальных процессах и результатах культурного освоения действительности, носит общеисторический, а точнее онто-исторический характер, т.е. здесь имеются ввиду не более узкие культурный, социологический, индивидуально-личностный, физиологический или психофизиологический срезы проявления Танатоса в тот или иной период, смерть выступает в качестве силы, которая может быть представлена константой всемирной истории. И более того, она может быть интерпретирована в качестве сигнификатора смысла истории [4, с. 150–151].

Как «страх – основа надежды», согласно К. Ясперсу [5], так феномен смерти – основа жизни и динамики истории.

Перманентно реализующийся феномен «конца истории» – одно из проявлений Танатоса в историческом контексте как необходимой, объективной движущей силы исторического процесса.

Таким образом, мы называем «конец истории» пограничной ситуацией, в которой оказывается социум. Это «вызов», выражаясь языком К. Ясперса, и ответ, вне зависимости от того, каков он, дает импульс для дальнейшего исторического развития. Имеет ли значение исчезновение племен, народов, цивилизаций для всеобщего исторического процесса с точки зрения не качественного их влияния на других, а с позиции объективного движения истории? Значит ли, что объективный закон всеобщего исторического развития гласит: смерть отдельных составляющих общей системы задает витальность всей системе в целом? Но не сводит ли это социальную историю к общему закону эволюции видов, и не является ли такой, по сути, натуралистический примитивизирующий историю? Отрицательный ответ мы находим в культурной и психологической плоскости – в том, что и отличает человека и социум (и социетальное) от всех других организмов и систем. Как и К. Ясперс, мы задаемся вопросом: почему «с начала истории, человеку свойственно ощущение конца – то ли достигнутого завершения, то ли состояния упадка?» [5]. Ответ находится в архаичном, глубинном человеческом, где имеют место быть во взаимосвязи и взаимообусловленности страх, смерть и надежда –

то, что называют иррациональным, и то, что до настоящего времени движет историческим процессом. «Ощущение конца» присуще самой природе человека и связано с тем, что именуется «чувством прошлого», образующего один из модусов исторической памяти – модус «биографического воспоминания», воспроизводящий непосредственно пережитое и поэтому перцептивно-нагруженное и эмоционально обусловленное прошлое, засвидетельствованное присутствием в нем субъекта истории. Немецкий историк XX века Я. Ассман в работе «Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности» выражал сомнение по поводу существования «чувства прошлого» [6, с. 71], но мы полагаем, что неправомерно его отрицать. Каждый человек в большей или меньшей степени обладает им. Это касается и коллективных исторических субъектов. Можно предположить, что «чувство прошлого», проявляющегося как на индивидуальном, так и на социальном уровнях, опосредовано глубинным бессознательным влечением к прошлому и обуславливает индивидуальную и коллективную историческую память.

«Чувство прошлого» и «ощущение конца» есть не что иное, как две составляющие одного целого – исторического сознания, при этом первое обращено к истоку, а второе – к будущему. Здесь, в плоскости историко-психического, существенно влияние той силы, которую мы называем Танатосом. И конфликт архетипического и нравственного (и в частности наднационального, геополитического требования, права, моды, этикета) в историческом пространстве – в поле действия и взаимодействия, и в том числе конфликтного, коллективных исторических субъектов, находит воплощение в феноменах социальной биофилии и социальной некрофилии. И хотя в статье «Дихотомичность современного исторического развития: исследование феноменов биофилии и некрофилии» мы определили тенденции, которые дают основание интерпретировать актуальный исторический процесс, руководствуясь понятием «бионекрофилическая дихотомия» [7, с. 92], стоит заметить, что Танатос как антиномный феномен [4, с. 150], содержащий в себе трансформационную потенцию, через непосредственное проявление, субституирование или сублимацию осуществляется как в войнах, разработке и использовании деструктивно ориентированных технологий (это, прежде всего, разные виды оружия), вандализме и т.п., так и в коммеморации, мемориализации, реструктуризации, медицинской и психологической терапии и прочих позитивно ориентированных формах социальной деятельности. В наиболее презентабельной форме с точки зрения очевидности самого процесса и результата феномены социальной биофилии и социальной некрофилии проявлены в контексте трансформации городских социальных и культурных ландшафтов, регулируя механизмы забвения и мемориализации и таким образом

задавая трансформацию индивидуальной и коллективной исторической памяти, развивая и стимулируя «чувство прошлого», но вместе с тем и «ощущение конца» – «конца истории», который является повсеместно проникающим феноменом, задающим связь времен в исторической динамике.

Заключение. Подводя итог всему вышесказанному, отметим, что идея «конца истории» выступает в качестве компоненты в осуществлении онто-исторического феномена смерти как архетипического образа, обладающего трансформирующей силой, способной изменять, преобразовывать формы проявления исторического бытия в самых разных сферах социальной жизнедеятельности, и сигнифицирующего смысл истории. Установление и обоснование этих тенденций в общеисторическом контенте, в историческом бытии составляет новизну и значимость данной работы. Философско-историческое исследование проявлений Танатоса в системе социальной реальности имеет фундаментальный характер, так как позволяет определить глубинные причины и взаимосвязи процессов общественной жизни и выстроить историко-футурологическую концепцию.

Литература

1. Бердяев, Н. Смысл истории [Электронный ресурс] / Н. Бердяев. – Режим доступа: http://krotov.info/library/02_b/berdyayev/1923_019_6.htm#10. – Дата доступа: 05.03.2024.
2. Фукуяма, Ф. Конец истории? [Электронный ресурс] / Ф. Фукуяма. – Режим доступа: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/226/1/fukujama.pdf>. – Дата доступа: 01.03.2024.
3. Ростовская, О.М. Человек перед лицом истории: монография / О.М. Ростовская, А.С. Табачков. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2024. – 152 с.
4. Ростовская, О.М. Смерть как сигнификатор смысла истории / О.М. Ростовская // Наука – образованию, производству, экономике [Электронный ресурс]: материалы 76 Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, науч. сотрудников и аспирантов, Витебск, 1 марта 2024 г. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: Е.Я. Аршанский (гл. ред.) [и др.]. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2024. – С. 150–151. – Режим доступа: <https://conf.vsu.by/?p=1372>. – Дата доступа: 14.03.2024.
5. Ясперс, К. Смысл и назначение истории [Электронный ресурс] / К. Ясперс. – М.: Политиздат, 1991. – Режим доступа: https://imwerden.de/pdf/jaspers_smysl_i_naznachenie_istorii_1991.pdf. – Дата доступа: 10.03.2024.
6. Ассман, Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман; пер. с нем. М.М. Сокольской. – М.: Яз. слав. культуры, 2004. – 363 с.
7. Ростовская, О.М. Дихотомичность современного исторического развития: исследование феноменов биофилии и некрофилии / О.М. Ростовская // Весн. Гродз. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. – 2022. – Сер. 1, Т. 14, № 3(333). – С. 89–94.

Поступила в редакцию 18.03.2024

Социально-гуманитарное знание и духовная культура человека

Рудковская Е.Э.

Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова», Витебск

Очевидно, что жизнеустойчивость, перспективы развития общества и государственная безопасность связаны с социализацией молодежи. Социогуманитарные дисциплины выступают значимым фактором противодействия негативным тенденциям в духовной сфере постиндустриального общества.

Цель исследования – анализ трансформации духовности современной цивилизации, актуальных проблем преподавания социально-гуманитарных дисциплин (далее – СГД).

***Материал и методы.** Материалом исследования являются процессы трансформации социально-гуманитарного знания, социализации молодежи в современных условиях. В работе использованы общелогические и теоретические методы.*

***Результаты и их обсуждение.** Развитые технологии на фоне низкой гуманитарной культуры – рисковое явление. В течение последнего десятилетия цикл СГД преподавался в урезанном виде, в результате чего наблюдается недостаток у молодежи гуманитарного мироощущения и миропонимания. А между тем социально-гуманитарные дисциплины играют значительную роль в формировании не только профессиональных качеств будущих специалистов, их научного мировоззрения, но и философской, политической, нравственной культуры молодежи.*

***Заключение.** Следует противодействовать снижению тонаса и качества гуманитарного образования – фактора самозащиты общества в условиях информационных войн, средства формирования духовной культуры подрастающих поколений.*

***Ключевые слова:** социально-гуманитарные дисциплины, социализация молодежи, постиндустриальное общество.*

(Ученые записки. – 2024. – Том 39. – С. 89–93)

Social and Humanitarian Knowledge and Human Spiritual Culture

Rudkovskaya E.E.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

It is evident that life stability, prospects of the development of the society and state security are connected with socialization of young people. Social and humanitarian disciplines are a significant factor for counteracting negative trends in the spiritual sphere of post-industrial society.

The research purpose is an analysis of the transformation of the contemporary civilization spirituality, of current issues of teaching social and humanitarian disciplines (SHD).

***Material and methods.** The research material is processes of social and humanitarian knowledge transformation, of socialization of youth in the contemporary world. General logical and theoretical research methods were used.*

***Findings and their discussion.** Developed technologies on that the background of low humanitarian culture are a risky phenomenon. During the last decade the SHD cycle has been taught in an abridged form as a result of which the lack of young people's humanitarian world view is observed. Meanwhile, social and humanitarian disciplines play a significant role in shaping not only professional qualities of would-be specialists, their scientific outlook but also philosophic, moral, political culture of youth.*

***Conclusion.** It is necessary to counteract the reduction of significance and quality of humanitarian education, a factor of society self-protection in the conditions of information wars, a means of shaping younger generation's spiritual culture.*

***Key words:** social and humanitarian disciplines, socialization of youth, post-industrial society.*

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 39. – P. 89–93)

Мы вступили в постиндустриальную эпоху, которая отличается от предыдущей стадии не только развитием новых видов производства, но и усилением его ключевых факторов – научного знания и информационных технологий. Внедрение наукоемких технологий в передовых обществах меняет общественную структуру, выводя на первое место так называемый когнитариат – профессионалов, способных работать с большими объемами новой информации, качественно ее отбирая, обрабатывая, продуцируя. В этой связи повышается роль системы образования в обществе, которая предоставляет массу возможностей не только для получения профессии, но и для переподготовки, повышения квалификации, дополнительного образования, участия в научных проектах и исследованиях, проводимых профессорско-преподавательским составом учреждений высшего образования (УВО), духовного роста человека.

Цель исследования – анализ трансформации духовности современной цивилизации, актуальных проблем преподавания социально-гуманитарных дисциплин.

Материал и методы. Материалом исследования являются процессы трансформации социально-гуманитарного знания, социализации молодежи в современных условиях. В работе использованы общелогические и теоретические методы.

Результаты и их обсуждение. Очевидны экономические выгоды техногенной цивилизации, сказывающиеся на увеличении благосостояния людей и улучшении качества жизни. Предоставляемые возможности непрерывного образования также являются несомненным вкладом в гуманизацию общества. Но у каждой медали есть обратная сторона и у всепоглощающей идеи поступательного движения вперед тоже. Как же прав был А. Вознесенский, критически указав на уязвимость этой идеи и необходимость ее переосмысления: «Все прогрессы реакционны, если рушится Человек». Каждое поколение получает свое испытание в виде войны, экономических трудностей, политической тирании, природных катаклизмов или, как ныне, в форме теста на человечность. Мы стали свидетелями изменения межличностных отношений, которые, на первый взгляд, благодаря соцсетям и мессенджерам расширились, а на деле оскуднели, становятся поверхностными, непрочными из-за реформирования реального общения в виртуальное, позволяющее игнорировать те или иные контакты, пренебрегать правилами хорошего тона, высказывать мысли и эмоции односложно, а то и языком примитивной «наскальной живописи» в виде эмодзи, хэштэга. Понятие и навык настоящей дружбы с ее взаимовыручкой, поддержкой, эмпатией заменяются погоней за количеством «друзей» и подписчиков в соцсетях, лайками, подглядыванием «в замочную скважину» за жизнью других людей. Эффект социальной фасилитации, жизнь в условиях

некоего паноптикума, с одной стороны, подстегивает к успешной жизнедеятельности, но, с другой – нередко провоцирует имитацию успешности, нарциссизм и рост депрессий в случае неудач. Распространение потребительской, индивидуалистической идеологии, культ материального и карьерного успеха девальвирует духовные ценности. Фетишизация свободы оборачивается культурой отмены, зыбким и потенциально конфликтующим калейдоскопом идеалов и ориентаций, рядоположенностью идей и смыслов, в котором отсутствуют однозначность, аксиоматичность, системность, надвременность. Такой мир «миров» и релятивных истин, особенно в сфере морали, представляется откатом по сравнению с ценностной четкостью и оформленностью эпохи модерна. По словам российского философа В.А. Кутырева, мир «унесенных прогрессом» «прошел точку возврата» и переживает «агонию бытия», самоотрицания человека под знаменем свободы [1, с. 39; 58; 51; 100].

Некую надежду на преодоление ценностного хаоса и правильную заданность жизненных стратегий подрастающих поколений дает образовательный процесс в единстве его обучающей и воспитательной сторон. Ведь известно, что в процессе социализации человека питает не только энергия конкретно-исторического контекста, общественных и глобальных процессов, в результате чего получаем стихийно сформированные данной социальной средой элементы. Значимо также влияние идеолого-воспитательных практик, которые выгодно отличаются от влияния среды целенаправленностью, систематичностью, управляемостью. Хотя признаем, ввиду сложившегося духа времени с его вышеописанной ментальной спецификой постмодернистской культуры, институтам образования весьма непросто выполнять человекотворческую функцию. Сложно. Но нужно. К этому обязывает также новая форма геополитического противостояния в виде феномена информационных войн. Сегодня многие проблемы решаются не только экономическими санкциями, блокадами или военным вмешательством, но и посредством агрессивного манипулирования общественным мнением, слома культурного кода и исторической памяти, замены базовых национальных ценностей на ложные соблазны. По нашему твердому убеждению, эффективность манипулятивных воздействий обратно пропорциональна образованности и наличию четкой системы нравственных координат. Именно поэтому система социально-гуманитарных наук должна быть сейчас крайне востребована.

Социально-гуманитарные науки ценны тем, что позволяют не столько отвечать на вопросы «что?» и «как?», сколько искать каузальные связи «почему?», ставить телеологические вопросы «зачем?», «во имя чего?», «куда?», обсуждать экзистенциальные проблемы, определять смысловые доминанты существования общества и личности. Идеи, идеалы, ценностные ориентации – мощная сила, созидаящая

и разрушающая государства. Как писал французский психолог, социолог Г. Лебон: «Единственные важные перемены, из которых вытекает обновление цивилизаций, совершаются в идеях, понятиях и верованиях. Крупные исторические события являются лишь видимыми следствиями невидимых перемен в мысли людей» [2, с. 149].

Поскольку жизнь человека является материализацией его мировоззрения, сегодня идет битва за умонастроения, убеждения населения. В университетах – за ответственную гражданско-патриотическую позицию, рефлексивное мышление, ценности молодежи – особой возрастной группы, которой часто свойственны избегание правил, ограничений, поиск максимальной свободы, политико-правовой нигилизм, подвижность взглядов, податливость манипуляциям. Холодная война не закончена, мы не имеем права снова проиграть в идеологии, в духе. Значимую роль в развитии мировоззрения, социально-политической активности студенческой молодежи, ее духовной культуры призваны сыграть СГД. Данные дисциплины способствуют формированию у студенческой молодежи целостной картины мира, созданию атмосферы социального единства; обосновывают социокультурные императивы развития общества; выступают противовесом поглотившей общество массовой культуре, тоталитаризму либерализма; способствуют становлению нравственного и идеологического иммунитета к деструктивным идеям; препятствуют зарождению коллаборационизма.

Ответом на общественно-политические вызовы времени стала новая Концепция оптимизации содержания, структуры и объема цикла (модуля) социально-гуманитарных дисциплин в учреждениях высшего образования. Она устранила интегрированные модули, на которые было много нареканий как со стороны преподавателей, так и со стороны студентов. Переход к предметно-дисциплинарному принципу и увеличение объема академических часов на философию и историю белорусской государственности заслуживает положительной оценки. Эти дисциплины крайне значимы для формирования культуры мышления, гражданственности, патриотизма. Вместе с тем, на наш взгляд, «размазывание» политологических вопросов по другим предметам (современная политэкономия, история белорусской государственности) и перевод политологии в категорию предметов по выбору (к слову, некоторые УВО воспользовались этим статусом необязательности и не предлагают данный предмет для выбора) пагубно скажется на формировании столь востребованной в современных условиях гражданской политической культуры, как и предыдущий подход в виде радикального сокращения политологии в модульном цикле. Социологическое исследование, проведенное в университете, выявило отношение половины (!) студенческой аудитории к СГД как лишним. Каждый третий респондент (35,5%) предлагает кардинально уменьшить количество часов

на изучение предметов социально-гуманитарного цикла; 17,9% опрошенных выступают за полное исключение предметов социально-гуманитарного цикла, оставив только специализированные дисциплины. При этом планируют работать по полученной специальности 22,4% опрошенных. Возникает вопрос: так, если вы не собираетесь воспользоваться знаниями, полученными на спецпредметах, может, и их убрать?

Высшее образование, из которого убраны «лишние знания», способствует дерационализации, примитивизации сознания. При таком подходе УВО низводится до уровня среднего профессионального учебного заведения. Современный выпускник университета должен не только получить профессиональные компетенции, но и достичь высокого общегуманитарного уровня, позволяющего мыслить свободно, широко, глобально. Дегуманитаризация образования, бесспорно, негативно скажется на духовно-нравственной атмосфере общества. Рыночный подход, когда все измеряется деньгами, породил отношение к гуманизму, гуманитаристике как невыгодным, неприбыльным явлениям. Технократический подход, когда роль СГД умалется с точки зрения экономической пользы, сомнителен. Как верно заметил Д.И. Менделеев, профессионал без культуры – меч в руках сумасшедшего.

Думается, есть несколько факторов, повлиявших на такое отношение студентов к комплексу СГД.

– Как только сферу образования свели до предоставления услуг, обучающиеся почувствовали себя вправе выказывать претензии и диктовать свои правила. Педагог как обслуживающий персонал потерял авторитетность и взыскательность. Потребитель-прагматик, потребитель-гедонист хочет при малых усилиях (а материал СГД признается студентами не утилитарным и сложным для изучения) получить максимум (диплом о высшем образовании).

– Вследствие того, что социальные дисциплины обладают мощным мировоззренческо-воспитательным потенциалом, студенты воспринимают их как средство идеологического давления, воспитательно-го прессинга, социального контроля.

– Клиповое мышление цифрового поколения с трудом воспринимает большие тексты «без картинок» (в интернете любая информация подается емко, красочно, небольшими роликами или текстами, иногда текст предваряет указание времени (естественно, мизерное), которое затратит читатель на ознакомление с ним). Но обществоведческие понятия, особенно философские категории, не поддаются визуальному изображению.

Значительно увеличено количество часов, отводимых на самостоятельную работу. Но то ли в силу лености, то ли вышеобозначенного фаббинга, так называемого эффекта «Ok Google», студенты с трудом справляются с изучением материала, вынесенного на самостоятельное изучение (ограничиваются прочтением только аннотации статей, краткого содержания

того или иного произведения). Сколько раз преподавателям приходилось слышать от студентов, что на лекциях все доступно объяснено, в учебнике не понятно. Педагоги давно бьют тревогу по поводу функциональной неграмотности обучаемых. «Одной из массовых является проблема снижения интеллектуальных, психических и физических усилий человека. В этой ситуации есть вероятность того, что в век развития технического интеллекта сам индивид может терять свой наработанный цивилизационный потенциал...» [3, с. 21]. Эпоху новой иррациональности точно описывает название книги известного российского ученого С.Г. Кара-Мурзы «Новое средневековье XXI века, или Погружение в невежество». Часть студентов проявляет недостаточные интеллектуальные навыки: не могут выделить основную идею прочитанного, тезисно изложить, сделать выводы, привести аргументы; не умеют написать содержательное эссе, ясно и связно выразить свои мысли и отношение; зачастую выбирают из предложенных упражнений тесты, а не задания кейс-метода. Вероятно, низкие проходные баллы на некоторых специальностях и возможность платного обучения способствуют попаданию функционально неграмотных абитуриентов в стены УВО, а, значит, в ряды будущего слоя интеллигенции, досадно не соответствуя его характеристике как «общественной группы людей, обладающей критическим способом мышления, высокой степенью социально-психологической рефлексии, способностью к систематизации знаний и опыта» [4]. Еще П. Сорокин отметил: «Судьба любого общества зависит прежде всего от свойств его членов. Общество, состоящее из идиотов или бездарных людей, никогда не будет обществом преуспевающим» [5]. Молодежь – это шанс на будущее любого общества. Страшно подумать о последствиях деградации образовательного и воспитательного уровня подрастающих поколений, названной специалистами «понижающей селекцией», в долгосрочной перспективе.

Нельзя отворачиваться от проблем, не замечая негативных тенденций. Особенно когда страна является мишенью для информационных атак, в которых удары наносятся по сознанию населения, в целях ослабления государства, замены национальных интересов на мондиалистские, стерилизации национального своеобразия и самосознания, стирания исторической памяти. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь указывает на угрозы для социальной безопасности, к коим относится в том числе «изменение шкалы жизненных ценностей молодого поколения в сторону ослабления патриотизма и традиционных нравственных ценностей» [6]. Именно поэтому в «Программе непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи на 2021–2025 гг.» перечисление направлений педагогической работы начинается с идеологического, гражданского и патриотического воспитания, которые признаны основными. Результатом воспитательной работы должны стать

информированность обучающихся о внутри- и внешнеполитическом курсе, основах идеологии белорусского государства, правовой базе, символах государственности; формирование активной гражданской позиции, ответственности за судьбу страны, ценностного отношения к Родине, исторической памяти; участие в мероприятиях, приуроченных к общественно значимым датам, и молодежных общественных объединениях [7].

Цепочка идеологического становления человека включает следующие звенья: знания – ценности – убеждения – воля к действию, готовность воплотить на практике знания и ценности. Логично начать с информирования, передачи знаниевой базы. С этой задачей как раз и призван справиться цикл СГД. Предвидим вопрос: «Почему же тогда некоторые люди живут по принципу «Знаю лучшее, но следую худшему» (у Овидия – «Благое вижу, хвалю, но к дурному влекусь»)? Объяснений может быть несколько.

– Часто педагогам трудно пробить психологический барьер закрытости сознания студентов – сильно в голову не вложишь информацию, если человек ее не хочет воспринимать. Сознание молодых и гибкое, податливое, и максимально критическое, нигилистское.

– Студенты не *tabula rasa*: на раннем этапе первичной социализации ближайшим окружением уже сформированы определенные взгляды, стереотипы, иллюзии, предрассудки. Непросто заниматься перевоспитанием совершеннолетних людей. К тому же «воспитывают не мероприятия (их-то проводится много) – воспитывает система. В данном случае – рыночная система, действующая, по самой своей сути, разрушительно на мораль общества, его жизненные установки» [8, с. 98]. «Свершается глубинная реструктуризация всей культуры, связанная с переходом от ее просветительской модели, от слова и мысли к экранной, массовой, развлекательной, зомбирующей» [9, с. 419].

– Следует принять во внимание возрастную дистанцию между реципиентами и профессорско-преподавательским составом, у многих из которых за плечами советское прошлое; очевидно отсутствие общего знаменателя поколений, в следствие чего студенты скептически, настороженно или снисходительно, иронично воспринимают информацию. Формирование у представителей поколения Z новых смысловых конструктов укладывается в теорию американского антрополога, этнографа М. Мид, «которая проследила переход от постфигуративной культуры к кофигуративной, а впоследствии – префигуративной. В первом случае старшее поколение выступает в качестве непогрешимого авторитета, примера для подражания; его опыт, ценности, стиль жизни задают автоматизм поведения детей. Во втором случае мы имеем дело с конфликтом поколений, когда молодежь не нуждается в поколении дедов, считая опыт старших недостаточным (а то и непригодным); ориентируется

на сверстников и ищет новые эталоны, идеалы, способы жизнедеятельности и самоутверждения. По прогнозам исследователя, в будущем обращение к опыту прошлого, взаимодействие поколений станет еще более дискретным, непрочным вследствие интенсификации общественных трансформаций, ускорения темпов развития» [10, с. 138]. Педагогам приходится конкурировать также с лидерами мнений из интернет-пространства за авторитет у молодежи.

– Знания и ценности должны укорениться в мировоззрении в качестве веры в правоте своих взглядов, а для этого надо найти такую форму подачи материала, чтобы он не был сухим перечислением фактов, показателей, дат, теорий, а стал выразительно-эмоционально окрашенным, прочувствованным, образным.

Заключение. Общественный прогресс должно понимать не как автоматический, гарантированный, самореализующийся процесс, а через призму субъективного фактора, человеческой активности. В детской песенке Ю. Энтина есть замечательные «взрослые» слова: «Слышу голос из прекрасного далёка, / Он зовёт меня не в райские края, / Слышу голос, голос спрашивает строго: / «А сегодня что для завтра сделал я?» Пришло время каждому задаться подобным вопросом. Важно не терять бдительность, в том числе в системе высшего образования, и вовремя останавливать контрпродуктивные для мира, социальной гармонии, духовного здоровья процессы, направляя их в гуманистическое русло.

Литература

1. Кутырев, В.А. Разум против человека (Философия выживания в эпоху постмодернизма) / В.А. Кутырев. – М.: ЧеРо, 1999. – 230 с.
2. Лебон, Г. Психология народов и масс / Г. Лебон. – СПб.: Макет, 1995. – 316 с.
3. Моисеева, Н.А. Человек как биотехнологический артефакт / Н.А. Моисеева // Социальная антропология: интеграция наук: сб. науч. ст. по итогам конф., Москва, 12 окт. 2017 г. – Москва: ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2017. – С. 20–27.
4. Интеллигенция // Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/?curid=142668&oldid=130577529> – Дата доступа: 14.09.2023.
5. Сорокин, П. Современное состояние России [Электронный ресурс] / П. Сорокин. – Режим доступа: <https://www.pitirim.org/index.php/publications-pitirim-sorokin/from-pitirim-sorokin/161-current-state-of-russia>. – Дата доступа: 21.09.2023.
6. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&id=P31000575>. – Дата доступа: 11.10.2023.
7. Программа непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи на 2021–2025 гг. [Электронный ресурс] // Национальный образовательный портал. – Режим доступа: <https://adu.by/images/2021/03/programma-vospitaniya-2021-2025.pdf>. – Дата доступа: 20.09.2023.
8. Шамякина, Т.И. Воспитание студенчества в образовательном процессе / Т.И. Шамякина // Социология. – 2015. – № 3. – С. 94–101.
9. Кирвель, Ч.С. Мир знаний и царство информации: нарастающая несовместимость / Ч.С. Кирвель // Технологии информатизации и управления. – Вып. 3: в 2 кн. – Минск: РИВШ, 2017. – Кн. 1: сб. науч. ст. / под ред. А.М. Кадан, Е.А. Свирского. – С. 417–431.
10. Рудковская, Е.Э. Социокультурные метаморфозы как вызов для воспитательного процесса / Е.Э. Рудковская // Культурно-цивилизационный кризис в условиях информационного общества: материалы междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 2 дек. 2022 г. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: А.А. Лазаревич (гл. ред.), Е.В. Давлятова, Э.И. Рудковский. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2022. – С. 137–140.

Поступила в редакцию 04.10.2023

Религия как социальный феномен: особенности манипуляции массовым сознанием

Голубев В.А.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Статья посвящена религии как одному из способов манипуляции массовым сознанием. В содержании статьи рассматриваются методы и приемы манипуляции, используемые религией при воздействии на сознание человека, что наиболее актуально в наше время, поскольку религия выступает как важный элемент культуры.

Цель исследования – рассмотреть религию как инструмент воздействия на сознание широких масс людей.

Материал и методы. Материалом исследования послужили религиозные тексты (книги Корана и книги Мицвот), тексты Латеранских соглашений, а также фундаментальный труд Х. Ортеги-и-Гассета «Восстание масс». Методами исследования выступили анализ и синтез, общелогический и дедуктивный методы.

Результаты и их обсуждение. Религия – одна из древнейших и ранних форм коллективного сознания. Опираясь на бездоказательность существования своего объекта, она обращается к чувствам людей и стремится убедить их в истинности своих положений. Существование религиозной иерархии, синтезируемой с воздействием на чувства, создают благоприятную почву для манипуляции сознанием масс. Совпадение интересов политических и религиозных элит зачастую превращают религию в средство манипуляции. В ходе развития общества и эволюции представлений о мире религия трансформировалась в соответствии с общественными запросами, а развитие технологий помогли ей выйти на новый уровень манипуляции сознанием.

Заключение. Религия остается мощным инструментом воздействия на сознание масс. Обращаясь, в первую очередь, к чувствам, используя иррациональные методы воздействия, она способна мобилизовать широкие массы к определенным действиям.

Ключевые слова: религия, массовое сознание, манипуляция, чувства, иррационализм, масса, элита.

(Ученые записки. – 2024. – Том 39. – С. 94–97)

Religion as a Social Phenomenon: Features of Mass Consciousness Manipulation

Golubev V.A.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The article deals with religion as one of the ways to manipulate mass consciousness. The content of the article discusses the methods and techniques of manipulation used by religion to influence human consciousness, which is most relevant in our time, since religion acts as an important element of culture.

The purpose of the study is to consider religion as a tool for influencing the consciousness of the wide masses of people.

Material and methods. The research materials included religious texts (the books of the Koran and the books of Mitzvot), the texts of the Lateran Agreements, as well as the fundamental work of J. Ortega y Gasset "The Revolt of the Masses." The research methods were the method of analysis and synthesis, general logical and deductive methods.

Findings and their discussion. Religion is one of the oldest and earliest forms of collective consciousness. Based on the lack of proof of the existence of its object, it appeals to the feelings of people and seeks to convince them of the truth of its provisions. The existence of a religious hierarchy, synthesized with an impact on feelings, creates fertile ground for manipulating the consciousness of the masses. The coincidence of interests of political and religious elites often turns religion into a means of manipulation. In the course of the development of society and the evolution of ideas about the world, religion has been transformed in accordance with public needs, and the development of technology has helped it reach a new level of mind manipulation.

Conclusion. Religion remains a powerful tool for influencing the consciousness of the masses. Addressing, first of all, feelings, using irrational methods of influence, it is able to mobilize the broad masses to certain actions.

Key words: religion, mass consciousness, manipulation, feelings, irrationalism, mass, elite.

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 39. – P. 94–97)

Человек с древнейших времен предполагал свою зависимость от воли «высших сил», будучи не в состоянии объяснить многие феномены. Вера в существование сверхъестественного не является чем-то устаревшим и на сегодняшний день. Это можно объяснить двумя основными причинами. Во-первых, человек ограничен в познании мира своими органами восприятия. Иными словами, он не может понять и узнать больше, чем позволяют это сделать его органы чувств. Во-вторых, научно-технический прогресс не смог дать ответы на фундаментальные вопросы человеческого бытия: откуда человек произошел и какова конечная цель его бытия, что есть смерть и, наконец, что есть мир вокруг человека.

Материал и методы. Материалом исследования послужили религиозные тексты (книги Корана и книги Мицвот), тексты Латеранских соглашений, а также фундаментальный труд Х. Ортеги-и-Гассета «Восстание масс». Методами исследования выступили метод анализа и синтеза, общелогический и дедуктивный методы.

Цель исследования – рассмотреть религию как инструмент воздействия на сознание широких масс людей.

Результаты и их обсуждение. Религия с момента своего зарождения дает ответы на вопросы, остающиеся непознанными для науки. Представление о загробном мире и воздаянии за земные дела после физической смерти, объяснение многих феноменов действием трансцендентных сил делают религию довольно значимой формой познания мира и отношения к нему даже сегодня, и религия продолжает оставаться мощным средством воздействия на общественное сознание. Следует отметить, что религиозное влияние на человека и манипуляция его сознанием происходит, как правило, массово, поскольку любая религия носит коллективный характер. Данный факт подтверждается, например, тем, что «верующих собирают в одних и тех же зданиях к одному и тому же часу и воздействуют на них посредством одних и тех же приемов, в результате чего они впадают в мягкое состояние массы, которое их возбуждает, не давая при этом перейти определенные границы, и делает возможным привыкание» [1, с. 28].

Влияние религии на сознание человека начинается уже с самого его момента появления на свет. Ключевую роль здесь играют религиозные обряды, совершаемые над младенцем: крещение, обрезание и т.д. Впоследствии в доступной для ребенка форме ему пытаются объяснить существование «рая» и «ада», рассказать о «грехах», «божьем наказании» и т.д. Поэтому и способы воздействия на массовое сознание оказываются весьма специфическими. Самой важной составляющей религии является религиозная вера, поэтому и религия по своей сути иррациональна. Бездоказательность существования объекта, имеющегося только в сознании человека, приводит к тому, что в этот объект можно верить, но не знать о его существовании. Иррациональность следует отнести к одной из основных особенностей религии на массовое сознание.

Если продолжать говорить об иррациональности, то здесь важную роль играет страх. Страх – одно из главных чувств, позволяющих управлять человеком. Вначале это страх перед всемогущим незримым божеством, карающим человека за нарушение правил жизни, ритуалов, недолжного отношения к себе и т.д. Затем, помимо страха перед чем-то трансцендентным, появляется страх наказаний за «провинности» перед представителями церковной иерархии, которые также неизбежны, причем назначаются и исполняются они всегда от имени трансцендентных сил. Более того, если авторитет массы укажет на данного человека как на врага, то его существование внутри самой массы станет довольно проблематичным.

Помимо страха, религия может внушать человеку и чувство надежды на «высшие силы», которые, согласно религиозному учению, могут проявлять к человеку милость и всепрощение. Это создает иррациональные установки поведения человека в жизни, следования ритуалам, а порой и жесткую регламентацию жизни. Можно отметить тот факт, что религия культивирует и такие чувства, как милосердие, сострадание к ближнему, любовь. Но манипуляция данными чувствами также является очевидной, когда происходит подмена данных понятий. Нередко их проявление связано с проявлением насилия по отношению к человеку и к массам в целом.

Религия зачастую выступает как своеобразный моральный регулятор, поскольку формирует на начальном этапе жизни у человека представления о добре и зле, «хорошем» и «плохом». В ее контексте под добром понимается то, что исходит от «высших сил» (созидательных), то, что способствует добродетельной физической и духовной жизни. Например, образ всемогущего Бога-создателя, бескорыстность поступков, помощь ближнему и т.д. В дальнейшем положения о должном как о добродетели закрепляются в религиозных текстах и устанавливаются как образцы действий и поведения в целом, которые служили бы угодными «высшим силам». Под злом понимается все обратное добру (например, образы дьявола, беса, «греховное поведение» и т.д.). Также зачастую под «присками зла» кроются такие действия и феномены, как сомнения в правильности и истинности положений религии и их толковании авторитетами (критическое восприятие), отступление от догм религии, а также болезни, смерти, несчастья, которые вполне могут быть объяснены рационально.

Человеку постоянно внушается мысль об истинности той религии, к которой он принадлежит, положения которой несут единственно верные представления о мире вокруг. Поэтому религия и является главным транслятором моральных ценностей и идей, интерпретируя их через свое учение. Она может заявлять о заблуждении многих других религиозных учений, тем самым разделять людей на «своих» (братьев по вере) и «чужих» (иноверцев), формируя барьеры в отношении между людьми на иррациональном уровне. Так, например, в исламе всех, кто не принадлежит данной религии, открыто называют «неверными», в иудаизме –

«гоями» и т.д. Зачастую сами тексты данных религий призывают относиться ко всем, кто принадлежит иной религиозной вере, как к людям не равным себе. Так, в Торе говорится о том, что необходимо сносить идолов иной веры, а 51-я запрещающая Мицва и вовсе предписывает «не предоставлять идолопоклонникам возможность селиться в нашей стране» (Шмот 23:33). В Коране говорится о том, что не мусульманам «Аллах запечатал сердца и слух, а на глазах у них – покрывало. Им уготованы великие мучения» [2, с. 16]. Подобные запреты и предписания содержатся во многих религиях, что нередко служит поводом для сознательного уничтожения людей под предлогом «борьбы со злом» и установления истинного морального порядка.

Так, от имени Христа как морального абсолюта Католическая церковь в Средневековье смогла уничтожить десятки тысяч людей и внушить массам необходимость «отвоевания гроба Господня у неверных», организовав массовые крестовые походы. В такие моменты люди не задумывались над тем, насколько их действия расходятся с религиозным учением, потому как «убежденный человек, над которым господствует какая-нибудь идея, религиозная или другая, неприступен для рассуждений, как бы основательны они ни были» [3, с. 60].

Воздействие на сознание через символы – еще одна характерная особенность религии, позволяющая ей манипулировать сознанием верующих. Важным элементом воздействия является образ, или символ, заключающий в себе некоторые качества высшего существа, воспринимаемого людьми на уровне органов чувств. Так формируются символы религии – знаки, связанные непосредственно с конкретной религией. Символами могут стать как визуальные или скульптурные изображения божества, так и определенные слова, имена, и, наконец, различные знаки и объекты, которые детерминируют их обладателя как сторонника той или иной религии. Символы религии объявляются сакральными и, как правило, человеку внушается представление о том, что данный символ напрямую связан с трансцендентным. Почитание религиозных символов является неотъемлемой частью любой религии. К таким символам можно отнести различные обряды, ритуалы, элементы одежды и т.д.

Так называемый «феномен чуда» – еще одна характерная манипуляционная составляющая в религии. Он заключается в том, что по велению «высших сил», божества и т.п. происходят какие-то явления, которые не поддаются логическому объяснению. Самыми яркими примерами могут служить воскрешение мертвых людей или чудесное падение врага, во много раз превышающего по силам, сверхъестественные способности «посредников» между божествами и миром земным и т.д. Как в случае с «карой небесной», так и в случае с чудом, все эти феномены фиксируются в религиозных текстах и являются частью учения. В массовом сознании вера или иллюзия – это связующее звено, не позволяющее массе распасться и продлить время ее существования. Возможно, именно поэтому «массы никогда

не знали жажды истины. Они требуют иллюзий, от которых они не могут отказаться. Ирреальное всегда имеет у них преимущество перед реальным, несуществующее оказывает на них столь же сильное влияние, как и существующее. У них есть явная тенденция не делать разницы между ними» [3, с. 93]. Иными словами, религиозная масса сама жаждет данный феномен. Какие-либо попытки объяснить «феномен чуда» рациональным путем она воспринимает враждебно и агрессивно.

Строгая церковная иерархия – еще одна возможность манипуляции массовым сознанием. По мере оформления иерархии внутри самой религии постепенно формируется определенный круг полномочий, прав и обязанностей, которые характерны для каждой страты внутри религиозной структуры. Например, низший слой, или прихожане, рядовые члены церкви, которых большинство, не могут самостоятельно толковать религиозные тексты. Право толкования принадлежит только более высоким по положению лицам. Любое понимание текстов, разнящееся с трактованием их со стороны элиты, считается «ересью» – отступлением от норм религии. Поэтому «шаманы, жрецы, священники – основные манипуляторы прошлых эпох – делали всё возможное, чтобы их “паства” не имела доступа к информации определенного рода» [4, с. 29]. Все это создает благоприятную почву для разделения религиозной общности на «массы» и «элиты». Крайне важным признаком, характеризующим массу, можно назвать неприятие ею отличного от нее стиля жизни, мнения, воззрения и т.д. Религия создает определенное равенство внутри массы, позволяющее субъекту, с одной стороны, чувствовать защищенность среди себе подобных, с другой – осознавать верность своего духовного пути. Для человека массы крайне важным является оставаться в массе и все время следовать с ней. Поэтому одним из наиболее распространенных видов наказаний было отречение от церкви. Масса по своей сути не приемлет кого-то, кто отличен от нее: «Кто не такой, как все, кто думает, не как все, рискует стать изгоем» [1, с. 22]. Этим можно объяснить собиравшиеся толпы на площадях, пришедших смотреть, как сжигают «отступников». Как описывалось ранее, толпа, как наиболее радикально настроенная часть религиозной массы, превращает одно из главных табу в священнодействие, внимая авторитету религиозных элит. При этом в сознании каждого отдельного индивида в толпе вряд ли закрадывается сомнение о правильности действий.

Также важно отметить, что неизбежно реализуется такой феномен, как кооперация или практически полное сращивание политических (управленческих) элит и элит религиозных. Эта кооперация практически всегда благоприятна и для первых, и для вторых. Конечным итогом выступает контроль над мышлением людей и извлечение собственной выгоды. Нередко данная кооперация отражается на помещении религиозной символики на гербы и флаги государств, политических партий и организаций, влиятельных родов и т.д. Как пример – для получения большей поддержки

со стороны масс, Б. Муссолини и фашистская верхушка в 1929 г. Подписали с Папой и кардиналом П. Гаспари Латеранские соглашения, исходя из которых, в центре Рима появлялось государство Ватикан. Естественно, государством оно являлось формально, и политические элиты в случае кризиса одномоментно смогли бы отстоять свои интересы, однако, как манипуляция массами, данный шаг был наиболее эффективен, и во всеуслышание было заявлено, что Папа Римский как глава всех католиков «признает Королевство Италии под династией Савойского Дома с Римом – столицей Итальянского государства» [5]. Такой ход событий привел к признанию фашистов легитимными не только в Италии, но и за ее пределами, особенно в странах Латинской Америки, Испании и части Франции, где сильны были католические позиции.

Религия, как и политика, обращается к массам людей, а значит, имеет схожие способы воздействия. Разница заключается лишь в том, что религия, будучи иррациональной, обращается к чувствам и опирается на особое отношение человека к «высшим силам». Но воздействуя на чувства, можно реализовывать многие политические замыслы. Авторитет церкви, сросшейся с государством, обладает более эффективным воздействием на массы, нежели сами тексты религиозного учения. Как и любой политический институт, так и любая религия стремится к тому, чтобы как можно больше людей стали ее приверженцами. Иными словами, религия заинтересована в росте религиозной массы, и «...задача состоит в том, чтобы достичь и завоевать на свою сторону всех, кого только можно достичь и завоевать. Масса, которая рисуется им в воображении, – это универсальная масса: речь идет о каждой индивидуальной душе, и каждая душа должна принадлежать им» [3, с. 28]. Это происходит по нескольким причинам. Во-первых, оформившись в структурированную организацию и скооперировавшись с политическими элитами, религия отошла от дел духовных и более приблизилась к делам материальным. Во-вторых, через религию можно пополнять ряды сторонников тех или иных политических организаций. И, наконец, за счет религии политические и властвующие элиты могут расширять географические территории своих владений, аргументируя это, например, защитой братьев по вере.

С развитием научно-технического прогресса место и роль религии в обществе меняются, религиозные нормы воспринимаются субъектом лишь как часть культурных традиций (например, красить яйца на праздник Пасхи, печь куличи и т.д.). В новых условиях религия утратила былые способы воздействия на человека. Уже довольно сложно стало манипулировать посредством страха большими массами людей. Конфликты, которые происходили в рамках самих религиозных структур и организаций, подорвали авторитет самой религии.

Однако, несмотря на появление новых технологий, религия не отошла на второй план. Напротив, во многих традиционных обществах и государствах, где она имела когда-то сильное влияние, религия продолжила

играть свою роль манипулятора массовым сознанием. Например, при ухудшении социально-экономической жизни в Иране в 1970-х гг. и злоупотреблении властью шахом из династии Пехлеви, люди обратились отнюдь не к демократическим методам решения политических проблем, а к религиозным нормам (исламу). Аналогичный феномен можно наблюдать с недавнего времени и в Афганистане.

Цифровизация общества позволила религии выйти на более высокий уровень взаимодействия с массами. Религиозные онлайн-службы, молитвы через Интернет даже упростили влияние религиозных идей на общественное сознание, сделали это воздействие еще более массовым. Отсюда актуальность проблемы деструктивного эффекта религии на сознание человека в религиозных сектах. Секта, в отличие от официального религиозного течения, является малочисленной группой и не признается официально. Тем не менее, уровень воздействия сект на сознание человека еще выше ввиду владения их лидерами манипулятивными и гипнотическими технологиями.

Заключение. XXI век продемонстрировал, что религия остается мощным инструментом влияния на сознание масс. Ввиду этого крупным капиталом и правительствами крупнейших государств создаются религиозные организации, которые под видом сохранения и возрождения традиционных религиозных ценностей на деле являются трансляторами необходимых политических идей, служащих для устранения неугодных крупному капиталу и существующей политической элите лидеров, свержения легитимных политических режимов группой религиозных фанатиков.

Основываясь на бездоказательности своих догматов и вере, религия организует огромные массы людей в интересах различных элит. Имея собственную иерархию и тесно взаимодействуя с политическими организациями, она внушает субъекту нужные правящему классу идеи, способные мобилизовать широкие массы людей, легко манипулируя в дальнейшем их действиями. Поэтому роль религии как социального феномена по-прежнему актуальна в современном обществе.

Литература

1. Х. Ортега-и-Гассет. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: ООО «АСТ», 2002. – 509 [3] с.
2. Коран: перевод смыслов: Э.Р. Кулиев / пер. К 66 с араб. Э.Р. Кулиева. – 10-е изд., стер. – М.: Эксмо, 2014. – 688 с. (Религия. Коран).
3. Лебон, Г. Психология народов и масс / Г. Лебон. – СПб.: Изд-во «Макет», 1995. – 179 с.
4. Зыкин, Д. Власть, элита, народ: подсознание и управляемая демократия / Д. Зыкин. – М.: Самотека, 2007. – 272 с.
5. TRATTATO FRA LA SANTA SEDE E L'ITALIA [Sorse elettronica] / Pagina ufficiale della Citta di vaticano. – Modalità di accesso: https://www.vatican.va/roman_curia/secretariat_state/archivio/documents/rc_seg-st_19290211_patti-lateranensi_it.html. – Data di accesso: 10.02.2023.

Поступила в редакцию 18.01.2024

Особенности функционирования и развития массовых коммуникаций в современном социальном пространстве

Чжэнь Дачао

Государственное научное учреждение
«Институт философии Национальной академии наук Беларуси», Минск

Актуальность исследования обусловлена интенсификацией процессов культурно-коммуникативного обмена в современном мире.

Целью данной статьи является рассмотрение особенностей функционирования и развития массовых коммуникаций в современном социальном пространстве.

Материал и методы. Массовые коммуникации как социальный феномен, влияющий на формирование общественного мнения, культуры, идентичности и поведения людей, являются материалом исследования. Методика изучения включает в себя теоретические методы, такие как анализ научной литературы, сравнение различных подходов и концепций, классификация и типологизация массовых коммуникаций.

Результаты и их обсуждение. Автор уделяет внимание рассмотрению понятия социального пространства, а также особенностям его трансформации под влиянием массовых коммуникаций. При анализе массовых коммуникаций особым образом выделяется интернет-коммуникации, имеющие ключевое значение и при формировании социального пространства, и при воздействии на сознание аудитории.

Заключение. Автор приходит к выводу, что интернет-коммуникации играют важную роль в современном социальном пространстве, но при всех положительных свойствах коммуникации подобного рода имеют и негативные, для противодействия которым необходимо развивать критическое мышление.

Ключевые слова: массовые коммуникации, социальное пространство, интернет-культура, культурно-коммуникативные практики, современные технологии, глобализация.

(Ученые записки. – 2024. – Том 39. – С. 98–102)

Features of the Functioning and Development of Mass Communications in Modern Social Space

Zhen Dachao

State Scientific Establishment
"Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus", Minsk

The relevance of the article is actualized by the intensification of the processes of cultural and communicative exchange in a contemporary world.

The purpose of the article is to consider features of the functioning and development of mass communications in modern social space.

Material and methods. Mass communications as a social phenomenon influencing the formation of public opinion, culture, identity and behavior of people are the material of the study. The research methodology includes theoretical methods, such as analysis of scientific literature, comparison of different approaches and concepts, classification and typology of mass communications.

Findings and their discussion. The author pays attention to the concept of social space, as well as the features of its transformation under the influence of mass communications. In the analysis of mass communications, the author singles out Internet communications, which have key importance both in the formation of social space and in influencing the consciousness of the audience.

Conclusion. The author comes to the conclusion that Internet communications play an important role in the contemporary social space; but having all the positive properties communications of this kind also have negative ones, and in order to resist them it is necessary to develop critical thinking.

Key words: mass communications, social space, Internet culture, cultural and communicative practices, modern technologies, globalization.

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 39. – P. 98–102)

Массовые коммуникации являются важным фактором формирования и развития современного социального пространства. Они влияют на общественное мнение, культуру, политику, экономику и другие сферы жизни. В связи с этим актуально изучение особенностей функционирования и развития массовых коммуникаций в разных социокультурных контекстах. В научной литературе по данной проблеме можно выделить несколько подходов: функционалистский (Г. Лассуэлл), культурологический (М. Маклюэн), конструктивистский (Н. Луман) и др. Однако массовые коммуникации постоянно трансформируются под воздействием новых технологий, глобализации, социальных изменений и других факторов. В связи с этим возникает необходимость анализа современных тенденций и перспектив развития массовых коммуникаций в социальном пространстве. На специфику функционирования современных массовых коммуникаций указывают разные исследователи, в том числе Е.В. Кузнецова в статье «Средства массовой информации как фактор формирования культурно-коммуникативных практик в условиях информационной цивилизации» (2022), О.В. Сергеева в работе «Встретимся в дополненной реальности...»: социальные компетенции игроков в многопользовательские онлайн-игры (2017) и др. Целью данной статьи является рассмотрение особенностей функционирования и развития массовых коммуникаций в современном социальном пространстве.

Материал и методы. Методика исследования включает в себя теоретические методы, такие как анализ научной литературы, сравнение различных подходов и концепций, классификация и типологизация массовых коммуникаций. Объект изучения – массовые коммуникации как социальный феномен, влияющий на формирование общественного мнения, культуры, идентичности и поведения людей. Предмет исследования – особенности функционирования и развития массовых коммуникаций в современном социальном пространстве, характеризующемся динамикой, многообразием, интерактивностью и глобализацией.

Результаты и их обсуждение. Мы рассматриваем массовые коммуникации не только как средство передачи информации, но и как фактор формирования общественного мнения, культуры, идентичности и ценностей. Влияние новых информационных технологий на процессы коммуникации и социализации трудно преувеличить. В условиях глобализации и медиатизации общества проблемы и перспективы развития массовых коммуникаций оказываются особенно актуальными.

Социальное пространство в современном мире относится к ключевым понятиям, которые важны для продуктивного анализа сферы общественных отношений. Оно представляет собой среду, в которой люди взаимодействуют, обмениваются информацией, идеями, ценностями и творчеством. Несмотря на то, что термин «социальное пространство» является

абстрактным понятием, оно, тем не менее, описывает сеть конкретных социальных взаимодействий, включающих в себя обмен, конфликты, сотрудничество и коммуникацию между людьми. Согласно идеям Г. Зиммеля, «...пространство социально потому, что оно освоено человеком. И по этой же причине оно может иметь границы, которые, в свою очередь, определяются распространением влияния, действующими связями, зонами деятельности человека» [1, с. 331]. Эти зоны деятельности охватывают такие фундаментальные сферы жизни, как семью, политику, работу, образование, культурный досуг и др. В социальном пространстве отражаются сложные социальные явления, в которые входят ценности, нормы, идеологии, системы верований. Изучение социального пространства помогает понять, как формируются и эволюционируют общественные системы, структуры и институты. Анализ социального пространства крайне актуален и в случае межкультурной коммуникации. Только через углубленное изучение социального пространства двух культур возможна оптимизация коммуникативного акта между ними.

Так, сформированные внутри социального пространства культурные практики (язык, символы, обычаи, ритуалы и др.) оказывают решающее влияние на создание смыслового содержания сообщения, они формируют собой контекст и значение любого сообщения, передаваемого отправителем реципиенту. Например, мы можем рассмотреть понятие «времени» в различных культурах. В некоторых культурах, например, в странах Европы, в России и Беларуси, время обычно воспринимается как нечто линейное и строго организованное. В других культурах, таких как китайская, время воспринимается более гибко и циклично. Ученый А.Е. Сериков дает тому довольно выразительный пример: «...можно найти примеры того, как циклическое время проявляется в культуре китайцев и делает их поведение очень непохожим на поведение русских или европейцев. Скажем, китайский обеденный круглый стол. Центральная часть такого стола – это карусель, медленно проносящая мимо тебя различные блюда. Что-то из понравившегося ты успеваешь переложить в свою тарелку, что-то – просто подцепить палочками и попробовать. Но столешница уносит от тебя понравившееся блюдо, и все, что остается, – это ждать, когда очередной круг завершится» [2, с. 55].

Социальное пространство также оказывает значительное влияние на то, как сформированное сообщение будет воспринято и проинтерпретировано получателем. В разных странах существуют определенные нормы и ценности, которые детерминируют данный процесс. Например, в Китае, получив сообщение от человека, старшего по возрасту или более высокопоставленного, молодой человек воспринимает его с достаточной степенью доверия, поскольку в этой стране принято уважать тех, кто старше и занимает значимое положение в обществе.

Социальное пространство определяет, как информация распространяется, и как люди взаимодействуют в ходе коммуникации. Это касается всего, от выбора коммуникативных каналов до более сложных аспектов, таких как стиль общения, тон и уровень формальности. Так, общеизвестно, что в китайской культуре важно сохранять гармонию и избегать прямых конфликтов. В социальном пространстве Китая информация может передаваться косвенно, с использованием намеков, метафор или символических выражений.

Таким образом, мы видим, что роль социального пространства в коммуникации очень важна, оно отвечает за смысловое содержание, интерпретацию, условия распространения и взаимодействия. Кроме того, социальное пространство постоянно изменяется под воздействием социальных, экономических, технологических и культурных факторов. Социальное пространство и коммуникация оказываются взаимозависимы.

Массовые коммуникации как яркое выражение глобализационных и инновационных тенденций являются одним из ведущих факторов, делающих социальное пространство сегодня все более динамичным, широким, интерактивным.

Влияние массовых коммуникаций трудно преувеличить, так как они выполняют множество функций не только по трансформации, но и по формированию социального пространства. По словам Е.В. Кузнецовой, «масс медиа в эпоху информационной цивилизации определяют структуру знания, регулируют принципы восприятия пространства и времени человеком, перестраивают социальные институты, трансформируют систему ценностей. Средства массовой коммуникации не просто отображают окружающую действительность, они являются мощным инструментом формирования общественного мнения, оценочно-личностных суждений, а также средством регулирования ряда социокультурных процессов, в том числе культурно-коммуникативных практик» [3, с. 178].

В связи с этим, можно отметить, что массовые коммуникации являются краеугольным камнем современного социального пространства, так как они формируют общественное мнение (активно обсуждают и комментируют события, социальные проблемы), выступают распространителями культурных норм и ценностей (формируют представления о том, что является нормой, эталоном), обеспечивают связь между людьми и целыми сообществами (предоставляя площадку для выражения мнений, дискуссий). В дополнение к этому, массовые коммуникации оказывают значительное воздействие на формирование чувства идентичности и социальной принадлежности у реципиентов. По выражению китайского ученого Мо Ли, «через мощные волны информации и идей, массовые коммуникации помогают нам открыться для мира и одновременно утверждать нашу идентичность и чувство принадлежности к нации» [4, с. 167].

Социальное пространство может быть ограничено различными факторами, такими как возраст, раса,

гендер, класс и др. Однако массовые коммуникации могут преодолевать географические, классовые, расовые, гендерные и возрастные различия, предоставляя людям доступ к информации и возможность обсуждения важных вопросов. Не в малой степени это достигается за счет того, что для массовых коммуникаций характерна ориентация на передовые технологии и каналы связи. На протяжении истории массовые коммуникации использовали письменность, телеграф, прессу, радио, телевидение, интернет, что помогало выполнять основные функции массовых коммуникаций: обеспечивать большой охват, улучшать взаимодействие с аудиторией, быстро распространять информацию.

Вследствие постоянных видоизменений массовых коммуникаций мы обнаруживаем, что в современном мире они обладают очень разнообразным набором культурно-коммуникативных практик, способами, благодаря которым люди обмениваются идеями и информацией. Например, телевизионные передачи, фильмы и реклама широко используют различные медиа-образы и символы для передачи определенных ценностей. Однако одним из самых актуальных производителей современных медиа-образов и символов является интернет-культура.

По словам Г.Ф. Нигматуллиной, интернет-культура: «...это постоянно обновляемая и вместе с тем устойчивая совокупность знаний, проявлений, достижений и творчества интернет-пользователей, их специфического языка, норм и ценностей, создаваемая их совместными усилиями в Сети, поддерживаемая социальными сообществами и являющаяся частью общей культуры общества» [5, с. 7]. Интернет-культура выступает как новейшая форма культурно-коммуникативных практик в массовой коммуникации. Она осуществляет беспрецедентный по объемам обмен символами, медиа-образами, а также «мемами». Они играют решающую роль в конструировании сегодняшней социальной реальности, определяя ценности, стереотипы сегодняшних пользователей социальных сетей, блогов, форумов и иных онлайн-платформ.

Интернет-культура ярко выделяется среди иных массовых средств информации тем, какое она оказывает влияние на социальное пространство. Так, можно отметить то, что она предельно расширяет его, делая социальное пространство шире, чем когда-либо раньше. Сегодня большинство людей имеет возможность вступать друг с другом в контакт несмотря на то, что они находятся на разных концах мира, говорят на разных языках, могут принадлежать к разным религиозным конфессиям и идеологиям. Социальные сети (WeChat, VK, Facebook, Twitter) выступают в качестве важнейших средств в современных коммуникациях, это платформа для создания сообществ, активизации совместной деятельности, распространения информации и формирования общественного мнения.

Еще одной специфичной для интернет-культуры чертой является то, что она позволяет формировать уникальную онлайн-идентичность для людей, которые пользуются цифровыми технологиями. Человек обрел свободу выбирать для самого себя свой псевдоним, «аватар», медиа-образ, которые будут служить ему в ходе коммуникативной активности. Так, видеоигры сегодня не только выступают как форма развлечения, но являются также социальными площадками, доступными для массовой коммуникации и предельно расширяющими возможность игроков по самоидентификации. Н.А. Зиновьева отмечает в этой связи, что именно практика интернет-игр «поддерживает социальные компетенции игроков и пополняет их социальный капитал новыми связями» [6, с. 52].

Такие многопользовательские игры, как *Jade Dynasty*, *World of Warcraft* и др. дают возможность игрокам со всего мира коммуницировать друг с другом, строить сообщества, представлять себя в глазах виртуального социума с той позиции, которая удобна самому игроку. Это может включать в себя выбор персонажей, настройку внешности, выбор никнейма, создание виртуального аватара, выбор своей роли, которая будет влиять на дальнейшее взаимодействие с другими людьми в виртуальном пространстве. Все это способствует развитию онлайн-идентичности игрока.

Интернет-культура также формирует в своем социальном пространстве свою собственную систему ценностей, норм поведения и коммуникации. Практически во всех интернет-сообществах можно столкнуться со сводом кодифицированных и негласных правил, осуждающих или запрещающих то или иное поведение. К примеру, на большинстве форумов действует общеизвестный запрет на общение не по теме («флуд»), а также за неразрешенную рекламную деятельность («спам»). Отметим важную деталь, что сформированные внутри интернет-культуры ценности сегодня широко транслируются из виртуального в реальное пространство. Оно все сильнее влияет на социальную жизнь людей в офлайн-среде. Сегодня коммуникация в интернете активно участвует в формировании общественного мнения, затрагивает политические и общемировые проблемы, устанавливает повестку дня. Так, блоги, социальные сети, мессенджеры используются для координации крупных масс людей и мобилизации их на достижение социальных и политических целей. Нельзя не считаться с тем, что интернет сегодня выступает площадкой для дискуссий и продвижения идеологий. Так, можно привести пример, что в последние годы растет тренд на использование хэштегов в социальных сетях: #ClimateAction, #WomenRights, #StandWithRefugees, посвященных решению остросоциальных и климатических вопросов, которые затрагивают все общество.

Наконец, интернет-культура оказывает революционное воздействие на массовые коммуникации

в том отношении, что делает их гораздо интерактивнее. Это проявляется в возможности взаимодействия с контентом. Пользователи могут комментировать, делиться и «лайкать» контент, принимать участие в онлайн-обсуждениях и форумах. Например, все популярней становятся онлайн-трансляции, через которые в режиме реального времени происходит контакт аудитории с отправителем информации. У зрителей есть возможности предоставлять немедленную обратную связь, задавать интересующие вопросы, поощрять ведущего трансляцию или выражать ему неудовольствие.

Таким образом, мы видим, что интернет-культура является передовым продуктом массовых коммуникаций, она предельно расширяет социальное пространство, создает новые возможности в самовыражении, усиливает взаимодействие между людьми, создает немедленную обратную связь и формирует реальность.

Однако необходимо отметить, что интернет-культура обладает не только положительными характеристиками, но и негативными. Так, существенной проблемой интернет-культуры является недостоверность и искаженность ее информации. Общеизвестно, что новости могут легко оказаться ложными, формирующими неадекватные реальности стереотипы. Распространение манипуляций и дезинформации должно пресекаться через развитие у пользователей критического мышления и способности ориентироваться в поиске нужной информации самостоятельно. Кроме того, всеобщая анонимность и дистанцированность друг от друга может негативно сказаться на качестве межличностных отношений. В сети Интернет распространены агрессивные и оскорбительные высказывания, что приводит к специфичному для интернета явлению «троллинга». «Сегодня можно с достаточной определенностью утверждать, – отмечает Р.А. Внебрачных, – что троллинг, зародившийся в 90-х гг. XX столетия в интернет-пространстве, приобрел статус значимого социально-психологического феномена, оказывающего деструктивное влияние как на индивидов – объектов воздействия, так и на атмосферу коммуникативного взаимодействия виртуального сообщества в целом» [7, с. 48].

Особенно значимой проблемой выступает то явление, что современные коммуникативные практики в интернете становятся все «аддиктивной». Они приобретают характер своеобразного «наркотика», так как постоянная доступность легкого, всегда разнообразного, развлекательного контента порождает у пользователей соблазн быть потребителем массовых коммуникаций все чаще и чаще.

Заключение. Можно сделать выводы, что современные массовые коммуникации претерпевают бурный период развития и находят особое место в сегодняшнем социальном пространстве. Важнейшую роль в современном социальном пространстве играет интернет-культура, предельно расширяющая социаль-

ное пространство, создающая уникальную онлайн-идентичность, образующая собственные системы ценностей, которые могут переходить в реальное социальное пространство. Однако интернет-культура также является носителем большого количества искаженной информации, содержит контент агрессивного или оскорбительного характера, манипулирует сознанием субъекта. В этой связи необходимо вырабатывать критическое мышление, которое бы противостояло как негативной информации в социальных сетях, так и различного рода манипуляционным приемам и снижало степень зависимости от массовых коммуникаций.

Литература

1. Чернявская, О.С. Социальное пространство: обзор теоретических интерпретаций / О.С. Чернявская // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. – 2008. – № 5. – С. 329–335.
2. Сериков, А.Е. Восприятие времени в китайской культуре / А.Е. Сериков // Вестн. Самар. гум. акад. Сер.: Философия. Филология. – 2016. – № 2(20). – С. 50–61.
3. Кузнецова, Е.В. Средства массовой информации как фактор формирования культурно-коммуникативных практик в условиях информационной цивилизации / Е.В. Кузнецова // Вестн. культурологии. – 2022. – № 4(103). – С. 177–188.
4. Мо Ли. Массовые коммуникации: учеб.-метод. пособие / Мо Ли. – Пекин: Дом Мудрости, 2013. – 312 с. (на кит. яз.).
5. Нигматуллина, Г.Ф. Культура российских интернет-сообществ в условиях становления информационного пространства: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06 / Г.Ф. Нигматуллина; Тюмен. гос. нефтегаз. ун-т. – Тюмень, 2011. – 23 с.
6. Сергеева, О.В. «Встретимся в дополненной реальности...»: социальные компетенции игроков в многопользовательские онлайн-игры / О.В. Сергеева, А.В. Царева, Н.А. Зиновьева // Logos et Praxis. – 2017. – № 4. – С. 51–63.
7. Внебрачных, Р.А. Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах / Р.А. Внебрачных // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. – 2012. – № 1. – С. 36–39.

Поступила в редакцию 03.04.2024

Интернационализация спортивного образования в контексте модернизации с китайской спецификой

Го Цзимао

Государственное научное учреждение
«Институт философии Национальной академии наук Беларуси», Минск

Актуальность статьи обусловлена тем, что во второй половине XX века физическая культура и спортивное образование в КНР стали рассматриваться как инструмент культурной дипломатии.

Целью данной публикации является установление взаимосвязи особенностей физической культуры и спортивного образования в процессе социальной модернизации в КНР, а также возможности интернационализации высшего спортивного образования.

Материал и методы. Спортивное образование и процесс функционирования физической культуры в Китае является материалом исследования. Работа основана на теоретических методах, преимущественно на анализе научной литературы, на сравнении различных подходов к трактовке физической культуры и интернационализации спортивного образования.

Результаты и их обсуждение. Данная статья посвящена изучению особенностей развития физической культуры в КНР в контексте ее социально-технологической модернизации, реализуемой в условиях тесного международного сотрудничества.

Заключение. Сделан вывод о том, что традиционная физическая культура становится основным инструментом интернационализации высшего физического образования в КНР в XXI веке, выполняет роль современного культурного звена для содействия международному сотрудничеству.

Ключевые слова: интернационализация образования, физическая культура, модернизация с китайской спецификой.

(Ученые записки. – 2024. – Том 39. – С. 103–106)

Internationalization of Sports Education in the Context of Modernization with Chinese Characteristics

Guo Jimao

State Scientific Establishment
“Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus”, Minsk

The relevance of the article is due to the fact that in the second half of the 20th century, physical training and sports education in the PRC began to be considered as a tool of cultural diplomacy.

The purpose of this article is to identify the relationship between the characteristics of physical training and sports education in the process of social modernization in the PRC, as well as the possibility of internationalization of higher sports education.

Material and methods. Sports education and the process of functioning of physical culture in China is the material of the study. The research is based on theoretical methods, mainly on the analysis of scientific literature, on comparison of different approaches to the interpretation of physical education and the internationalization of sports education

Findings and their discussion. This article is devoted to the study of the peculiarities of the development of physical training in the PRC in the context of its socio-technological modernization, implemented in the conditions of close international cooperation.

Conclusion. It is concluded that traditional physical training is becoming the main instrument for the internationalization of higher physical education in China in the 21st century and plays the role of a modern cultural link to promote international cooperation.

Key words: internationalization of education, physical education, modernization with Chinese characteristics.

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 39. – P. 103–106)

На рубеже XIX–XX вв. физическая культура укоренилась в китайской системе образования как иностранное заимствование, как одно из направлений социально-технологической модернизации страны. Быстрое изменение геополитической обстановки в мире, связанной в том числе с усилением глобальной деколонизации, привело к тому, что

во второй половине XX в. ведущие державы стали уделять больше внимания гуманитарным инструментам дипломатии, такими как образование, язык и культура. Одним из важных инструментов культурной дипломатии стала физическая культура [1].

Обладая большинством эксклюзивных технологий и ноу-хау, страны-метрополии сохранили глобальное

влияние на бывшие колонии. Китай не стал исключением и в своем развитии часто обращался к тем или иным зарубежным практикам, в том числе в области спорта и физической культуры [2]. Данная статья посвящена изучению особенностей развития физической культуры в КНР в контексте международной составляющей сферы образования и призвана ответить на следующие вопросы: во-первых, как взаимосвязаны физическая культура и процесс модернизации в КНР; во-вторых, в чем заключается международная составляющая физической культуры в современном Китае, или иными словами, каким образом возможна интернационализация высшего спортивного образования

Материал и методы. Исследование основано на теоретических методах, преимущественно на анализе научной литературы, на сравнении различных подходов к трактовке физической культуры и интернационализации спортивного образования. Объект исследования – процесс интернационализации спортивного образования в контексте социальных трансформаций. Предмет исследования – особенности процесса интернационализации спортивного образования и функционирования физической культуры в Китае, а также их трактовка в исследованиях китайских авторов.

Результаты и их обсуждение. На протяжении последних 100 лет концептуальное обоснование модернизации является одной из самых важных тем китайской гуманитарной науки. За это время интерпретация данного понятия претерпела значительные изменения. Несмотря на то, что впервые этот термин появился в британских источниках 1880-х годов [3], в китайском контексте он закрепляется значительно позже, благодаря книге Люкеша «Новая Турция», изданной в Шанхае в 1927 году, в которой модернизация приравнивается к вестернизации.

После победы коммунистической партии и создания КНР в середине XX в. модернизация в Китае начинает рассматриваться в рамках марксистской теории, как неумолимый процесс на пути к коммунизму [4]. Позднее доминирует классическая теория модернизации (КТМ), построенная на дихотомии «традиция–современность», описанная профессором Элвином Со в книге «Социальные изменения и развитие: модернизация, зависимость и теория мировой системы» (1990). КТМ понималась комплексно, в духовном плане она реализовывалась через секуляризацию, в экономическом – через индустриализацию, что в совокупности должно было бы обеспечить формирование западного образа жизни в модернизируемом обществе [5]. Например, известный педагог Гу Миньюань определял модернизацию как прямолинейный процесс, направленный в своем развитии от сельского хозяйства к информационному обществу через этап промышленного производства [6]. В целом линейный взгляд на общественное развитие стал характерным для китайской философии, которая начала рассматривать китайскую культуру в категориях традиции, в то время как западную – новации [7].

В XXI веке КТМ все больше подвергается критике. Сюй Цзилинь в статьях отмечает распространение культурного консерватизма в китайском академическом сообществе, которое все больше ориентируется на диалектическое противопоставление конфуцианской традиции и ценностей европейского Просвещения. В это время, благодаря работам С. Эйзенштадт и П. Вагнер, становится популярной парадигма множественных модерностей. В отличие от КТМ, парадигма множественных модерностей определяет современность как непредсказуемый процесс изменений, которому подвергается общество, в связи с чем модернизация не отождествляется с вестернизацией. Благодаря многочисленным публикациям Луо Ронгку, Ли Шитао, Фан Чжаохуэй, Линь Цзюрен МПМ быстро распространилась в КНР, и в работах ученых Сюэ Антай, Ся Чжэнькунь, Чен Шимин, Ли Цинся в качестве основы любой современности начали рассматривать локальный культурный контекст.

Необходимость модернизации Китая стала очевидной на переломе XIX и XX вв., когда из-за социально-экономической отсталости обострились военно-дипломатические неудачи страны. Тогда целью модернизации виделась необходимость остановить дальнейшую национальную деградацию и наметить новый путь будущего развития Китая. Символом новых идей стал журнал «Новая молодежь», который объединил передовых китайских мыслителей того времени: Чэнь Дусю, Ху Ши, Гао Иханя, Лу Сюня, Ли Дажао.

С появлением КНР и изменением курса развития страны в сторону строительства социализма в 1950-х гг. курс на модернизацию усилился. По примеру СССР традиционная культура виделась тогда опасным пережитком прошлого на пути тотального обновления общества, пытающегося достичь коммунизма. Китай последовательно перенимает у СССР основные практики в области культуры и производства, и физическая культура рассматривалась как важная коллективная практика. Массовый спорт в СССР полностью находился в парадигме милитаризации страны и ориентировался на комплекс ГТО (готовность к труду и обороне), цель которого состояла в подготовке военного резерва для быстрого развертывания армий во время войны [8, с. 398]. В то же время популярный на Западе олимпизм отвергался как движение, идеологически несовместимое с коммунистической системой.

В 1960-х годах отношения между социалистическими странами резко ухудшились, однако нарабатанные советские практики КНР не только не отвергла, но даже усилила, распространив их на все китайское образование. Эту тенденцию, в частности отмечает исследователь ГТО Ян Юйкунь в своих публикациях. Позже, в рамках реформ открытости КНР все же присоединилась к олимпийскому движению, однако это никак не сказалось на общей милитаризации массового спорта и спортивного образования в Китае. В таких условиях для традиционной физической

культуры не только не было места, но она рассматривалась в качестве препятствия для развития спортивного образования.

Немногим позже, на фоне усиления сотрудничества КНР с западными странами и распадом СССР в стране становится популярной концепция мягкой силы Джозефа Ная [9]. С одной стороны, успехи в элитном спорте, особенно олимпийские медали, существенно повышают престиж страны и ее узнаваемость на международной арене. С другой стороны, китайские боевые искусства становятся важной частью массовой культуры на Западе. Посредством кинематографа они обретают популярность среди широких слоев населения и превращаются в важную часть массовой физической культуры, что также способствует усилению общественного интереса к Китаю. Эта особенность отмечается большим количеством китайских авторов – исследователей спортивной дипломатии с китайской спецификой, в том числе Лю Гуйхай, Ван Тин, Ян Чжигуо, Ли Сюэлян.

Несмотря на глобальную востребованность и популярность китайских боевых искусств, их интеграция в образовательные структуры остается на низком уровне. Несмотря на усилия правительства по стимулированию интереса к традиционным видам спорта, ушу (дисциплина – не является олимпийским видом спорта) так и не стала частью учебной программы. Боевые искусства, как наиболее популярное направление китайской традиционной физической культуры, все еще мало востребованы в китайском спортивном образовании, тогда как менее популярные традиционные игры и дисциплины остаются практически забытыми. Ряд китайских авторов, в том числе Чжао Хайтао, посвятили многочисленные публикации исследованию состояния дел и контрмерам по развитию занятий ушу в школах

Современное понимание глобального образования выделяет процессы глобализации и интернационализации как два различающихся формата реализации международного сотрудничества. Глобализация ориентируется на универсализацию, интернационализация – на индивидуализацию [9]. Интернационализация означает взаимное изучение и взаимодействие национальных элементов в рамках международного образовательного сотрудничества. Описанный подход в частности сформулирован в книге Д.А. Смолякова «Интернационализация высшего образования: теория, практика, перспективы». Он находит отражение в современной китайской социальной философии, в которой распространена мысль о том, что интернационализация высшего спортивного образования Китая должна ориентироваться в том числе на продвижение традиционной физической культуры, а не рассматривать ее как нечто «чужеродное». В то время как традиционная физическая культура может стать коммуникационным мостом между Китаем и другими странами, ориентация исключительно на спорт высоких достижений может негативно

повлиять на всесторонность и универсальность высшего спортивного образования.

Вовлеченность иностранных студентов в освоение традиционной физической культуры стала важной задачей китайских университетов. Данный фокус обусловлен дисбалансом прежнего курса развития спортивного образования, ориентированного в основном на спорт высоких достижений. С одной стороны это способствовало наполнению системы высшего спортивного образования Китая специалистами мирового уровня, имеющих опыт участия в Олимпийских играх, с другой – замедлилась интернационализация китайского спорта, спортивные университеты не стали мостом между разными культурами и традициями.

В этом контексте традиционная физическая культура может стать связующим звеном Китая с другими странами, особенно развивающимися государствами. Например, Пекинский и Шанхайский университеты спорта бесплатно обучают специалистов в области традиционных видов спорта на международных программах содействия реализации китайских проектов «Сообщества единой судьбы», «Пояс и путь», «Институты Конфуция» и др.

Традиционная физическая культура приобретает все большее значение в развитии регионального сотрудничества и взаимопонимания между странами-партнерами, входящими в важные международные организации. В рамках усиления связанности стран АСЕАН Университет Гуанси продвигает соревнования по традиционным видам спорта [11]. В рамках ШОС схожую инициативу реализует Университет Синьцзяна, организуя фестивали традиционной культуры [12].

Традиционная физическая культура становится важной частью массового спорта и сферы развлечений, как например, чемпионат по гонкам на лодках-драконах. Такие мероприятия также способствуют лучшему погружению в культуру Китая и продвигаются как факультативные дисциплины при изучении китайского языка в Пекинском педагогическом университете, Северо-Восточном педагогическом университете и др.

Спортивные университеты расширяют программы традиционной спортивной культуры для иностранных студентов, как и свое участие в международных инициативах по данному направлению. Это отражает цели равноправного диалога между партнерами на международном уровне. На фоне указанных процессов может произойти ренессанс традиционной спортивной культуры как связующего звена Китая с его партнерами в области образования. Поэтому возникает необходимость корректировки понятия модернизации и открывается пространство для теоретической разработки программы модернизации с китайскими характеристиками.

Заключение. Таким образом интернационализация спортивного образования в контексте модернизации

с китайской спецификой включает процесс адаптации спортивных образовательных программ и методик под международные стандарты, учитывая при этом особенности китайской культуры, традиций и специфики спортивной системы. Китай активно развивает свою спортивную индустрию и стремится улучшить свои результаты в международных соревнованиях. Однако для этого необходимо иметь современные методы обучения и тренировки, которые соответствуют международным стандартам. Интернационализация спортивного образования включает в себя внедрение передовых методик тренировки, современных подходов к физической подготовке и психологическому сопровождению спортсменов, а также обмен опытом с другими странами. В контексте модернизации китайской спортивной системы интернационализация спортивного образования помогает расширить горизонты тренеров и спортсменов, обогатить их знаниями и опытом, а также улучшить качество подготовки и конкурентоспособность китайских спортсменов на мировой арене. Этот процесс также способствует укреплению международных спортивных связей и сотрудничеству в области спортивного образования. Важным аспектом интернационализации спортивного образования является сохранение и продвижение китайской спортивной культуры и традиций. При внедрении международных методик необходимо учитывать особенности китайского менталитета, подходы к тренировке и воспитанию спортсменов, чтобы сохранить их уникальность и дух нации. Таким образом, интернационализация спортивного образования в Китае в контексте модернизации с китайской спецификой способствует развитию спортивной индустрии, повышению конкурентоспособности спортсменов и укреплению международного спортивного сотрудничества, сохраняя при этом уникальные черты китайской спортивной культуры.

Литература

1. Смоляков, Д.А. Проблема внешнего влияния в контексте международного образовательного сотрудничества: социально-философский аспект / Д.А. Смоляков // Вестн. Гродн. гос. ун-та имени Янки Купалы. Сер. 1. История и археология. Философия. Политология. – 2022. – Т. 14, № 3. – С. 95–101.
2. Yang, Rui. China's Strategy for the Internationalization of Higher Education: An Overview / Yang // *Frontiers of Education in China*. – 2014. – Vol. 9, № 2. – P. 151–162.
3. 黄兴涛, 陈鹏. 民国时期现代化概念的流播、认知与运用 / 历史研究 [Хуан Синьтао, Чэнь Пэн. Распространение, понимание и применение концепции модернизации в Китайской Республике / Синьтао Хуан, Пэн Чен // Ист. исследования. – 2018. – № 6. – С. 70–90].
4. 胡鞍钢. 中国现代化之路(1949–2014) / 新疆师范大学学报 [Ху Анган. Путь к модернизации Китая (1949–2014) / Анган Ху // Журн. Синьцзянского пед. ун-та. – 2015. – Т. 36, № 2. – С. 1–17].
5. Gökseli, O. In Search of a Non-Eurocentric Understanding of Modernization: Turkey as a Case of 'Multiple Modernities' / O. Gökseli // *Mediterranean Politics*. – 2016. – Vol. 21, № 2. – P. 246–267.
6. 顾明远. 关于教育现代化的几个问题 / 中国教育学刊 [Гу Минъюань. О проблеме модернизации образования / Минъюань Гу // Журн. китайского образования. – 1997. – № 3. – С. 10–15].
7. Rošker, J. China's modernization: From daring reforms to a modern Confucian revival of traditional values / J. Rošker // *Anthropological Notebooks*. – 2014. – Vol. 20, № 2. – P. 89–102.
8. 谭华. 体育史 / 高等教育出版社 [Тань Хуа. История физической культуры / Хуа Тань. – Пекин: Изд-во высш. образования, 2005 – 479 p].
9. 赵薇, 王润平. 体育文化软实力研究进展及提升策略 / 当代教育与文化 [Чжао Вэй. Исследовательский прогресс и стратегии повышения мягкой силы спортивной культуры / Вэй Чжао, Жунпин Ван // Совр. образование и культура. – 2017. – Т. 9, № 4. – С. 44–50].
10. Смоляков, Д.А. Критика глобализации в интеллектуальных моделях интернационализации высшего образования / Д.А. Смоляков // Сборник научных трудов «Философские исследования». – 2022. – № 9. – С. 362–371.
11. 翟洪军. 广西高校东盟留学生体育诉求实现教学研究 / 当代体育科技 [Чжай Хунцзюнь. Учебные исследования по реализации спортивных притязаний студентов стран АСЕАН в университетах Гуанси / Хунцзюнь Чжай // Совр. спорт. наука и техника. – 2022. – Т. 12, № 9. – С. 6–9].
12. 张志新, 张少杰, 武杰等. 中亚地区的体育文化交流 / 体育学刊 [Чжан Чжисинь, и др. Спортивные культурные обмены в Центральной Азии / Чжисинь Чжан, Чжан Шаоцзе, У Цзе // Журн. физ. воспитания. – 2011. – Т. 18, № 5. – С. 57–61].

Поступила в редакцию 17.04.2024

ФИЛОЛОГИЯ

Лексико-тематическая группа обозначений мыслительных процессов в лексической структуре рассказов А.П. Чехова

Кунтыш М.Ф.

Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова», Витебск

В статье осмысливается конкретная лексико-тематическая группа как элемент лексической структуры рассказа.

Цель исследования – выявить качественный и количественный состав лексико-тематической группы обозначений мыслительных процессов, определить значимость рассматриваемых лексем в структуре образа и проанализировать организующую роль данной тематической группы в лексической структуре рассказа.

Материал и методы. *Материалом для научного анализа лексико-тематической группы как элемента лексической структуры рассказа стали 10 произведений А.П. Чехова. Основные методы исследования – структурно-типологический, описательно-аналитический, сравнительно-сопоставительный.*

Результаты и их обсуждение. *В статье рассматривается состав слов заявленной тематической группы с учетом количественного параметра в соответствии с содержанием рассказов. Для лексической структуры текста важно выявить соотношенность элементов разных тематических групп, поэтому интерпретируются семантические связи данной лексико-тематической группы с другими, в частности с обозначениями эмоционального состояния, обозначениями персонажей. Существенным фактором текстообразования являются закономерности распределения по тексту лексики, обозначающей мыслительные процессы. В данной лексико-тематической группе условно выделены 6 подгрупп, в которых акцентируется семантика памяти, размышления, знания и понимания, решения, воображения, видов умственной деятельности. Анализируются также объекты мыслительной деятельности, их лексико-грамматическое выражение.*

Заключение. *В лексической системе рассматриваемых рассказов субъекты и предикаты лексико-семантической группы обозначений мыслительных процессов довольно многочисленны и разнообразны, они встречаются во всех текстах. Однако рассказы различаются системой средств выражения мыслительной деятельности персонажей количественно и качественно, что непосредственно связано с формой и содержанием художественного произведения. Лексико-семантическая группа обозначений мыслительных процессов тесно связана с лексической группой обозначений эмоционального состояния. Обозначения мыслительных процессов участвуют опосредованно в передаче душевного состояния человека или лишь указывают на него, они могут воссоздавать атмосферу неуверенности, растерянности персонажей.*

Ключевые слова: *теория текста, текстообразование, лексическая структура рассказа, лексико-тематическая группа, обозначения мыслительных процессов.*

(Ученые записки. – 2024. – Том 39. – С. 108–115)

Lexical-Thematic Group of Designations for Thinking Processes in the Lexical Structure of Stories by Anton Chekhov

Kuntysh M.F.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The article comprehends a specific lexical-thematic group as an element of the lexical structure of the story.

The purpose of the study is to identify the qualitative and quantitative composition of the lexical-thematic group of designations for thinking processes, to identify the significance of the lexemes under consideration in the structure of the image and to analyze the organizing role of this thematic group in the lexical structure of the story.

Material and methods. *The analysis material was 10 works by A. Chekhov. The main research methods are structural-typological, descriptive-analytical, comparative.*

Findings and their discussion. *The article examines the composition of the words of the previously named thematic group, taking into account the quantitative parameter in accordance with the content of the stories. For the lexical structure of the text,*

it is important to identify the correlation of elements of different thematic groups. Therefore, the semantic connections of a given lexical-thematic group with others are interpreted, in particular with designations of an emotional state, designations of characters. An important factor in text formation is the pattern of distribution of vocabulary which denotes mental processes throughout the text. In this lexical-thematic group, 6 subgroups are conventionally distinguished, in which the semantics of memory, reflection, knowledge and understanding, decision, imagination, and types of mental activity are emphasized. Objects of mental activity and their lexical and grammatical expression are also analyzed.

Conclusion. In the lexical system of the stories under consideration, the subjects and predicates of the lexical-semantic group which designates mental processes are quite numerous and diverse; they are found in all texts. However, the stories differ in the system of means of expressing the mental activity of the characters quantitatively and qualitatively. This is directly related to the form and content of a work of art. The lexical-semantic group of designations for thinking processes is closely related to the lexical group of designations for emotional states. Designations of thinking processes participate indirectly in conveying a person's state of mind or only indicate it. They can recreate the atmosphere of uncertainty and confusion of the characters.

Key words: text theory, text formation, lexical structure of the story, lexical-thematic group, designations of thinking processes.

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 39. – P. 108–115)

Интерес к тексту как результату речевого взаимодействия людей, многообразие подходов к анализу художественного произведения, выявление многочисленных аспектов рассмотрения текстовых категорий, структуры текста разных типов, функционирования в нем различных языковых средств свидетельствуют об актуальности проблематики текста в современном языкознании. Проблемам исследований в этой научной области посвящены работы таких ученых, как Т.М. Дридзе, Т.В. Матвеева, П.Г. Буга, Е.С. Кубрякова и др. Функционирование языковых единиц в тексте, категории сверхфразового единства, произведение как структура рассматриваются в работах Л.Г. Бабенко, М.М. Бахтина, И.Р. Гальперина, А.П. Клименко, Г.Я. Солганика и др. В.А. Маслова утверждает, что «анализ языкового материала ... исходная позиция, без него невозможен ни литературоведческий, ни стилистический, ни другие виды анализа текста» [1, с. 4].

Цель данной работы заключается в выявлении качественного и количественного состава лексико-тематической группы обозначений мыслительных процессов, определении значимости рассматриваемых лексем в структуре образа и анализе организующей роли данной тематической группы в лексической структуре рассказа.

Материал и методы. Материалом для анализа выбраны 10 рассказов Антона Павловича Чехова, написанных в 1887–1889 годах (общий объем рассказов – 110 страниц (34800 слов). Основные методы исследования – структурно-типологический, описательно-аналитический, сравнительно-сопоставительный.

Результаты и их обсуждение. Исследование лексической структуры текста предполагает, в частности, рассмотрение тематического состава слов, анализ лексико-семантических связей и изучение закономерностей распределения лексики в тексте.

Содержание и строй мысли, особенности мыслительных процессов оказываются выражением внутренней сущности человека, которая является предметом интереса писателя. Как отмечает А.В. Абакумова, «чеховский герой погружен в себя. Разумеется, и он что-то делает и что-то говорит. Но это “что-то” всегда

вторично, менее значимо для героя, чем то, что он думает и чувствует, чаще всего совсем не связано с тем, что он делает в данный момент. Гуров думает о своей любви, идя по улице и рассказывая о чем-то дочери, которую он провожает в школу» [2, с. 17].

Естественно, что в структуре текста существенна группа предикатов, обозначающих процессы интеллектуальной деятельности, при этом отметим также, что лексико-семантическая группа обозначений мыслительных процессов тесно связана с лексико-семантической группой обозначений эмоционального состояния и его внешнего проявления, исследованная нами ранее в рамках тех же рассказов А.П. Чехова [3].

В лексико-семантической группе обозначений мыслительных процессов можно выделить следующие подгруппы: 1. Наименования процессов памяти. 2. Слова со значением размышления. 3. Обозначения знания и понимания. 4. Глаголы решения. 5. Лексика воображения. 6. Обозначения различных видов умственной деятельности. Подчеркнем, что «понимание близко к знанию, но отличается от него: знание характеризует определенное отношение к тексту, а понимание – к знанию о нем. Понимание близко к интерпретации, но отличается от нее тем, что понимание может быть невербальным» [1, с. 37], что актуально не только для осмысления текста, но и для осмысления жизни.

Слова *не помнить* (и однокоренные глаголы *вспоминать(ся)*, *припоминать*, *напоминать*), *забыть*, *памятны*, *память*, *воспоминания*, встретившиеся в анализируемых рассказах, обозначают мнемические процессы и их результат. Эти лексемы появляются в текстах 65 раз. Существительные употребляются в следующих сочетаниях: *приходить/прийти на память* («Володя», «О любви»), *в памяти было все ясно*; *воскресало в памяти все*, *воспоминания разгорались все сильнее* («Дама с собачкой»), *нахлынут воспоминания* («Душечка»), *грязные воспоминания* («Володя»).

По количеству употреблений слов семантической подгруппы обозначений процессов памяти выделяются рассказы «Верочка», «Дама с собачкой», «Володя большой и Володя маленький», «Володя».

Предикат *помнит* в 1-м абзаце рассказа «Верочка» указывает на форму рассказа (воспоминание), далее

в тексте неоднократно появляются лексемы, называющие мыслительный процесс припоминания. Неоднократное (11 раз) появление глаголов памяти (*помнить, вспоминать, припомнить, припоминать*) в рассказе «Верочка» связано с тем, что это произведение имеет форму воспоминания главного героя. К тому же в этом рассказе наблюдается как бы «воспоминание в воспоминании» (при прощании с Верочкой Огнев вслух припоминает события, происходившие в то время, когда он жил у Кузнецовых).

Предикаты мышления соединяются с обозначениями банкира («Пари»), поскольку описываемое в первой части произведения преподносится читателю как воспоминание банкира о пятнадцати годах, прошедших со дня заключения пари. Предикат *вспоминал* встречается в тексте 4 раза. Глаголы *думал* и *подумал* также появляются неоднократно: банкир размышляет о последствиях проигрыша, замышляет убийство.

В рассказе «Дама с собачкой» в конце первой главы значимы предикаты *вспомнил* (3 раза), *думал*, *подумал*. 41-й абзац тоже построен на лексике, обозначающей мыслительные процессы (*память* (3 раза), *воспоминание* (2 раза), *вспоминал*, *мечты*, *воображение*). Фактически такое же значение имеет здесь предикат зрительного восприятия: «*Закрывши глаза, он видел ее, как живую...*». И далее естественны при анализе собственного состояния, чувств предикаты мышления: *думал* (2 раза), *мечтал* (58-й абзац), *думал* (61-й абзац), *вспоминал* (62-й абзац), *думал* (71-й абзац). Группа слов со значением мыслительных процессов существенна в рассказе «Дама с собачкой», она довольно равномерно распространена по всему тексту.

Содержание воспоминаний героев может передаваться в рассказах посредством придаточных частей сложных предложений. Например: «*А помните, как я, вы и доктор ездили верхом в Шестово?*» («Верочка»); «*...вспоминал, как пятнадцать лет тому назад, осенью, он давал вечер*» («Пари»).

Другой формой обозначения объектов воспоминания являются предложно-падежные формы существительных: «*...напомнили ему об экзамене...*» («Володя»); «*Вспомнил он ее тонкую, слабую шею, красивые, серые глаза*» («Дама с собачкой»). Не так редко в рассказах объектом воспоминания становятся люди: «*...вспоминая впоследствии о хорошенькой Верочке*» («Верочка»); «*...припомнились ... две девочки-англичанки...*» («Володя»).

Довольно часто А.П. Чехов подчеркивает произвольность воспоминаний, независимость их от воли и желания человека. Это находит лексическое выражение в наречии «почему-то». Например: «*Почему-то совсем некстати пришла на память Ментона...*» («Володя»); «*...почему-то всякий раз ... я вспоминал, что ее муж считает меня своим другом...*» («Страх»).

Да и процесс мышления не всегда подчиняется воле и желанию человека: «*... почему-то он был не в силах не думать о ней...*» («Володя»); «*... почему-то в мою голову лезли мысли о том, что она любит*

своего мужа, что он мой друг и что она сама считает меня его другом» («Страх»).

Лексико-семантическую подгруппу предикатов размышления представляют в текстах рассказов следующие глаголы: *думать* (и однокоренные – *подумать, задуматься, вдуматься, надумать, придумать*), *мыслить, соображать – сообразить, рассуждать, взвесить – взвешивать* (предстоящие обязанности и ответственность).

Процесс размышления часто передается с помощью слов *мысль* и *мнение*. Например: *мысли текли* («Володя»); *отдалась своим мыслям, томила мысль, мысли приходили/пришли в голову, мысли путались, забродили в голове мысли, к веселым мыслям стали примешиваться и мрачные* («Володя большой и Володя маленький»). В группе размышления встречаются и существительные *рассуждения* и *раздумье*.

Прилагательные могут определять названные существительные: *самые разнообразные мысли, веселые и мрачные мысли* («Володя большой и Володя маленький»), *невеселые мысли, мысль об экзамене была противна, тяжелое, напряженное раздумье* («Володя»).

Содержание мыслей передают придаточные части сложных предложений. Например: «*Я думал о том, что случилось...*» («Страх»); «*И он думал о том, что вот в его жизни было еще одно похождение или приключение, и оно тоже уже кончилось и осталось теперь воспоминание...*» («Дама с собачкой»).

Употребляются в этой функции и предложно-падежные формы существительных: *думая о завтрашнем экзамене, думая об интрижке* («Володя»).

Объектом мысли персонажа может являться человек. Например: «*он был не в силах не думать о ней (Нюте)*» («Володя»); «*...она думала о муже, о детях, о своей матери*» («О любви»).

Непосредственно передается строй мысли героя в тех случаях, когда глагол *думать* вводит прямую речь. Так, в этой функции встречается глагол *думать* 9 раз в рассказе «Володя», 8 раз – в рассказе «Дама с собачкой». Например: «*Зачем она со мной пошла? Ведь ее придется провожать назад!*» – *подумал Огнев...*» («Верочка»); «*...что-то в ней есть жалкое все-таки, – подумал он...*» («Дама с собачкой»).

Иногда глагол *думать* появляется как средство определения душевного состояния задумчивости, без указания на объект раздумий. Например: «*...она задумалась в унылой позе...*»; «*...все сидел в постели и думал...*» («Дама с собачкой»).

По количеству употреблений слов лексико-семантической подгруппы размышления выделяются рассказы «Дама с собачкой», «Душечка», «Володя», «Володя большой и Володя маленький». Гурова заставило задуматься над многими вопросами жизни, задуматься о красоте природы, о чувствах людей, о смысле жизни настоящее, впервые испытанное чувство любви. Нельзя обойти молчанием особенности мыслительного процесса главной героини рассказа «Душечка», который сильно подвластен внешнему влиянию.

Многочисленна группа предикатов мышления в рассказе «О любви». Анна Алексеевна *рассуждала, думала, ее мучил вопрос*. Алехин *думал, старался понять, рассуждал, спрашивал себя, понимал, понял*. А.П. Чехов исследует осознание влюбленными создавшейся в их жизни ситуации и избираемый ими в соответствии с этим образ поведения. В тексте тематическую группу мышления представляют и существительные: *вопросы, решение, объяснение, разрешение, рассуждения, постановка вопросов*. Интересно отметить, что один и тот же предикат *рассуждал(а)* относится ко всем трем главным субъектам. Однако Алехин и Анна Алексеевна рассуждают о возможности любви, а Луганович «... *рассуждает с таким скучным здравомыслием...*», но «...*верит ... в свое право быть счастливым...*».

Вопрос о правомочности сомнений, колебаний, размышлений в любви остается нерешенным. С одной стороны, рассказ Алехина доказывает опасность для любви рассуждений («...я *понял, как ненужно, мелко и как обманчиво было все то, что нам мешало любить...*»). С другой стороны, размышления оказываются очень существенными, ведь и, «прозрев», герой не пытается изменить свою жизнь («*Я поцеловал в последний раз, пожал руку, и мы расстались – навсегда*»). Вывода автор не делает.

Семантическая подгруппа знания и понимания представлена в текстах рассказов следующими лексемами: *знать, сознавать, понять – понимать, убедиться, доказать, разобраться, дать отчет, ясно, понятно*.

Глагол *понимать* может характеризовать отношения людей. Например: «...я *видел по ее лицу, что она понимает меня и рада, что я тоже понимаю ее*» («Страх»); «...*понимали друг друга с полуслова...*» («О любви»).

Часто слова со значением знания и понимания употребляются с отрицательной частицей *не*. Непонятными остаются для героев их собственные чувства: «...*до сих пор еще не могу разобраться в своих тогдашних чувствах...*» («Страх»); «...*не понимал, в чем именно заключается вина его*» («Верочка»).

В рассказе «Верочка» существенны лексеммы со значением мыслительных процессов, характеризующие, с одной стороны, душевное состояние растерянности (*не зная, что говорить и делать* (35-й абзац), *решиительно не знал, что говорить* (45-й абзац), *не знал, что говорить* (48-й абзац), с другой – связанные с анализом Огневым собственного внутреннего состояния: *но ведь я ее ... люблю или нет? Вот задача-то!* (41-й абзац), *не понимал, в чем именно заключается вина его* (44-й абзац), *ему хотелось найти причину своей странной холодности. Что она лежала не вне, а в нем самом, для него было ясно. Искренно сознался он перед собой, что это не рассудочная холодность ... а просто бессилие души* (59-й абзац). Герой размышляет (в тексте предикаты *думал, подумал, задумался*) о своей, для него самого в общем-то неожиданной реакции на признание в любви девушки, которая ему нравилась.

Таким образом, в тексте рассказа «Верочка» наблюдается тесная связь двух лексико-тематических групп – обозначений эмоционального состояния и слов со значением знания и понимания.

Неопределенность чувств подчеркивается и вводными словами со значением предположения. Например: «*Была ли это у меня зависть к ее красоте, или я жалел, что эта девочка не моя и никогда не будет моею и что я для нее чуждой, или смутно чувствовал я, что ее редкая красота случайна и ... не долговечна, или, **быть может**, моя грусть была тем особенным чувством, которое возбуждается в человеке созерцанием настоящей красоты, бог знает!*» («Красавицы»); «*Должно быть, я любил и его самого, хотя я не могу сказать это наверное*» («Страх»); «...и, **по-видимому**, любил его...» («Володя большой и Володя маленький»).

Не так редко в произведениях А.П. Чехова необъяснимость, непонятность чувств передается лексически при помощи неопределенных слов *отчего-то, почему-то*: «...*сильно волнуюсь отчего-то...*»; «... **почему-то** ... стало грустно-грустно...» («Володя большой и Володя маленький»), «*теперь почему-то я был рад этому*» («Страх»); «...**почему-то** он был не в силах не думать о ней, не глядеть на нее...»; «... **почему-то** совсем некстати пришла ему на память Ментона...» («Володя»).

Неуверенность Володи из одноименного рассказа в своих чувствах, мыслях, ощущениях лексически выражается и в глаголе *казалось*. Например: «*Ему **казалось**, т-те Шумихина и ее племянницы глядят на него и его татап, как на бедных родственников и приживалов, что они не уважают татап и смеются над ней*»; «*Ему **казалось**, что он был влюблен в... Анну Федоровну*»; «*Володе **показалось**, что комната, Нюта, рассвет и сам он – все слилось в одно ощущение острого, необыкновенного, небывалого счастья...*».

В тексте рассказа «Володя» широко используются предикаты мышления (*(по)думать* (19 раз), *мечтать, вспоминать* (2 раза), *напомнить*) и существительные со значением обозначения мыслительных процессов *мысли, воображение* (3 раза), *мечтания, раздумье, воспоминания, память* (2 раза). Они довольно равномерно распределены по всему тексту, являясь средством включения прямой речи, мыслей героя. Обилие этих лексем в тексте говорит о погруженности главного персонажа в свой внутренний мир, в свои чувства, ощущения.

Многое в поведении героя объясняется именно его первой любовью, чувством, охватившим болезненно застенчивого юношу. Автор исследует осознание Володи своих чувств, того, что с ним происходит. Естественно, что среди предикатов, которые соединяются с номинациями главного героя, есть глаголы мышления: *думал, вспоминал, мечтал, знал, решил*.

Большое место в произведении «Володя большой и Володя маленький» занимают размышления главной героини о людях, которые ее окружают, о своей жизни.

Соответственно, с обозначениями героини соединяются предикаты мыслительной деятельности: *думала, вспоминала, отдалась мыслям*. Нередко, кроме того, в роли подлежащего выступает существительное *мысли*: *самые разнообразные мысли приходили в голову, мысли путались, забродили мысли*. Героиня полностью погружена в мир своих мыслей, в мир своей души.

Слова со значением мыслительных процессов, обозначающие цепочку (*не*) *понимать – понять* (13 раз), *непостижимо, непонятно* (3 раза), *понятна, (не) знать* (8 раз), *не способен различать, сознаю, мысль, не думать*), наряду со словами, обозначающими состояние страха, и цепочкой обозначений Силина через местоимение 1-го лица я, – семантический стержень фрагмента текста рассказа «Страх». *Недоумение* – эта лексема характеризует состояние героя-рассказчика в конце произведения.

А.О. Дерман указывает, что в статье «Чеховские финалы» А.Г. Горнфельда [4] было обращено внимание на одну характерную черту в конце многих рассказов Чехова: автор расстается со своим героем в тот момент, когда герой задумывается, погружается в размышление после того, что им пережито в результате описанных событий [5, с. 86]. Лингвистическое выражение это находит в предикатах мышления и обилии вопросительных предложений в прямой речи.

Герои не могут объяснить свои действия, поступки, порой неожиданные для них самих, не зависящие от их воли. Эту ситуацию характеризуют слова из рассказа «Верочка»: *«Первый раз в жизни ему приходилось убедиться на опыте, как мало зависит человек от своей доброй воли»*. Это положение можно проиллюстрировать и следующими примерами: *«...уехал в С. Зачем? Он и сам не знал хорошо»*; *«Я сама не знаю, что делаю»* («Дама с собачкой»); *«Сегодня я делаю что-нибудь, а завтра уже не понимаю, зачем я это сделал»* («Страх»). Понятно, что эти фразы передают душевное состояние героев – состояние неудовлетворенности собой, желания что-то изменить в своей жизни.

Эмоциональное состояние растерянности, смятения лексически может передаваться с помощью глагола *не знать*: *«...долго сидел на диване, не зная, что делать»* («Дама с собачкой»); *«...не знал, что ему говорить»* («Верочка»); *«...не зная, что сказать...»* («Страх»).

Естественно, что о чувствах других людей персонажи могут лишь предполагать, догадываться. Например: *«Я не знаю наверное, любит она меня или нет...»* («Страх»). Лексически это может выражаться и различными вводными словами, обозначающими разную степень уверенности: *«Небось, и стыдно, и больно...»* («Верочка»); *«...а она, мне кажется, по-прежнему равнодушна и, должно быть, бывает рада, когда я уезжаю из дому»* («Страх»).

Реже о состоянии других людей говорится с большей долей определенности: *«...мне ясно было, что никакого хозяйства ему не нужно, а нужно, чтобы день прошел – и слава богу»* («Страх»); *«...все было так понятно в ее жизни»* («Душечка»).

За пределами понимания остаются у героев Чехова многие явления жизни. Например: *«наша жизнь и загробный мир одинаково непонятны и страшны»* («Страх»); *«Как зарождается любовь, почему Пелагея не полюбила кого-нибудь другого..., а полюбила именно Никанора ... все это неизвестно...»* («О любви»). Как отмечает В.Я. Линков, героям Чехова свойственно непонимание в широком смысле этого слова, непонимание самих себя, близких, действительности, этим во многом определяется конфликт, настроение и пафос произведений Чехова [6; с. 95].

В рассказе «О любви» группа слов со значением мыслительных процессов появляется в 3-м и 4-м абзацах текста в связи с необъяснимостью любви Пелагеи к Никанору и является значимой в масштабах всего текста. Эта лексико-тематическая группа в конечном итоге направлена на воссоздание душевного состояния человека: *«...когда любим, то не перестаем задавать себе вопросы ...Хорошо это или нет, я не знаю, но что это мешает, не удовлетворяет, раздражает – это я знаю»*. Совместимы ли размышления и любовь – на этот вопрос отвечает своим рассказом Аলেখин.

Две рассказанные Аলেখиним истории любви перекликаются, оставляя за пределами понимания рассказчика тайну зарождения любви: *«Почему Пелагея не полюбила кого-нибудь другого..., а полюбила именно Никанора ... все это неизвестно»* – *«...почему она (Анна Алексеевна) встретила именно ему (Лугановичу), а не мне...»*. Желание разобраться в чувствах людей лексически выражается в сочетании с предикатом понимания модального глагола желания: *старался понять*. В 25-м и 26-м абзацах текста лексико-тематическая группа обозначений мыслительных процессов становится особенно многочисленной. Здесь встречаются следующие слова: *рассуждать (2 раза), спрашивать себя, думать, мучил вопрос*. Кроме того, здесь много вопросительных предложений, прямо воспроизводящих мысли героев в форме несобственно-прямой речи.

Далее эмоциональное состояние героя-рассказчика находит выражение в следующих его словах: *«...не понимали, что делалось в моей душе, и думали, что я тоже радуюсь...»*.

Непонимание, необъяснимость каких-то явлений действительности рождает страх (*«страшно то, что непонятно»*) («Страх») и растерянность, неуверенность в себе (*«все у меня в голове перепуталось»*, *«у меня темно в глазах»*) («Страх»). Таким образом, в текстах рассказов наблюдается тесная связь двух лексико-семантических групп – обозначений эмоционального состояния и слов со значением знания и понимания.

Для героев характерно желание разобраться в своих чувствах, в чувствах других людей, что находит лексическое выражение в сочетании глаголов понимания и модальных глаголов желания. Например: *«...ему хотелось найти причину своей странной холодности»* («Верочка»); *«...старался понять тайну молодой, красивой, умной женщины, которая выходит*

за неинтересного человека ... понять тайну этого неинтересного человека ... и я все *старался понять*, почему она встретила именно ему» («О любви»).

Бросается в глаза, что в рассказах А.П. Чехова обычен образ рассуждающего, думающего героя. Герои мучительно пытаются решить вопрос своей жизни, своей любви, само выражение решить вопрос настойчиво повторяется, переходя из произведения в произведение [7, с. 50]. В рассказе «Володя большой и Володя маленький», например, оно появляется 3 раза: «...хочется решить вопрос своей жизни...» Софье Львовне; Оля «уже решила для себя вопрос жизни», уйдя в монастырь; «*Неужели погребать себя заживо значит решать вопрос жизни?*» – спрашивает главная героиня любимого человека.

Строй и содержание мыслей персонажа передается и посредством вопросительных предложений в несобственно-прямой речи. Например: «*Зачем я это сделал? Почему это вышло именно так, а не иначе? Кому и для чего это нужно было, чтоб она любила меня серьезно и чтоб он явился в комнату за фуражкой? Причем тут фуражка?*» («Страх»); «*Честно ли это? Она пошла бы за мной, но куда? Куда бы я мог увести ее? И как бы я могу увести ее? И как бы долго продолжалось наше счастье? Что было бы с ней в случае моей болезни, смерти или просто, если бы мы разлюбили друг друга*» («О любви»).

Значительно реже в рассказах выражается уверенность в знании: «*Знаю, что люблю безнадежно*» («Страх»). Иногда эта уверенность мнимая, ведущая к прямо противоположным суждениям: «...убедилась наконец, что любит его (мужа) страстно...» – «... она также убедилась, что от прежнего чувства (к Володе маленькому) в ее душе не осталось даже искры», а чуть дальше: «... для нее уже ясно было, что мужа своего она не любит и любить не может, что все вздор и глупость...» («Володя большой и Володя маленький»). Обращает на себя внимание предикат *убедилась*, вызывающий из-за своей повторяемости у читателя недоверие к переоценке героиней отношения к мужчинам. Лексико-тематическая группа со значением мыслительных процессов многочисленна и значима в пределах всего текста. Эти лексемы характеризуют погруженность главной героини в мир своих мыслей и чувств.

С глаголами знания и понимания связано переосмысление ценностей жизни, что характерно для героев рассказов «Пари», «О любви», «Дама с собачкой».

Юрист подводит итог своим размышлениям в добровольном заточении: «*Я знаю, что я умнее всех вас ... Я не хочу понимать вас*».

Алехин делает такой вывод: «*Я понял, как ненужно, мелко и как обманчиво было все то, что нам мешало любить. Я понял, что когда любишь, то в своих рассуждениях об этой любви нужно исходить от высшего, от более важного, чем счастье или несчастье, грех или добродетель в их ходячем смысле, или не нужно рассуждать вовсе*». С глаголами знания

и понимания связано переосмысление ценностей жизни в сознании героя-рассказчика, изменение представления о ценности любви. Однако размышления не приводят к активным действиям, они отклоняют такие действия: «*Я поцеловал в последний раз, пожал руку, и мы расстались – навсегда*».

Герои «Дамы с собачкой» осознали свое чувство: «...он понял ясно, что для него теперь на всем свете нет ближе и важнее человека...»; «*И обоим было ясно, что до конца еще далеко-далеко и что самое сложное и трудное только еще начинается*».

По количеству употреблений слов со значением знания и понимания значительно выделяется рассказ «Страх». Нужно отметить также, что больше половины употребленных лексем имеют отрицательную частицу *не*. *Не понимаю, не знаю, непонятно* – часто подобные предикаты появляются в речи Дмитрия Петровича Силина, который самораскрывается в своей исповеди, отражающей его пессимистическое мировосприятие. Он страдает от отчаяния в своих попытках что-либо понять на этом свете. Главный герой рассказа чувствует себя утерявшим иллюзию понимания жизни: «*Нормальному, здоровому человеку кажется, что он понимает все, что видит и слышит, а я вот потерял это “кажется”...*». Силину непонятно все: личные отношения с женой («*Безнадежная любовь к женщине, от которой имеешь уже двух детей!*»), собственные поступки, действия, обездоленное положение крестьян, ложь в человеческих отношениях, измена жены, предательство друга, природа, загробный мир. Все абсурдно. Выработанный Чеховым подход к оценке жизненного явления с позиции человека, «ничего не понимающего в жизни», Э. Симмонс расценивает как новую ступень в развитии русского реализма. Чеховский реализм, по мнению Э. Симмонса, «подчеркивал не события, происходившие в жизни, а внутреннюю реакцию героев на них» [8].

«*Страшно то, что непонятно*». Душевное состояние Силина определяет страх, что выражается в следующих предикатах: *боюсь, страшно, испугался*. Мотив страха перед жизнью усиливается и разрастается. Страх достигает кульминации, когда герой открывает измену жены и предательство своего друга. Теория Силина получила реальное подтверждение событиями, происшедшими на глазах читателя.

Общую неуверенность и страх перед жизнью подчеркивают и частые в исповеди Силина вводные слова и предложения, выражающие сомнение, неуверенность: *кажется, быть может, вероятно*. Герой осознает свою беспомощность и незначительность, что предопределяет трагизм его существования.

Подгруппа, обозначающая результат мыслительной деятельности, представлена в рассматриваемых рассказах лексемами *решить* и *решение*. Они появляются 6 раз. Размышления героев часто не приводят к активным действиям. «Бросается в глаза, что вопрос, занимающий, волнующий чеховского героя, либо вообще остается нерешенным («Дама с собачкой»), либо

его решение оказывается мнимым, неудовлетворительным» [7, с. 50]. Своим рассказом Алехин («О любви») пытается доказать, что нужны были активные действия в то время, когда он сомневался, размышлял. Но столь же определенно читатель понимает правомерность размышлений, которые отклонили действие [7, с. 50].

Еще одну подгруппу предикатов интеллектуальной деятельности представляют глаголы воображения: *мечтать, грезить*. Сюда же примыкают существительные *мечтание, мечты, воображение*. Всего в рассматриваемых рассказах они встречаются 9 раз. Володя из одноименного рассказа *мечтал о чистой и поэтической любви*, Душечка «...*грезит о том будущем, далеком и туманном, когда Саша, кончив курс, станет доктором или инженером, будет иметь собственный большой дом, лошадей, коляску, женится и у него родятся дети...*».

Подгруппа глаголов познания представлена в текстах рассказов А.П. Чехова следующим образом: *заниматься, изучать*. Так, лексика интеллектуальной деятельности многочисленна и разнообразна в рассказе «Пари». Герой изменяется в результате интеллектуальных занятий (в тексте предикаты *читал, усердно занялся изучением, жадно принялся за эти науки, внимательно изучал*): «*Ваши книги дали мне мудрость*». На протяжении рассказа герой становится другим человеком, но этапов прозрения читатель не видит, показан лишь результат душевной работы, размышлений о смысле и ценности жизни.

Заключение. В лексической системе рассматриваемых рассказов субъекты и предикаты лексико-семантической группы обозначений мыслительных процессов довольно многочисленны и разнообразны, они встречаются во всех текстах. Это и понятно, ведь воссоздание внутреннего мира человека, его мыслей, мечтаний существенно в произведениях А.П. Чехова.

Количественное распределение лексем со значением мыслительной деятельности (с учетом слов разных частей речи) представлено в таблице.

Наибольшее количество таких слов встречается в рассказах «Дама с собачкой», «Страх», «Володя большой и Володя маленький». Подгруппы слов со значением памяти, размышления, знания и понимания по-разному количественно представлены в каждом конкретном рассказе, что обусловлено в конечном итоге содержанием произведения.

Подгруппа лексем памяти преобладает в рассказах «Верочка» и «Пари», в которых события излагаются в форме воспоминания главных персонажей.

Лексическая подгруппа размышления существенна и многочисленна в рассказах «Дама с собачкой», «Душечка», «Володя», «Володя большой и Володя маленький», «О любви». Множественность лексем со значением мыслительных процессов в рассказах «Володя», «Володя большой и Володя маленький» говорит о погруженности их главных персонажей в свой внутренний мир, о постоянном их самоанализе. Большое место в рассказах «О любви», «Дама с собачкой» отдано размышлениям персонажей о нелепости жизни, осознанию ими чувства недовольства собой и своим существованием. В последнем рассказе эмоциональное отношение Гурова к героине выражается и посредством предикатов мыслительной деятельности.

Подгруппа слов со значением знания и понимания наиболее многочисленна в рассказах «Страх», «Красавицы», «Человек в футляре».

Значение процессов интеллектуальной деятельности выражается в текстах рассматриваемых рассказов в большинстве случаев глаголами, среди которых наиболее частотны *помнить, думать, понимать*. Лексико-семантическая группа слов со значением мыслительной деятельности представлена и существительными, прилагательными, словами категории

Таблица

Лексемы со значением мыслительной деятельности

	Подгруппа со значением памяти	Подгруппа со значением размышления	Подгруппа со значением понимания	всего
«Верочка»	16	7	7	30
«Володя»	8	20	1	29
«Красавицы»	3	0	11	14
«Пари»	4	2	1	7
«Страх»	3	9	41	53
«Володя большой и Володя маленький»	11	18	10	39
«Человек в футляре»	1	5	6	12
«О любви»	2	12	10	24
«Душечка»	2	21	10	33
«Дама с собачкой»	15	27	21	63
Всего	65	121	118	304

состояния. Большинство слов повторяется в отдельном рассказе и от рассказа к рассказу, количество неповторяющихся обозначений интеллектуальной деятельности не так велико.

Предикаты и субъекты, обозначающие мыслительные процессы, разнородны по семантике. Выделяются их подгруппы со значением памяти, размышления, понимания, решения, воображения, познания.

Содержание предикатов может раскрываться различными способами: придаточными частями сложно-подчиненных предложений, предложно-падежными формами существительных, прямой речью и несобственно-прямой речью.

Лексико-семантическая группа обозначений мыслительных процессов тесно связана с лексической группой обозначений эмоционального состояния. Особенно отчетливо проявляется эта взаимосвязь в рассказах «Верочка», «Страх», «О любви». Обозначения мыслительных процессов участвуют опосредованно в передаче душевного состояния человека или лишь указывают на него, они могут воссоздавать атмосферу неуверенности, растерянности персонажей.

Литература

1. Маслова, В.А. Когнитивный и коммуникативный аспекты художественного текста: монография / В.А. Маслова; М-во образования Респ. Беларусь, Учреждение образо-

вания «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2014. – 104 с. – Режим доступа: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/5277>. – Дата доступа: 26.01.2024.

2. Абакумова, А.В. Рассказы Чехова второй половины 80-х гг. XIX в. (Художественная система чеховских рассказов): автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.В. Абакумова. – М., 1974. – 23 с.
3. Кунтыш, М.Ф. Лексико-тематическая группа обозначений эмоционального состояния и его внешнего проявления в лексической структуре рассказов А.П. Чехова / М.Ф. Кунтыш // Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова»: сб. науч. тр. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2021. – Т. 34. – С. 160–170. – Режим доступа: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/31466>. – Дата доступа: 26.01.2024.
4. Горнфельд, А.Г. Чеховские финалы / А.Г. Горнфельд // Красная новья. – 1939. – № 8–9. – С. 286–300.
5. Дерман, А.О. О мастерстве Чехова / А.О. Дерман. – М.: Совет. писатель, 1959. – 208 с.
6. Линков, В.Я. Чехов – писатель эпохи всеобщего обособления / В.Я. Линков // Русская литература 1870–1890 годов. – Вып. 10. – Свердловск, 1977. – С. 93–100.
7. Гурвич, И.А. Проза Чехова (Человек и действительность) / И.А. Гурвич. – М.: Худ. лит., 1970. – 183 с.
8. Simmons, E. Introduction to Russian Realism: Pushkin, Dostoevsky, Gogol, Tolstoy, Chekhov, Sholokhov / E. Simmons. – Bloomington, 1965. – P. 185.

Поступила в редакцию 14.02.2024

Архитектурные ориентиры в урбанонимном пространстве Беларуси и Франции

Дорофеенко М.Л.

Белорусский государственный университет, Минск

В статье обосновывается актуальность сопоставительного изучения урбанонимов Беларуси и Франции, образованных от типов или названий архитектурных объектов. Определены как общие тематические группы названий, свойственные двум системам, так и частные, зарегистрированные во внутригородской системе Франции. Выделены наиболее многочисленные тематические группы в урбанонимии Беларуси и Франции. Подчеркивается, что различные типы зданий, построек, предприятий и сооружений, существующие или существовавшие ранее, не только по размеру, но и по использованию, можно рассматривать как архитектурные маркеры города.

Материал и методы. Материалом нашего исследования послужили урбанонимы, образованные от названий различных зданий и учреждений отдельных городов Витебской области Беларуси и Большого восточного региона Франции общим количеством 524 единицы. Применялись как общенаучные методы исследования (наблюдения, сравнения, анализа, синтеза, классификации), частнонаучные, используемые в ходе ономастических исследований (метод целенаправленной выборки, описательный, сопоставительный, таксономический, элементы количественного анализа).

Результаты и их обсуждение. Представлены результаты сравнительно-сопоставительного анализа урбанонимов Беларуси и Франции, образованных от типов или названий архитектурных объектов. Выявлены общие и национально-культурные характеристики анализируемой разновидности внутригородских названий.

Заключение. В двух ономастических системах зафиксированы общие тематические группы названий – урбанонимы, связанные с учреждениями промышленными, религиозными, транспортными, культурно-историческими, служб города, торговыми. Проиллюстрировано типологическое и национально-культурное своеобразие сопоставляемых разновидностей урбанонимов.

Ключевые слова: архитектурное здание, внутригородское название, тематическая группа, урбаноним, Беларусь, Франция.
(Ученые записки. – 2024. – Том 39. – С. 116–120)

Architectural Landscape in the Urbanonym Space of Belarus and France

Dorofeyenko M.L.

Belarusian State University, Minsk

The article substantiates the relevance of a comparative study of urbanonyms in Belarus and France, formed from types or names of architectural objects. Both general thematic groups of names characteristic of the two systems, as well as private ones registered in the intraurban system of France, are identified. Most multiple thematic groups in the urbanonymy of Belarus and France are identified. It is emphasized that various types of buildings, enterprises and structures that exist or previously existed, both in size and in use, can be considered as architectural markers of the city.

Material and methods. The material for our research was urbanonyms formed from the names of various buildings and institutions of individual cities in Vitebsk Region of Belarus and the Greater Eastern Region of France with a total of 524 units. As general scientific research methods (observation, comparison, analysis, synthesis, classification), as well as special scientific ones used in onomastic research (purposeful sampling method, descriptive, comparative taxonomic, elements of quantitative analysis) were applied.

Findings and their discussion. The results of a comparative analysis of urbanonyms in Belarus and France, formed from types or names of architectural objects, are presented. The general and national-cultural characteristics of the analyzed variety of intracity names have been identified.

Conclusion. In the two onomastic systems, common thematic groups of names are recorded – urbanonyms associated with industrial, religious, transport, cultural and historical institutions, city services, and trade. The typological and national-cultural originality of the compared varieties of urbanonyms is illustrated.

Key words: architectural building, intracity name, thematic group, urbanonym, Belarus, France.
(Scientific notes. – 2024. – Vol. 39. – P. 116–120)

Имена собственные могут изучаться как комплексно (системы географических названий, функционирующих на определенной территории и/или в определенный период времени), так и частно (отдельные лексико-семантические группы, формирующие систему онимов). Цель настоящей статьи – установление номинативных особенностей одной из тематических групп внутригородских названий Беларуси и Франции – урбанонимов, образованных от обозначений архитектурных объектов и их типов (так называемых архитектурных урбанонимов). Данное сравнительно-сопоставительное исследование актуально, так как позволяет установить национальные номинативные особенности ономастических систем разных стран.

Заметим, что до сих пор избранная для изучения категория онимов анализировалась в основном в совокупности с остальными внутригородскими названиями конкретного города, а целенаправленное изучение этой группы единиц в рамках одного или нескольких городов не осуществлялось, что и свидетельствует о новизне предпринятого нами исследования.

Урбанонимы, связанные с архитектурными зданиями, анализируются в исследованиях белорусских и российских ономастов в рамках всей системы урбанонимов. Так, согласно классификации А.М. Мезенко, названия, мотивированные наименованиями архитектурных объектов, реализуют признак, характеризующий место расположения улицы, площади, микрорайона и т.п. относительно других значимых внутригородских объектов, и соответствуют принципу номинации внутригородского объекта по отношению к другим объектам [1, с. 23]. В научно-популярном издании М.В. Горбаневского представлены очерки о происхождении, значении, спорных вопросах названий известных московских улиц, площадей, переулков, местностей, образованных, в частности, и от названий архитектурных объектов [2]. Р.В. Разумов выделяет урбанонимы, отражающие расположение объектов материального производства; социальной сферы (лечебных, спортивных и зрелищных заведений); транспортных предприятий и учреждений связи, торговых объектов; учреждений сервиса и туризма; городских служб и объектов в составе типа отопляемых урбанонимов, отражающих особенности объекта в связи с человеческой деятельностью [3, с. 14]. Н.Ю. Забелин среди принципов номинации московской топонимии выделяет агонимический – по названиям монастырей, церквей и кладбищ, например: ул. *Никольская* – по Николо-Греческому (Николаевскому греческому) монастырю [4, с. 17].

Французской ономастике свойственна похожая тенденция: Ж. Мелле, изучая названия улиц Дижона, выделяет урбанонимы, связанные с какой-то местной характеристикой, сегодня чаще всего исчезнувшей – например, урбанонимы, восходящие к названию какой-то старинной вывески [5, р. 136]; Ж. Кантен, анализируя разновидности наименований улиц Реймса, уделяет внимание и номинациям, образован-

ным от названий религиозных зданий [Кантен, р. 180], вывесок [6, р. 182]; в Руане, по свидетельству Ф. де Борепера, функционируют урбанонимы, апеллирующие к названиям гражданских и религиозных зданий [7, р. 59], вывесок [7, р. 61]; П.-А. Билли предлагает семантико-референтную классификацию, в которой анализируемая группа названий входит в сектор «Архитектурные ориентиры» [8, р. 18] пространства «Функциональные характеристики» [8, с. 17]; С. Жандрон, исследующий годонимию Ла-Шатра, выделяет и урбанонимы, мотивированные названиями зданий, конструкций [9, р. 77], постоянных дворов (гостиниц) [9, р. 79]; в нашей статье определены номинативные особенности французских урбанонимов и виконимов, мотивированных названиями типов архитектурных сооружений. Установлены основные здания-ориентиры, свойственные системам внутригородских и внутрисельских наименований [10].

Сопоставительное исследование белорусских урбанонимов, связанных с архитектурными зданиями, пока не осуществлялось. Тем не менее данная разновидность внутригородских названий частично охарактеризована в исследовании Е.А. Сизовой, выделившей 12 групп основ, общих для Лондона, Москвы и Парижа, среди которых названы церковные наименования [11, с. 11].

Материал и методы. Материалом для изучения послужили урбанонимы, связанные с названиями архитектурных сооружений, отдельных городов Витебской области Республики Беларусь и Большого Восточного региона Франции общим количеством 523 единицы. Данное исследование выполнено в русле компаративистики и синхронного подхода. Специфика материала и избранных подходов обусловили выбор методов работы. Использовались как общенаучные (наблюдения, сравнения, анализа, синтеза, классификации), так и частнонаучные методы, применяемые для анализа ономастического материала: метод целенаправленной выборки – для отбора урбанонимов определенной группы, описательный – для ее характеристики, сопоставительный – для соотнесения избранных явлений в нескольких языках, таксономический – для распределения внутригородских названий по тематическим группам, элементов количественного анализа – для выявления числовых соотношений между ними.

Результаты и их обсуждение. Объектом исследования выступили 523 урбанонима, мотивированные названиями архитектурных сооружений в количественном соотношении 345 французских внутригородских номинаций vs 178 белорусских, или 8,7% vs 5,1% соответственно. Заметим, что данная разновидность урбанонимов соответствует принципу номинации линейного объекта по отношению к другим объектам, являющемуся ведущим в системе внутригородских названий Беларуси. А вот в виконимии количество названий, ему отвечающих, в два раза меньше – от 21,4% до 30,4% [12]. С. Жандрон подсчитал, что в урбанонимии Ла-Шатра подгруппа названий,

относящихся к древней топографии в целом, составляет 24,5% [9, р. 94].

Архитектурные ориентиры в урбанонимном пространстве – тематический сектор лингвокультурологического поля «Место» урбанонимного пространства Беларуси и Франции наряду с еще шестью секторами: «топонимные ориентиры», «урбанонимные ориентиры», «природные ориентиры», «физико-географические особенности», «параметрические особенности», «пространственные особенности». Перечисленные подгруппы названий объединены концепцией описания определенного локуса на основе лексико-семантической общности и выделения текстов культуры, транслируемых эксплицитно или имплицитно. В урбанонимах, обусловленных местом, текст культуры связан с «географической» семой, то есть указанием на страну, содержащимся в наименовании. Текст культуры может реализовываться явно в отонимных названиях и неявно – в отапельлятивных. Внутригородские наименования, мотивированные названиями каких-либо зданий, скрыто транслируют белорусский текст культуры в Беларуси и французский – во Франции, так как мотивирующая основа не включает географически маркированную сему.

Анализ урбанонимов Беларуси и Франции, содержащих указание на архитектурные ориентиры, позволил установить основные как общие, так и частные тематические группы названий.

Так, к общим группам мы отнесем внутригородские названия, образованные от десяти разновидностей сооружений. Из них наиболее многочисленны шесть групп урбанонимов, восходящих к наименованиям:

1) промышленных или сельскохозяйственных предприятий (22,5% от всех названий; урбанонимия Беларуси (далее – УБ) – 34,3% от количества белорусских урбанонимов (первое место по численности); урбанонимия Франции (далее – УФ) – 16,5% от числа французских названий (второе место)): *Заводская ул.¹, Ковровая ул., Промышленная ул.; rue de la Ferme des Anglais* (по названию большой фермы, построенной на окраине Реймса на улице Серне²), *rue de la Papeterie, rue de l'Usine; rue de la Grange, rue des Greniers, rue des Moulins; Мельничный пер, Огородная ул., Тепличный пер. Фермерский пер.* Данная группа урбанонимов в большинстве случаев представлена названиями, связанными с какими-либо типами промышленных учреждений, реже – сельскохозяйственных или названиями предприятий;

2) религиозных сооружений (17,1%; УБ – 2,8% (входит в десятку наиболее многочисленных), УФ – 24,9% (первое место)): *Михайловская ул.*

(по названию объекта (Михайловской церкви), расположенного на улице³), *Покровская ул., Успенская ул.; rue de la Chapelle, rue Sainte-Geneviève* (улица располагалась недалеко от церкви Святой Женевиэвы VII в., разрушенной в 1760 г., а затем рядом с современной церковью Святой Женевиэвы, построенной в 1877 г. [Тюре]). Эта подгруппа представлена как урбанонимами, связанными с разновидностями религиозных сооружений, так и самими экклезионимами;

3) объектов культурно-исторической направленности (10,4%; УБ – 5,1% (шестое место), УФ – 13,3% (третье место)): *Замковая ул.* в Витебске (от названия другого объекта (замка), существовавшего раньше на этой улице [Витебщина...]), *Стрелецкая ул.* в Полоцке (по названию здания (*Стрелецкая башня*), некогда располагавшейся на территории, через которую проходила улица [Витебщина...]); *place du Château, rue de la Tour Verte.* Эта группа названий объединяет урбанонимы, связанные с культурно-историческим наследием (памятниками, учреждениями культуры);

4) транспортных объектов и элементов их инфраструктуры (9,7%; УБ – 19,7% (второе место), УФ – 4,6% (входит в десятку самых многочисленных)): *Авиационная ул., Вокзальная ул., Железнодорожная ул., Чугуночный пер.; rue du Chemin de Fer, cour de la Gare, rue du Rail.* В обеих национальных топонимных подсистемах популярны наименования, сформированные на базе объектов железнодорожной сети и ее планировочных элементов;

5) служб города (5,9%; УБ – 9,6% (четвертое место), УФ – 4,1% (входит в десятку)): *Коммунальная ул., Почтовая ул.; impasse de la Chaufferie, chemin du Télégraphe.* Данная группа объединяет наименования, образованные от учреждений, связанных с обслуживанием или защитой населенного пункта (учреждений связи, экстренных служб);

6) торговых (5,9%; УБ – 2,8% (входит в десятку), УФ – 7,2% (четвертое место)): *Базарный пер., Крамный пер.; rue du Commerce, place du Marché Aux Poissons.*

Оставшиеся четыре общие подгруппы объединяют названия, связанные с различными социальными объектами: **образовательными** (*Ремесленная ул.* (от названия другого внутригородского заведения (ремесленного училища), ранее располагавшегося на улице [Витебщина...]), *Школьная ул.; rue des Écoles, rue de l'Université*), **медицинскими** (*Амбулаторный пер., Госпитальная ул.; place de l'Hôpital Civil, rue de l'Hôpital Militaire*), **спортивными** (*Стадионная ул., Физкультурная ул.; rue des Sports, rue du Champ du Feu*), **различными зданиями**, расположенными в населенном пункте (*Гаражная ул., Дачная ул.; place des Argonautes* (Tour des Argonautes 'башня Арго-

¹ Здесь и далее – примеры, приведенные для белорусской урбанонимии, зарегистрированы в городах Витебской области Республики Беларусь, для французской – в городах Большого восточного региона Франции.

² Источник: Thuret, J.-Cl., 2010, Reims: rues et lieux [Ressource électronique]. – Mode d'accès: <http://reims-rues-et-lieux.blogspot.com/>. – Date d'accès: 20.12.2019. Далее – Тюре.

³ Источник: Мезенка, Г.М. Віцебшчына ў назвах вуліц: манатрафія: у 2 ч. / М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, УА "Віцеб. дзярж. ун-т імя П.М. Машэрава", Каф. агульнага і рус. мовазнаўства; Беларус. рэсп. фонд фундам. даследаванняў. – Віцебск: УА "ВДУ імя П.М. Машэрава", 2008. – Ч. 1. – 363 с. – Ч. 2. – 254 с. Далее – Витебщина ...

навтов' – это многоэтажное здание, расположенное в центре района Шатийон на площади Аргонавтов в Реймсе [Тюрэ]), *rue de la Maison Blanche* (названа в честь дома белого цвета [Тюрэ]).

В системе внутригородских названий Франции зарегистрированы и частные тематические группы, не обнаруженные в проанализированных урбанонимах Беларуси. Так, мы выделили семь групп, из которых две включают наибольшее количество номинативных единиц (около 5,0%) содержат урбанонимы, образованные от названий:

1) вывесок различных зданий (5,2%; *rue de l'Arc-En-Ciel* в Страсбурге, получившая название по вывеске *Zum Regenbogen* ('Радуга'), которая располагалась на площади Сент-Этьен, дом 102⁴, *impasse du Cerf Volant* в Реймсе (по названию вывески [Тюрэ]). По мнению Ж. Кантена, вывески конкурируют с названиями, отражающими внешний вид улицы, потому что они однозначны и определяют местоположение лучше [6, р. 182]. Ф. де Борепер полагает, что использование названий вывесок для обозначения улиц известно всем, кто занимается исследованием древних городов Франции. Ссылаясь на Ж.-П. Леге, автор уточняет, что установка вывесок для идентификации домов городов неизвестна ранее XIII в., что тем не менее не исключает их более раннее использование [7, р. 61]. В любом случае обозначение улиц по названиям вывесок не засвидетельствовано в Руане до XV в.; следовательно, этот способ обозначения более поздний [7, р. 61]. Ф. де Борепер добавляет, что записи Ш. де Борепера, содержащие многочисленные названия вывесок домов Руана, не включают тех, которые были ранее XIV в. [7, р. 65];

2) сооружений, предназначенных для проживания (4,9%; *rue de l'Auberge de Jeunesse* в Страсбурге, название *rue de la Demi-Lune* в Страсбурге, которое относится к гостинице 'Наподобие полумесяца', упомянутому в 1767⁵ г. В УФ популярны урбанонимы по названиям постоянных домов, гостиниц, обозначенных во французском языке как *auberge* «1. Дом, как правило, находящийся в деревне или небольшом городке, где можно остановиться и поесть. 2. Гостиница, ресторан высокого туристического класса»⁶. По мнению С. Жандрона, анализирующего топонимию Ла-Шатра, как и в любом городе такого размера, где наблюдается значительная коммерческая активность, во многих архивах упоминаются названия гостиниц [9, р. 79].

⁴ Источник: Rue de l'Arc-en-Ciel (Strasbourg) [Ressource électronique]. – Mode d'accès: [https://fr.wikipedia.org/wiki/Rue_de_l%27Arc-en-Ciel_\(Strasbourg\)](https://fr.wikipedia.org/wiki/Rue_de_l%27Arc-en-Ciel_(Strasbourg)). – Date d'accès: 01.11.2022.

⁵ Источник: Rue de la Demi-Lune (Strasbourg) [Ressource électronique]. – Mode d'accès: [https://fr.wikipedia.org/wiki/Rue_de_la_Demi-Lune_\(Strasbourg\)#:~:text=%C3%80%20la%20R%C3%A9volution%20elle%20est,%2DLune%2C%20cit%C3%A9e%20en%201767..](https://fr.wikipedia.org/wiki/Rue_de_la_Demi-Lune_(Strasbourg)#:~:text=%C3%80%20la%20R%C3%A9volution%20elle%20est,%2DLune%2C%20cit%C3%A9e%20en%201767..) – Date d'accès: 01.11.2022.

⁶ Источник: Dictionnaire Français en ligne – Larousse [Ressource électronique]. – Mode d'accès: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-monolingue>. – Date d'accès: 01.11.2022.

Немногочисленны (от 0,9% до 2,6% – от 3 до 9 названий в группе) урбанонимы, связанные с социальными (так, наименование *rue des Francs-Bourgeois* в Страсбурге происходит от названия «богадельных домов», открытых на этой улице для бедняков⁷, улица *rue de la Renfermerie* в Реймсе получила название по заведению для нищих, немощных, известному с 1632 по 1766 г., основанному на улице Сен-Гийом и ставшему в 1794 г. *Maison de l'humanité* 'Домом Человечности' [Тюрэ]), военными (*rue de l'Arsenal, route du Polygone*), административными (*place de l'Hôtel de Ville, rue du Tribunal*), гастрономическими (*impasse de la Bière, rue des Brasseries*) ориентирами.

В УБ наиболее многочисленны группы, объединяющие названия, мотивированные указанием на сооружения промышленные, транспортные, образовательные, служб города и спортивные, в УФ – на религиозные, промышленные, культурно-исторические здания, вывески, гостиницы. При наличии совпадающих тематических групп отмечается несовпадение номинативных приоритетов.

Закключение. Таким образом, некоторые строения ввиду своих размеров или же своей значимости являются важными ориентирами в населенном пункте, и их названия служат базой для формирования наименований внутригородских объектов. Обычно это здания, имеющие отношение к повседневной жизни жителей населенного пункта и различные социальные функции. Кроме того, они являются важными элементами локации и могут помочь ориентироваться в пространстве.

Сопоставительный анализ использования архитектурных ориентиров в урбанонимии позволил обнаружить типологические сходства, к которым отнесем следующие:

1) номинативная общность в целом, проявляющаяся в том, что группа проанализированных отопеллятивных образований объединяет названия, мотивированные наименованиями архитектурных объектов социальной и историко-культурной инфраструктуры города;

2) наличие общих тематических групп названий в двух системах – урбанонимов, связанных с учреждениями промышленными, религиозными, транспортными, культурно-историческими, служб города, торговыми.

Национально-культурная специфика урбанонимов, связанных с архитектурными ориентирами, обнаруживается в следующем:

1) одноименные тематические группы в урбанонимии Беларуси и Франции характеризуются разным удельным весом в системах;

2) большее количество тематических групп названий в системе урбанонимов Франции;

3) разные номинативные приоритеты, свойственные каждой из топонимных подсистем.

⁷ Источник: RuedesFrancs-Bourgeois[Ressourceélectronique].–Mode d'accès: https://fr.wikipedia.org/wiki/Rue_des_Francis-Bourgeois. – Date d'accès: 01.11.2022.

Литература

1. Мезенко, А.М. Урбанонимия Белоруссии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01; 10.02.02 / А.М. Мезенко; Мин. гос. пед. ин-т им. А.М. Горького, 1991. – 34 с.
2. Горбаневский, М.В. Тайны московских улиц: топономические путешествия / М.В. Горбаневский. – М.: Изд. ДОМ «Московский учебник», 2000, 1997. – 320 с.
3. Разумов, Р.В. Система урбанонимов русского провинциального города конца XVIII–XX вв. (на примере городов Костромы, Рыбинска и Ярославля): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Р.В. Разумов; Яросл. гос. пед. ун-т. – Ярославль, 2003. – 22 с.
4. Забелин, Н.Ю. Московская городская топонимия: структурно-семантический анализ топонимической системы: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Н.Ю. Забелин; Ин-т яз-ния РАН. – М., 2007. – 23 с.
5. Mellet, G. Les noms de rues à Dijon : étude de géographie urbaine / G. Mellet // L'information géographique. – 1949. – №4. – V. 13. – P. 135–137.
6. Quantin, G. Les noms de rues de Reims / G. Quantin // Revue Internationale d'Onomastique. – 1950. – 2e année. – №3. – P. 177–192.
7. Beaurepaire de, F. Aux origines de la toponymie urbaine: les anciens noms de rues de Rouen / F. de Beaurepaire // Nouvelle revue d'onomastique. – 1996. – № 27–28. – P. 55–66.
8. Billy, P.-H. Essai de typologie historique / P.-H. Billy // La toponymie urbaine. Significations et enjeux : actes du Colloque, Aix-en-Provence, 11–12 décembre 1998. – Université d'Aix-Marseille, CNRS ; sous la dir. de : J.-C. Bouvier, J.-M. Guillon, Paris. – 2001. – P. 17–41.
9. Gendron, S. Odonymie de La Châtre (Indre) / S. Gendron // Nouvelle revue d'onomastique. – 2014. – №56. – P. 71–99.
10. Darafeyenka, M.L. Marqueurs architecturaux dans la toponymie urbaine et rurale de la France / M.L. Darafeyenka // Французский язык на перекрестке культур: актуальные вопросы и перспективы исследования: сб. ст. / Витеб. гос. ун-т; сост.: С.В. Николаенко [и др.]. – Витебск, 2019. – С. 12–15.
11. Сизова, Е.А. Лингвокультурологический анализ урбанонимов (на материале английского, русского и французского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Е.А. Сизова; Пятигор. гос. лингв. ун-т. – Пятигорск, 2004. – 19 с.
12. Дорофеенко, М.Л. Виконимия Беларуси: номинативный, лингвогеографический, лингвокультурологический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / М.Л. Дорофеенко. – Минск, 2015. – 28 с.

Поступила в редакцию 23.11.2023

An Overview on Linguistic Manipulation

Mounir A.S.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The article discusses the basics of the theory of speech acts, which is categorized as the impact a speaker exercises over an individual or group of individuals through speech and relevant non-verbal means in order to accomplish specific goals, such as altering the recipient's behavior, psychological set, motivations, conceptions, assessments, etc. during verbal communication. It is also defined as any verbal communication viewed as a phenomenon with a specific goal. When one of the speakers perceives himself as the object of manipulation and his interlocutor assumes the role of an object, verbal communication is described from his or her point of view. To communicate definite meanings, speech acts of manipulation conveyed through a wide range of utterances with a variety of particular aims are used.

Material and methods. Researchers and academics from many fields had been studying manipulation and they still do. Since many people find that verbal communication is the most effective form of interaction and communication, there is a lot of scientific interest in these topics outside of the traditional linguistic, philological, and psychological fields.

Findings and their discussion. A subject and an object can interact directly when the subject makes demands of the manipulative object directly or indirectly when the indirect direction is made toward the subject's surroundings rather than the manipulative object.

Conclusion. Using specific manipulative pragmatic techniques, the interlocutor "the manipulator" intentionally and secretly aims to influence the hearer's perceptions, aspirations, thoughts and feelings, or behaviors – typically in ways that are counter to his best interests. The manipulator evokes unnecessary facts, and manipulates his objective in order to accomplish his influential goals. Thus, we can say that linguistic manipulation is the act of one-person exerting influence over another person or group of people by means of speech and non-verbal cues in an effort to change the addressee's actions, expectations, and aspirations during communicating.

Key words: theory of speech acts, manipulation, communicative effect, illocutionary aim, communication.

(Ученые записки. – 2024. – Том 39. – С. 121–125)

Обзор лингвистической манипуляции

Мунир А.С.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

В статье рассматриваются основы теории речевых актов, которые классифицируются на основе оказываемого воздействия говорящего на человека или группу людей посредством речи и соответствующих невербальных средств с целью достижения конкретных целей, таких как изменение речи реципиента, поведение, психологический настрой, мотивации, представления, оценки и т.д. в ходе речевого общения. Его также определяют как любое вербальное общение, рассматриваемое как явление, имеющее конкретную цель. Когда один из говорящих воспринимает себя объектом манипуляции, а его собеседник принимает на себя роль объекта, речевое общение описывается с его точки зрения. Для передачи определенных значений используются речевые акты манипуляции, передаваемые посредством широкого спектра высказываний с различными конкретными целями.

Материал и методы. Исследователи и ученые из многих областей изучали манипуляции и продолжают это делать. Поскольку многие люди считают, что вербальное общение является наиболее эффективной формой взаимодействия и общения, эти темы вызывают большой научный интерес за пределами традиционных языковых, филологических и психологических областей.

Результаты и их обсуждение. Субъект и объект могут взаимодействовать напрямую, когда субъект предъявляет требования к манипулятивному объекту, прямо или косвенно, когда косвенное направление ориентировано на окружение субъекта, а не на манипулятивный объект.

Заключение. Используя определенные манипулятивные прагматические методы, собеседник-«манипулятор» намеренно и тайно стремится повлиять на восприятие, стремления, мысли и чувства или поведение слушающего обычно способами, которые противоречат его интересам. Манипулятор вызывает ненужные факты и манипулирует своей целью для достижения своих влиятельных целей. Таким образом, можно сказать, что языковая манипуляция это действие одного человека по воздействию на другого человека или группу людей посредством речевых и невербальных сигналов с целью изменить действия, ожидания и стремления адресата в ходе общения.

Ключевые слова: теория речевых актов, манипуляция, коммуникативный эффект, иллокутивная цель, общение.

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 39. – P. 121–125)

The objective of manipulation is to persuade the audience “listeners” to act in a way that they would probably oppose under normal circumstances. In addition, a variety of deceptive tactics is used during the manipulation process to persuade the target to act contrary to his ambitions, aspirations, and self-interests. It is obvious that the manipulator tries to sway the target’s judgment by making him believe that he/she takes his decisions on his own. To accomplish this, the manipulator works to persuade the target that the “actual events” is the best course of action now. A manipulative circumstance, though, can also be viewed from a different angle. An encounter between opposing positions held by the manipulators and the targets is encouraged by manipulative interaction. However, the encounter – or, to be more precise, the conflict – is largely covert, invisible, and indirect. This result is produced by the deception that is a fundamental component of manipulative behavior. The use of unethical tactics like bullying, sensuality, and misdirection adds to the mysterious nature of manipulation. Manipulation would have been impossible if the objective had knowledge of every pertinent detail in the given communicative knowledge. When viewed from the target’s perspective, we think that targets should be categorized as lacking essential capabilities to thwart, detect, or avoid manipulation. Importantly, this may require: insufficient or lacking knowledge; basic standards, and beliefs that cannot be disputed or ignored; strong emotions that leave people exposed; and political roles, occupations, and prestige that lead people to aspire to acknowledge speaker’s debate. Importantly, this may require: insufficient or lacking knowledge; basic standards, and beliefs that cannot be disputed or ignored; strong emotions that leave people exposed; and political roles, occupations, and prestige that lead people to aspire to admit the speaker’s debate.

Material and methods. Researchers and academics from many fields had been studying manipulation and they still do. Since many people find that verbal communication is the most effective form of interaction and communication, there is a lot of scientific interest in these topics outside of the traditional linguistic, philological, and psychological fields. Materials based on previous studies, and research papers, and scientific articles from various cultures.

Linguists’ interest in the nature of linguistic manipulation, its particular uses, manipulative methods of language use, and the outcomes of maneuvering can be attributed to the interaction of language, which includes the diversity of all linguistic components and manipulation. The current article’s methodology is based on critical examination, which provides important feedback to the study of linguistic manipulation, which views language as a type of communicative act and aims to clarify the types, components, causes, and communicative effects of linguistic manipulation. Along with the comparative-contrastive methodology, a semantic and stylistic analysis of the language data was also performed.

The speaker’s “the manipulator’s” thoughts, feelings, and desires dominate. However, some theorists view manipulation as a form of flawed persuasion as opposed to covert influence. According to Mills (1995), for example, manipulation differs from other forms of persuasion because it presents what appear to be good arguments while actually providing bad ones [1]. According to Van Dijk (2006), “Manipulation” refers to the unjustified rule of one powerful group over others with the intention of upholding social inequality. In addition, he has adopted a cognitive approach, analyzing manipulation in the context of a triangular theoretical framework (discourse, society, and cognition), illuminating how and why some linguistic features can be more potent than others in influencing the human mind [2]. Akopova, A. (2013), covered the primary aspects of the theory of speech acts. She described speech acts manipulation as the influence a speaker exercises on others through speech and related nonverbal means in order to accomplish predetermined goals to alter the listener’s behavior, thought process, and evaluations during verbal communication [3]. Grischechko, O. (2013), suggests a thorough examination of the linguistic techniques employed to create categories of speech act manipulation with multiple meanings. She described it as a verbal communication in which the speaker expresses it through a variety of utterances having a great deal of objectives that they utilize directly and indirectly communicate definite meanings that they “the listeners” perceive themselves as a subject of manipulation [4]. (Saussure 2014 and Maillat 2014) have demonstrated how manipulators manipulate human cognition [5, 6]. The findings made by Kakisina (2022), that politician can also divide the public and disparage a group of people in order to affect their opinions and behavior [7]. The results add to a growing body of research on rhetorical deception and show that political discourse will inevitably be used to influence society. According to Gasparyan, S., and Harutyunyan, R. (2021), various theorists have defined manipulative strategies and tactics, which in some cases overlap to convey overlapping contextual interpretations (see Preston Ni 2014, George K. Simon 2020, van Dijk, 2006) [2; 8; 9; 10]. There are currently a number of semantic distinctions in the definition of manipulation, and this will later enable us to analyze concrete linguistic data in order to reveal the manipulative essence of media-political discourse. According to Al-Hindawi, F., and S. I. Kamil (2017), manipulation is a communicative, pragmatic process in which the speaker maliciously and covertly intends to influence the beliefs, desires, emotions, or behaviors of the hearer, typically against his best interests [11]. The manipulator employs certain pragmatic, manipulative speech acts, communicates irrelevant information, and strategically maneuvers his target in order to achieve his influence goals.

Findings and their discussion. The term is derived from the Latin word *manipulus*, which has two meanings in classical Latin. However, the definition of manipulation provided by Oxford English Dictionary is “treating

objects with special intentions, or a particular purpose.” It highlights the message: “the act of influencing, manipulating people or things easily with a negative connotation, it is a hidden treatment.” A more precise definition is provided in the Shvedova & Ozhegov (1996) dictionary, it has an unflattering connotation and is a prank or a fraud [12]. In the context of the theory of linguistic manipulation, the word “manipulation” has a lot of creative potential and is most pertinent. The term “manipulation” has a broad and somewhat hazy semantic field that encompasses important components like the speaker’s improper motives and the influencer’s covert nature. Discourse manipulation produces a hidden, obscured layer of linguistic information that is difficult to distinguish from purely informative content [3]. If the subject of interaction involves an event that has already occurred, objective reality’s confirmation is given more weight, whereas if the speaker’s speech is connected with the future, the pragmatic factor which gives more dimensions

Reasons for today’s approach to speech manipulation:

– **Social and political reasons:** Speech had such a significant impact on ancient democracies before it was suppressed during the Middle Ages by totalitarian and dogmatically religious forms of government. People today are granted certain rights. The “Age of Manipulation” began in the 21st century. In the current environment, it is necessary to persuade a large group of people who, despite having different educational backgrounds, cultural backgrounds, etc., call for an equal relationship. Party leaders now need to learn how to persuade voters that they are in the right by proving their point of view in order to win elections.

– **Psychological reasons:** The idea of man in society has existed since the end of the nineteenth century that man was previously thought to be lazy and primitive. However, the emergence of scientific psychology changed the way people were perceived, thanks to the development of culture, literature, and the arts. The individual turned out to be complex and psychologically versatile, necessitating a tailored strategy. By the turn of the twentieth century, personality – that is, the development of each individual’s unique personality and the increase in how different each person is from others – became the focal point of personification.

– **Communicative reasons:** The need for communication science is determined by the fact that as individual differences between people grow, communication between them becomes more challenging. People’s communication spheres are increasing today, and there are more circumstances where it is necessary for people to communicate with and persuade one another. The very nature of oral speech is evolving and taking on a bigger and bigger role in society, necessitating the search for specialized communication methods, which clarifies the need to seek out unique forms of interpersonal communication and pay closer attention to informal speech.

– **Economic reasons:** The evolution of “Speech Impact Science” was also influenced by economic factors, including competition, overproduction crises that necessitated the study of advertising. The first people to understand the need for science to persuade were the traveling salespeople. Additionally, the 20th century saw changes in people’s attitudes toward their jobs; as a result, managers must skillfully organize their subordinates’ motivation to work by stimulating, motivating, and persuading them. The belief that improving production management has a greater impact on the economy than improving technology is prevalent in contemporary western management.

All of the aforementioned factors led to the modern era’s development of the study of speech influence. Implementation force of speech is a topic that receives a lot of attention in contemporary linguistic literature and is studied in a variety of related fields, including pragmatics, philosophy, linguistic anthropology, sociolinguistics, etc. (see Paul Garrett 2013, Kockelman, Paul. 2014, Catalano, Theresa, and Linda R. Waugh 2020) [13–15]. The use of natural language utterances, also known as linguistic manipulation, is one of the many linguistic strategies used to affect individual or group conscience and behavior. According to Zheltuhina (2004), the term “linguistic manipulation” also refers to the use of non-verbal semiotic systems, such as paralinguistic strategies like tempo, timbre, voice volume, and logical stress and kinesic strategies like posture, mimicry, and gesturing [16]. Any verbal interaction that is considered a primary objective phenomenon is considered linguistic manipulation, broadly speaking. When one of the speakers perceives himself as the target of manipulation and his interlocutor assumes the role of an object, verbal communication is described from his point of view. As we can use speech to get someone to do something, being a subject of communication requires controlling the behavior of your interlocutor to start, stop, or change his behavior, or to get him/her ready to take action when the situation calls for it. When the speaker’s disguised intentions are not visible to the listener, manipulation is realized. The Analyzing these parameters will enable you to differentiate between manipulation and other speech acts. The goal of oral communication, communicative original intent, and real motivation are some of the key components of manipulative utterances. In order to manipulate, the speaker deliberately uses a form of expression that hides any overt indications of his intentional state; this pragmatic aspect succeeds in its objectives covertly and without obvious communicative intention being detected. By increasing the level of inadequate information field perception, information manipulation broadens the perception of subjective reality. Negative social psychological phenomena like manipulation are harmful to the individual as well as to society at large. In interpersonal communication, verbal manipulation can take the form of a single, relatively simple act of persuasion or it can be a time-consuming process involving a complex, multistage, step-by-step

procedure, as in the case of explanatory publicity and project advertising firms. Because of the indirect nature of manipulation, it is necessary to use linguistic classifications and forms like euphemisms, foreign words without inner form, and figures of speech with different contents and compositions. Because manipulative discourse typically does not deviate from the bounds of everyday speech, it can be difficult to identify the precise linguistic characteristics that set it apart. Active use of particular grammatical styles and syntactic structures in manipulative discourse does not result in the creation of a particular manipulative grammar because the same linguistic tools are also used to accomplish other goals. The linguistic strategies used in manipulative texts must be taken into consideration in order to identify the fact of manipulation. Instead of the use of specific lexical or grammatical units, a discourse primarily becomes manipulative by association with the speaker's intentions, the ambiguous influence of the utterance, the communication context, and the social context. A language's speakers have access to a wide range of tools for achieving their manipulative goals. Language signs at various levels that assist in interpreting the speaker's intentions are the hallmark of linguistic manipulation. Language influence includes oral communication of data as a key component. A written text makes it simpler for the audience to identify inserted influences because it is always written by hand and can be modified and considered. Interacting with verbal information makes this impossible. One needs time, which is frequently in short supply, to reflect while taking in a series of oral messages, process the meaning of each word in the sentence, and think. Consequently, if specific words are purposefully stressed and speech is structured with a specific goal, oral information can have a greater impact than written text. After carefully examining the information given, we can draw the conclusion that linguistic manipulation is the act of one-person using speech and non-verbal cues to influence another person or group of people cues in an effort to change the addressee's actions, expectations, and aspirations during communicating. The interaction between a subject and an object can be direct, where the subject directly asserts his/her demands upon the manipulative object, or indirect, where the indirect direction is made toward the subject's surroundings rather than the manipulative object. The direct method of linguistic manipulation includes the forms in the language system with clear meanings that express the corresponding illocution or the communicative aim of the speaker. Declarative and interrogative utterances, for instance, are typically connected with the illocution forces of the message and the information request, respectively. Forms of the imperative mood are respectively connected with the meaning of inducement. Utilizing linguistic constructions to convey illocutionary forces unrelated to their literal linguistic meaning is the indirect method of expressing communicative intention. The speaker's intentions are not clearly expressed in indirect forms [17]. When we manipulate someone, our goal is to shape their

behavior to fit our needs, to identify and influence any weak points in their system of functioning [16]. Linguistic manipulation relies on techniques that force the listener to take verbal messages at face value and make it easier to create delusions and false impressions that affect the addressee's emotions and lead him to act in the speaker's favor. Thus, the speaker's desire is to subtly away the listener's awareness in sequence to infuriate him, or to inflict psychological discomfort, is linked to the non-productive shape of manipulative affection. In other utterances, non-productive manipulation is the use of language to exert dominance over the listener by showing him to be flawed or inferior, which encourages him to comply with the speaker's demands.

Manipulation has been studied thoroughly; however, the focus of these studies has been more on the variables that affect human behavior. Manipulation, in its broadest sense, refers to the type of implicit behavior or linguistic or nonverbal techniques that manipulators employ in communicative interactions to further their objectives, aspirations, and desires, irrespective of how those addressed are feeling emotionally, mentally, or cognitively (see Al-hindawi, Fareed & Kamil 2017). Moreover, they use a variety of strategies, primarily deceitful ones such as fraud, deception, lying, and so on. To succeed, manipulators must have a mindset that allows them to pursue their own interests by exploiting some aspects of the human perspective, particularly through making arguments and evaluating chances and emotions. Manipulators exploit their targets' vulnerabilities in order to influence their targets' motivations, viewpoints, emotional reactions, and reactions. Due to the fact that manipulation is a trait of human thought or behavior, some academic experts see it as a psychological problem. Others contend that manipulation is a form of mental deliberation because it involves a significant amount of context-related mind use. In the context of the current study and language use, manipulation is a conscious action as opposed to a psychological one. By exposing these characteristics, we can put the manipulation in its proper context by figuring out how it relates to other linguistic devices. It is obvious that the various speech manipulation techniques cannot be applied effectively without the relationship between language and pertinent data described above. Authors, particularly those who write in multiple languages, frequently use linguistic and psychological techniques in their efforts to spread awareness and influence public opinion in support of various institutions. The pragmatic features of communication that obstruct mental perception, comprehension, and the objective assessment of various pieces of information from the viewpoint of mental activity, and in order to deal with verbal manipulative actions, human cognitive activity should include cognitively based interpretive abilities. It will be challenging the recipient to recognize and critically evaluate speech manipulation techniques due to inadequate development of interpretive skills in the area of cognitive alertness. It may also lead to inaccurate portrayals of their own language and

culture. Given the current circumstances surrounding the development of information technologies, cognitive vigilance is a useful strategy. Some issues relating to speech manipulation techniques, dynamics, patterns, and characteristics were outside the purview of this study. Furthermore, we skipped over talking about specific manipulative regulation strategies. As we continue to study the operation of manipulative language, these concerns might be taken into consideration.

Conclusion. The evolution of speech impact sciences were developed in the modern era, which were influenced, by a variety of reasons, including social and political, psychological, economic, and communicative factors. In addition, utilizing linguistic constructions to convey illocutionary forces unrelated to their literal linguistic meaning is the indirect method of expressing communicative intention. When applied by explanatory publicity and project advertising companies, verbal manipulation can be subtle and multifaceted or it can take the form of a single act of influencing the recipient during interpersonal communication. Effective manipulation aims to gain a partner's communication and manage his behavior by preying on his weaknesses. Linguistic manipulation relies on strategies that permit the speaker to create delusions and false perceptions that affect the addressee's thoughts and feelings and influence him to act in the speaker's favor. The indirect nature of manipulation often generally requires the use of linguistic forms and classifications like euphemisms, foreign words lacking inner form, and it can be difficult to identify the precise linguistic characteristics that distinguish manipulative discourse from other types of discourse.

References

1. Mills, C. *Politics and Manipulation: Social Theory and Practice* / C. Mills. – Random House, 1995. – P. 97–112.
2. Teun, A. 'Discourse and Manipulation' / A. Teun // *Discourse & Society*. – 2006. – Vol. 17, no. 3. – P. 359–383.
3. Akopova, A. 'Linguistic Manipulation: Definition and Types' / A. Akopova // *International Journal of Cognitive Research in Science Engineering and Education*. – 2013 – Vol. 1, no. 2. – P. 78–82.
4. Grischechko, O. 'Communicative Effect Achieved through Speech Acts of Manipulation' / O. Grischechko // *International Journal of Cognitive Research in Science Engineering and Education*. – 2013. – Vol. 1, no. 2. – P. 144–151.
5. Saussure, L. *Rhétorique et Cognition / Rhetoric and Cognition. Perspectives Théoriques et Stratégies Persuasives* / L. Saussure // *Theoretical Perspectives and Persuasive Strategies*. Edited by T. Herman and S. Oswald. – Peter Lang, 2014. – P. 279–311.
6. Maillat, D. *Rhétorique et Cognition in Rhetoric and Cognition. Perspectives Théoriques et Stratégies Persuasives* / D. Maillat // *Theoretical Perspectives and Persuasive Strategies*. Edited by T. Herman and S. Oswald. – Peter Lang, 2014. – P. 69–88.
7. Kakisina, P.A. 'Discursive Strategies of Manipulation in COVID-19 Political Discourse: The Case of Donald Trump and Jair Bolsonaro' / P.A. Kakisina [et al.] // *SAGE Open*. – 2022. – Vol. 12, no. 1. – P. 215824402210798. – DOI: 10.1177/21582440221079884.
8. Gasparyan, S. 'Manipulative Speech: A Theoretical Overview' / S. Gasparyan, R. Harutyunyan // *Armenian Folia Anglistika*. – 2021. – Vol. 17, no. 2 (24). – P. 11–26. – DOI: 10.46991/afa/2021.17.2.011.
9. Ni, P. *How to Successfully Handle Manipulative People* / P. Ni, M.S.B.A. – Mode of access: <http://www.nipreston.com/publications/excerpts/manipulativeexcerpt.pdf>. – Date of access: 20.05.2023.
10. Simon, G.K. 'A Guide to the Scientific Career: Virtues, Communication' / G.K. Simon // *Research, and Academic Writing*. – 2020. – P. 123–137.
11. Al-Hindawi, F. "The Pragmatic Nature of Manipulation" / F. Al-Hindawi, S.I. Kamil // *Kufa Journal of Arts*. – Vol. 1, no. 33. – P. 9.
12. Ozhegov, S.I. *Explanatory Dictionary of the Russian Language* / S. I. Ozhegov, N. Shvedova. – M. Az, 1996. (in Russian).
13. Garrett, P. 'Linguistic Anthropology' / P. Garrett // *Oxford Bibliographies Online Datasets*, Oxford University Press (OUP). – 2013. – DOI: 10.1093/obo/9780199772810-0051.
14. Kockelman, P. 'Linguistic Anthropology and Critical Theory' / P. Kockelman // *The Cambridge Handbook of Linguistic Anthropology*, Cambridge University Press. – 2014. – P. 603–625. – DOI: 10.1017/cbo9781139342872.029.
15. Catalano, T. *Critical Discourse Analysis, Critical Discourse Studies and Beyond* / T. Catalano, L.R. Waugh // *Springer Nature. Perspectives in Pragmatics, Psychology & Philosophy*. – 2020. – DOI: 10.1007/978-3-030-49379-0.
16. Zheltuhina, M. *Specifics of Speech Influencing Means in The Language of the Media* / M. Zheltuhina. – Moscow, 2004. (in Russian). – P. 12.
17. Leontyev, A. *Psychological Peculiarities of a Lecturer* / A. Leontyev. – Knowledge Press, 1981. (in Russian). – P. 44–46.

Поступила в редакцию 12.09.2023

Лексические и синтаксические средства обозначения временных отношений в китайском языке

Гибкий П.В.

Учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет», Минск

Рассматривается обозначение временных отношений в китайском языке лексическими средствами, а также создание эффекта временных отношений.

Цель статьи – установить роль лексических и синтаксических средств китайского языка в обозначении временных отношений.

Материал и методы. Комбинаторная семантика является методологической базой исследования. В качестве материала использованы оригинальные тексты, представленные в электронной версии Большого китайско-русского словаря. Методы работы: статистический и комбинаторный.

Результаты и их обсуждение. Найдено 430 случаев обозначения временных отношений китайскими лексическими средствами, 43 случая создания эффекта временных отношений. Выявлены следующие процедуральные синтаксические средства создания эффекта временных отношений в китайском языке: комбинация полусуффикса 了 (-le) и модальной частицы 了 (le), комбинация знака алфавита синтаксиса 再 (zai) и модальной частицы 了 (le).

Заключение. В китайском языке отсутствует словоизменение, поэтому нет морфологических показателей категории времени, но существуют лексические и синтаксические средства обозначения временных отношений. Роль лексических средств китайского языка в обозначении временных отношений: лексические единицы и комбинации лексических единиц указывают на суперпозицию процессов в событии и относят процессы в событии к прошедшему, настоящему или будущему времени. Роль синтаксических средств китайского языка в обозначении временных отношений: комбинация полусуффикса 了 (-le) и модальной частицы 了 (le), комбинация модальных частиц 了 (le) и знака алфавита синтаксиса 再 (zai), а также комбинация знака алфавита синтаксиса 又 (you), полусуффикса 了 (-le), модальной частицы 了 (le) являются процедуральными синтаксическими средствами создания эффекта временных отношений в китайском языке. Под эффектом временных отношений понимается косвенное представление временных отношений синтаксическими средствами китайского языка (комбинацией полусуффиксов/модальных частиц и других знаков алфавита синтаксиса).

Ключевые слова: китайский язык, время, временные отношения, лексические единицы, синтаксические средства, знаки алфавита синтаксиса, полусуффиксы, модальные частицы, темпоральная конъюнкция «и затем», эффект временных отношений.

(Ученые записки. – 2024. – Том 39. – С. 126–130)

Lexical and Syntactic Means of Temporal Relations Designation in the Chinese Language

Gibki P.V.

Educational Establishment "Minsk State Linguistic University", Minsk

The article deals with the designation of temporal relations in the Chinese language by lexical means, as well as the effect of temporal relations creation by syntactic means of the Chinese language.

The purpose of the article is to define the role of lexical and syntactic means of the Chinese language in the temporary relations designation.

Material and methods. Combinatory semantics is the methodological basis of the study. The original texts of the Big Chinese Russian Dictionary electronic version are used as the material of the work. The research methods are descriptive, statistical and combinatory.

Findings and their discussion. 430 cases of temporal relations designation by Chinese lexical means, 43 cases of temporal relations effect creation have been found. The following procedural syntactic temporal relations effect creation means in the Chinese language have been revealed: semi-suffix 了 (-le) and modal particle 了 (le) combination, modal particles 了 (le) and syntax alphabet sign 再 (zai) combination.

Адрес для корреспонденции: e-mail: pavel.gibkiy@bk.ru – П.В. Гибкий

Conclusion. *There is no inflection in Chinese, so there are no morphological indicators of the tense category, but there are lexical and syntactic means of temporal relations designation. The role of Chinese lexical means in the temporal relations designation: lexical units / combinations of lexical units indicate the superposition of processes in an event and refer processes in an event to the past, present or future tense. The role of the syntactic means of the Chinese language in the temporal relations designation: paired combinations of semi-suffix 了 (le) and modal particle 了 (le), of modal particles 了 (le) / semi-suffixes 了 (-le) and signs of syntax alphabet 又 (you) / 再 (zai) are procedural means of the temporal relations effect creation in Chinese. The temporal relations effect is understood as an indirect representation of temporal relations by the syntactic means of the Chinese language (a combination of semi-suffixes / modal particles and other signs of syntax alphabet).*

Key words: *Chinese, tense, temporal relations, lexical units, syntactic means, the signs of syntax alphabet, semi-suffixes, modal particles, temporal conjunction "and then", temporal relations effect.*

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 39. – P. 126–130)

Под лексическими средствами временных отношений понимаются лексические единицы/комбинации лексических единиц, под синтаксическими – парные комбинации полусуффиксов/модальных частиц/других знаков алфавита синтаксиса.

Цель исследования – установить роль лексических и синтаксических средств китайского языка в обозначении временных отношений в китайском языке.

Объект исследования – временные отношения.

Предмет исследования – лексические и синтаксические средства обозначения временных отношений.

Научная новизна заключается в двух аспектах:

1. На данный момент лингвисты располагают рядом сравнительно-сопоставительных исследований средств выражения категории времени в русском и китайском языках [1], а именно одновременности/разновременности [2] и таксиса [3], концепта «время» в китайском языке, однако [4; 5] представленные в них результаты нуждаются в уточнении. В частности, и этим обусловлена актуальность статьи. Необходимо выявить степень продуктивности лексических средств китайского языка в декларативном представлении временных отношений и китайских знаков алфавита синтаксиса -микро и -макроуровня (полусуффиксов и модальных частиц) – в процедуральном.

Материал и методы. Комбинаторная семантика является методологической базой исследования. В качестве материала использованы оригинальные тексты, представленные в электронной версии Большого китайско-русского словаря [6]. Методы исследования: описательный, статистический и комбинаторный.

Обратимся к исходным понятиям.

Комбинаторная семантика – «лингвистическая дисциплина, которая занимается изучением отображения языком динамики ролей индивидов в событии» [7, с. 13].

«Стереотип – закодированный интеллектом повторяющийся элемент в копии мира. Модель мира – упорядоченное множество стереотипов и упорядоченное множество преобразований одних стереотипов в другие.

Индивид – отдельная сущность в выделенном фрагменте модели мира.

Признак индивида – разновидность стереотипа как свойства отдельной сущности в выделенном фрагменте модели мира» [8, с. 35].

Знаки алфавита синтаксиса (ЗАС) – вспомогательные средства синтаксиса (в том числе модальные частицы и полусуффиксы), роль которых заключается «в соединении составных частей языковых структур и образования морфологических парадигм» [9, с. 20].

Так как теория частей речи в большей степени учитывает формальные показатели, нежели семантику языковых единиц, оно мало подходит для исследования иероглифического китайского языка, в котором отсутствует словоизменение. По этой причине в работе используется парадигма частей языка. В отличие от морфологического учения о частях речи, альтернативная теория основана на неразрывной связи между формой и содержанием языкового знака. Части языка подразделяются на два множества: тайгены и ёгены. «Тайген – часть языка, обозначающая индивид; ёген – часть языка, обозначающая признак индивида», включая процесс, им осуществляемый [8, с. 35]. К примеру, в словосочетании «ты молчишь» *ты* – это тайген, так как обозначает индивида, а *молчишь* – ёген, поскольку указывает на процесс.

По словам Б.Ю. Нормана, «в русском и других славянских языках значение глагольного вида тесно взаимодействует с лексическими средствами: наречиями типа *всегда, обычно, наконец, вдруг, фазисными глаголами (начать, кончить, продолжать)* и т.п.» [10, с. 117]. В языках, где нет вида как грамматической категории «характер протекания действия сигнализируется иными средствами» [там же]. Мы считаем, что данное высказывание можно применить и к китайскому языку.

Чжу Дунпин охарактеризовал понятие времени в китайской языковой картине мира следующим образом: «Человек как пассивный элемент в потоке времени, в этом процессе повернут лицом к прошлому, спиной к будущему – это главная модель языкового восприятия времени в китайском языке» [11, с. 19]. Как считали О.В. Чибисова и И.В. Каминская, «в китайской культуре “время”, прежде всего, рассматривается в значениях “промежуток”, “период”, “момент”, “продолжительность”» [4, с. 36]. Лексические средства китайского языка обозначают временные отношения, возникающие между процессами в событии. Ниже представлены примеры обозначения временных отношений, в которых лексические единицы относят описываемое событие к прошедшему, настоящему или будущему. Между одним и другим процессом

возникают временные отношения. Найдены и систематизированы примеры с темпоральной конъюнкцией «и затем» (один процесс предшествует другому) и темпоральной конъюнкцией «и одновременно» (один процесс начался раньше другого, но в какой-то момент оба стали одновременными) [12, с. 49].

1. 你先走，我们随后就到 (‘Сначала вы пойдете, а мы последуем дальше’): лексические единицы 先 (‘сначала’) и 随后 (‘потом’) относят событие к будущему времени. Один процесс (‘вы пойдете’) предшествует другому (‘мы последуем дальше’) в будущем, что указывает на темпоральную конъюнкцию «и затем».

2. 我昨天亲劝劝他呀，他还是不听 (‘Я вчера уговаривал его, но он не слушал’): лексическая единица 昨天 (‘вчера’) относит событие к прошедшему времени. Один процесс (‘я уговаривал его’) происходил одновременно с другим (‘он не слушал’) – темпоральная конъюнкция «и одновременно».

В таблице представлены результаты анализа частотности лексических средств обозначения временных отношений в китайском языке, которые рассматривались в примерах выше.

В китайском языке нет словоизменения, поэтому отсутствуют морфологические временные показатели, но существуют обозначения временных отношений. Согласно А.Н. Гордею, «манифестуя ... процесс через взаимоотношения субъекта и объекта ... китайский ёген, благодаря наличию или отсутствию полусуффиксов 了(le), 过(guo), 着(zhe), содержит дополнительную информацию о характере процесса с точки зрения его завершенности и протяженности» [12, с. 39]. Под эффектом временных отношений понимается процедуральное представление прошедшего, настоящего и будущего времени синтаксическими средствами китайского языка (знаков алфавита синтаксиса) [13]. Кроме того, комбинацией ЗАС может создаваться эффект прошедшего времени [14], эффект настоя-

щего времени [15] и эффект будущего времени [16].

Ниже представлены примеры, иллюстрирующие создание эффекта временных отношений комбинацией знаков алфавита синтаксиса.

1. *Первый процесс относится к прошедшему времени, а второй – к настоящему.*

1. Во фрагменте 全忘记了。我们已经准备好全力协助你了! (‘Все, забыли. Мы готовы изо всех сил помогать вам!’) первый процесс в прошлом (‘забыли’) предшествует второму (‘мы готовы изо всех сил помогать’) в настоящем. Эффект временных отношений создан комбинацией полусуффикса 了(-le) и модальной частицы 了(le). Ёген 忘记 (‘забывать’), благодаря наличию полусуффикса 了(-le), содержит информацию о завершенности процесса, модальная частица 了(le) указывает на изменение ситуации.

2. Во фрагменте 这件事似乎被他人给解决了。我们在这已经没什么用了 (‘Кажется, с проблемой разобрался кто-то другой. Здесь нам больше делать нечего’, буквально: ‘Мы здесь находимся, это не имеет никакой пользы’) первый процесс (‘кто-то другой разобрался’) в прошлом предшествует второму (‘здесь нам делать больше нечего’) в настоящем. Эффект временных отношений создан комбинацией полусуффикса 了(-le) и модальной частицы 了(le). Ёген 解决 (в данном контексте ‘разбираться’), благодаря наличию полусуффикса 了(-le), содержит информацию о завершенности процесса, модальная частица 了(le) указывает на изменение ситуации.

3. Во фрагменте 我解决掉他了，队长。他不再是威胁了 (‘Я нейтрализовал его, капитан. Больше он никому не угрожает’) процесс в прошлом (‘я нейтрализовал его’) предшествует второму (‘больше он никому не угрожает’) в настоящем. Следовательно, данный фрагмент является примером темпоральной конъюнкции «и затем». Эффект временных отношений создан знаком алфавита синтаксиса 再(zai) в комбинации

Таблица

Рейтинг частотности лексических средств обозначения временных отношений в китайском языке

Лексические единицы	Перевод и пиньинь	Лексическая реализация	Примеры комбинаторики	Частотность в электронной версии Большого китайско-русского словаря
1. 昨天	zuótiān (‘вчера’)	лексическая единица со значением времени	他昨天进的城 (‘В город он приехал вчера’)	295
2. 随后	suíhòu (‘вслед за тем; впоследствии’)	лексическая единица со значением времени	我们是先头部队，大军随后就到 (‘Мы – передовой отряд, основные силы скоро будут здесь’)	162
3. 先	xiān (‘сперва, сначала’)	лексическая единица со значением времени	你先一个人去 (‘Ты сначала сходи один’)	32

с модальными частицами 了 (le). Знак алфавита синтаксиса 再 (zai) и модальные частицы 了 (le) указывают на изменение ситуации.

2. *Первый процесс относится к прошедшему времени, а второй – к будущему.*

1. Во фрагменте 我的飞行器“诺莫瑞根之魂”被撞坏了, 我们连报告都没法送出去了 (‘Мой летательный аппарат, «Дух Гномрегана», разбился! Теперь мы не сможем отправить домой наши отчеты!’) первый процесс в прошлом («Дух Гномрегана» разбился») предшествует второму (‘мы не сможем отправить домой наши отчеты’) в будущем. Эффект временных отношений создан комбинацией полусуффикса 了 (-le) и модальной частицы 了 (le). Ёген 撞坏 (‘разбиваться’), благодаря наличию полусуффикса 了 (-le), содержит информацию о завершенности процесса, модальная частица 了 (le) указывает на изменение ситуации.

2. Во фрагменте 既然你到了这一步, 那么你一定得去海德比武会试一试了 (‘Ну, что же, ты дошел до этого этапа, так что вполне можно будет дать тебе шанс попробовать себя и в этом деле’) первый процесс (‘ты дошел до этого этапа’) в прошлом предшествует второму (‘можно будет дать тебе шанс попробовать себя и в этом деле’) в будущем. Эффект временных отношений создан комбинацией полусуффикса 了 (-le) и модальной частицы 了 (le). Ёген 到 (‘доходить, достигать’), благодаря наличию полусуффикса 了 (-le), содержит информацию о завершенности процесса, модальная частица 了 (le) указывает на изменение ситуации.

3. Во фрагменте 这棵树苗成长为一棵新的镀翠树了, 我下了这棵树苗 (‘Этот побег превратится в новый Златолист, я посадила его’) первый процесс в прошлом (‘я посадила побег’) предшествует второму (‘этот побег превратится в новый Златолист’) в будущем. Эффект временных отношений создан полусуффиксом 了 (-le) в комбинации с модальной частицей 了 (le). Ёген 下 (‘сажать’), благодаря наличию полусуффикса 了 (-le), содержит информацию о завершенности процесса, модальная частица 了 (le) указывает на изменение ситуации.

3. *Первый процесс относится к настоящему времени, а второй – к будущему.*

Во фрагменте 这才能断了穆厄扎拉的念想, 他跑不了了 (‘Может, он наконец-то откажется от мыслей о Мвезале, ему теперь не сбежать’) первый процесс в настоящем (‘ему теперь не сбежать’) предшествует второму в будущем (‘он откажется от мыслей о Мвезале’). Эффект временных отношений создан комбинацией полусуффикса 了 (-le) и модальной частицы 了 (le). Ёген 断 (в данном контексте – ‘отказываться от’), благодаря наличию полусуффикса 了 (-le), содержит информацию о завершенности процесса, модальная частица 了 (le) указывает на изменение ситуации.

4. *Первый процесс относится к прошедшему времени, а второй – к настоящему.*

1. Во фрагменте 克莱尔先生提前抢占了2个月的先机。我在这里已经别无选择了 (‘Господин Клэр и так получил фору в два месяца. Здесь я больше ничего не

могу сделать’) первый процесс в прошлом (‘Господин Клэр Получил фору’) предшествует второму (‘я больше ничего не могу сделать’) в настоящем. Эффект временных отношений создан комбинацией полусуффикса 了 (-le) и модальной частицы 了 (le). Ёген 抢占 (в данном контексте значит ‘получать фору’), благодаря наличию полусуффикса 了 (-le), содержит информацию о завершенности процесса, модальная частица 了 (le) указывает на изменение ситуации.

2. Во фрагменте 人家把票买来了, 你怎么又不去了? (‘Я купил билеты – так что же это ты не идешь?’) первый процесс в прошлом (‘я купил билеты’) предшествует второму (‘ты не идешь’) в настоящем. Эффект временных отношений создан комбинацией знака алфавита синтаксиса 又 (you), полусуффикса 了 (-le) и модальной частицы 了 (le). Ёген 买 (‘покупать’), благодаря наличию полусуффикса 了 (-le), содержит информацию о завершенности процесса, модальная частица 了 (le) указывает на изменение ситуации.

3. Во фрагменте 这本书我已经卖到了, 不用你费心了 (‘Эту книгу я уже продал, тебе нет нужды беспокоиться’) первый процесс в прошлом (‘я уже продал’) предшествует второму (‘тебе нет нужды беспокоиться’) в настоящем. Эффект временных отношений создан комбинацией полусуффикса 了 (le) и модальной частицы 了 (le). Ёген 卖到 (‘продавать’), благодаря наличию полусуффикса 了 (-le), содержит информацию о завершенности процесса, модальная частица 了 (le) указывает на изменение ситуации.

Таким образом, получены следующие результаты:

1. На конкретных примерах с их описанием и интерпретацией подтверждено принятое в комбинаторной семантике положение о том, что полусуффикс 了 (-le), модальная частица 了 (le), знаки алфавита синтаксиса 又 (you) и 再 (zai) являются элементами метаязыка.

2. Проанализировано 44054 фрагмента текстов электронной версии Большого китайско-русского словаря, найдено 430 случаев обозначения временных отношений китайскими лексическими средствами, выявлено 43 случая создания эффекта временных отношений. Остальные примеры демонстрируют создание эффекта прошедшего времени/эффекта настоящего времени/эффекта будущего времени.

Заключение. В китайском языке отсутствует словоизменение, поэтому нет морфологических показателей времени, но, как и в других языках, между процессами в событиях возникают временные отношения, декларативно обозначающиеся лексическими средствами (лексическими единицами/комбинациями лексических единиц), а процедурально – синтаксическими (комбинациями полусуффиксов/модальных частиц/других знаков алфавита синтаксиса).

Установлена роль лексических и синтаксических средств китайского языка в обозначении временных отношений:

1. В рассмотренных выше примерах лексические единицы/комбинации лексических единиц обознача-

ют суперпозицию процессов в событиях, описываемых в предложениях, и относят эти процессы к прошедшему, настоящему или будущему времени.

2. Выявлены следующие процедуральные синтаксические средства создания эффекта временных отношений в китайском языке: комбинация полусуффикса 了 (-le) и модальной частицы 了 (le), комбинация знака алфавита синтаксиса 再 (zai), модальных частиц 了 (le), а также комбинация знака алфавита синтаксиса 又 (you), полусуффикса 了 (-le) и модальной частицы 了 (le).

3. В большинстве примеров (38-ми) эффект временных отношений создан комбинацией модальной частицы 了 (le) и полусуффикса 了 (-le), в 2-х случаях – комбинацией знака алфавита синтаксиса 再 (zai) и модальной частицы 了 (le), в 3-х – комбинацией знака алфавита синтаксиса 又 (you) и модальной частицы 了 (le).

Литература

1. Жуй, Цюй. Сопоставление языковых средств выражения категории времени в русском и китайском языках / Цюй Жуй // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – № 11. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sopostavlenie-yazykovykh-sredstv-vyrazheniya-kategorii-vremeni-v-russkom-i-kitayskom-yazykah>. – Дата доступа: 28.01.2022.
2. Цыбикова, Д.Б. Способы грамматического выражения категорий одновременности и одновременности в китайском языке / Д.Б. Цыбикова. – Вестн. БГУ. – 2014. – № 8. – С. 74–79. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-grammaticeskogo-vyrazheniya-kategoriyravnovremennosti-i-odnovremennosti-v-kitayskom-yazyke>. – Дата доступа: 09.12.2021.
3. Жуй, Цюй. Особенности выражения таксиса в русском и китайском языках / Цюй Жуй // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – № 3. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vyrazheniya-taksisa-v-russkom-i-kitayskom-yazykah>. – Дата доступа: 28.01.2022.
4. Каминская, И.В. Концепт «время» в русской и китайской лингвокультурах / И.В. Каминская, О.В. Чибисова // Вестн. Рязан. гос. ун-та им. С.А. Есенина. – 2012. – № 35. – С. 93–103.
5. Гибкий, П.В. Концепт «время» в китайской языковой картине мира / П.В. Гибкий // XXIV Всерос. студ. науч.-практ. конф. Нижневарт. гос. ун-та; под общ. ред. Д.А. Погонишева. – Филология. Лингвистика. Перевод. Нижневарт. Изд-во НВГУ, 2022. – Ч. 7. – С. 189–194. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48570075>. – Дата доступа: 25.11.2022.
6. БКРС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bkr.info/>. – Дата доступа: 06.04.2022.
7. Гордей, А.Н. Атрибутивно-предикативная синтагма как языковая универсалия / А.Н. Гордей // Иностранные языки в высшей школе / ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина». – Рязань: Ред.-изд. центр РГУ им. С.А. Есенина. – 2019. – Вып. 4(51). – С. 7–16.
8. Гордей, А.Н. Основания комбинаторной семантики / А.Н. Гордей // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium: Сб. науч. тр. по лексикографии / отв. ред. Л.В. Рычкова [и др.]. – Гродно: ГрГУ, 2005. – С. 32–35.
9. Гордей, А.Н. Части языка и члены предложения / А.Н. Гордей // Семантический потенциал языковых единиц и его реализация: тез. докл. Междунар. науч. конф., Минск, 20–21 окт. 2021 г. – Минск: МГЛУ, 2021. – С. 9–11.
10. Норман, Б.Ю. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков): курс лекций / Б.Ю. Норман. – Минск, 2009. – 183 с.
11. Дунпин, Чжу. Модель восприятия времени в китайском языке и связанные факторы: дис. ... д-ра филол. наук: 05.10.09 / Чжу Дунпин. – Харбин: Цзилиньский университет, 2009. – 192 л.
12. Гордей, А.Н. Принципы исчисления семантики предметных областей / А.Н. Гордей. – Минск: Белгосуниверситет, 1998. – 156 с.
13. Гордей, А.Н. Теоретическая грамматика восточных языков: лекционный курс [Электронный ресурс] / А.Н. Гордей. – Минск, 2007. – 1 эл. опт диск (CD-ROM).
14. Гибкий, П.В. Создание эффекта прошедшего времени комбинацией полусуффиксов 过 (guo) / П.В. Гибкий // Аномалия в языке, гармония в речи: сб. науч. ст. / Мин. гос. лингв. ун-т. – Минск, 2023. – С. 92–95. – Режим доступа: <http://e-lib.mslu.by/handle/edoc/11499>. – Дата доступа: 17.05.2023.
15. Гибкий, П.В. Эффект настоящего времени в китайском языке [Электронный ресурс] / П.В. Гибкий // Вестн. Омс. гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. – 2022. – № 3(36). – С. 92–96. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/effekt-nastoyaschego-vremeni-v-kitayskom-yazyke>. – Дата доступа: 25.11.2022.
16. Гибкий, П.В. Создание эффекта будущего времени путем комбинации полусуффиксов 了 (le) / П.В. Гибкий // Актуальные проблемы филологии: материалы междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых, Екатеринбург, 28 апр. 2022 г. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2022. – С. 325–332. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49897447>.

Поступила в редакцию 22.05.2023

Рэалізацыя семантыкі просьбы ў беларускай мове: структурна-камунікатыўны і прагматычны аспекты

Зіманскі В.Э.

Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава”, Віцебск

Моўныя зносіны – складаны і шматпланавы працэс усталявання і развіцця кантактаў паміж людзьмі, абумоўлены запатрабаваннямі сумеснай дзейнасці, выпрацоўкай адзінай стратэгіі ўзаемадзеяння, успрыманнем і разуменнем іншага чалавека; працэс узаемага ўплыву камунікатаў, які рэалізуецца ў акаляючым сацыяльным асяроддзі. Задача змястоўнага разгортвання камунікатыўнага ўзаемадзеяння праз дыялог шмат у чым застаецца актуальнай да гэтага часу і патрабуе шматбаковага комплекснага апісання не толькі спецыялістамі ў галіне лінгвістыкі, але і сацыяльнай псіхалогіі, этнаметадалогіі і іншых дысцыплін, у цэнтры ўвагі якіх знаходзіцца ўзаемадзеянне асобы з навакольным светам. Дадзеная праца прысвечана даследаванню прыватнага семантычнага тыпу падахвочвання – просьбы.

Мэта працы – выяўленне моўных сродкаў з семантыкай просьбы, вызначэнне функцыі, апісанне і сістэматызацыя іх семантычных асаблівасцяў і прагматычных уласцівасцяў у беларускай мове.

Матэрыял і метады. *Матэрыялам даследавання паслужылі прыклады з твораў беларускай літаратуры XIX–XXI стагоддзя, якія змяшчаюць моўныя сродкі выражэння семантыкі просьбы. Метады працы вызначаны аб’ектам, прадметам, мэтай, задачамі даследавання і спецыфікай моўнага матэрыялу. Для раішэння пастаўленых праблем выкарыстоўваліся метады стылістычнага аналізу, прагмалінгвістычны, апісальны, кантэкстуальны, супастаўляльны, статыстычны метады.*

Вынікі і іх абмеркаванне. *Асноўнымі моўнымі сродкамі выражэння семантыкі просьбы з’яўляюцца лексіка-граматычныя: дзеяслоўных формаў, перфарматыўных дзеясловаў лексіка-семантычнай групы просьбы, мадальных дзеясловаў з канатацыяй ветлівасці, прэдыкатаваў “можна”, “трэба”, “пажадана”; марфалагічныя: дзеяслоўных формаў ва ўмоўным ладзе, з магчымым узмацненнем ілакутыўнай сілы пасродкам адмаўлення; сінтаксічныя: уласна-імператыўных і ўскосна-імператыўных канструкцый, пытальных канструкцый у транспанаванай форме. Іх выбар залежыць ад сферы зносінаў камунікатаў: у афіцыйных зносінах маўленчыя дзеянні моўніка набываюць рытуальны характар; у штодзённа-побывавай сферы зносінаў адрасант карыстаецца шырокім спектрам моўных сродкаў і ўжывае тыя, якія, па яго меркаванні, будуць найбольш дарэчнымі ў пэўнай жыццёвай сітуацыі. Функцыянаванне прыватных прагматычных тыпаў мае наступную спецыфіку: просьба-рэгулятыў рэалізуецца толькі ў рамках семантычнага тыпу просьбы аб дзеянні; просьба-карэктыву, як правіла, у рамках семантычнага тыпу просьбы аб дзеянні ці просьбы аб сумесным дзеянні; просьба-партытыў можа функцыянаваць у рамках любога семантычнага тыпу просьбы (просьбы аб дзеянні, просьбы аб сумесным дзеянні, просьбы аб дазволе).*

Заклучэнне. *Выяўлены корпус моўных сродкаў выражэння семантыкі просьбы пацвярджае тое, што просьба з’яўляецца ўніверсальным самастойным тыпам заахвочвання, семантыка якой рэалізуецца ў маўленчай дзейнасці рознаўзроўневымі моўнымі сродкамі, якія характарызуюцца ўніверсальнасцю. У той жа час нацыянальна-культурныя асаблівасці маўленчых паводзін носьбітаў мовы дазваляюць казаць пра наяўнасць унікальных моўных сродкаў, якія актуалізуюць семантыку просьбы.*

Ключавыя словы: камунікатыўная сітуацыя, прагматыка, камунікатыўна-семантычная група, дзеянне, дазвол, прабачэнне, семантычны тып, сродак.

(Ученые записки. – 2024. – Том 39. – С. 131–138)

Implementation of the Semantics of Request in the Belarusian Language: the Structural-Communicative and Pragmatic Aspects

Zimanski V.E.

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

Speech interaction is a complex and multifaceted process of establishing and developing contacts between people, determined by the requirements of joint activities, the development of a unified strategy for interaction, perception and understanding of another person; the process of mutual influence of communicants, which is realized in the surrounding social environment. The task of meaningful development of communicative interaction through dialog in many ways remains relevant for this pair and requires

a multifaceted, comprehensive description not only by specialists in the field of linguistics, but by social psychology, ethnomethodology and other disciplines focused on human interaction with the outside world. This work deals with the study of a special semantic type of incentive – a request.

The purpose of the work is to identify linguistic means with the semantics of a request, determine their function, describe and systematize their semantic features and pragmatic properties in the Belarusian language.

Material and methods. The research material was based on examples from works of Belarusian literature of the 19th–21st centuries, containing linguistic means of expressing the semantics of a query. Research methods are determined by the object, subject, purpose, objectives of the study and the specifics of the language material. To solve the problems, the method of stylistic analysis, pragmalinguistic, descriptive, contextual, comparative, and statistical methods were used.

Findings and their discussion. The main linguistic means of expressing the semantics of a request are lexical and grammatical: verbal forms, performative verbs of the lexical-semantic group of a request, modal verbs with a hint of politeness, predicates “can”, “need”, “desirable”; morphological: verbs in the conditional mood, with possible strengthening of illocutionary force through negation; syntactic: proper imperative and indirect imperative constructions, interrogative constructions in transposed form. Their choice depends on the sphere of communication of the communicants: in official communication, the speech actions of the speaker acquire a ritual character; in everyday communication, the addresser uses a wide range of linguistic means and chooses those that, in his opinion, will be most appropriate in a certain life situation. The functioning of private pragmatic types has the following specifics: a regulatory request is implemented only within the framework of the semantic type of request for action; a correction request, usually within the framework of a semantic type of requirement for action or a request for joint action; a partitive request can function within any semantic type of request (requests for action, requests for joint action, requests for permission).

Conclusion. The identified corpus of linguistic means of expressing the semantics of the request confirms that a request is a universal independent type of incentive, the semantics of which is realized in speech activity by multi-level linguistic means characterized by universality. At the same time, the national and cultural characteristics of the speech behavior of native speakers suggest the presence of unique linguistic means that actualize the semantics of the request.

Key words: communicative situation, pragmatics, communicative-semantic group, action, permission, apology, semantic type, means. (Scientific notes. – 2024. – Vol. 39. – P. 131–138)

У паўсудзённым жыцці чалавека ўзнікае пэўная колькасць жаданняў, рэалізаваць якія ён не заўсёды здольны самастойна. Для рашэння простых ці складаных задач, якія сустракаюцца на жыццёвым шляху, чалавек часта звяртаецца з просьбай да розных людзей. І ад таго, якім чынам ён зможа выказаць свае жаданні, данесці да партнёра думку пра неабходнасць іх рэалізацыі, залежыць канчатковы вынік камунікатыўнага акту.

Для дасягнення патрэбнай мэты мы больш за ўсё ўзаемадзейнічаем з суразмоўцам метадам нашага ветлівага стаўлення да яго і шляхам выбару той ці іншай камунікатыўнай стратэгіі. Выяўляючы просьбу пры гутарцы, мы імкнёмся аказаць на суразмоўцу маўленчае ўздзеянне, гэта значыць вербальна ці невербальна імкнёмся заахваціць яго да ажыццяўлення некаторага практычнага дзеяння. Зыходнай інтэнцыяй любой прапановы з’яўляецца аказанне ўздзеяння на таго, хто слухае, з улікам ветлівага да яго стаўлення і прынятых моўных нормаў.

Чалавек, знаходзячыся ў грамадстве, схільны да набывання поглядаў, пунктаў гледжання і звычак тых людзей, у зносінах з якімі ён зацікаўлены. Ён імкнецца да «ўзору», які склаўся ў свядомасці носьбітаў мовы, спрабуе дзейнічаць па правілах камунікатыўных роляў моўніка і таго, хто слухае. Моўнік імкнецца выконваць «агульную лінію» маўленчых паводзін, моўную норму, парушаючы якой цягне за сабой негатыўную рэакцыю групы. Прынятыя нормы і ўмоўнасці грамадскага жыцця самай непасрэдным чынам уплываюць на характар маўленчых паводзін. Уступаючы ў маўленчыя зносіны з іншымі людзьмі, чалавек успрымае звычайна групавую норму як адзіна магчымую. У любым грамадстве пэўныя маўленчыя дзеянні могуць мець

месца, іншыя – не могуць, але ў любым выпадку моўнік імкнецца не абражаць іншага чалавека, не зневажаць яго, а, наадварот, выяўляць яму павагу, выяўляць зычлівасць [1, с. 22]. Гэта значыць, камунікаты бяруць на сябе абавязак раскрыць камунікатыўную кампетэнцыю, «якую можна разумець як інтэграцыю маўленчых учынкаў і пазамоўных ведаў...» [2, с. 21]. Паспяхова рэалізаваная яна можа быць толькі пры ўмове талерантнасці, адкрытасці і гатоўнасці да зносін. У цэнтры ўвагі знаходзяцца прагматычныя ўменні, якія ўключаюць у сябе здольнасць самастойна наладжваць кантакт, уступаць у маўленчыя зносіны, іх падтрымліваць і завяршаць, падпарадкоўвацца сацыяльным нормам і маўленчаму этыкету носьбітаў чужой культуры.

Этыкет і маўленне, па меркаванні Н.І. Форманоўскай, цесна злучаны паміж сабой. «У кожным грамадстве этыкет паступова развіваўся як сістэма правіл паводзін, сістэма дазваляў і забарон, якія арганізуюць у цэлым маральныя нормы» [3, с. 44–45].

Просьба як маўленчае дзеянне разглядаецца традыцыйна сярод формул маўленчага этыкету таму, што менавіта ў дадзеным дзеянні моўнік імкнецца не адыходзіць ад правіл ветлівасці, інакш ён рызыкуе не дасягнуць сваёй мэты, таму што вынік просьбы накіраваны на карысць “я” моўніка: “Я прашу Вас зрабіць гэта”. Каб дасягнуць чагосьці “для сябе” з дапамогай просьбы, чалавек павінен быць ветлівым. Пры гэтым моўнік не павінен забываць на тое, што ў кожнай маўленчай сітуацыі трэба выбіраць найболей дарэчны, прымальны выраз з таго мноства формаў, якім забяспечыла нас мова. Пры гэтым варта ўлічваць, хто твой суразмоўца, да якога ты звяртаешся з просьбай. Дадзеная праца прысвечана даследаванню просьбы як прыватнага семантычнага тыпу падахвочвання.

Актуальнасць даследавання абумоўлена тым, што, нягледзячы на даволі добрую распрацаванасць семантычных і прагматычных тыпаў просьбы і сродкаў выражэння яе семантыкі ў рускім мовазнаўстве (працы Я.У. Байчука, Г.А. Шмельжы, Г.Р. Шам'енавай, Н.І. Фарманюскай і інш.) [1; 3–9], рознабаковы аналіз такога спецыфічнага маўленчага акта, як просьба, у беларускай лінгвістыцы не атрымаў належнага развіцця.

Мэта працы – выяўленне моўных сродкаў з семантыкай просьбы, вызначэнне функцыі, апісанне і сістэматызацыя іх семантычных асаблівасцяў і прагматычных уласцівасцяў у беларускай мове.

Матэрыял і метады. Матэрыялам даследавання паслужылі прыклады з твораў беларускай літаратуры XIX–XXI стагоддзя, якія змяшчаюць моўныя сродкі выражэння семантыкі просьбы. Метады працы вызначаны аб'ектам, прадметам, мэтай, задачамі даследавання і спецыфікай моўнага матэрыялу. У аснове рашэння разгледжаных праблем ляжыць прагмалінгвістычны метады, які дазваляе даследаваць моўныя сродкі з пункту гледжання выкананых імі функцый, вызначыць іх прагматычную значнасць. Пры вывучэнні моўнага матэрыялу ў працы выкарыстоўваецца апісальны метады, які дазваляе выявіць і сістэматызаваць моўныя сродкі выражэння семантыкі просьбы на розных узроўнях мовы; кантэкстуальны метады, што прадугледжвае разгляд моўных сродкаў выражэння семантыкі просьбы ў кантэксце сітуацыі; супастаўляльны метады, які забяспечвае міжмоўнае супастаўленне розных моўных сродкаў, што рэалізуюць просьбу; метады стылістычнага аналізу, які дае магчымасць вызначыць эмацыйна-экспрэсіўную афарбаванасць выказванняў, што змяшчаюць моўныя сродкі выражэння семантыкі просьбы.

Вынікі і іх абмеркаванне. Моўныя зносіны – складаны і шматпланавы працэс усталявання і развіцця кантактаў паміж людзьмі, абумоўлены запатрабаваннямі сумеснай дзейнасці, выпрацоўкай адзінай стратэгіі ўзаемадзейня, успрыманням і разуменнем іншага чалавека; працэс узаемнага ўплыву камунікатаў адзін на аднаго, які рэалізуецца ў акаляючым сацыяльным асяроддзі. Матэрыялам для вывучэння агульных заканамернасцяў ажыццяўлення камунікатыўнага ўзаемадзейня шматлікія даследчыкі лічаць дыялог, які прыцягвае да сябе ўвагу па прычыне таго, што функцыянуе ў асяроддзі жывых чалавечых зносінаў, а задача яго змястоўнага разгортвання шмат у чым застаецца актуальнай па гэту пару і патрабуе шматбаковага комплекснага апісання не толькі спецыялістамі ў галіне лінгвістыкі, але і сацыяльнай псіхалогіі, этнаметадалогіі і іншых дысцыплін, у цэнтры ўвагі якіх знаходзіцца ўзаемадзейне асобы з навакольным светам.

У дадзеным артыкуле просьба разглядаецца як тып падахвочвання, які ўключае шэраг прагматычных і функцыянальна-стылявых разнавіднасцяў з розным значэннем (маленне, перакананне, упрошванне, угаворванне, заговор, хадаініцтва, прашэнне, апеляцыя, петыцыя) і вызначаецца як маўленчае дзеянне, накіра-

ванае на актывізацыю/заохвочванне адрасата да ажыццяўлення вербальных/невербальных дзеянняў.

Камунікатыўная сітуацыя просьбы фарміруецца па законах тыповай камунікатыўнай сітуацыі і складаецца з усіх яе кампанентаў. Камунікатыўная сітуацыя просьбы ўзнікае з прычыны немагчымасці/нежадання адрасанта выканаць вызначанае дзеянне/атрымаць жаданы аб'ект/уладкаваць жаданую жыццёвую сітуацыю і звароты да адрасата, які можа (але не абавязаны) выканаць жаданае дзеянне.

Аналіз фактычнага матэрыялу дазволіў выдзеліць наступныя тыпы выражэння просьбы ў беларускай мове: семантычныя тыпы просьбы (просьба аб дзеянні, просьба аб сумесным дзеянні, просьба аб дазволе, просьба аб прабачэнні), прагматычныя тыпы просьбы (просьба-рэгулятыў, просьба-карэктыв, просьбы-партытыў). Адначасова з імі ў дадзеным раздзеле будуць разгледжаны моўныя сродкі, якія ўзмацняюць функцыю ўздзеяння на адрасата. Апісанне тыпаў просьбы праведзена з пункту гледжання функцыянальна-семантычнага і камунікатыўна-прагматычнага падыходаў пры ўліку сферы зносінаў, прынцыпу рэалізаваўнага дзеяння, імпліцытнага/экспліцытнага спосабаў выражэння семантыкі просьбы.

Семантычныя тыпы просьбы. Аналіз моўнага матэрыялу дазволіў вылучыць некалькі разнавіднасцяў просьбы, што залежаць ад крыніцы выканання дзеяння, якія ў дадзеным даследаванні разглядаюцца як семантычныя тыпы просьбы. Прыватны семантычны тып просьбы, пры якім выкананне дзеяння арыентавана на адрасата падахвочвання, вызначаецца ў працы як просьба пра дзеянне. Выкананне каўзальнага дзеяння, якое арыентуецца на абодвух удзельнікаў камунікатыўнай сітуацыі, абумоўлівае вылучэнне просьбы пра сумеснае дзеянне. Семантычны тып просьбы, заснаваны на выкананні каўзальнага дзеяння самім адрасантам падахвочвання, разглядаецца як просьба пра давол. Семантычныя тыпы просьбы выяўляюць дыферэнцыяцыю тыповай камунікатыўнай сітуацыі і схем яе развіцця.

Просьба аб дзеянні – гэта прыватны семантычны тып просьбы, пры якім выкананне дзеяння арыентавана на адрасата просьбы.

Схема камунікатыўнай сітуацыі просьбы праз дзеянне наступная: 1) у адрасанта ўзнікае неабходнасць у выкананні дзеяння (рознага парадку), якое можа быць рэалізавана адрасатам; 2) адрасант вербальна/невербальна паведамляе партнёру па камунікацыі пра жаданае дзеянне; 3а) адрасат выконвае дзеянне (эфект дасягаецца); 3б) адрасат абяцае выканаць дзеянне ў будучыні (эфект дасягаецца часткова); 3в) адрасат адмаўляецца выканаць дзеянне (эфект не дасягаецца).

Просьба аб дзеянні функцыянуе ў розных сферах зносінаў ва ўмовах міжасобаснай/групавой/масавай камунікацыі ў вуснай ці пісьмовай форме. Колькасны паказчык сувязі паміж камунікантамі ўплывае на характарыстыкі ўдзельнікаў зносінаў. У міжасобаснай/групавой камунікацыі адрасант і адрасат рэальныя;

у сітуацыі масавай камунікацыі адрасант можа з’яўляцца як рэальным, так і дэперсаніфікаваным удзельнікам зносін, а адрасат абагульнены. Зварот да віртуальнага адрасата магчымы ў маналагічным маўленні.

Асноўным універсальным моўным сродкам рэалізацыі просьбы аб дзеянні ў дзвюх блізкароднасных мовах з’яўляюцца імператыўныя формы дзеясловаў закончанага трывання ў 2-й асобе адзіночнага ці множнага ліку, таму што просьба, выражаная імператывам, можа мець розныя адценні катэгарычнасці; імператыўныя выказванні, якія рэалізуюць просьбу, часта дапаўняюцца формуламі ветлівасці.

Прашу на кухню, Валянцін, – замітусіўся Мяфодзій. – Святое месца, хе-хе (А. Андрэеў “Сярэдзінная тэрыторыя”). Пакажы мне, калі ласка, сваё левае запяцце (А. Андрэеў “Сусвет не месца для самоты”). Дайце мне руку! Дзяўчына ляжыць, а ён не пашавяліцца. Вы кепска выхаваны (А. Андрэеў “Сусвет не месца для самоты”). Добра, пацалуй мяне, маё кацянятка, – сказаў тата (А. Гара “Чорная дзірка”). – Схадзі, бацька, у мой дом, прынясі піса са склепа. Маіх жаніхоў ад баяна не адарвеш, – гэта яна пра мужа і сына. – Уладзімір Паўлавіч, ідзіце ў хату, пасядзіце, танцаваць жа не будзеце (Іван Шамякін “Злая зорка”). – Томачка, дзіця маё, зрабі добрую справу: вазьмі шэфства над Барысам. Каб лішняе не выпіў, а то ён хлопец завадны (Іван Шамякін “Злая зорка”). – Барысок, сыне мой, прашу цябе: не заводзься. Тут жа амаль усе незнаёмыя табе людзі (Іван Шамякін “Злая зорка”). Старайцеся, хлопчыкі. Пакуль займеце кабінет у гэтым доме, лягчэй будзе абараняцца (Іван Шамякін “Злая зорка”).

Дапаможным кампанентам у структуры самой просьбы ў беларускай мове з’яўляюцца памяншальна-ласкальныя словы, якія надаюць просьбе мяккасць, а моўніку – упэўненасць, што яму не будзе адмоўлена. У прыведзеных прыкладах гэта выразы: кацянятка маё, дзіця маё, сыне мой, хлопчыкі.

У арганізацыі просьбы аб дзеянні актыўна выкарыстоўваюцца пыталыя канструкцыі ва ўскоснай функцыі, накіраваныя не на запыт інфармацыі, а на актуалізацыю некатэгарычнага падахвочвання. У беларускай мове пыталыя канструкцыі рэалізуюць просьбу аб дзеянні па формуле: дзеяслоў з семантыкай “даваць”, “чакаць”, “слухаць”, “ісці”) у 2-й асобе адзіночнага/множнага ліку (можа быць ускладнена адмоўем).

Давай яго сюды, што ты стайш, як ёлупень (М. Прохар “Набліжэнне”). А давай падменем яго метафарай (А. Казлоў “Незламная свечка”). Мама, давай скончым гэтую размову. Справа гэта настолькі інтымная. (А. Андрэеў “Апельсіны на асфальце”). Давай вернемся да Іскандэра. Чаму ты вырашыў, што ў цябе ёсць шанец з ім дамовіцца? (М. Прохар “Набліжэнне”). Чакайце, хлопцы, – сказаў Данька. – Бярыце вось (У. Караткевіч “Каласы пад сярпом тваім”). І звярнуўся да атрада: – Слухай мяне... Пайдзеце да іхніх сціратаў і памяркуеце, колькі ім трэба, каб за ноч не схавалі... Не звяртайце ўвагі, – нервова сказаў Сыракомля. – Я не хачу пакрыўдзіць пана Ліза-

губа. Ды пачакай ты са сваім подзвігам, Валера. Што мне рабіць? (М. Прохар “Набліжэнне”). А давайце сустрэнемся заўтра? Тут, у гэты ж час (А. Андрэеў “Сярэдзінная тэрыторыя”). Слухай, – сказаў Загорскі спакойна, як роўнаму. – Яна ж верыла ў цябе (У. Караткевіч “Каласы пад сярпом тваім”). Прайдзіце сюды, дзяўчына. Тут ёсць месца строга для вас – ізноў прарэзаўся голас гладкастрыжанага (А. Андрэеў “Для каго ўзыходзіць сонца?”). Прыходзьце. Буду вас чакаць. Даўно не бачыла настолькі ўпэўненага ў сабе мужчыну (А. Андрэеў “Апельсіны на асфальце”). Прыходзь заўтра ў рэдакцыю, – прапанаваў Юджын, – атрымаеш заданне. А там паглядзім (А. Андрэеў “Сярэдзінная тэрыторыя”).

Сродкі, якія ўдзельнічаюць у рэалізацыі просьбы аб дзеянні, уяўляюць розныя моўныя ўзроўні (лексічны, марфалагічны, сінтаксічны). Перадача семантыкі просьбы магчымая імпліцытным ці экспліцытным спосабам.

Просьба аб сумесным дзеянні – гэта прыватны семантычны тып просьбы, пры якім мяркуецца выкананне дзеяння адрасатам сумесна з адрасантам.

У схеме камунікатыўнай сітуацыі просьбы аб сумесным дзеянні: 1) рэалізацыя жаданага бачыцца адрасантам як вынік сумеснай дзейнасці; 2) адрасантам паведамляецца пра жаданае дзеянне пры намінацыі ўдзельнікаў выканання дзеяння (адрасант разам з адрасатам); 3а) адрасат згаджаецца выканаць сумесна з адрасантам дзеянне (эфект дасягаецца); 3б) адрасат абяцае выканаць сумесна з адрасантам дзеянне ў будучыні (эфект дасягаецца часткова); 3в) адрасат адмаўляецца выканаць сумесна з адрасантам дзеянне (эфект не дасягаецца).

Просьба аб сумесным дзеянні актуалізуецца ў маўленні рознаўзроўневымі моўнымі сродкамі, выбар якіх залежыць ад параметраў камунікатыўнай сітуацыі (сферы зносін, тыпу ўзаемаадносін паміж камунікатамі іх сацыяльных роляў і інш.). Просьба аб сумесным дзеянні рэалізуецца ў розных сферах зносін ва ўмовах міжасобаснай ці групавой камунікацыі ў вусновай ці пісьмовай форме. Удзельнікі зносін, як правіла, рэальныя. Прычыны, якія падахвочваюць адрасанта звяртацца да суразмоўцы з просьбай аб сумесным дзеянні, могуць быць наступнымі: немагчымасць/нежаданне адрасанта выканаць дзеянне самастойна; наяўнасць у адрасата вызначаных магчымасцяў/паўнамоцтваў, якія маглі б спрыяць выкананню дзеяння, неабходнага для ажыццяўлення адрасантам.

Універсальным моўным сродкам выражэння просьбы аб сумесным дзеянні ў беларускай мове з’яўляецца імператыў у форме 1-й асобы множнага ліку ці дзеяслоў прошлага часу множнага ліку з імператыўнай семантыкай.

Давай паспрабуем. Як табе такі варыянт: якім будзе голоўны завет чалавечай будучыні? (А. Казлоў “Незламная свечка”). Давайце адзначым. Колькі вам спаўняецца? (А. Андрэеў “Сярэдзінная тэрыторыя”). Давай выйдем за савецкую медыцыну! (А. Андрэеў

“Апельсіны на асфальце”). Ну, добра ўжо. Давай пойдзем, – сказаў Алесь. Бацька ўстаў: – Пойдзем, сыне. Буду табе ўсё наказваць. А вы заставайцеся тут, пан Адам (У. Караткевіч “Каласы пад сярпом тваім”). Хадзем, Янечка, хадзем, золатка. Гэта ж яны жартуюць. Гэта ж Алесь пажартаваў... (У. Караткевіч “Каласы пад сярпом тваім”). Давайце прадоўжым знаёмства, каб мы ведалі і ставіліся адно да аднаго як члены дружнай сям’і (Іван Шамякін “Сатанінскі тур”). Ядзя! Пайшлі са мной! Плюнь на гэту банду марадзёраў (Іван Шамякін “Сатанінскі тур”). Паехалі, Лізавета Іванаўна. Бліжэй будзеш да сыноў (Іван Шамякін “Злая зорка”).

У арганізацыі просьбы аб сумесным дзеянні ў беларускай мове выкарыстоўваюцца таксама пыталыя канструкцыі з часціцамі “ці”, “хіба”, у якіх моўнік звяртаецца да суразмоўцы з пэўнай просьбай-запрашэннем нешта зрабіць, а не дзеля простага запытвання: Ці не хацеў бы ты са мной адпачыць ў Егіпце? (А. Гара “Чорная дзірка”). Ці не хочаш ты, каб мы з табою ажаніліся і нарадзілі дзяцятка нам на асалоду? (Алесь Асташонак “Жоўты колер белага снегу”). Хіба ты хочаш, каб мы туды схадзілі? Там казалі небяспечна (Алесь Асташонак “Жоўты колер белага снегу”).

Просьба аб дазvole – гэта прыватны семантычны тып просьбы, заснаваны на выкананні дзеяння самім адрасантам. Функцыянаванне просьбы аб дазvole магчыма ў розных сферах зносін ва ўмовах міжасобаснай ці групавой камунікацыі ў вуснай ці пісьмовай форме. Спецыфіка камунікатыўнай сітуацыі просьбы аб дазvole заключаецца ў тым, што адрасант мае жаданне выканаць вызначанае дзеянне, але магчымасць яго выканання залежыць ад санкцыі адрасата. Адрасант павінен атрымаць згоду (вербальную ці невербальную) на здзяйсненне жаданага. З чаго вынікае, што ў сітуацыі просьбы аб дазvole адрасат, як правіла, вышэйшы па сацыяльным статусе ці займае больш значную сітуацыйную ролю, якая дае яму права дазваляць ці забараняць выкананне гэтых дзеянняў. Просьба аб дазvole часта спалучана з правіламі ветлівых зносін, дзе статусы камунікатаў не маюць значэння.

Схема камунікатыўнай сітуацыі просьбы аб дазvole: 1) у адрасанта ўзнікае жаданне выканаць самастойна вызначанае дзеянне, якое можа быць рэалізавана толькі пасля дазволу адрасата; 2) адрасант звяртаецца да адрасата з просьбай пра дазвол, паведамляючы вербальна/невербальна пра неабходнае дзеянне; 3а) адрасат дазваляе адрасанту самастойна выканаць дзеянне (эфект дасягаецца); 3б) адрасат абяцае адрасанту дазволіць у будучыні выкананне дзеяння (эфект дасягаецца часткова); 3в) адрасат адмаўляецца дазволіць адрасанту выканаць самастойна дзеянне (эфект не дасягаецца).

Лексічнае раскрыццё камунікатыўнага намеру моўніка ў просьбе аб дазvole ажыццяўляецца ў выказваннях, якія змяшчаюць дзеясловы лексіка-семантычнай групы дазвалення – у беларускай мове раскрыццё дасягаецца з дапамогай мадальнага слова “можна”.

– Можна мне сказаць, бацька? – спытаў Алесь.

– Кажы. (У. Караткевіч “Каласы пад сярпом тваім”).

– Можна, я спытаюся ў цябе пра тое, пра што ўчора баяўся нават падумаць. (А. Андрэеў “Сярэдзінная тэрыторыя”).

– А можна пачытаць? Тут, зараз. Хоць бы зірнуць.... (А. Андрэеў “Сярэдзінная тэрыторыя”).

Але грубая бязрадасная лаянка старшыні стрымала: ці мала што ў чалавека магло здарыцца – на вяселлі! – Мне можна ісці? (У. Караткевіч “Каласы пад сярпом тваім”).

Просьба аб дазvole як тып заахвочвання можа быць выяўлена экспліцытна. Тыповая граматычная форма – пыталыя сказы з дзеясловам у форме 1-й асобы цяперашняга часу абвяснага ладу. Такі від просьбы выкарыстоўваецца галоўным чынам у афіцыйна-дзелавой сферы зносін, захоўваючы нейтральнасць, ці ў штодзённа-побытавай сферы, набываючы экспрэсіўную афарбоўку.

Просьба аб прабачэнні – гэта такі від просьбы, у якім адрасат адначасова просіць прабачэння ў свайго суразмоўцы. Пры гэтым выкарыстоўваюцца формы дзеясловаў, якія выражаюць прабачэнне і нясуць у сваім дэнататыўным слаі стануючую канатацыю. Гэта форма выражаецца загадным ладам дзеясловаў “прабач(це), “даруй(це)” (адзіночнага ці множнага ліку) + асоба адрасанта дзеяння (выражаная звароткам).

– Валянцін, прабач. Даруй мне, анёл мой! (А. Андрэеў “Сярэдзінная тэрыторыя”). – Прабачце, джэнтльмены, – сказаў Крэст, – я выпадкова чуў усё. Я не хацеў бы пераашкаджаць вам (У. Караткевіч “Каласы пад сярпом тваім”). – Прабачце, панове, за жарт, – сказаў Кроер. – Іначай ніхто не прыехаў бы (У. Караткевіч “Каласы пад сярпом тваім”). – Давай лепш вып’ем. Даруй, калі я цябе чым-небудзь накрыўдзіў, Кірыл (М. Прохар “Набліжэнне”). – Прашу прабачэння, спадарства. – А пасля чамусьці рыкнуў: – Клашар-ры! (А. Андрэеў “Сярэдзінная тэрыторыя”). Ён пільна глядзеў на яе. І тады яна спахапілася: – Ой, я нешта не тое сказала. Даруй мне, Алесь. (У. Караткевіч “Каласы пад сярпом тваім”). – Прабачце, кісла тут у нас. Але мы не праветрываем. Замяралі тут нашы. У памяшканні ўсё ж фон ніжэйшы – хмыкнуў на нечаканае вызначэнне (Іван Шамякін “Злая зорка”).

Прагматычныя тыпы просьбы. Моўныя сродкі, якія рэалізуюць семантычныя тыпы просьбы, валодаюць адзінай семантычнай функцыяй (падахвочванне адрасата да выканання для моўніка дзеяння), якая можа складацца з шэрагу дадатковых прагматычных функцый, сярод якіх былі выяўлены наступныя: рэгуляцыйная функцыя, накіраваная на рэгуляванне невербальных паводзін дзеячаў вызначанай сацыяльнай групы ва ўмовах канвенцыянальных зносін; карэктыўная функцыя, злучаная з карэктыроўкай вербальных/невербальных дзеянняў ва ўмовах міжасобасных/групавых зносін; партытыўная функцыя, арыентаваная на частковае выкананне вербальных/невербаль-

ных дзеянняў ці пераарыентацыю на іншае, меней выдатковае дзеянне. Пры ўліку дадзеных функцый былі вылучаны прагматычныя тыпы просьбы: просьба-рэгулятыў, просьба-карэктыў, просьба-партытыў.

Вылучэнне прагматычных тыпаў просьбы прадугледжвае існаванне дадатковых схем камунікатыўнай сітуацыі просьбы.

Просьба-рэгулятыў – гэта такі тып моўнай просьбы, мэта якога заключаецца ў рэгуляванні/каардынаванні немаўленчых паводзін удзельнікаў вызначанай сацыяльнай групы ва ўмовах канвенцыянальных зносін.

Схема рэгулятыўнай камунікатыўнай сітуацыі просьбы: 1) адрасат можа здзейсніць учынак, неадпаведны агульнапрынятым нормам і правілам; 2) адрасант, з’яўляючыся безасабовым выразнікам нормаў, рэгулюе паводзіны адрасата, паведамляючы пра неабходныя дзеянні; 3) адрасат ігнаруе прадпісанне, парушае агульнапрыняты парадак, але адміністрацыйнай адказнасці не нясе.

Просьба-рэгулятыў функцыянуе ва ўмовах афіцыйных масавых канвенцыянальных зносін у вуснай ці пісьмовай форме пры максімальным дыстанцыяванні паміж камунікатамі. Адрасат просьбы-рэгулятыва – прадстаўнік вызначанай сацыяльнай групы, які павінен падпарадкоўвацца нормам і правілам, усталяваным у грамадстве; адрасант уяўляе сабою безасабовага выразніка гэтых нормаў і правіл, які паведамляе адрасату спосабы неабходных паводзін.

Асаблівасці просьбы-рэгулятыва складаюцца ў наступным: 1) дзеянне не для вызначанай асобы, а для ўсяго сацыяльнага калектыву; 2) выкананне дзеяння пажаданае, але не абавязковае (адрасат не панясе пакаранне за адмову ад выканання дзеяння); 3) у склад просьбаў-рэгулятываў, часцей за ўсё, уключаюцца лексемы “просьба”, “калі ласка”, “дзякуй”.

Просьба-рэгулятыў выяўляецца з дапамогай адмысловых сродкаў. Найбольш распаўсюджаная структурная формула просьбы-рэгулятыва ў беларускай мове – “просьба” + інфінітыў, які выказвае дзеянне. Моўныя сродкі, якія выказваюць просьбу-рэгулятыў, як правіла, адрозніваюцца экспліцытнасцю і нейтральнасцю: *Вялікая просьба, не адцягваць увагу кіроўцы падчас паездкі. Просьба свечасова аплочваць праезд (у тралейбусе). Вялікі дзякуй за разуменне!*

Просьба-карэктыў уяўляе сабою такі тып моўнай просьбы, прызначэнне якога складаецца ў заахвочванні адрасата да спынення/перайначвання маўленчага/немаўленчага дзеяння.

Схема карэктыўнай камунікатыўнай сітуацыі просьбы: 1) адрасат здзяйсняе/збіраецца здзейсніць (самастойна ці сумесна з адрасантам) дзеянні вызначанага характару; 2) здзяйснення/планавання дзеяння па якім-небудзь чынніку не задавальняюць адрасанта (не адказваюць яго інтарэсам, інтарэсам самога адрасата, не адпавядаюць камунікатыўнай сітуацыі); з мэтай паляпшэння камунікатыўнага становішча/прадурхлення негатывных наступстваў, адрасант просіць спыніць здзяйснення/планавання дзеяння ці прапануе

перайначванне/альтэрнатыву дзеянняў; 3а) адрасат згаджаецца выканаць волю партнёра па камунікацыі часткова ці пры выкананні вызначаных умоў; 3б) адрасат парушае волю адрасанта, што прыводзіць да камунікатыўнай няўдачы.

Асноўным універсальным моўным сродкам, які арганізуюць просьбу-карэктыў, з’яўляюцца імператыўныя канструкцыі з адмоўем “не”. Звычайна такія формы выяўляюць катэгарычнае заахвочванне (забарона, загад, патрабаванне), а ў просьбу-карэктыў яны трансфармуюцца пры слабай пазіцыі моўніка. Этыкетныя формулы (“калі ласка”, “будзьце ласкавы” і інш.) і перфарматывы (“прашу”, “малю”) нярэдка суправаджаюць падобныя канструкцыі, маюць падвойную функцыю: акрамя эксплікацыі заахвочвання яны павялічваюць ілакутыўную сілу выказвання.

– *Пачакай, Мяфодзій, прашу, не гарачыся (А. Андрэеў “Сярэдзінная тэрыторыя”). Ён размяк. Узяў яе далонямі за галаву. – Ты... не плач, прашу, – сказаў ён. – Не трэба (У. Караткевіч “Каласы пад сярпом тваім”). Я прашу вас прачытаць дакладную зараз жа (Іван Шамякін “Сатанінскі тур”). Як? У цябе нарадзіўся сын? І ты маўчыш! – весела выгукнуў таварыш на няшчасці, з якім Глеб гуляў у шашкі. – Ну жмінда! А ці можна нам проста зайсці паглядзець на гэтага анёлка? (Іван Шамякін “Сатанінскі тур”).*

Сродкам выражэння семантыкі просьбы-карэктыва ў беларускай мове з’яўляецца таксама вылучальна-абмежавальная часціца “толькі” ў спалучэнні з дзеясловам у імператыве ці ў асабовай форме будучага часу (у сцвярджалных ці адмоўных канструкцыях). Такія канструкцыі ўжываюцца ў сітуацыі, калі адрасант жадае скарэктаваць будучае дзеянне адрасата. Яны выкарыстоўваюцца незалежна ад сферы зносін, іх спецыфіка складаецца ў тым, што: а) пры адмаўленні ў просьбе не канкрэтызуецца жаданае, а толькі абмяжоўваецца выбар адрасатам яго будучых дзеянняў: “рабі што хочаш, але не рабі так”; б) пры сцвярджэнні магчымых спадарожных дзеянняў не важныя для адрасата, падкрэсліваецца неабходнасць выканання асноўнага дзеяння: “рабі што хочаш, толькі зрабі так”.

Толькі ты не рабі благога і не бойся нікога (У. Караткевіч “Каласы пад сярпом тваім”). Толькі не закрывай вочы, прашу цябе, мне патрэбна ведаць, што ты жывы (В. Быкаў “Знак бяды”). Толькі ты не плач, мамачка, усё абыдзеца (Іван Шамякін “Злая зорка”).

Моўныя сродкі выражэння семантыкі просьбы-карэктыва галоўным чынам экспрэсіўна афарбаваны, валодаюць адзнакаваасцю, перадаюцца экспліцытна.

Просьба-партытыў – гэта такі тып моўнай просьбы, мэта якой складаецца ў заахвочванні адрасата да частковага (няпоўнага) выканання дзеяння ці ў ініцыяванні іншага дзеяння наўзамен жаданага. Просьба-партытыў знаходзіць выражэнне ў сітуацыі непасрэднага кантакту суразмоўцаў, як правіла, знаёмых адно аднаму незалежна ад іх статусных роляў.

Сцэнарыі партытыўнай камунікатыўнай сітуацыі просьбы: 1) адрасант атрымлівае/прадугледжае адмову адрасата выканаць дзеянне самастойна, сумесна з адрасантам ці дазволіць рэалізацыю дзеяння; 2) з мэтай зніжэння камунікатыўнага ціску адрасант відазмяняе характар будучага дзеяння, падахвочваючы адрасата выканаць яго часткова ці выканаць іншае, меней выдатковае дзеянне; 3а) адрасат згаджаецца часткова выканаць дзеянне/іншае дзеянне, захоўваючы камунікатыўную раўнавагу; 3б) адрасат выяўляе намер выканаць волю адрасанта пры вызначаных умовах; 3в) адрасат адмаўляецца выканаць названыя дзеянні, што вядзе да заканчэння маўленчага кантакту.

Асноўным моўным сродкам просьбы-партытыва ў беларускай мове з’яўляюцца часціцы з семантыкай абмежавання “хоць”, “хоць бы”, якія ўжываюцца ў выказванні ў якасці канкрэтызатара будучага няпоўнага дзеяння ці іншага, меней выдатковага для адрасата (з пункту гледжання фізічных, псіхічных, маўленчых і іншых паказальнікаў) наўзамен таго, у чым мае патрэбу моўнік.

Хоць бы ты памаўчай, – суха сказаў князь, – хрысціянін (У. Караткевіч “Каласы пад сярпом тваім”). Хоць вы скажыце, Кацярына Захараўна, ці былі ў доме вашых бацькоў іконы? (А. Журба “На золку”).

Просьба-партытыў часткова злучана з колькасным паказчыкам, які эксплікуе мізэрнасць магчымых выдаткаў адрасата і з’яўляецца ўзмацняльнікам ілакутыўнай сілы заахвочвання просьбы.

Просьба-партытыў функцыянуе галоўным чынам у штодзённа-побытавай сферы зносін, што абумоўляе экспрэсіўны, эмацыйны характар моўных сродкаў, якія ўключаюцца ў рэалізацыю дадзенага тыпу заахвочвання: у сітуацыі просьбы адрасат не абавязаны выконваць дзеянне, якое актуалізуецца адрасантам, такое заахвочванне часта злучана з узмацненнем функцыі ўздзеяння, што выяўляецца ў выкарыстанні адрасантам дадатковых моўных сродкаў, стымулюючых адрасата да рэалізацыі жаданага. Просьба з узмацненай функцыяй уздзеяння ўяўляе сабою комплекс, які складаецца з двух сегментаў:

- 1) цэнтральнага, што выказвае непасрэдна просьбу;
- 2) дадатковага, які змяшчае сродкі ўзмацнення функцыі ўздзеяння (матыўны, прэвентыўны, альтэрнатыўны кампаненты).

Матыўны кампанент – гэта дадатковы кампанент просьбы, у якім эксплікуюцца мэты і матывы заахвочвання: – *Валянцін, прыдумай што-небудзь, зрабі што-небудзь. Я хачу цябе бачыць (А. Андрэў “Сярэдзінная тэрыторыя”).*

Альтэрнатыўны кампанент – гэта дадатковы кампанент просьбы, у якім адрасату паведамляецца пра выгадныя для яго дзеянні: – *Сямён, выканай норму на сёння – і нас начальства пахваліць і табе прэмія будзе (С. Рублеўскі “Паспець надыхацца”).*

Прэвентыўны кампанент – гэта дадатковы кампанент просьбы, у якім адрасат інфармуецца пра магчымыя неспрыяльныя наступствы ў выпадку яго адмовы выканаць дзеянне. Верагодныя неспрыяльны наступ-

ствы могуць датычыцца адрасата/адрасанта/трэціх асоб: – *Алесь, падай голас, а то пан Мешчаноўскі уявіць, быццам я бляфую, і наспрабуе мяне забіць (С. Рублеўскі “Паспець надыхацца”).*

Заклучэнне. Выяўлены корпус моўных сродкаў выражэння семантыкі просьбы (лексіка-граматычных: дзеяслоўных формаў, перфарматыўных дзеясловаў лексіка-семантычнай групы просьбы, мадальных дзеясловаў з канатацыяй ветлівасці, прэдыкатываў “можна”, “трэба”, “пажадана”; марфалагічных: дзеяслоўных формаў ва ўмоўным ладзе, з магчымым узмацненнем ілакутыўнай сілы пасродкам адмаўлення; сінтаксічных: уласна-імператыўных і ўскосна-імператыўных канструкцый, пыталых канструкцый у транспанаванай форме) пацвярджае тое, што просьба з’яўляецца ўніверсальным самастойным тыпам заахвочвання, семантыка якога рэалізуецца ў маўленчай дзейнасці рознаўзроўневымі моўнымі сродкамі, якія характарызуюцца ўніверсальнасцю. У той жа час нацыянальна-культурныя асаблівасці маўленчых паводзін носбітаў мовы дазваляюць казаць пра наяўнасць унікальных моўных сродкаў, якія актуалізуюць семантыку просьбы – памяншальна-ласкавыя звароты, акцэнтнае адрасаванне просьбы.

Выбар сродкаў выражэння просьбы залежыць ад сферы зносін камунікантаў: у афіцыйных зносінах маўленчыя дзеянні моўніка набываюць рытуальны характар; у штодзённа-побытавай сферы зносін адрасант карыстаецца шырокім спектрам моўных сродкаў і ўжывае тыя, якія, па яго меркаванні, будуць найбольш дарэчныя ў пэўнай жыццёвай сітуацыі. Аналіз частотнасці ўжывання таго ці іншага тыпу просьбы дазваляе зрабіць вывад, што найбольш ужывальным тыпам просьбы ў беларускай мастацкай літаратуры з’яўляецца просьба аб дзеянні.

На фарміраванне камунікатыўнай сітуацыі просьбы ўплываюць камунікатыўныя характарыстыкі яе ўдзельнікаў. Адрасант просьбы ў міжасобасных зносінах можа з’яўляцца ўладальнікам любога сацыяльнага статусу. У сітуацыі масавай камунікацыі ён, звычайна, дамінуе над адрасатам у камунікатыўнай пазіцыі. Характар і спосаб камунікацыі абумоўліваюць тып адрасата просьбы: ён можа быць рэальным (у кантактных зносінах), патэнцыйным (у масавых зносінах) ці віртуальным (маналагічным, рытарычным “удзельнікам” пры звароце адрасанта да вышэйшых сіл).

Важным фактарам у арганізацыі падахвочвання ў цэлым і рэквестыўнага падахвочвання ў прыватнасці з’яўляецца ўлік асаблівасцяў нацыянальных камунікатыўных паводзін: беларускія камунікатыўныя паводзіны адрозніваюцца дыстантнасцю і арыентацыяй на асобу, значным аспектам у рэалізацыі просьбы з’яўляецца выкананне прынцыпу ветлівасці, які дазваляе адрасанту схіліць да сябе суразмоўцу і разлічваць на камунікатыўны поспех у выніку сваёй маўленчай дзейнасці.

Падчас даследавання ўстаноўлена, што функцыянаванне прыватных прагматычных тыпаў мае сваю

специфіку: просьба-регулятив рэалізуецца толькі ў рамках семантычнага тыпу просьбы аб дзеянні; просьба-карэктыв, як правіла, у рамках семантычнага тыпу просьбы аб дзеянні ці просьбы аб сумесным дзеянні; просьба-партытыў можа функцыянаваць у рамках любога семантычнага тыпу просьбы (просьбы аб дзеянні, просьбы аб сумесным дзеянні, просьбы аб дазволе).

Літаратура

1. Шамьенова, Г.Р. Принцип вежливости как особая коммуникативно-прагматическая категория в русском речевом общении: дис. ... канд. фил. наук: 10.02.19 / Г.Р. Шамьенова. – Саратов, 2000. – 189 с.
2. Багдасарова, А.А. К вопросу о референтной типологии речевых актов убеждения / А.А. Багдасарова // Речевые акты в лингвистике и методике: межвуз. сб. науч. тр. – Пенза: Пенз. гос. пед. ин-т иностр. яз., 1986. – С. 21–23.
3. Формановская, Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности рус. яз. и лит. / Н.И. Формановская // Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина. – Москва: Рус. яз., 2002 (ЗАО Астра семья). – 213 с.
4. Бойчук, Е.В. К вопросу о функционально-семантическом поле просьбы. Смысловое пространство текста / Е.В. Бойчук. – Петр.-Камч., 2011. – С. 11–16.
5. Бойчук, Е.В. Просьба-регулятив как тип побуждения / Е.В. Бойчук // Вест. МГОУ. Серия “Русская филология”. – 2011. – № 3. – С. 54–58.
6. Бойчук, Е.В. Языковые средства выражения просьбы-корректива. Экология русского языка / Е.В. Бойчук. – Пенза, 2010. – С. 32–36.
7. Бойчук, Е.В. Коммуникативная ситуация просьбы: к постановке проблемы. Смысловое пространство текста / Е.В. Бойчук. – Петр.-Камч., 2008. – С. 13–18.
8. Лейко, И.М. Прагмалингвистический подход к изучению речевого портрета / И.М. Лейко // Беларуско-руско-польскае супастаўляльнае мовазнаўства, літаратуразнаўства, культуралогія: зб. навук. арт. – Віцебск: ВДУ імя П.М. Машэрава, 2013. – С. 96–98. URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/26247> (дата звароту: 20.09.2023).
9. Шульженко, Г.А. Просьба и сопровождающие ее элементы речевого этикета: к проблеме интенционального смысла единиц речевого этикета в прагматике диалога: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Г.А. Шульженко // Саратов. гос. ун-т. – Москва, 1991. – 227 с.

Паступіў у рэдакцыю 16.01.2024

Категория модальности как компонент убеждающей коммуникации в англоязычном художественном дискурсе

Бобылева Л.И.

Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова», Витебск

Язык является не только средством общения, но и воздействия на сознание человека.

Цель статьи – выявление и типологизация языковых средств маркирования категории модальности в контексте убеждающей коммуникации в англоязычной художественной литературе.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили следующие литературные произведения: «Необыкновенная история» Л. Армстронг, «Третий» Г. Грина, «Трое в одной лодке, не считая собаки» Дж. К. Джерома, «Луна и грош» С. Моэма, «Улица Ангела» Дж. Пристли.

Были использованы методы дискурс-анализа, контекстуального анализа, сплошной выборки, описательно-аналитический метод.

Результаты и их обсуждение. В англоязычном художественном дискурсе можно выделить два аспекта модальных отношений: объективную модальность и субъективную модальность. Субъективная модальность имеет следующие подтипы: алетический, деонтический, эпистемический, оптативный.

Заключение. Языковые средства маркирования категории модальности в англоязычной художественной литературе характеризуются большой вариативностью. Определяющими факторами их использования являются осознание коммуникативной цели, анализ социального контекста и выбор модальных средств убеждения в соответствии с ситуацией общения.

Ключевые слова: модальность, убеждение, языковые средства, вариативность, социальный контекст.

(Ученые записки. – 2024. – Том 39. – С. 139–143)

The Category of Modality as a Component of Persuasive Communication in English Literary Discourse

Bobyleva L.I.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

Language is not only a means of communication, but also an impact on the person's consciousness.

The aim of the article is the identification and typology of language means of modality category marking in the context of persuasive communication in English fiction.

Material and methods. The material for the study was the following works: "An Unusual Affair" by L. Armstrong, "The Third Man" by G. Greene, "Three Man in a Boat to Say Nothing of the Dog" by J.K. Jerome, "The Moon and Sixpence" by S.W. Maugham, "Angel Pavement" by J.B. Priestley.

We used the methods of discourse analysis, contextual analysis, continuous sampling, and a descriptive-analytical method.

Findings and their discussion. There are two aspects of modality relationships in English literary discourse: objective modality and subjective modality. Subjective modality has the following subtypes: alethic, deontic, epistemic, optative.

Conclusion. Language means of modality category marking in English fiction are characterized by great variability. The determining factor of their use is communicative aim awareness, a social context analysis, and a persuasive modality means choice in accordance with the communication situation.

Key words: modality, persuasion, language means, variability, social context.

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 39. – P. 139–143)

В жизни современного общества изучение условий использования языковых категорий в зависимости от стиля и характера общения заслуживает особого внимания. Язык является не только средством общения, но и инструментарием воздействия на сознание и деятельность людей. Чтобы адекватно решать задачи коммуникации, важно уметь выбирать средства языковой системы и преобразовывать их в соответствии с социолингвистической ситуацией.

В теории убеждающей коммуникации можно выделить ряд моделей убеждения. К их числу относятся модели К. Ховланда, Р. Петти и Дж. Качоппо, У. МакГайра, Х. Келмана.

К. Ховланд, один из основателей Йельской школы убеждающей коммуникации, являясь необихевиористом, декларировал модель «стимул – реакция», где под стимулом понимаются характеристики сообщения, а реакция выступает как результат воздействия с учетом «имплицитных конструкторов» (предрасположенность реципиентов к принятию информации, их эмоциональное состояние, внимание, понимание) [1].

Р. Петти и Дж. Качоппо являются авторами вероятностной модели анализа информации, в которой выделяются два пути убеждения – центральный и периферийный. Первый путь предполагает использование веских аргументов, доказательств, фактов, второй путь воздействует на подсознание человека, его эмоциональное состояние.

У. МакГайр разработал детализированную модель, включающую пять ступеней: внимание, понимание информации, принятие, сохранение, поведение [2, с. 51–52]. При этом автор подчеркивает, что наличие высокого уровня интеллекта у реципиента способствует концентрации внимания и проведению анализа аргументов и фактов, что проявляется в большей устойчивости к изменению его убеждений.

Х. Келман придает особое значение социальному воздействию на человека с учетом условий коммуникации, мотивации убеждения, психологических особенностей реципиента. Он выделяет следующие процессы убеждения: согласие (принятие без личной убежденности), идентификация (вера в справедливость и правомерность сообщения) и интернализация (включение информации в собственную систему установок и принципов убеждаемого) [3, с. 101].

Данные модели позволяют организовать процесс убеждения, исходя из целей воздействия, предполагаемых реакций реципиента, его интеллектуального уровня, результативных методов и вербальных средств влияния.

Основоположником лингвистической теории модальности считается французский лингвист Ш. Балли, декларировавший наличие в любом высказывании двух компонентов – диктума (основное содержание) и модума (модальное ментальное или эмоциональное отношение говорящего к диктуму) [4, с. 185]. В отечественном языкознании концепция модальности была впервые разработана академиком В.В. Виноградовым,

согласно которой модальность является семантической категорией, отражающей отношение содержания высказывания к действительности, устанавливаемое с точки зрения говорящего [5, с. 56].

Целью нашего исследования является выявление и типологизация языковых средств маркирования категории модальности в контексте убеждающей коммуникации в англоязычной художественной литературе.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили следующие литературные произведения: «Необыкновенная история» Л. Армстронг, «Третий» Г. Грина, «Трое в одной лодке, не считая собаки» Дж.К. Джерома, «Луна и грош» С. Моэма, «Улица Ангела» Дж. Пристли.

Были использованы методы дискурс-анализа, контекстуального анализа, сплошной выборки, описательно-аналитический метод.

Результаты и их обсуждение. В процессе исследования было выделено два аспекта модальных отношений: 1) объективная модальность (определение говорящим высказывания как реального/нереального); 2) субъективная модальность (выражение личной оценки окружающей действительности). Субъективная модальность очень вариативна, в этой связи необходимо выделить ее следующих подтипов:

1. Алетическая модальность (от гр. *aletheia* – «истина»), декларирующая высказывания как потенциально выполнимые или неосуществимые.

2. Деонтическая модальность (от гр. *deon* – «долг»), идентифицирующая высказывания как допустимые или недозволенные.

3. Эпистемическая модальность (от гр. *episteme* – «знание»), детерминирующая высказывания как вероятные или невероятные на основе имеющейся у говорящего информации.

4. Оптативная модальность, характеризующая действия как желательные или нежелательные с позиции высказывающегося.

Как показал анализ указанных выше англоязычных литературных произведений, модальность может выражаться грамматическими, лексическими, синтаксическими и композиционными средствами в зависимости от цели общения, личной позиции говорящего, степени его убежденности, а также ряда других факторов.

В рассмотренных нами художественных произведениях для обозначения объективной модальности используются формы изъявительного, повелительного или сослагательного наклонения глагола. Изъявительное и повелительное наклонения определяют высказывание как реальное, в то время как сослагательное наклонение трактует действие как ирреальное или маловероятное.

Анализ речевой тактики убеждения дал основание утверждать, что в выражении воздействия на собеседника на основе реальных фактов с целью аргументации преобладает изъявительное или повелительное наклонение.

Например: “*We will have a boat with a cover. It is ever so much simpler and more comfortable*” [6, p. 33].

“*Don't go spending all your time taking the girls out in it. Give your mother a chance*” [8, p. 71].

В убеждающей речи часто употребляются условные предложения типа I, которые позволяют объективизировать сообщение на основе логично взаимообусловленных фактов, взаимосвязанной последовательности причин и последствий, что в итоге оказывает воздействие на сознание собеседника. Например:

“*Will you tell her how sorry I am? If there's anything I can do, I shall be delighted to do it*” [9, p. 44].

Для выражения объективной модальности ирреального или маловероятного характера в английском языке используются формы сослагательного наклонения глаголов. Систему английского сослагательного наклонения (*Subjunctive Mood*) следует рассматривать в комплексе, принимая во внимание специфику каждого ее типа.

Так, сослагательное наклонение первого типа (*Subjunctive I*) декларирует действия как проблематичные, но не противоречащие действительности, и используется для передачи совета, волеизъявления, неперенности воздействия. В англоязычном художественном дискурсе данный тип наклонения встречается в лозунгах и пожеланиях, но особенно высокая частотность употребления *Subjunctive I* наблюдается в устойчивых выражениях типа *be it so* (да будет так), *far be it from me* (у меня и в мыслях не было), *God forbid* (Боже упаси) и др. Грамматическая форма данного типа совпадает с формой инфинитива английского глагола и относится к действиям в настоящем или будущем времени. Например:

“*God bless me*”, she said as she scanned the letter. “*It's from Ali Ruzak. We studied together at Sydney University*” [10, p. 166].

Сослагательное наклонение второго типа (*Subjunctive II*) используется для выражения действий, абсолютно противоречащих действительности, при этом убеждение может относиться к настоящему/будущему времени с использованием формы глагола, имеющей одинаковое написание и звучание с формой прошедшего неопределенного или прошедшего продолженного времени (*the Past Indefinite or the Past Continuous*), или выражать прошедшее действие посредством глагольной формы, омонимичной прошедшему совершенному или прошедшему совершенному длительному времени (*the Past Perfect or the Past Perfect Continuous*). Например:

“*She'd spent the week in a cheap motel working on her thesis as if her life depended on it*” [10, p. 176].

Третий тип сослагательного наклонения (*Subjunctive III*) обозначает проблематичные действия, не противоречащие, однако, реальной ситуации. Грамматически данный тип сослагательного наклонения строится по модели *should+Indefinite/Continuous Infinitive*, если действие относится к настоящему/будущему времени, и аналитической структуры *should+Perfect/*

Perfect Continuous Infinitive для соотнесения сообщения с прошедшим временем. В убеждающей коммуникации *Subjunctive III* особенно часто встречается в сложноподчиненных предложениях для обозначения необходимости, важности, рациональности действия. Например:

“*I think it's terrible that she should have been deprived of it in that cruel way*” [9, p. 153].

Сослагательное наклонение четвертого типа (*Subjunctive IV*), или условное наклонение II, характеризует действия, которые не могут произойти в силу отсутствия соответствующих условий. Структурно *Subjunctive IV* представлен посредством вспомогательных глаголов *would/should* и инфинитива смыслового глагола в форме *Indefinite/Continuous* (если действие относится к настоящему/будущему времени) или в форме *Perfect/Perfect Continuous* (если действие рассматривается в рамках прошедшего времени). Например:

“*Murdered?*” said Herr Koch. “*I would not have asked you in here if I had thought you would talk such nonsense*” [7, p. 47].

Анализ вышеупомянутых источников показал, что для выражения субъективной модальности в убеждающей коммуникации используются модальные глаголы, а также ряд смысловых глаголов и словосочетаний, имеющих модальное значение. Их выбор обусловлен целью высказывания и модальными особенностями убеждения. Так, алетическая модальность, декларирующая возможность выполнения действий в зависимости от сложившейся ситуации, выражается в англоязычном художественном дискурсе посредством модальных глаголов *can/could*, *may/might*, а также ряда прилагательных, указывающих на степень осуществимости действия, таких как *admissible/inadmissible*, *plausible/implausible*, *possible/impossible*, *potential/impotential*, *probable/improbable*, *thinkable/unthinkable*, *hypothetical* и др. Например:

“*It was possible, of course, that Lime had not died so unexpectedly*” [7, p. 47].

“*I just couldn't visualize letting you go. I still can't; that's why I'm here*” [10, p. 180].

Деонтическая модальность устанавливает определенную норму поведения и декларирует разрешение/запрет на выполнение действия или долженствование по отношению к нему. Она может иметь различные семантические оттенки: приказ, команда, правила поведения, совет, пожелание. Цель деонтической модальности заключается в авторитарной позиции автора и усиленном воздействии на адресата. Данная модальность отличается многообразием средств презентации и высокой частотностью употребления в английском художественном дискурсе.

Так, если модальный глагол *may/might* обозначает разрешение, то *must* в утвердительной форме передает ярко выраженное императивное обязательство, а в отрицательной – запрет. Последнее значение может быть также передано отрицательной формой *may not* или *can't* (запрет в силу существующих законов или правил).

Например: “*I put thirty-five as the utmost limit at which a man might fall in love without making a fool of himself*” [9, p. 42].

“*We must get together today and work out a programme for you. We must agree on what you are going to speak about*” [7, p. 48].

“*However, go on, my dear. Mustn't interrupt*” [8, p. 67].

“*Hang it all, one can't leave a woman without a bob*” [9, p. 58].

Лингвистическим оператором выражения совета является модальный глагол *should*; морального долга, необходимости соблюдения этических норм поведения – *ought to*:

“*He said we should have fresh air, exercise and quiet; the constant change of scene ... make us sleep well*” [6, p. 19].

“*They ought to give you the job, and then there'd be plenty*” [8, p. 67].

Так называемое «вынужденное» долженствование, вызванное стечением обстоятельств, передается посредством *have to*: “*You don't care if she and your children have to beg their bread?*” [9, p. 63].

Долженствование, имеющее статус предписания, плана, приказа, обусловленного сводом законов или правил, выражается с помощью *to be to*: “*Harris was to sleep with us that night, and we went upstairs*” [6, p. 47].

Функцией деонтической модальности может быть не только нормирование поведения адресата, но и оценивание его действия. В этой связи широко используется модальный глагол *might* (упрек), *should+Perfect Infinitive* (сожаление по поводу невыполненного совета), *ought to+Perfect Infinitive*

(негодование в связи с нарушением морально-этических норм). Например:

“*It was under your nose, you might have seen it*” [7, p. 67].

“*You really should have told me, Rachel, that might have been your swansong*” [10, p. 172].

“*Did you think him a gentleman? She ought never to have married him*” [9, p. 45].

К лексическим средствам деонтической модальности относятся так называемые «интенсификаторы» типа *absolutely, compulsory, desirable, obligatory, preferable, prescribed, required, have nothing better* и др.: “*I ought to go with him. So I did. I'd nothing better to do*” [8, p. 16].

Языковые операторы эпистемической модальности отражают различную степень достоверности/недостоверности сообщаемого, при этом достоверность подтверждается определенной доказательной базой, а недостоверность, соответственно, представлена как информация, не имеющая убедительного обоснования. Эпистемическая модальность тесно связана с выражением уверенности или сомнения говорящего в факте реальности, оценкой ситуации.

Как показали результаты проведенного нами исследования, средства выражения эпистемической модальности характеризуются большим разнообразием. Сомнение в достоверности информации может быть передано с помощью модальных глаголов *may/might+Indefinite/*

Continuous Infinitive, если действие относится к настоящему/будущему времени, и структурой *may/might+Perfect/Perfect Continuous Infinitive* для выражения неуверенности по отношению к прошедшему событию. В данном контексте вышеназванные операторы указывают на большую степень неопределенности в связи с отсутствием аргументов и, как правило, переводятся на русский язык как «возможно», «может быть».

“*They might have lied to keep a friend out of trouble – if he was a friend*” [7, p. 57].

В отрицательных и вопросительных предложениях не менее высокий уровень недоверия к правдоподобности информации и вызванное в этой связи сомнение передаются посредством модального глагола *can/could+Indefinite/Continuous Infinitive* для соотнесения ситуации с настоящим временем и *can/could+Perfect/Perfect Continuous Infinitive* для выражения прошедшего времени.

“*I thought I couldn't have made any, because it wasn't there*” [8, p. 63].

Наибольшая степень уверенности говорящего выражается посредством модального глагола *must+Indefinite/Continuous Infinitive*, если действие относится к настоящему/будущему времени, и *must+Perfect/Perfect Continuous Infinitive* для соотнесения сообщения с прошедшим временем. В данном значении указанный модальный глагол употребляется в англоязычном дискурсе только в утвердительных и вопросительных предложениях и переводится на русский язык как «очевидно», «наверняка».

“*It must be reassuring to you to know that you certainly run no risk of incurring the resentment of the women you come in contact with*” [9, p. 150].

В отрицательных предложениях указанную функцию *must* выполняют вводные модальные слова *certainly, evidently, obviously, probably, really, undoubtedly* и др., которые также могут встречаться и в других видах высказывания (утвердительных, вопросительных).

Эпистемическая модальность, направленная на поддержку достоверности информации, может быть выражена с помощью наречий *absolutely, inevitably, manifestly, visibly* и др, а также синтаксических структур типа *to be sure, to be certain, to be safe to say, to be in point of fact, to be common knowledge* и др.:

“*It's absolutely safe. You are the only one who I'm going to tell*” [7, p. 93].

Оптимативная модальность характеризует действия как желательные/нежелательные с позиции высказывающегося, при этом убеждение часто опирается на конкретную информацию.

Этот подтип модальности передается посредством выражений *had better, would rather*, а также моделей с прилагательными *(dis)advantageous, (un)desirable, exclusive, preferable, superior* и им подобными. Широко используются наречия *happily/unhappily, fortunately/unfortunately, luckily/unluckily* и др., выражающие одобрение или осуждение.

“*You'd better get another typist to help Miss Matfield – a young girl will do – as soon as possible*” [8, p. 80].

К лексико-синтаксическим средствам выражения оптативной модальности относятся модели “*I wish+придаточное-дополнительное с глаголом-сказуемым в форме Subjunctive II*”, “*I’d like+Indefinite Infinitive*”, “*Let+Indefinite Infinitive*”, а также структуры *be/may+ Subjunctive I*” (для передачи мольбы или заклинания):

“*I wish I had been a better man and knew more hymns*” [6, p. 104].

“*May all dreams come true, Rachel*” [10, p. 12].

В ходе исследования было выявлено, что языковые операторы оптативной модальности могут служить средством актуализации коммуникативной категории вежливости в просьбах, пожеланиях, приглашениях. В этой связи широко используется в вопросительных предложениях модальные глаголы *may/might* и *could*:

“*Might I come to see you off tomorrow?*” [7, p. 20].

“*Could you use a drink and a meal?*” [10, p. 46].

Заключение. Проведенное исследование позволило выявить основные закономерности использования языковых средств маркирования категории модальности как компонента убеждающей коммуникации в англоязычном художественном дискурсе. Принимая во внимание многочисленность и вариативность операторов модальности, определяющими факторами их применения являются осознание коммуникативно-целевой установки, анализ социального контекста и выбор модальных средств убеждения в соответствии с ситуацией общения. Так, например, модальный глагол *may/might* может обозначать возможность выполнения действий в соответствии со сложившейся ситуацией, разрешение/запрет, просьбу, сомнение в достоверности информации, упрек.

Объективная модальность с целью воздействия на собеседника на основе реальных фактов выражается при помощи форм изъявительного и повелительного наклонения, а также условных предложений типа I. Для выражения объективной модальности ирреального или маловероятного характера в английском языке применяются формы сослагательного наклонения глагола.

Среди средств выражения алетической модальности наиболее частотным является использование глаголов *can/could* (41%), *may/might* (32%); деонтической модальности – глаголов *must* (31%), отрицательной формы *may not* и *can’t* (19%), *have to* (17%), *ought to*

(12%), *should* (10%), *to be to* (3%); эпистемической модальности – глаголов *may/might* (28%), *must* (25%), *can/could* в вопросительных и отрицательных предложениях (21%), вводных модальных слов, наречий и глаголов мыслительной деятельности (26%). Характерной особенностью средств маркирования оптативной модальности является высокая частотность выражений *had better*, *would rather*, а также модели “*I’d like+Indefinite Infinitive*”.

Таким образом, к числу коммуникативных умений, необходимых для реализации убеждения, следует отнести осознание речевой задачи и ситуации общения, адекватное оценивание собеседника, правильный выбор тактического пути и модальных средств воздействия, что в совокупности обеспечит результативность общения.

Литература

1. Hovland, C.I. A Communication Analysis of Concept Learning / C.I. Hovland // Psychological Review. – 1952. – № 59(6). – P. 347–350.
2. Андреева, Г.М. Социальная психология / Г.М. Андреева. – М.: Аспект-Пресс, 2014. – 363 с.
3. Аронсон, Э. Эпоха пропаганды: механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление / Э. Аронсон, Э. Пратканис. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. – 384 с.
4. Афанасьева, Ю.С. Алетические и деонтические модальные значения в языке разных структур / Ю.С. Афанасьева // Вестн. Чуваш. ун-та. – 2010. – № 4. – С. 185–188.
5. Виноградов, В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1975. – 560 с.
6. Jerome, J.K. Three Men in a Boat to Say Nothing of the Dog / J.K. Jerome. – Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1959. – 227 p.
7. Greene, G. The Third Man / G. Greene. – Copenhagen: Grafisk Forlag, 1968. – 109 p.
8. Priestley, J.B. Angel Pavement / J.B. Priestley. – Moscow: Progress Publishers, 1974. – 504 p.
9. Maugham, S.W. The Moon and Sixpence / S.W. Maugham. – Moscow: Progress Publishers, 1972. – 240 p.
10. Armstrong, L. An Unusual Affair / L. Armstrong. – Richmond: Mills and Boon Limited, 1992. – 188 p.

Поступила в редакцию 29.01.2024

Формирование гражданско-патриотических ценностей в обучении иностранному языку студентов неязыкового профиля

Грушова Л.Д.

Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова», Витебск

В статье раскрывается значимость гражданско-патриотического воспитания в вузе на современном этапе языкового образования; обоснована целесообразность использования интерактивных методов в формировании у студентов неязыковых специальностей иноязычной коммуникативной компетенции; показана важная роль преподавателя в использовании межпредметных связей с целью формирования у студентов гражданско-патриотических ценностей на занятиях по иностранному языку.

Цель исследования – использование возможностей учебных занятий по иностранному языку для формирования у студентов неязыкового профиля гражданско-патриотических ценностей.

Материал и методы. Материалом исследования послужили научные труды отечественных и зарубежных ученых, тематически связанных с гражданско-патриотическим воспитанием и формированием гражданско-патриотических ценностей, а также фрагменты практических занятий по иностранному языку со студентами неязыковых специальностей. В процессе работы использовался комплекс теоретических методов: изучение литературных источников, анализ психолого-педагогической, социологической, методической литературы по исследуемой теме, метод сравнения, сопоставительного анализа и обобщения.

Результаты и их обсуждение. Особую важность в современном образовательном пространстве приобретает воспитательный компонент. Одним из направлений воспитания в системе образования является формирование гражданско-патриотических ценностей обучающихся.

Для формирования гражданско-патриотических ценностей у студентов неязыкового профиля преподавателями иностранного языка используются различные методы обучения.

Участие студентов в тематических беседах, вопросно-ответных заданиях, подготовке проектов способствует развитию у них патриотических чувств, укреплению их гражданской позиции и проявлению эмпатии, побуждает их не только созерцать, но и оценить заслуги старших поколений, и задуматься о своей роли в жизни страны и внесении своего вклада в укрепление ее могущества.

Заключение. Вопросы гражданско-патриотического воспитания являются актуальными и перспективными, поскольку будущее страны зиждется на гражданах, ей преданных, разделяющих ее идеологию, готовых на самопожертвование во имя процветания Отечества. Организация практических занятий со студентами неязыковых специальностей с применением различных интерактивных методов обучения, привлечением междисциплинарных знаний способствует формированию гражданско-патриотических ценностей.

Ключевые слова: патриотизм, гражданственность, гражданско-патриотические ценности, иностранный язык, интерактивные методы обучения.

(Ученые записки. – 2024. – Том 39. – С. 144–150)

Formation of Civic and Patriotic Values in Teaching Non-Linguistic Students a Foreign Language

Grushova L.D.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The article reveals the importance of civic-patriotic upbringing in higher education at the present stage of linguistic education; substantiates the expediency of using interactive methods in the formation of foreign language communicative competence among non-linguistic students; shows the important role of the teacher in using interdisciplinary connections to form students' civic-patriotic values in foreign language classes.

Адрес для корреспонденции: e-mail: luciena1950@mail.ru – Л.Д. Грушова

The purpose of the study is to use the possibilities of foreign language classes to form civic and patriotic values among non-linguistic students.

Materials and methods. *The material for the research was the scientific works of domestic and foreign scientists, thematically related to civic-patriotic education and the formation of civil-patriotic values, as well as fragments of practical classes in a foreign language with non-linguistic students. In the course of the research, a set of theoretical methods was used: the study of literary sources, the analysis of psychological, pedagogical, sociological, methodological literature on the topic under study, the method of comparison, comparative analysis and generalization.*

Findings and their discussion. *The educational component is of particular importance in the modern educational space. One of the directions of education in the education system is the formation of civic and patriotic values of students.*

To form civic and patriotic values among non-linguistic students, foreign language teachers use various teaching methods.

The participation of students in thematic conversations, question-and-answer tasks, in the preparation of projects contributes to the development of patriotic feelings, strengthening their civic position and empathy, encourages them not only to contemplate, but also to appreciate the merits of older generations, and to think about their role in the life of the country and contributing to the enforcement of its power.

Conclusion. *The issues of civic and patriotic education are relevant and promising, since the future of the country is based on citizens who are devoted to the country, share its ideology, and are ready for self-sacrifice in the name of the prosperity of the Fatherland. The organization of practical classes with non-linguistic students using various interactive teaching methods, the involvement of interdisciplinary knowledge contributes to the formation of civic and patriotic values.*

Key words: *patriotism, citizenship, civic and patriotic values, foreign language, interactive teaching methods.*

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 39. – P. 144–150)

Современное общество нуждается не только в образованных, профессионально подготовленных специалистах, умеющих вести коммуникацию на профессиональном уровне, в том числе и с иностранными партнерами, но и идейно подкованных, обладающих чувством патриотизма и проявляющих активную гражданскую позицию.

Для сегодняшней Беларуси, которая больше всех из советских республик пострадала в годы Великой Отечественной войны (ВОВ) (погиб каждый третий житель, где полностью разрушена инфраструктура, где до сих пор семьи ждут своих сыновей), понятия «Родина», «Отечество» являются священными. Но события 2020 года (попытка насильственного свержения власти, протестные шествия по улицам Минска «гостей» из соседних стран и белорусской студенческой молодежи, применение элементов экстремизма) обнажили, казалось бы, невероятную для Республики Беларусь проблему отсутствия у некоторой части молодых людей патриотических чувств.

Проведенные задолго до президентских выборов опросы студенческой молодежи показали, к сожалению, что некоторая часть будущих специалистов не планирует жить и трудиться в Республике Беларусь. Они считают, что способны адаптироваться к любому «демократическому» западному социуму. Такие граждане не ощущают разрыв с Родиной, им всё равно, на какую страну работать, чьи «демократические ценности» принимать, разделять и отстаивать, лишь бы получать большие деньги.

Отсюда следует, что у некоторой части молодежи недостаточно сформированы гражданско-патриотические ценности. В этом контексте актуальным является необходимость формирования у молодежи прежде всего патриотических ценностей, в основе которых лежат чувство любви и верности своей Родине, гордость за исторические и современные достижения страны, уважение к ее символам, готовность к выполнению

гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Отечества.

Целью нашего исследования является использование возможностей учебных занятий по иностранному языку для формирования у студентов неязыкового профиля гражданско-патриотических ценностей.

Материал и методы. Материалом для нашего исследования послужили научные труды отечественных и зарубежных ученых, тематически связанных с гражданско-патриотическим воспитанием, которые послужили основанием для использования их рекомендаций в формировании гражданско-патриотических ценностей, и фрагменты практических занятий по иностранному языку со студентами неязыковых специальностей в сборных группах первого курса (в исследовании приняли участие около 60 студентов межъязыковых факультетов). Методологическую основу исследования составил комплекс теоретических методов: изучение литературных источников, анализ психолого-педагогической, социологической, методической литературы по исследуемой теме, метод описания, метод сравнения полученных результатов высказываний студентов в тематической беседе, вопросно-ответных упражнениях, в проектной деятельности, метод сопоставительного анализа и обобщения.

Результаты и их обсуждение. Особую важность в современном образовательном пространстве приобретает воспитательный компонент. Одним из направлений воспитания в системе образования является формирование гражданско-патриотических ценностей обучающихся.

В толковом словаре С.И. Ожегова «патриотизм» рассматривается как «преданность и любовь к своему отечеству, к своему народу и готовность к любым жертвам и подвигам во имя интересов своей Родины» [1, с. 637].

В Концепции непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи Беларуси на 2016–2020 годы

также отмечается ценностный аспект патриотизма: он определяется как система знаний, ценностей, практических действий личности, общества и государства, направленных на развитие, процветание и обеспечение национальной безопасности Республики Беларусь; как мировоззренческое основание и глубокое чувство любви к своему Отечеству, готовность защищать его [2].

Л.А. Гащенко рассматривает патриотизм как важнейшую ценность, интегрирующую социальный, духовный, нравственный, культурный, исторический и другие компоненты личности; ценностное отношение субъекта к Родине, характеризующее привязанностью к месту рождения и (или) проживания, причастностью к культурным ценностям, которые воспринимаются как «свои», осознанием ответственности за сегодняшнее и будущее состояние Родины [3, с. 32–33].

Таким образом, патриотизм представляет собой сложное и многогранное явление. Патриотизм интегрирует в своем содержании социальные, исторические, культурные и этнические компоненты. Все эти компоненты взаимосвязаны между собой и только в совокупности дают полное представление о подлинном патриотизме.

Патриотизм является одним из синонимов гражданственности. По мнению А.И. Белой, гражданственность – это «политическая, правовая и моральная культура при определяющей роли морали» [4, с. 28]. Гражданственность выражается в заинтересованном отношении к проблемам общества, в готовности бескорыстно ему служить, в наличии активной нравственной позиции. Демократическая гражданственность сочетает в себе уважительное отношение к государству и способность его критически оценивать и контролировать [5, с. 52].

Н.В. Кутко говорит о «гражданственности личности» и определяет «гражданскую личность» как целостную систему знаний, ценностей, идеалов, моральных и общественных норм, выражающую отношение к обществу, людям и самому себе [6, с. 36]. Без этого развитого качества невозможно защитить национально-государственные интересы, добиться процветания общества.

Гражданственность предполагает освоение и реализацию прав и обязанностей по отношению к себе как личности, своей семье, обществу, Отечеству, а также прав, характеризующих, прежде всего, нетерпимость к насилию и антисоциальным проявлениям, признание таких же прав за другими людьми, ответственность за свои поступки, чувство собственного достоинства.

В.А. Гришанов относит к критериям гражданственности знание принципов устройства своего общества, его ценностей и целей развития, Конституции и законов государства; реализацию знаний и убеждений в своем поведении; готовность взять на себя ответственность за свои поступки [7]. Например, возможное участие студенческой молодежи в реаль-

ной жизни гражданского общества может выражаться в вузовском самоуправлении, в реализации различных молодежных инициатив, в волонтерском движении.

Таким образом, назревает необходимость усиления гражданско-патриотического воспитания студенческой молодежи, которое понимается как целенаправленный, сознательно осуществляемый в отношении детей и молодежи педагогический процесс организации и управления деятельностью личности, обладающей качествами гражданина-патриота Родины, способного успешно выполнять гражданские обязанности в мирное и военное время.

Идея гражданско-патриотического воспитания находит отражение в таких нормативно-правовых документах Республики Беларусь, как Кодекс Республики Беларусь об образовании (2022) [8], Концепция непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи (2015) [9], Программа непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи (2021–2025) [10], где указывается, что гражданско-патриотическое воспитание ориентировано на формирование чувства любви и уважения к своей Родине; формирование чувства гордости за достижения Беларуси, приумножение авторитета страны через собственные достижения в обучении, труде, спорте, общественной жизни; формирование гражданской позиции, чувства ответственности за развитие государственного устройства Беларуси; формирование сознательного выбора и приоритета национальных интересов; формирование уважения Конституции Республики Беларусь и других законов государства; осознание роли государства и общества как гаранта максимального развития интересов и способностей человека, обеспечение успешного развития человеческого потенциала.

Значительная роль при этом отводится преподавателям всех дисциплин. С помощью междисциплинарных связей решаются задачи обучения, развития и воспитания студентов, формирования общенаучных идей и понятий, развития познавательной активности и интересов молодого поколения. Именно преподаватели разных дисциплин, в том числе иностранного языка должны быть готовы к убедительному, аргументированному разъяснению и отстаиванию патриотических идеалов, проведению идеологии государства Республика Беларусь в жизнь. То есть идеологическая компетентность всех преподавателей, прежде всего иностранного языка, которые подводят студентов к сравнению, сопоставлению фактов стран изучаемого языка и Республики Беларусь, являются важным компонентом эффективности гражданско-патриотического воспитания студенческой молодежи.

Как отмечает Т.С. Иванова, отличительной чертой современного процесса обучения иностранному языку является интенсивная смена форм и методов работы, в процессе которой происходит переключение внимания обучающихся, что плодотворно влияет на психику и на освоение изучаемого материала, формирует такие черты характера, как целеустрем-

ленность, любознательность, познавательную активность [11, с. 80].

В качестве методов интерактивного обучения И.Н. Борисова рассматривает: дискуссии как речевое событие («социальная конвенциональная форма организации коммуникативной и практической деятельности участников общения»), интеллектуальные упражнения; проблемные технологии (эвристические беседы, эвристические вопросы...); игровые методы (ролевые, деловые, имитационные), интервью, проекты (в виде стенгазет и видеопрезентаций) и др. [12, с. 38].

Важной задачей преподавателя иностранного языка является формирование у студентов умений осуществлять иноязычную коммуникацию. При этом следует отметить, что для студентов неязыкового профиля добиться развития умений в экспрессивной (устной) речи (репродуктивной, продуктивной, диалогической, монологической) непросто. Для этого используются разные виды учебной деятельности: вопросно-ответные формы работы, устные выступления, интервью, устные сообщения, ролевая игра, обсуждение..., краткий и подробный пересказ, устный комментарий и т.д. [13]. На наших занятиях мы часто применяем такие же виды учебной деятельности, а также беседы, викторины, интервью, уроки-конференции, проекты с видеопрезентациями и др. для формирования ценностных ориентаций студентов.

Данную информацию мы приводим в качестве базовой для определения именно тех доминант в ценностной картине обучающегося, которые помогают преподавателю при анализе ответов студентов на вопросы беседы выделить те фрагменты современной действительности, что впоследствии на учебных занятиях будут способствовать именно регулированию речевого и неречевого поведения, необходимого для актуального состояния гражданско-патриотической позиции.

Для организации учебного занятия с использованием, например, беседы, преподавателем заранее предлагаются студентам вопросы для подготовки обоснованных ответов. Таким образом, предоставляется время для поиска информации (это работа со средствами СМИ (пресса, телепередачи TV, новостные телепрограммы, блоги и пр.)), перевода ее на иностранный язык, подготовки тезисов/цитат для подтверждения своих доводов, анализа исторических и современных фактов, а также время для повторения или заучивания лексики и выполнения упражнений для отработки грамматических структур.

Поэтому уже, на первых занятиях, мы рекомендуем студентам читать региональную и республиканскую прессу, смотреть отечественные и российские телевизионные каналы, чтобы формировать свое мнение, знать истинное положение дел, а не искать информацию, зачастую искаженную, в телеграмканалах, так как задача преподавателя не просто учить иностранному языку, но и формировать личность студента – гражданина Республики Беларусь, его ценностные качества.

Таким образом, при изучении темы «Республика Беларусь. Государственные символы» студентам неязыковых специальностей было дано задание подготовить высказывание по теме «Я – гражданин Республики Беларусь» и проект «Горжусь, что я – гражданин Республики Беларусь». Ответы на предложенные преподавателем иностранного языка вопросы требуют не только языковых знаний, но и знаний смежных дисциплин (в том числе школьных предметов), Конституции Республики Беларусь, осведомленности в области экономической, политической, социальной, культурной политики Республики Беларусь внутри страны и за ее пределами.

Так, при обсуждении темы «Я – гражданин Республики Беларусь» в центре внимания стоял вопрос «Что значит для Вас быть гражданином Республики Беларусь?» Приведем в качестве примера вопросы и обоснованные ответы студентов (на немецком и русском языках):

1. *Was bedeutet es für Sie, Staatsbürger der Republik Belarus zu sein?* – ‘Что значит для Вас быть гражданином Республики Беларусь?’

– *Ich besitze den Reisepass eines Bürgers der Republik Belarus. Ich habe alle Rechte: das Recht auf Leben auf dem Territorium der Republik Belarus, das Recht auf Bildung in der Republik Belarus, das Recht auf Arbeit. Ich habe das Wahlrecht selbst gewählt zu sein.* – ‘Я имею паспорт гражданина Республики Беларусь. Я имею все права: право на жизнь, право на получение образования в Республике Беларусь, право на труд. Я имею право голоса, право избирать и быть избранным’.

2. *Was ist für Sie als Bürger der Republik Belarus der höchste Wert?* – ‘Что Вы считаете наивысшей ценностью как гражданин Республики Беларусь?’

– *Für den höchsten Wert halte ich die Liebe und Treue zum Vaterland, den Wunsch und die Bereitschaft, alle Nöte und Unglücke mit ihm zu teilen und, wenn nötig, das Heimatland zu schützen.* – ‘Наивысшей ценностью гражданина Республики Беларусь я считаю любовь и верность Родине, стремление и готовность делить с ней все тяготы и невзгоды, а, в случае необходимости, защищать родную землю’.

– *Das ist die Verehrung und die Respektierung der Staatssymbole der Republik Belarus: des Staatswappens, der Staatsflagge, der Staatshymne. Und wenn unsere Staatshymne ertönt, dann stehen wir auf.* – ‘Это почитание и уважение государственных символов Республики Беларусь: герба, флага, гимна. И когда звучит гимн Республики Беларусь, мы все встаем’.

3. *Was ist für Sie Ihre Heimat?* – ‘Что для Вас Родина?’

– *Das ist mein Heimatland, mein Zuhause, meine Familie, meine Eltern, mein Garten, meine Freunde, meine Schule, meine Muttersprache, mein Glaube.* – ‘Родина – это моя родная земля, мой дом, моя семья, мои родители, мой дворик, мои друзья, моя школа, мой родной язык, моя вера’.

4. *Wofür lieben Sie Ihre Heimat?* – ‘За что Вы любите свою Родину?’

– *Ich bin zuversichtlich für die Zukunft. Meine Eltern haben eine Wohnung und Arbeit. Ich habe die Möglichkeit zu studieren (Ich studiere an der Witebsker staatlichen Mascherow Universität), medizinische Versorgung zu erhalten, das zu tun, was ich liebe, zum Beispiel Sport zu treiben, verschiedene Vereine zu besuchen, mich spirituell zu entwickeln.* – ‘Я уверен в завтрашнем дне. Мои родители имеют жилье, работу. Я имею возможность учиться (Я учусь в Витебском государственном университете имени П.М. Машерова), получать медицинскую помощь, заниматься любимым делом, например, спортом, посещать различные кружки и духовно развиваться’;

– *In unserem Heimatland Belarus sind alle Lebensbedingungen geschaffen: Alle Bürger haben Wohnraum und die Möglichkeit, diesen zu erwerben; Im Land wurde die gesamte Infrastruktur geschaffen: Es wurden ausgezeichnete Straßen gebaut, es gibt eine Vielzahl von Verkehrsmitteln, es gibt viele Bildungseinrichtungen (Schulen, Lyzeen, Hochschulen, Universitäten), Krankenhäuser, Bibliotheken, Museen, Theater, Eispaläste, Stadien und Erholungsorte: Sanatorien, Touristenrouten usw.* – ‘В родной Беларуси созданы все условия для жизни: все граждане имеют жилье и возможность приобрести его; в стране создана вся инфраструктура: построены прекрасные дороги, есть разнообразный транспорт, есть много учебных учреждений (школы, лицеи, колледжи, вузы), больницы, библиотеки, музеи, театры, ледовые дворцы, стадионы и места отдыха: санатории, туристические маршруты и прочее’;

– *In der Republik Belarus wird alles für die Menschen getan: Unternehmen arbeiten, Arbeiter und Angestellte erhalten pünktlich angemessene Löhne, Rentner erhalten Renten; in unserem Land gibt es alles in den Regalen der Geschäfte, das Land versorgt die Bevölkerung vollständig mit allen Arten von Lebensmitteln und Industriewaren.* – ‘В Республике Беларусь делается все для человека: работают предприятия, рабочие и служащие своевременно получают достойную зарплату, пенсионеры – пенсию; в нашей стране есть всё на прилавках магазинов, страна полностью обеспечивает население всеми видами продуктов и промтоваров’;

– *Ich liebe unser Belarus wegen seiner Schönheit: Wälder, Felder, Wiesen, Seen (In Belarus gibt es mehr als 11 000 Seen und 20 000 Flüsse). Unser Belarus wird „blauäugig“ und „Land der Seen“ genannt.* – ‘Я люблю нашу Беларусь за её красоту: леса, поля, луга, озера (более 11 000 озер и 20 000 рек). Нашу Беларусь называют «синеокая»/«синеглазая» и «страна озер»’;

– *Die Republik Belarus hat eine starke Sozialpolitik. Das Land hat einen besonderen Umgang mit Kindern: Es gibt Kinderkrippen, Kindergärten und Freizeitlager für Kinder und Jugendliche.* – ‘В Республике Беларусь сильная социальная политика. В стране особое отношение к детям: работают ясли, детские сады, лагеря отдыха для детей и подростков’;

– *In der Republik Belarus wurden alle Voraussetzungen für eine junge Mutter geschaffen: Sie ist drei Monate*

im Mutterschaftsurlaub und drei Jahre im Kinderbetreuungsurlaub, man behält ihren Arbeitsplatz bei, und dabei erhält sie Kindergeld. – ‘В Республике Беларусь созданы все условия для молодой мамы: три месяца она находится в декретном отпуске и 3 года – в отпуске по уходу за ребенком при сохранении рабочего места, при этом она получает пособие на ребенка’;

– *Unser Staat bietet Unterstützung für kinderreiche Familien (Unterkunft, Sozialleistungen, Vergünstigungen).* – ‘Наше государство оказывает помощь многодетным семьям (жилье, пособие, льготы)’;

– *Belarus hat alle Lebens-, Studien- und Arbeitsbedingungen für Menschen mit Behinderungen geschaffen* – ‘В Беларуси созданы все условия для жизни, учебы и работы людям с ограниченными возможностями’;

– *In unserem Land besondere Aufmerksamkeit und sorgfältige Haltung seitens des Staates und aller belarussischen Bürger gegenüber Veteranen des Zweiten Weltkriegs und Afghanen.* – ‘В нашей стране особое внимание и бережное отношение со стороны государства и всех белорусских граждан к ветеранам Великой Отечественной войны и афганцам’;

– *Unsere Republik Belarus ist das friedliebendste Land, wir leben in Frieden, wir bedrohen niemanden und erheben keinen Anspruch auf fremde Territorien.* – ‘Наша Беларусь – самая миролюбивая страна, мы живем в мире, никому не угрожаем и не претендуем на чужие территории.’;

– *Die Republik Belarus will keinen Krieg, aber wenn Feinde angreifen, wird das Mutterland uns beschützen.*; – ‘Республика Беларусь не хочет войны, но если враги нападут, то мы сможем дать достойный отпор’;

– *Die Republik Belarus lebt nach den Gesetzen der Verfassung der Republik Belarus.* – ‘Республика Беларусь живет по законам Конституции Республики Беларусь’.

5. *Welche Produkte kaufen Sie am liebsten? (inländische, importiere)?* – *Beide.* – ‘Чью продукцию Вы предпочитаете покупать? (отечественную, импортную)? – И ту, и другую’.

6. *Welche Filme sehen Sie sich am liebsten (belarussische, russische, ausländische) an?* – ‘Чьи фильмы Вы предпочитаете смотреть (белорусские, русские, зарубежные)?’

– *Wir sehen uns alle Filme, in letzter Zeit häufiger russische und belarussische Filme an.* – ‘Мы смотрим все фильмы, в последнее время чаще российские и белорусские’.

7. *Wessen Musik hören Sie sich am liebsten (belarussische, russische, ausländische) an?* – ‘Чью музыку Вы предпочитаете слушать (белорусскую, русскую, зарубежную)?’

– *Wir hören uns verschiedene Musik an.* – ‘Мы слушаем разную музыку’.

8. *Wo erholen Sie sich im Urlaub am liebsten (in Ihrem Heimatland, im Ausland)?* – ‘Где Вы предпочитаете на каникулах отдыхать (в родной стране, за рубежом)?’

– *In meiner Heimat Belarus zum Beispiel auf der Datscha, im Zelt am See oder im Ausland, zum Beispiel*

in der Türkei. – ‘В родной Беларуси, например, на даче, в палатке у озера или за границей, например, в Турции’.

9. *Wo würden Sie angesichts der finanziellen Möglichkeiten und Wahlmöglichkeiten am liebsten leben, studieren, arbeiten?* – ‘При наличии финансовых возможностей и выбора, где Вы предпочитаете жить, учиться, работать?’

– *In der Republik Belarus.* – ‘В Республике Беларусь’.

Но следует отметить, что ответы студентов три-два года назад не были такими однозначными. Если раньше, до событий 2020 года, студенты, не задумываясь, без сожаления отвечали, что намерены после окончания обучения жить и работать в странах ЕС и в США, обосновывая это тем, что там больше возможностей приложения своих знаний и финансовой оценки своего труда, и даже после неудачной попытки государственного переворота деструктивными элементами в Республике Беларусь с целью свержения существующей законной власти, некоторые студенты все еще не отличались смелостью говорить правду или вообще отвечать прямо на вопросы, связанные с выездом на постоянное/временное место жительства в страны, не дружелюбно (враждебно) настроенные к нашей стране, студенты были или уклончивы в своих ответах об их гражданских ценностях, или отвечали не искренне, для «галочки». Это позволяет нам (*или это говорило о том*) сделать вывод о том, что «некоторая часть» студенческой молодежи все еще не имеет четкой гражданской позиции.

Ввиду со сложившейся на сегодняшний день ситуации в Республике Беларусь, следует акцентировать внимание на положительных тенденциях, связанных с усилением идеологически направленного воспитания в учреждениях высшего образования, с более глубоким изучением истории Республики Беларусь; с ознакомлением студентов в процессе прохождения программных тем (например, «История Беларуси. Никто не забыт, ничто не забыто») с архивными материалами; с фактами геноцида белорусского народа в годы ВОВ и случаями замалчивания предательства как во время ВОВ, так и в период мирного развития; донесения эпизодов неприглядной исторической правды до студентов (например, это предательство журналистки, члена Союза белорусских писателей, вице-президента Международного ПЕН-клуба, писательницы С.А. Алексиевич, имевшей Орден «Знак Почёта», Медаль «100 лет БНР», Нобелевскую премию по литературе и многое другое, но в то же время ставшей членом так называемого «Координационного совета» по смене действующей власти в Республике Беларусь (2020); незаконные санкции в отношении Республики Беларусь; дискриминация белорусских спортсменов – лишение возможности выступать на спортивных соревнованиях под флагом своей страны и др.), что способствует пробуждению у студентов осознания правоты действий белорусского правительства, дает надежду и уверенность в завтрашнем дне, формирует гражданско-патриотическую позицию, любовь и преданность своей Родине.

В проведенной выше беседе при обсуждении темы «Я – гражданин Республики Беларусь» и в работе над проектом «Горжусь, что я – гражданин Республики Беларусь» принимали участие студенты различных специальностей, которые в силу объективной необходимости объединены в сборные группы (например, 6 юристов, 3 дизайнера, 3 художника; 3 психолога, 5 социальных работников, 3 спортивных тренера; 6 историков, 6 белорусских филологов и т.д.). Такое объединение студентов в сборные группы имеет определенное преимущество в работе над учебным материалом. Например, при обосновании социальной политики Республики Беларусь студенты-юристы формулируют ответы, опираясь на правовую систему, студенты-социальные работники – на практическую основу, студенты-дизайнеры и художники сильны в подготовке проекта по теме «Горжусь, что я – гражданин Республики Беларусь», при этом они проявляют свои творческие способности и участвуют в подготовке тематического проекта в виде стенгазеты; студенты-историки наполняют его важными моментами становления и развития страны, а филологи готовят видеопрезентацию этого проекта.

Участие студентов в проектной деятельности позволяет проявлять самостоятельность в планировании и организации своей работы, достижении поставленной цели. При этом устанавливается прямая связь между изучением иностранного языка и его практическим применением. Работа над проектом обеспечивает активное взаимодействие студентов и преподавателей и способствует осуществлению иноязычной коммуникации.

По нашему мнению, участие студентов в тематических беседах, в вопросно-ответных заданиях, в подготовке проектов способствует развитию патриотических чувств, укреплению их гражданской позиции и проявлению эмпатии, побуждает их не только созерцать, но и оценить заслуги старших поколений, и задуматься о своей роли в жизни страны и внесении своего вклада в укрепление ее могущества.

Таким образом, основные пути формирования гражданско-патриотических ценностей в обучении иностранному языку студентов неязыкового профиля включают:

- 1) интенсивную смену форм и методов воспитательного воздействия на обучающихся;
- 2) опору на интерактивные методы обучения: дискуссии, интервью, занятия-конференции, проекты, беседы, видеопрезентации и т.д.;
- 3) систематические беседы на иностранном языке о достижениях и выдающихся личностях родной страны, об основах государственной идеологии, о патриотических и гражданственных идеалах;
- 4) включение элементов проектной технологии в процесс самостоятельной учебной деятельности по иностранному языку;
- 5) усиление мультидисциплинарного подхода, предполагающего опору на сведения из различных областей знаний (истории, политэкономии, социальных

наук, педагогики и психологии и др.) в процессе овладения иностранным языком.

Заключение. Вопросы гражданско-патриотического воспитания являются актуальными и перспективными, поскольку будущее страны зиждется на преданных ей гражданах, разделяющих ее идеологию, готовых на самопожертвование во имя процветания Отечества.

Организация практических занятий по иностранному языку со студентами неязыковых специальностей с применением различных интерактивных методов обучения: интервью, дискуссий, занятий-конференций, также вопросно-ответных упражнений и др.; проведение бесед на иностранном языке об основах государственной идеологии, о патриотизме и гражданских идеалах; привлечение междисциплинарных знаний в области истории, политэкономии, педагогики, психологии, социальной политики Республики Беларусь; использование проектной технологии и подготовка видеопрезентаций способствуют формированию гражданско-патриотических ценностей.

Литература

1. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов / С.И. Ожегов; под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и образование», 2006. – 1200 с.
2. Концепция непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи на 2016–2020 годы: утв. постановлением М-ва образования Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 82 [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – Дата доступа: 15.10.2020.
3. Гашенко, Л.С. Методологические проблемы формирования патриотических ценностей современного студенчества / Л.А. Гашенко. – Витебск: Изд-во ВГУ, 2003. – 135 с.
4. Белая, А.И. Гражданское воспитание младших школьников: психолого-педагогические и методологические аспекты: материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 3–4 нояб. 2003 г. / Белорус. гос. пед. ун-т. – Минск, 2004. – 174 с.
5. Михайлова, О.Б. Гражданственность и патриотизм как основы инновационного развития личности в поликультурном обществе / О.Б. Михайлова, А.А. Щеголев // Человек и образование. – 2014. – № 3(40). – С. 51–55.
6. Кутко, Н.В. Воспитательная работа в педагогическом колледже / Н.В. Кутко. – Минск, 2004. – 127 с.
7. Гришанов, В.И. Социальные ориентиры и принципы патриотического воспитания студенческой молодежи / В.А. Гришанов // Идеологические, социально-психологические и педагогические аспекты формирования патриотизма белорусского студенчества: материалы респ. науч.-практ. семинара, Витебск, 14 дек. 2007 г. / Вит. гос. ун-т; редкол.: Э.И. Рудковский (отв. ред.) [и др.]. – Витебск: Изд-во УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2007 – 146 с.
8. Республика Беларусь. Законы. Кодекс Республики Беларусь об образовании: [принят Палатой представителей 2 дек. 2010 г.: одоб. Советом Респ. 22 дек. 2010 г.]: по состоянию на 1 сент. 2022 г. / Республика Беларусь. Законы. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2022. – 512 с.
9. Концепция непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи (2015 г.) / О.Л. Жук [и др.] // Выхаванне і дадатковая адукацыя. – 2015. – № 10. – С. 3–22.
10. Программа непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи на 2021–2025 гг.: утв. М-вом образования Респ. Беларусь, 31 дек. 2020 г., № 312. – URL <https://edu.gov.by/molodezhnaya-politika/glavnoe-upravlenie-vospitatelnoy-raboty-i-molodezhnoy-politiki/ upravlenie-raboty/informatsiya/programmy-vospitaniya/programma-vospitaniya-2021-2025.pdf> (дата обращения: 06.02.2024).
11. Иванова, Т.С. Интерактивный подход к обучению иностранному языку как дидактический принцип / Т.С. Иванова // Актуальные вопросы преподавания иностранного языка в высшей школе: сб. науч. тр. – Вып. 1; отв. ред. И.В. Воробьева. – Чебоксары: Чуваш. гос. ун-т, 2017. – 242 с.
12. Борисова, И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика / И.Н. Борисова. – М.: КомКнига, 2005. – 320 с.
13. Колесник, И.Л. Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков / И.Л. Колесник, О.А. Долгина. – СПб.: Рус.-Балт. информ. центр «БЛИЦ», 2001. – 223 с.

Поступила в редакцию 12.03.2024

Мотивы и принципы номинации линейных объектов городов Юго-Западной Англии

Прищепа М.М.

Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова», Витебск

В статье рассмотрены мотивы и принципы номинации топонимов 8 городских агломераций Юго-Западной Англии. Для анализа корпуса топонимов использовали лексико-семантическую классификацию и схему по выявлению культурно-языковых мотиваций, зафиксированных в топонимической системе английских городов.

Цель статьи – определение лексико-семантических и культурно-языковых мотиваций урбанонимов Юго-Запада Англии.

Материал и методы. *Источником материала исследования послужили списки названий улиц английских городов (1788 единиц), полученные методом сплошной выборки из топонимических словарей, топографических карт и интернет-ресурсов, использовались методы инвентаризации и систематизации ономастического материала, семантического описания и структурного анализа.*

Результаты и их обсуждение. *Установлено, что более распространен семантический принцип номинации (69,5%). Семантические топонимы представлены ориентирующими и характеризующими наименованиями в равных соотношениях. Среди семантических ориентирующих топонимов преобладают внешние (68,1%). В корпусе семантических характеризующих имен – фито-фаунистические (34,5%). Семиотический принцип номинации (30,5%) распространен в меньшей степени, чем семантический. Семиотические топонимы представлены демонстративными и меморативными номинациями. Доминирующими наименованиями являются меморативные (93,9%). Среди них преобладает номинация по фамилиям землевладельцев и домовладельцев (35,0%).*

В зависимости от их мотивационной характеристики и по степени количественной репрезентации топонимы подразделяются на: топогонимы (37,3%), антропогонимы (25,9%), характеризующие топонимы (13,1%), фитогонимы (10,5%), номинации, связанные с практической деятельностью человека (5,7%), ландшафтные топонимы (3,7%), зоогонимы (2,8%) и названия королевских и дворянских титулов (1,0%).

Заключение. *Выявленные принципы наименования внутригородских линейных объектов городов Юго-Запада Англии характеризуют лингвистический и культурный ландшафт городов данного региона.*

Ключевые слова: *топоним, урбаноним, топоним, принципы номинации внутригородских линейных объектов, Юго-Западная Англия.*

(Ученые записки. – 2024. – Том 39. – С. 151–155)

Motives and Principles of Names of Linear Objects of Cities in Southwestern England

Pryshchepa M.M.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The article discusses the motives and principles of the nomination of the toponyms of 8 urban agglomerations of Southwestern England. To analyze the corpus of toponyms, a lexical and semantic classification and a scheme for identifying cultural and linguistic motivations recorded in the toponymic system of English cities were used.

The purpose of the article is to identify the lexical, semantic, cultural and linguistic motivations of urbanonyms in the South-West of England.

Material and methods. *The source of the research material was lists of street names of English cities (1788 units) obtained by continuous sampling from toponymic dictionaries, topographic maps and Internet resources, methods of inventory and systematization of onomastic material, semantic description and structural analysis were used.*

Findings and their discussion. *It was found out that the semantic principle of nomination is more widespread (69.5%). Semantic toponyms are represented by orienting and characterizing names in equal proportions. Among the semantic orienting toponyms, external ones predominate (68.1%). Phyto-faunal names are included in the corpus of semantic characterizing names (34.5%). The semiotic principle of nomination (30.5%) is less widespread than the semantic one. Semi-otic toponyms are represented by demonstrative and*

memorative nominations. The dominant names are memorative (93.9%). Among them, the nomination by the surnames of landowners and homeowners prevails (35.0%).

Depending on their motivational characteristics and the degree of quantitative representation, godonyms are divided into: topogodonyms (37.3%), anthropogodonyms (25.9%), characterizing godonyms (13.1%), phytogodonyms (10.5%), nominations related to human practice (5.7%), landscape godonyms (3.7%), zoogodonyms (2.8%) and the names of royal and noble titles (1.0%).

Conclusion. *The revealed principles of naming intra-urban linear objects of cities in the South-West of England characterize the linguistic and cultural landscape of cities in this region.*

Key words: *toponym, urbanonym, godonym, principles of nomination of inner-city linear objects, South-West England.*

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 39. – P. 151–155)

Систематизация топонимических элементов Англии началась в 30-е годы XX века. В топонимических исследованиях выделено три этапа. Первый этап развития топонимики – «догматический» этап или «этап становления» (до 1950-х гг.) – характеризуется историческими исследованиями [1]. Второй этап развития топонимики (1960–2000) – этап формирования парадигмы комплексных исследований с географией и археологией [2]. Третий этап (начало XXI в. – н.в.) характеризуется дальнейшим углублением и уточнением региональной специфики. Особенностью этого этапа в английской топонимике является тенденция определения мотивации названия и референции его элементов [3]. Характеризуя английскую топонимику, следует также отметить различную степень изученности отдельных классов топонимов. Существуют исследования, посвященные гидронимам [4], оронимам [5], инсулонимам [6], годонимам [2; 7].

Значительный вклад в изучение топонимов Англии и англоязычных стран принадлежит не только английским [2; 4; 5], но и российским исследователям [1; 8–11]. Так Т.В. Хвесько проведено сравнительно-историческое описание русской и английской топонимии, представлен обзор лексико-семантических классификаций, показаны структурная организация и этнические особенности славянского и германского ономастиконов [8]. Целью исследования Сизовой Е.А. являлось выявление сходств и различий в формировании и функционировании урбанонимических систем английского, французского и русского языков, а также создании ими определенного фрагмента языковой картины мира [9]. В.В. Алпатов рассматривает ономастиологическую классификацию английских урбанонимов, в основе которой лежит сравнение называемых объектов с явлениями христианской культуры [1]. Д.Р. Минияровой проведен анализ мотивационной основы годонимической лексики Лондона и выявлены типы исследуемых языковых единиц [10]. Монография А.В. Уразметовой посвящена комплексному исследованию топонимической системы Великобритании (ойконимическая и урбанонимическая лексика) [11]. В качестве объекта исследования выступают как первичные, так и вторичные топонимические номинации. В монографии топонимическая система Великобритании представлена как результат отражения культурно-языкового ландшафта территории.

Образ каждого английского города уникален, также неповторим и индивидуален его именной пласт, представляющий своеобразную летопись народа. Роль и значение урбанонимов как идентификаторов внутригородских объектов сегодня достаточно велики [12; 13]. Однако специальные ономастические исследования стали проводиться сравнительно недавно [14; 15], поэтому далеко не все урбанонимы подверглись систематизации и детальному лингвистическому анализу. Практически не исследован такой интересный пласт английской ономастической лексики, как названия внутригородских линейных объектов. Уникальность годонимов заключается, прежде всего, в их способности отражать традиционную народную духовную культуру, являться источником исторической, страноведческой и культурной информации. Именно этот факт определил выбор темы исследования.

Целью работы является определение лексико-семантических и культурно-языковых мотиваций урбанонимов Юго-Западной Англии.

Материал и методы. Языковой материал данной работы составили номинации линейных объектов 8 городов Юго-Запада Англии (Бристоль (Bristol), Борнмут (Bournemouth), Плимут (Plymouth), Суиндон (Swindon), Глостер (Gloucester), Торби (Torbay), Челтнем (Cheltenham), Эксетер (Exeter)). Источником материала исследования послужили списки названий улиц этих городов, полученные методом сплошной выборки из топонимических словарей, топографических карт и интернет-ресурсов, представленных в открытом доступе на официальном сайте Geographic.org/streefview.

Достижение вышеуказанной цели потребовало комплексного применения различных методов исследования. Поэтому методологический инструментарий настоящего исследования сформирован методами инвентаризации и систематизации ономастического материала, элементами качественно-количественного анализа, сравнительным методом, методом семантического описания и структурного анализа, дескриптивным методом.

В нашей работе рассмотрена архитектура годонимикона региона Юго-Западной Англии (1788 языковых единиц). Проведен качественный и количественный анализ названий улиц городов региона по нескольким номинационным классификационным схемам, выявляющим культурно-языковые мотивации, зафиксированные в годонимной системе.

Результаты и их обсуждение. Великобритания – страна с богатым культурным наследием и историей, и ее города являются уникальными. Английские города имеют много общего. Во-первых, их объединяет единый план застройки и стилистика архитектуры. Это объясняется тем, что города возводились компактно, не очень далеко друг от друга, на весьма ограниченной территории и представителями одних и тех же архитектурных школ. Вторая существенная особенность состоит в том, что англичане очень ценят единение и совсем не любят мегаполисов, поэтому английские города небольшие и компактные.

При этом нельзя сказать, что все английские города полностью похожи друг на друга. В каждом городе есть свои особенности, что отражается в его урбанистическом портрете. Многие города начинали возводиться еще древними римлянами, и практически все они уже стояли на своем месте в эпоху Средневековья.

По продолжительности исторического развития все города Юго-Западной Англии делятся на 3 группы:

- древние, история которых насчитывает 800–2 тысяч лет (Бристоль, Глостер, Эксетер, Плимут);
- более молодые, около 500–800 лет (Торки, Челтнем);
- и, наконец, самые молодые, около 200 лет, развитие которых связано с возникновением промышленности и туристического бизнеса (Борнмут, Суиндон).

Длительность периода исторического развития отражается в особенностях урбанистического облика городов региона, как мы уже отмечали на примере Бристоля [16].

Нами были исследованы названия внутригородских линейных объектов городов Юго-Западной Англии (1771 единица) с использованием лексико-семантической классификации [17]. Анализ корпуса топонимов Юго-Западной Англии позволил установить, что более распространен семантический принцип номина-

ции (69,5%). Семантические топонимы представлены ориентирующими и характеризующими номинациями в равных соотношениях. Среди семантических ориентирующих топонимов преобладают внешние (68,1%). В корпусе семантических характеризующих имен – фито-фаунистические (34,5%).

Семиотический принцип номинации (30,5%) распространен в меньшей степени, чем семантический. Семиотические топонимы представлены демонстративными и меморативными номинациями. Доминирующими наименованиями являются меморативные (93,9%). Среди семиотических меморативных топонимов преобладает номинация по фамилиям землевладельцев и домовладельцев (35,0%). Семиотические демонстративные наименования использованы реже (6,1%).

Другой номинационной классификацией, которую мы использовали, была схема по выявлению культурно-языковых мотиваций [8], зафиксированных в топонимической системе английских городов (1788 единиц). В зависимости от их мотивационной характеристики топонимы можно подразделить на следующие типы: антропогонимы, топогонимы, зоогонимы, фитогонимы, ландшафтные топонимы, характеризующие топонимы, номинации, связанные с практической деятельностью человека и названия королевских и дворянских титулов (таблица 1).

Самой многочисленной группой внутригородских линейных объектов в рассматриваемых топонимических названиях являются топогонимы, названия которых образованы от наименований географических объектов – 667 единиц, 37,3% от общего количества (таблица 2).

Эту многочисленную группу можно подразделить на:

- топонимы, образованные от названий городов и деревень, т.е. ойконимов, – 437 единиц (65,5%): *Gloucester Street, Dartmoor Close, London Street*. Эта самая распространенная номинация среди топонимов

Таблица 1

Количественно-качественный состав топонимического облика Юго-Западной Англии

Виды топонимов	Борнмут (%)	Бристоль (%)	Глостер (%)	Плимут (%)	Суиндон (%)	Торки (%)	Челтнем (%)	Эксетер (%)	Среднее (%)
Антропогонимы	34 (24,6)	120 (28,1)	20 (17,1)	28 (13,9)	54 (34,8)	82(23,2)	78 (53,4)	47(18,9)	463 (25,9)
Топогонимы	82 (59,4)	148 (34,7)	47 (40,2)	73 (36,1)	55 (35,5)	157 (44,4)	26 (17,8)	79 (31,7)	667 (37,3)
Зоогонимы	–	8 (1,9)	13 (11,1)	6 (3,0)	1 (0,6)	15 (4,2)	3 (2,1)	4 (1,6)	50 (2,8)
Фитогонимы	6 (4,3)	44 (10,4)	–	39 (19,3)	6 (3,9)	27 (7,6)	22 (15,1)	44 (17,7)	188 (10,5)
Ландшафтные топонимы	2 (1,5)	20 (4,7)	3 (2,6)	13 (6,4)	2 (1,3)	11 (3,1)	2 (1,3)	13 (5,2)	66 (3,7)
Характеризующие топонимы	8 (5,9)	51 (11,8)	15 (12,8)	39 (19,3)	27 (17,5)	44(12,4)	3 (2,1)	48 (19,3)	235 (13,1)
От профессий	–	35 (8,2)	18 (15,4)	4 (2,0)	5 (3,2)	17 (4,8)	11 (7,5)	12 (4,8)	102 (5,7)
От титулов	6 (4,3)	1 (0,2)	1 (0,8)	–	5 (3,2)	1(0,3)	1 (0,7)	2 (0,8)	17 (1,0)
Всего:	138	427	117	202	155	354	146	249	1788

содержит наименования от названий населенных пунктов, к которым они ведут;

– вторая по численности группа образована от названий объектов городского пространства, ойкодомонимов, – 196 единиц, 29,4%: *Bridge Street, Marsh Farm Lane, Westcott Place*;

– топонимы, связанные с физико-географическими объектами, преимущественно гидронимами, составляют всего 34 единицы, 5,1% от всех топонимов: *Severn Road, Tamar Avenue, Windermere Road*.

Наряду с топогонимами антропогонимы представляют собой еще одну наиболее частотную группу названий на топонимической карте городов – 463 единицы, 25,9% от всех топонимов. Эти английские названия образованы от имен известных личностей. К данной группе относятся топонимы, названные в честь монархов, землевладельцев, политиков, военных, национальных героев, деятелей искусства и других известных личностей, преимущественно Великобритании.

Самыми многочисленными являются топонимы, образованные от имен:

– деятелей науки, культуры и искусства – 107 единицы, 23,1%: *Lowley Brook Court* – двор Лоули Брука (Фулк-Гревилль Брук (1554–1628) – английский поэт, драматург и писатель Елизаветинской эпохи); *Scoresby Close* – двор Скорсби (Уильям Скорсби Рутледж (1859–1939) – британский историк, антрополог и этнограф, Член Королевского географического

общества в 1900 г.); *Fletcher Close* – двор Флетчера (Джайлс Флетчер (1546–1611) – английский поэт и дипломат, автор описания Русского царства в XVI веке);

– государственных деятелей – 103 единицы, 22,3%: *Kilmorie Close* – двор Килмори (граф Килмори (1748–1832), генерала британской армии и член Палаты общин); *Raleigh Close* – двор Рэли (Уолтер Рэли (1554–1618) – английский государственный деятель, поэт и писатель, историк, моряк и путешественник, фаворит королевы Елизаветы I); *Vernon Close* – двор Вернона (Эдвард Вернон (1684–1757) – британский адмирал, который командовал флотом во время войны с Испанией (1739–1742));

– религиозных деятелей – 87 единиц, 18,8%: *Wesley Close* – двор Уэсли (Джон Уэсли (1703–1791) – английский священнослужитель, богослов и проповедник, руководитель движения ривайвелизма в англиканской церкви, известного как методизм); *St. Georges Crescent; Vaughan Road* – улица Вогана (Томас Воган (1622–1666) – английский священник, алхимик и мистик).

Далее следуют номинации, связанные с именами:

– земле- и домовладельцев – 58 единиц, 12,5%: *Fauconberg Road* (1874) – улица Фоконберга (лорд Фоконберг являлся владельцем дома на Бэйсхилле, в котором останавливался Георг III в 1788 г.); *Haywards Road* (1897) – улица Хейворда (семья Хейвордов владела кирпичным заводом и дала название переулку, который вел к нему); *Hollins Road* (1884) – улица

Таблица 2

Количественно-качественный состав топо- и антропогонимов в топонимиконах городов Юго-Западной Англии

Номинации	Бристоль (%)	Борнмут (%)	Челтнем (%)	Суиндон (%)	Глостер (%)	Плимут (%)	Торки (%)	Эксетер (%)	Среднее (%)
Топогонимы									
От географ. объектов	4 (5,7)	–	3 (11,5)	1 (1,8)	–	6 (8,2)	6 (8,2)	14 (17,7)	34 (5,1)
От ойкодомонимов	119 (56,1)	68 (82,9)	5 (19,2)	38 (69,1)	9 (19,1)	42 (57,6)	123 (57,5)	33 (41,8)	437 (65,5)
От ойкодомонимов	25 (38,2)	14 (17,1)	18 (69,3)	16 (29,1)	38 (80,9)	25 (34,2)	28 (34,3)	32 (40,5)	196 (29,4)
Всего:	148	82	26	55	47	73	157	79	667
Антропогонимы									
Земле-, домовладельцы	15 (12,5)	–	24 (30,8)	3 (0,6)	7 (35,0)	2 (7,1)	2 (2,4)	5 (10,6)	58 (12,5)
Королевские особы	12 (10,0)	4 (11,8)	7 (9,0)	7 (1,5)	3 (15,0)	3 (10,7)	10 (12,2)	7 (14,9)	53 (11,4)
Государственные деятели	20 (16,7)	4 (11,8)	28 (35,9)	12 (3,7)	2 (10,0)	5 (17,9)	22 (26,8)	10 (21,3)	103 (22,3)
Религиозные деятели	23 (19,2)	12 (35,2)	9 (11,5)	2 (16,7)	6 (30,0)	7 (25,0)	26 (31,8)	2 (4,3)	87 (18,8)
Деятели науки, искусства	31 (25,8)	14 (41,2)	7 (9,0)	9 (38,8)	2 (10,0)	7 (25,0)	21 (25,6)	16 (34,0)	107 (23,1)
Строители	1 (0,8)	–	–	21 (5,6)	–	–	–	–	22 (4,8)
Спортсмены	18 (15,0)	–	3 (3,8)	–	–	4 (14,3)	1 (1,2)	7 (14,9)	33 (7,1)
Всего:	120	34	78	54	20	28	82	47	463

Холлиса (Уильям Холлис – владелец оружейного завода в Торки);

– монархов и членов их семей – 53 единицы, 11,4%: *Victoria Road* – улица Виктории (Виктория (1819–1901) – королева Соединенного королевства Великобритании и Ирландии с 20 июня 1837 г.); *Roberts Close* – двор Роберта (Роберт II (1316–1390) – король Шотландии с 1371 г., основатель династии Стюартов на шотландском престоле); *Alexandra Road* – улица Александры (принцесса Александра – член британской королевской семьи, принцесса Кентская, двоюродная сестра британской королевы Елизаветы II).

Самыми малочисленными оказались годонимы, восходящие к именам:

– спортсменов – 33 единицы, 7,1%: *Wilmot Court* – двор Уилмота (Бенджамин Льюис Уилмот, более известный, как Бен Уилмот – английский футболист, защитник клуба «Сток Сити»); *Caddick Close* – двор Кэддик (Эндрю Ричард Кэддик – игрок в крикет, который играл за Англию в качестве боулера в ODI); *Champion Road* – улица чемпиона.

– строителей городов и членов их семей – 22 единицы, 4,8%: *James Hinton Street* (1890) – улица Хинтона (разработчик Джеймс Хинтон); *Florence Street* (1864) – улица Флоренс (названа в честь дочери строителя Джорджа Уайтхеда); *Colbourne Street* (1902) – улица Колборна (Эй Джей Колбурн – деятель GWR);

Отличительной особенностью данной группы является то, что в разных городах этого региона доминирующими являются разные группы фамилий и имен. Так, в Суиндоне в большом количестве в качестве наименований улиц присутствуют имена строителей города и членов их семей. Это связано с тем, что история города охватывает немногим более двухсот лет и связана с бурным развитием железной дороги и промышленности, деятельностью застройщиков города. В Эксетере функционирует английский профессиональный футбольный клуб «Эксетер Сити», основанный в 1901 году и не раз выигрывавший кубок Англии. В связи с этим в городе существует группа годонимов, наименования которых образованы от имен и фамилий футболистов. В то же время в других городах этого региона, имеющих более длительную историю развития, в данной группе доминируют антропонимы по фамилиям землевладельцев и домовладельцев, например, в Бристоле (15 единиц) и Челтнеме (24 единицы).

Третьей по численности наименований является группа характеризующих годонимов, которая отражает такие компоненты, как размер, местоположение, климатические характеристики, цветовые особенности улиц – 235 единиц, 13,1%: *Gold View*, *Steps Lane*, *South Street*.

Следующим направлением названий годонимов является фито-фаунистическое. Фитогодонимы, представляющие собой названия улиц, связанные с названиями растений, составляют 188 единиц, 10,5 % от общего количества наименований: *Birch Street* *Broome Manor Lane*

Briar Street. Еще более малочисленны зоогонимы, названия улиц, связанные с животными, – 50 единиц, 2,8%: *Mallard Close*, *Barn Owl Close*, *Nuthatch Drive*.

В годонимиконе Юго-Запада Англии присутствуют наименования, связанные с практической деятельностью человека (трудовая деятельность, социальный статус, национальная, религиозная принадлежность) – 102 единицы, 5,7%: *Farriers Close*, *Turner Street*, *Courtsknapp Court*.

Небольшое количество названий английских улиц входит в группу ландшафтных годонимов, которые отражают особенности ландшафта и рельефа местности – 66 единиц, 3,7%: *Cliff Road*, *Walls Hill Road*, *Underhill Road*.

Немногочисленны улицы, носящие названия королевских и дворянских титулов, отражающих социальный статус жителей, – 17 единиц, 1,0%: *Shire Parade*, *Perinville Road*, *Regent Circus*.

Заключение. Таким образом, проведенный комплексный анализ лексико-семантических и культурно-языковых мотиваций урбанонимов Юго-Запада Англии показывает закономерности наименования улиц английских городов и характерные особенности их годонимной системы. Выявленные принципы наименования внутригородских линейных объектов с разных сторон характеризуют не только лингвистический, но и культурный ландшафт городов данного региона.

Литература

1. Alpatov, V. Place-names with Christian associations / V. Alpatov // *Journal of the English Place-Name Society (JEPNS)*. – 2010. – Vol. 42. – P. 5–30.
2. Cameron, K.A. *Dictionary of Lincolnshire Place-Names* / K.A. Cameron. – Nottingham: EPNS, 1998. (EPNS Popular Series). – P. 218–229.
3. Jones, R. *Sense of Place in Anglo-Saxon England* / R. Jones, S. Semple. – Donington: Shaun Tyas, 2012. – 187 p.
4. Nicolaisen, W.F.H. *Seenamen [Lake Names]* / W.F.H. Nicolaisen // *Reallexikon der Germanischen Altertumskunde*. – 2005. – Vol. 28. – P. 49–51.
5. Drummond, P. *Place-name losses and changes – a study in Peeblesshire: a comparative study of hill-names and other toponyms* / P. Drummond // *Nomina*, 2009. – Vol. 32. – P. 5–17.
6. Gammeltoft, P. *Names through the looking-glass* / P. Gammeltoft // *Festschrift in honour of Gillian Fellows-Jensen: Navnestudier udgivet af Afdeling for Navneforskning, Copenhagen, July 5th 2006*. – Copenhagen: SNSBI, 2006.
7. Spokes, A. *The Origins of Oxford Street Names* / A. Spokes, N. Morgan. – Witney: Robert Boyd, 2010. – P. 379.
8. Хвесько, Т.В. *Страноведение: история топонимии Великобритании* / Т.В. Хвесько. – Тюмень: Изд. центр «Академия», 2006. – 104 с.
9. Сизова, Е.А. *Лингвокультурологический анализ урбанонимов: на материале английского, русского и французского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20* / Е.А. Сизова. – М.: МЛУ, 2005. – 202 л.
10. Миниярова, Д.Р. *Годонимическая система Лондона как отражение культурно-языкового ландшафта* / Д.Р. Миниярова, А.В. Уразметова. – *Филология и человек*. – 2023. – № 2. – С. 136–144.

11. Уразметова, А.В. Топонимическая система Великобритании: первичная и вторичная номинация / А.В. Уразметова. – СПб.: Сциентиа, 2022. – 172 с.
12. Мезенко, А.М. Урбанонимия Белоруссии / А.М. Мезенко. – Минск: Университетское, 1991. – 167 с. URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/24284> (дата обращения: 09.03.2024).
13. Голомидова, М.В. Современная урбанонимическая номинация: стратегические подходы и практические решения / М.В. Голомидова // Вопросы ономастики. – 2017. – Т. 14, № 3. – С. 185–203.
14. Леонович, О.А. В мире английских имен / О.А. Леонович. – М.: АСТ: Астрель, 2002. – 160 с.
15. Садуов, Р.Т. Полевое исследование культурно-языкового ландшафта в национальной республике: описание и обоснование проекта / Р.Т. Садуов // Экология языка и коммуникативная практика. – 2020. – № 1. – С. 135–141.
16. Прищепа, М.М. Особенности именования внутригородских объектов Бристоля / М.М. Прищепа // На пути к гражданскому обществу. – 2023. – № 2(50). – С. 21–27.
17. Стаселько, Е. Мотивы номинации внутригородских объектов в русскоязычной и англоязычной культурах (на материале топонимов Минска и Лондона) / Е. Стаселько // Мир языков: ракурс и перспектива: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 22 апр. 2013 г. – Минск: БГУ, 2013. – С. 8–96.

Поступила в редакцию 25.03.2024

Функционирование экономической лексики в англоязычном медийном дискурсе

Иванов Е.Е.

Учреждение образования

«Минский государственный лингвистический университет», Минск

Учреждение образования

«Могилевский институт Министерства внутренних дел», Могилев

Статья посвящена определению основных групп экономической лексики и их функционированию в англоязычном экономическом медийном дискурсе.

Цель работы – систематизировать экономическую лексику в текстах англоязычного экономического медийного дискурса и установить особенности коррелятивных отношений лексических единиц и функций медийного дискурса.

Материал и методы. Исследование проведено на материале экономической лексики, выделенной в текстах раздела «UK Economy» в газете «The Telegraph» за 2022 год. Основной метод работы – функциональный дискурс-анализ, позволивший установить функции лексических единиц в изучаемых текстах.

Результаты и их обсуждение. Исследование дает возможность утверждать, что степень образности и терминологичности лексических единиц предопределяет их функционирование в экономическом медийном дискурсе.

Заключение. Данная работа раскрывает взаимосвязь между основными функциями медийного дискурса и выделенными группами экономической лексики. Реализация функций медийного дискурса обуславливается степенью терминологичности и образности лексических единиц. Так, чем выше степень образности лексической единицы, тем чаще она реализует функцию убеждения. А степень терминологичности прямо влияет на частотность реализации информативной и образовательной функций.

Ключевые слова: дискурс, медийный дискурс, экономическая лексика, термин, функции дискурса.

(Ученые записки. – 2024. – Том 39. – С. 157–161)

Functioning of Economic Vocabulary in English Media Discourse

Ivanov E.E.

Education Establishment “Minsk State Linguistic University”, Minsk

Education Establishment “Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs”, Mogilev

The article aims to identify the main groups of economic vocabulary and their functioning in the English economic media discourse.

The purpose of the research is to systematize the economic lexicon in the texts of English economic media discourse and to establish the peculiarities of correlative relations of lexical units and functions of media discourse.

Material and methods. The research was performed on the material of the economic lexicon allocated in the texts of the section “UK Economy” in the newspaper “The Telegraph” in 2022. The main research method is functional discourse analysis, which allowed us to determine the functions of lexical units in the analyzed texts.

Finding and their discussion. The study allows us to assert that the degree of imagery and terminologization of lexical units predetermines their functioning in the economic media discourse.

Conclusion. The study has revealed a correlation between the main functions of media discourse and the defined groups of economic vocabulary. The realization of the functions of media discourse is determined by the terminologization and imagery degree of lexical units. Thus, the more imagery a lexical unit is, the more often it fulfills the function of persuasion. While the terminologization degree directly affects the frequency of informative and educational functions implementation.

Key words: discourse, media discourse, economic vocabulary, term, discourse functions.

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 39. – P. 157–161)

Средства массовой информации не только формируют читателей о событиях в стране и мире, но и выступают платформой, на которой интенсивно происходят процессы в лексическом составе языка: лексико-семантические новации, сме-

щение границ между общелитературным и терминологическим словоупотреблением, функционально-стилистическое взаимодействие слов и групп слов. Экономика же является продуктивной сферой генерации поводов для таких изменений. Этим опре-

деляется актуальность исследований медийного дискурса и экономической лексики, функционирующей в нем. Объектом исследования выступает медийный дискурс, представленный разделом «UK Economy» в англоязычной газете «The Telegraph». Предметом исследования является экономическая лексика, представленная в текстах такого дискурса.

Исследования медийного дискурса и экономического медийного дискурса как его подтипа проводили Т.Г. Добросклонская, Г.Я. Солганик, Д.Н. Шмелев, К.В. Томашевская и др. Пристальный интерес лингвистов к дискурсу порождает большое количество порой противоречивых подходов к его интерпретации, однако в последнее время он «все чаще ассоциируется с речевой деятельностью в максимально широком понимании» [1, с. 30]. Такой фундаментальный подход стоит дополнить мнением Ю.С. Степанова, который полагает, что «дискурс реально существует не в виде своей грамматики и своего лексикона, как язык просто. Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, – в конечном счете – особый мир» [2, с. 676]. Подходы к медиадискурсу варьируются от его определения как самостоятельного типа дискурса до любого дискурса, реализуемого в СМИ [3, с. 11]. В соответствии с поставленной целью исследования целесообразно вслед за Е.Г. Петушинской считать, что экономический медийный дискурс реализует информативную, образовательную, рекламную и идеологическую функции [4, с. 8].

Цель статьи – систематизировать экономическую лексику в текстах англоязычного экономического медийного дискурса и установить особенности коррелятивных отношений лексических единиц и функций медийного дискурса.

Материал и методы. Материалом исследования стали тексты раздела «UK Economy» газеты «The Telegraph», извлеченные из электронной версии газеты за 2022 год. Данные тексты раздела «UK Economy» посвящены темам, связанным с национальной экономикой страны, ее основными секторами, ключевыми событиями, влияющими на экономический климат, значимыми внешнеэкономическими процессами. Основной метод работы – функциональный дискурс-анализ, позволивший установить функции лексических единиц в исследуемых текстах. В работе также использованы общенаучные методы познания – метод системного описания, описательно-аналитический метод и его приемы: интерпретация, классификация, обобщение.

Результаты и их обсуждение. В статье медийный дискурс – это самостоятельный тип институционального дискурса, который пересекается с экономическим дискурсом в рамках дискурсивных жанров, выделяемых в медийном дискурсе. Фактическим материалом исследования служат экономические тексты газеты «The Telegraph», главным образом представ-

ленные аналитическими авторскими статьями, также встречается жанр экспертного комментария. Тексты характеризуются логичностью и стандартизованностью повествования, факты и события изложены последовательно, высказывания развернуты, повсеместно используются термины из экономической, общественно-политической и других терминосистем [5, с. 21]. При этом в текстах часто встречаются экспрессивные и эмоционально-оценочные компоненты, представленные неологизмами, приемами контраста, клишированными выражениями и фразеологизмами, метафорами, эпитетами, сравнениями и языковой игрой. Благодаря эмоционально-оценочным компонентам содержание таких текстов «легче усваивается и дольше хранится в памяти» [6, с. 391]. Образ автора или авторское «я» является еще одной важной характеристикой текстов англоязычного медийного дискурса [7]. Например: англ. *I want to support a candidate...* ‘Я хочу поддержать кандидата...’ [8]. Таким образом, фактический материал статьи, с одной стороны, обладает всеми признаками экономического дискурса, а с другой – несомненно, является примером медийного дискурса.

Вслед за Е.Г. Петушинской в медийном дискурсе, представленном экономическими текстами, мы выделяем четыре основных функции: информативную, образовательную, рекламную (функцию убеждения), идеологическую. Информативная функция служит для передачи адресату значимых сведений: англ. *Unemployment fell to its lowest rate since 1974...* ‘Безработица упала до наименьшего значения с 1974 года...’ [8]. Образовательная функция, как правило, используется для пояснения узкоспециализированных понятий либо содержания событий: англ. *...which is bad news for both current and future growth* ‘...что является плохой новостью как для текущего, так и для будущего роста’ [8]. Рекламная функция, по своей сути, есть разновидность функции убеждения, которая предлагает принять систему ценностей автора текста: англ. *All the same, you do not exactly need to be an investment genius to figure out...* ‘Вместе с тем, вам не нужно быть инвестиционным гением, чтобы понять, что...’ [8]. Идеологическая функция так же, как и рекламная функция, подразумевает убеждение и воздействие, но более узконаправленное, навязывающее «социально-политические» координаты адресату: англ. *We were the first parliamentary democracy, we were the first industrial nation, we have a long record of political stability...* ‘Мы были первой парламентской демократией, мы были первой индустриальной страной, у нас долгая история политической стабильности’ [8].

Для описания совокупности лексических средств, использующихся в отдельном типе дискурса, как правило, употребляется устойчивое словосочетание «язык дискурса». На первый взгляд, может показаться, что главную роль в языке медийного дискурса играет общеупотребительная лексика и «популярная» терминология. Однако при внимательном изучении

выясняется, что узкоспециальные термины также являются значимым компонентом экономического медийного дискурса. Попытка классифицировать язык экономического медийного дискурса была предпринята Е.Г. Петушинской. Автор дифференцирует экономическую лексику на: «популярные» экономические термины; «популярные» экономические термины, используемые в определенных ситуациях повседневной жизни; специальные (профессиональные) экономические термины; специальные термины, созданные непосредственно для конкретного текста; клишированные выражения, в основе которых лежат стертые метафоры; экономический жаргон; аббревиатуры; фразеологические единицы с экономической коннотацией [4, с. 12]. С нашей точки зрения, в силу своей противоречивости данная классификация нуждается в пересмотре и оптимизации. Аббревиатуры, согласно классификации Б.Н. Головина, являются видом терминов [9, с. 70], следовательно должны быть включены в категорию терминов. Поскольку не приведен принцип дифференциации терминов на «популярные» экономические термины и «популярные» экономические термины, используемые в определенных ситуациях повседневной жизни», предлагается объединить эти группы лексики в одну, и подразумевать, что в ее состав будут включаться как термины, которые утратили свое специальное значение и перешли в разряд общеупотребительной лексики (англ. *goods* ‘товары’, *services* ‘услуги’), так и слова, приобретшие экономическое значение позже (англ. *stocks* ‘акции’, *market* ‘рынок’).

Таким образом, классификация экономической лексики медийного дискурса будет состоять из следующих лексических групп:

во-первых, группа общеупотребительных экономических терминов. Лексикографическими критериями для отнесения лексики к данной категории предлагается считать: включенность термина в словари общеупотребительной лексики английского языка и наличие зафиксированных значений в специальных словарях экономической лексики. Например, целесообразно проверять соответствие термина данным критериям с помощью электронных ресурсов издательства Oxford University Press. Словарь английского языка Oxford English Dictionary [10] имеет систему тегов, в том числе тег «economics and commerce», который присвоен 6735 словарным статьям. Можно предположить, что все слова с данным тегом будут составлять группу общеупотребительных экономических терминов. Специальные словари издательства [11–15] позволяют получить дополнительное подтверждение принадлежности слова к данной группе экономической лексики. Обратимся к примерам словарных статей в электронной версии словаря Oxford English Dictionary. Так, по запросу *investment* ‘инвестиция’ в словаре представлено 14 значений слова: 4 значения без тегов и 6 значений с тегами других областей (стоматология, военная лексика, одежда, право, биология)

указывают на принадлежность слова к группе общеупотребительной лексики, а 4 – с тегом *economics and commerce* свидетельствуют об «экономической природе» термина [16]. Наличие словарной статьи с данным термином в специальном словаре Dictionary of Economics подтверждает принадлежность данного термина к общеупотребительным экономическим терминам [17]. После применения данных критериев к фактическому материалу исследования, извлеченному из текстов путем случайной выборки, установлен ряд примеров общеупотребительных экономических терминов: англ. *bank* ‘банк’, *tax* ‘налог’, *capital* ‘капитал’, *demand* ‘спрос’, *resources* ‘средства’, *inflation* ‘инфляция’, *product* ‘продукт, изделие’, *business* ‘бизнес, коммерческая деятельность’, *VAT (Value added tax)* ‘НДС (налог на добавленную стоимость)’ и др;

во-вторых, группа специальных (профессиональных) экономических терминов. Данную группу будут представлять термины из специальных экономических словарей издательства Oxford University Press [11–15]. В разделах «Economics» и «Business and management» представлено 23 специальных словаря с общим количеством словарных статей около 46 тысяч. Хотя общее количество уникальных терминов во всех словарях неизвестно, эмпирически подтверждается наличие терминов, которые отсутствуют в словаре общеупотребительной лексики и представлены только в специальных словарях. Например: англ. *AAA rating* ‘AAA кредитный рейтинг’, *absolute advantage* ‘абсолютное преимущество’, *gross investment* ‘валовые инвестиции’, *monetary and fiscal policy* ‘денежно-кредитная и бюджетная политика’, *Paasche index* ‘индекс Пааше’, *gilt repo market* ‘рынок репо с золотыми облигациями’ и др;

и в-третьих, группа слов и устойчивых выражений на экономическую тематику. К этой группе будут относиться профессионализмы, жаргонизмы, окказионализмы, неологизмы, стертые метафоры и клишированные выражения на их основе, фразеологические единицы. Включенность данной группы в сферу экономической лексики во многом обусловлена наличием в их составе общеупотребительных либо специальных экономических терминов. Стоит отметить, что в лексикографических источниках чаще всего будут зафиксированы лишь компоненты лексических единиц, относящихся к данной группе, т.е. общеупотребительные и узкоспециальные термины. На наш взгляд, маркированность лексических единиц и выражений данной группы основывается на: а) наличии в их составе зафиксированного в лексикографических источниках экономического термина, использующегося в неизменном либо трансформированном виде; б) наличие образных, экспрессивных, либо ненормативных компонентов в их составе. Например: англ. *global manufacturing bottlenecks* ‘узкие места в глобальном производстве’, *pound will weaken* ‘фунт стерлингов будет слабеть’, *companies have been agonising* ‘компании агонизируют’, *public money are*

you prepared to throw at ‘государственные деньги, которые вы готовы выбросить’, *demand was now likely to have “washed through”* ‘теперь спрос, скорее всего, будет «вымываться»’, *to combat the cost of living crisis* ‘борьба с кризисом стоимости жизни’, *what Lizinomics or Rishinomics consist of* ‘в чем заключается Лизиномика или Ризиномика’ и др.

Для реализации функций экономического медийного дискурса используются все представленные группы экономической лексики. Но при более детальном рассмотрении устанавливаются закономерности между группой лексики и реализуемыми функциями медийного дискурса. С одной стороны, степень терминологичности лексики предопределяет реализацию информативной и образовательной функций. В то же время, чем выше образный потенциал экономической лексики, тем чаще она используется для реализации функции убеждения и идеологической функции.

Общепотребительные экономические термины, как правило, используются для реализации информативной и образовательной функций. В исследуемом материале так или иначе распространяется экономическое знание с помощью общепотребительных терминов – например, в виде пояснений или уточнений: англ. ...*it’s raising the cost of my mortgage (due to higher energy prices)* ‘...повышает стоимость моей ипотеки (из-за роста цен на энергоносители)’ [8]. *So a stronger pound bears down on inflation, which means the Bank of England has to raise interest rates by less to hit its 2pc target* ‘Таким образом, укрепление фунта стерлингов снижает инфляцию, а значит, Банку Англии придется меньше повышать процентные ставки, чтобы достичь целевого уровня в 2 процентных пункта’ [8]. Воздействующая (рекламная) и идеологическая функции дискурса реализуются с помощью общепотребительных терминов скорее факультативно, поскольку не содержат в себе дополнительных коннотаций и образности: англ. *it was the property ownership which would enhance individual choice-making and, therefore, democracy* ‘именно владение собственностью способствовало бы развитию индивидуального выбора и, следовательно, демократии’ [8]. В приведенном отрывке общепотребительный термин легко заменяется на синонимичный, а функции реализуются за счет других языковых средств.

Специальные экономические термины в первую очередь реализуются в образовательной функции и знакомят читателей со специальными понятиями экономики. Объяснения сложных терминов представлены пояснительными конструкциями: англ. ...*warned that Britain was in the middle of a year-long recession that means the economy will be the same size in 2024 as it was in 2019* ‘предупредил, что Великобритания находится в середине годичной рецессии, которая означает, что в 2024 году экономика будет такого же размера, как и в 2019 году’ [8]. Использование аббревиатур связано с реализацией той же функции: англ. *the Institute for Employment Studies (IES)* ‘Институт

исследования занятости (IES)’, *the Office for Budget Responsibility (OBR)* ‘Управление по бюджетной ответственности (OBR)’. Важно отметить, что для профессионала в экономической сфере таким образом будет реализовываться только информативная функция. Узкоспециальные термины достаточно редко реализуются в функции убеждения и идеологической функции. Главная причина заключается, с одной стороны, в отсутствии у них образного компонента, а с другой – в сложности передаваемого понятия.

Идеологическая функция и функция убеждения становятся основными для слов и выражений с терминологизированным «экономическим оттенком» значения. И «экономический оттенок», и высокая степень образности делают такую экономическую лексику незаменимым инструментом выполнения названных функций медийного дискурса. Например: англ. *Over the next few months, regardless of whether the Prime Minister, Boris Johnson, survives or not, we need to hear what Lizinomics or Rishinomics consist of* ‘В ближайшие несколько месяцев, независимо от того, выживет премьер-министр Борис Джонсон или нет, мы должны услышать, в чем заключается Лизиномика или Ризиномика’ [8]. Такими словами автор газетной статьи описывает планы экономического развития Великобритании, предложенные членами Правительства Лиз Трасс и Риши Сунаком. В данном случае, без этих окказионализмов функция убеждения реализуется не так эффективно.

Заключение. Экономическая лексика медийного дискурса, по нашему мнению, может быть классифицирована на следующие группы: общепотребительные экономические термины, специальные (профессиональные) экономические термины, и слова и устойчивые выражения, включенные в сферу экономической лексики. Предложены критерии для отнесения экономической лексики к данным группам на базе лексикографических источников издательства Oxford University Press. Критериями выступают: включенность экономической лексики в словарь общепотребительной лексики Oxford English Dictionary с тегом «economics and commerce», а также наличие зафиксированных значений в специальных словарях экономической лексики (Dictionary of Economics, Dictionary of Accounting, Dictionary of Business and Management). В статье раскрывается взаимосвязь между основными функциями медийного дискурса (информативной, образовательной, рекламной (функция убеждения), идеологической) и выделенными группами экономической лексики. Реализация функций медийного дискурса обуславливается степенью терминологичности и образности лексических единиц. Так, чем выше степень образности лексической единицы, тем чаще она реализуется в функции убеждения. А степень терминологичности прямо влияет на частотность реализации информативной и образовательной функций. Полученные результаты представляют интерес для построения формальных и структурных моделей

экономического медийного дискурса, а также для сопоставительного исследования данного дискурса на белорусском и английском языках.

Литература

1. Баркович, А.А. Функциональный дискурс-анализ: модели формализации и структуризации / А.А. Баркович // Труды БГТУ. Сер. 4, Принт- и медиатехнологии. – 2022. – № 2(261). – С. 29–35.
2. Степанов, Ю.С. Язык и метод: К современной философии языка / Ю.С. Степанов – М.: Языки рус. культуры, 1998. – 784 с.
3. Сажина, Е.В. Медиадискурс в современной лингвистической парадигме: сравнительно-сопоставительный аспект / Е.В. Сажина [и др.]; под общ. ред. Е.В. Сажиной. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2021. – 165 с.
4. Петушинская, Е.Г. Язык популярного экономического дискурса: на материале англоязычной публицистики: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Е.Г. Петушинская. – Коломна, 2008. – 212 л.
5. Альгина, О.В. Функционально-стилистические особенности английской газетной статьи в аспекте перевода: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / О.В. Альгина. – СПб., 2017. – 207 л.
6. Почепцов, Г.Г. Теория коммуникации / Г.Г. Почепцов. – М.: «Рефлбук», К.: «Ваклер», 2001. – 656 с.
7. Солганик, Г.Я. О специфике газетно-публицистической метафоры // Г.Я. Солганик // Журналистика и культура русской речи. – 2002. – № 2. – С. 36–82.
8. The Telegraph [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.telegraph.co.uk/uk-economy/>. – Data of access: 01.10.2023.
9. Головин, Б.Н. Лингвистические основы учения о терминах: учеб. пособие для филол. спец. вузов / Б.Н. Головин, Р.Ю. Кобрин. – М.: Высш. шк., 1987. – 105 с.
10. Oxford English Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.oed.com>. – Date of access: 06.05.2024.
11. A Dictionary of Economics [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.oxfordreference.com/display/10.1093/acref/9780198759430.001.0001/acref-9780198759430>. – Date of access: 07.05.2024.
12. A Dictionary of Accounting [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.oxfordreference.com/display/10.1093/acref/9780198743514.001.0001/acref-9780198743514?rskey=2kTJTG&result=1>. – Date of access: 07.05.2024.
13. A Dictionary of Business and Management [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.oxfordreference.com/display/10.1093/acref/9780199684984.001.0001/acref-9780199684984?rskey=2kTJTG&result=2>. – Date of access: 06.05.2024.
14. A Dictionary of Finance and Banking [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.oxfordreference.com/display/10.1093/acref/9780198789741.001.0001/acref-9780198789741?rskey=hMWS62&result=4>. – Date of access: 07.05.2024.
15. A Dictionary of Marketing [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.oxfordreference.com/display/10.1093/acref/9780198736424.001.0001/acref-9780198736424?rskey=2kTJTG&result=9>. – Date of access: 07.05.2024.
16. «Investment, n» // Oxford English Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.oed.com/dictionary/investment_n?tab=meaning_and_use#197001. – Date of access: 06.05.2024.
17. «Investment» // A Dictionary of Economics [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.oxfordreference.com/display/10.1093/acref/9780198759430.001.0001/acref-9780198759430-e-1687?rskey=YdLRv5&result=1761>. – Date of access: 08.05.2024.

Поступила в редакцию 06.10.2023

Русский язык и его роль в образовании в странах СНГ

Камышева С.Ю.

Центр языковой политики и международного образования
Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина, Москва

Статья посвящена роли русского языка в жизни народов СНГ.

Цель статьи – показать значение русского языка в жизни его носителей, а также выявить его роль в образовательном пространстве стран СНГ.

Материал и методы. В качестве материала были использованы тексты на русском языке, а методами исследования стали дедуктивный и индуктивный, общенаучные: анализ, сравнение, обобщение, а также современный дискурсивный анализ.

Результаты и их обсуждение. На основании данных Индекса – 2023 проанализирована роль русского языка в школьном, средних специальных учреждениях (училищах, техникумах, колледжах) и вузовском образовании, в том числе роль учителя русского языка при получении образования на русском языке.

Заключение. Современные тенденции в обучении русскому языку должны быть ориентированы если не на рост роли русского языка в образовательном пространстве СНГ, то хотя бы на сохранение этих позиций. В статье предлагается ввести в вузах стран СНГ программу под названием «Язык в образовательном пространстве университета».

Ключевые слова: русский язык, образование, учителя, ученики, студенты.

(Ученые записки. – 2024. – Том 39. – С. 162–165)

Russian Language and Its Role in Education in the CIS Countries

Kamysheva S.Yu.

The Center for Language Policy and International Education
of the Pushkin State Russian Language Institute, Moscow

The article deals with the role of the Russian language in the life of the peoples of the CIS.

The purpose of the article is to show the importance of the Russian language in the lives of its native speakers, as well as to identify its role in the educational space of the CIS countries.

Material and methods. The research material were the texts in Russian. During the course of the study such methods as the deductive and inductive, as well as such general scientific methods as analysis, comparison, generalization and modern discourse analysis were used.

Findings and their discussion. The role of Russian language in school, secondary specialized institutions (colleges, vocational and training schools) and university education, as well as the role of the teacher of the Russian language in obtaining education in Russian, is analyzed on the basis of the data of the Index-2023.

Conclusion. Russian language teaching trends should be focused, if not on the growth of the role of the Russian language in the educational space of the CIS, then at least on the maintenance of these positions. The article proposes to introduce a program called “Language in the educational space of the university” in the universities of the CIS countries.

Key words: the Russian language, education, teachers, pupils, students.

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 39. – P. 162–165)

Русский язык – это мировой язык, по числу говорящих он входит в десятку крупнейших языков и занимает 9-е место, по данным Индекса – 2023, в котором показано объективное положение русского языка по различным параметрам. Так, по количеству международных организаций, где он является рабочим языком, русский язык находится

на 4-м месте; по числу научных публикаций в международных базах данных – 5-м месте; по индексу глобальной конкурентоспособности занимает также 5-м месте [1]. Однако с 2013 года русский язык занимает второе место по использованию в интернете. Такой язык требует постоянного и глубокого исследования в разных странах.

Статья состоит из двух частей: 1. Общая характеристика русского языка и его значение для человека и всего народа. 2. Роль русского языка в образовании: а) школьном; б) вузовском.

Цель публикации – показать значение русского языка в жизни его носителей, а также выявить его роль в образовательном пространстве стран СНГ.

Материал и методы. В качестве материала были использованы тексты на русском языке, а методами стали дедуктивный и индуктивный такие общенаучные методы, как анализ, сравнение, обобщение, а также современный дискурсивный анализ.

Результаты и их обсуждение. Уже в древности понимали и значение языка, об этом свидетельствуют русские пословицы, например, *Язык – стяг, дружину водит. Язык царствами ворочает.* Действительно, в конце XX века ученые доказали, что язык является видоспецифической чертой человека. Человек не существует без языка. Более того, язык – это огромная ценность: он пленит своей красотой (особенно поэтических строк), незаменим для общения, проводник духа, формирует нашу духовность. Не случайно М. Хайдеггер назвал язык «домом бытия». Более того, язык как исключительно сложная система не мог быть создан человеком: он есть Дар Божий.

Русский язык настолько многогранен и глубок, что практически исчерпаем в выборе аспектов описании. Остановимся лишь на некоторых, наиболее важных, с нашей точки зрения. Так, язык важен для человека потому, что он является хранителем памяти рода, памяти всех предков, т.к. в нем зафиксированы традиции (*Денежка чужая твой рубль сожжет*), ритуалы (*этикет в разных его формах – деловой, бытовой и др.*), эталоны поведения человека (*Не сбывай с рук постылого, отберет Бог милого*) и т.д. Память – основа любой человеческой деятельности, часто она становится единственным средством хранения сведений об истории нации, об исчезающих знаниях. Для русской культуры память имеет особое значение, о чем свидетельствуют не только многочисленные пословицы и поговорки (*Время уходит, память остается; Кто кому надобен, тот тому и памятен*), многочисленные фразеологизмы (*узелок на память, девичья память, память отшибло, рыться в памяти, не поминать лихом, на свежую память* и др.), названия классических произведений («По праву памяти» А. Твардовский, «Память» В. Чивилихин и др.), есть и более оригинальные подходы: книга стихов В. Бауэра в форме надгробья, в которой почти все стихи посвящены памяти любимого философа, памяти друзей и т.д. Таким образом, русский язык обладает культурной памятью, транслируемой вертикально от поколения к поколению и горизонтально внутри каждого поколения, и так он формирует корни родства всего русскоязычного общества.

Еще одна важнейшая ипостась сущности языка – способность хранить и нести в другие поколения дух народа. Немецкий мыслитель Рудольф Штайнер писал: «Чем больше мы углубляемся в историю развития

народа, тем более живые отношения обнаруживаем между языком и силами человеческой души...» [2, с. 9]. Не случайно мы говорим об особом *русском духе*, о русском человеке, который всегда *духовной жаждою томим*, поэтому русского человека не сломить, не победить, а формируется дух в человеке благодаря языку и религии. Язык – основной источник веры, которая заключена в самом языке («В начале было Слово...»), и вера, кроме того, консервируется в слове (*смиренно-мудрие, кротость, милосердие, человеколюбие* и др.) и хранится в нем веками. Русское Слово с точки зрения духовности – это особая «метка» не столько на самом объекте названия, но на многочисленных смыслах, относящихся к этому явлению.

Язык, как и сам человек, есть это духовная реальность. Это подтверждает существование более тысячи пословиц и фразеологизмов, связанных с текстом Библии [3], наличие целых словарей лексики, взятой из Библии и т.д. В русском языке хранится огромный пласт православной культуры. И этот аспект настолько важен для человека, что без него трудно себе представить появление культуры, ведь даже само слово *культура* связано со словом *культ*.

Взаимодействие русского языка и культуры – еще один важнейший аспект, без которого нельзя обойтись при обсуждении темы русского языка. Культура – сложный феномен, который на сегодня не имеет общепринятого определения. В.А. Маслова в своей книге утверждает, что определений культуры несколько сотен [4, с. 81]. Нам ближе понимание американского социолога П.А. Сорокина. Согласно его точке зрения, культура «совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица» [5].

Мы считаем, что культура народа закрепляется в языке, пронизывает его, именно язык аккумулирует и хранит знания о культуре. Человек создает из слов все тексты, в которых описан мир вокруг него, в том числе художественную литературу. Человек живет в культуре. Создаваемая языком модель мира есть субъективный образ мира, но мы в нем живем. Созданный языком мир – это мир вербальных иллюзий, подменяющий собой реальность, различными социальными стереотипами.

Каждый язык рисует для своего носителя особую картину мира, которая сливается в единую, национальную картину мира, образованную на основе индивидуальных картин. Но здесь все не так просто, потому что, например, народы разных стран, говорящие на одном языке, имеют разные культуры, например, немцы и австрийцы. Почему так происходит? Вероятно, потому, что для языка важен также и окружающий мир: природа, ландшафт, деятельность народа, общественный уклад страны и множество других факторов, которые запечатлеваются в языке.

Язык настолько важен для культуры, что он может вызвать даже быструю ее эволюцию: опыт, накопленный, например, хорошим национальным поэтом или писателем, может повернуть вспять всю культуру тем, что сформирует новые ценности. Например, вместо

ценностей, которые А. Вежицкая считает важнейшими в любой культуре, – сердечность, вежливость, объективизм – усилить такие качества личности, как раздражительность, нетерпимость, агрессивность, что приведет к формированию новых ценностей, а, точнее, антиценностей. Главными славянскими ценностями являются семья, дети, брак, доброта, гостеприимство, красота и др. И даже важные национальные ценности могут превратиться в антиценности. Так, ценности научного прогресса переводят в разряд антиценностей эмоциональное общение, которое отмирает при дистанционном общении.

Ценности являются ядром культуры. Сейчас всю культуру рассматривают как совокупность ценностей, разделяемых нацией. И для отдельного человека ценности важнее других явлений культуры. Есть общечеловеческие ценности – *безопасность, здоровье, комфорт, любовь* и др., национальные ценности: для русских, как показал проведенный нами эксперимент с учителями средних школ, важны следующие ценности: *душа, вера, надежда, любовь, милосердие, дух, справедливость, совесть, сочувствие, сострадание, честь, дружба* и др.

Таким образом, русский язык сложен, многогранен и глубок, а потому ученый имеет огромный спектр аспектов описания: язык является хранителем памяти рода, памяти предков, он передает в другие поколения *русский дух*, ибо русский человек *духовной жаждою томим*; язык – источник веры, он хранит для в себе и передает следующим поколениям ценности, при этом сам являясь главной ценностью народа. Д.С. Лихачев писал: «Самая большая ценность народа – это его язык, язык, на котором он пишет, говорит, думает» [6, с. 47].

Теперь рассмотрим роль русского языка в образовательном пространстве Союзного государства и стран Содружества Независимых Государств (СНГ). В Институте русского языка имени А.С. Пушкина разработан «Индекс устойчивости русского языка в странах постсоветского пространства» (УС-индекс) – 2022 и 2023 [1]. Эта огромная по значимости работа позволяет нам достаточно объективно по самым разным параметрам оценить роль русского языка для каждой страны.

Русский язык в сфере образования – это количество обучающихся на русском языке школьников; количество учителей русского языка в общей численности педагогов школ; количество учащихся среднего профессионального образования; количество студентов вузов с русским языком обучения.

Поскольку Союзное государство – это Российская Федерация и Республика Беларусь, то обратим отдельное внимание на белорусскую оставляющую в Союзном государстве. Русский язык в Союзном государстве является государственным, а в Беларуси – вторым государственным языком.

В образовании вырисовывается следующая картина. Если количество учеников школ, обучающихся на русском языке в постсоветских странах за последние 30 лет сократилось вдвое по сравнению с 1990/1991 учебным годом, то в Республике Беларусь их стало больше на 11,7%. По данным Министерства образо-

вания Республики Беларусь, доля детей, обучающихся на русском языке, увеличивается ежегодно на 2–3% и составляет более 83%.

По данным таблицы «Численность учащихся в учреждениях среднего специального образования по языку обучения» (стр. 25) буклета «Образование в Республике Беларусь», составленного Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь, количество обучающихся на русском языке постепенно уменьшилось (с 99,4 тыс. чел в 2016/2017 учебном году до 91,3 тыс. чел.). Однако это объясняется уменьшением общего количества учащихся (117, 8 тыс. в 2016/2017 учебном году до 110,4 тыс. чел.)

Доля учителей русского языка (6635) в общей численности школьных педагогов (111400) в Республике Беларусь составляет 6%; в училищах, техникумах, колледжах приблизительно 400 человек учителей; вне академического сектора (в частных, субботних и воскресных школах, центрах дополнительного образования, на языковых курсах и т.п.) примерно 150 учителей.

Республика Беларусь занимает первое место среди стран постсоветского пространства по числу студентов вузов, обучающихся на русском языке. Мы наблюдаем увеличение доли обучающихся на русском языке в учреждениях высшего образования Беларуси за 30 лет на 1,1% (98,5% – в 1990–1991 гг., 99,6% – в 2019–2022 гг.). В вузах более 90% обучаются на русском языке.

Таким образом, в Республике Беларусь позиции русского языка как языка образования традиционно сильны. В целом на основании статистических данных Беларусь относится к числу стран с высокой долей обучающихся на русском языке (90–100%).

Что касается остальных стран СНГ, то ситуация с образованием там предстает в следующем виде.

Место русского языка в образовании на территории стран СНГ устанавливает государство, исходя из отношения общества к русскому языку как средству обучения. Приводимые показатели учитывают: удельный вес обучавшихся на русском языке школьников в республиках бывшего СНГ; удельный вес учителей русского языка и литературы в общей численности учителей; удельный вес обучавшихся на русском языке студентов вузов.

За более чем 39 лет после разрушения СССР количество школьников, обучающихся на русском языке в странах СНГ (без учета Российской Федерации), сократилась до 20%, т.е. вдвое по сравнению с 1990/1991 учебным годом. В абсолютных цифрах их число уменьшилось с 9,2 млн до 4,06 млн человек. Исключение из общей тенденции составляет Кыргызская Республика, в которой обучающихся на русском языке в 2020/2021 учебном году стало на 17,3% больше, и Беларусь, где их стало больше на 11,7%. Заметнее всего сократилась доля обучающихся на русском языке в школах Украины, Туркмении, Грузии и Армении (в 3–10 раз). Наметилась важная тенденция: в последнее десятилетие общее число школьников, обучающихся на русском языке, стало постепенно увеличиваться, в основном за счет республик Центральной Азии (Узбекистан, Киргизия, Таджикистан, Казах-

стан), а также Азербайджана, что связано не только с демографическим фактором, но и с высокой конкурентоспособностью образования на русском языке. Общее количество обучающихся на русском языке в процентном отношении выглядит так: в Донецкой Народной Республике, Луганской Народной Республике и Республике Южная Осетия – 100%, в Республике Беларусь – 89,7%, в остальном пространстве СНГ – от 53% в Абхазии до 4% на Украине.

На первое место в при получении образования на русском языке в школе выходит Южная Осетия, на второе – Беларусь, на 3-е – Абхазия, на 4-е – Кыргызстан, на 5-е – Казахстан и т.д. Данный параметр показывает тенденции, связанные с сохранением или изменением фактического статуса русского языка в отдельно взятой стране в долгосрочной перспективе (на одно или два поколения).

Что касается учителей-русистов среди общего числа всех учителей, то здесь их число (без учета России) – 109,7 тыс. человек. Наибольшая доля учителей-русистов работает в Южной Осетии, Армении, Абхазии, наименьшая – на Украине, в Туркменистане, Киргизии. Самое крупное число школьных русистов – в Узбекистане (28,1 тыс.), подавляющее большинство из них работают в смешанных школах и в школах с обучением на государственном языке. Второй наиболее крупный по численности контингент школьных русистов – в Казахстане (23,7 тыс.).

Число обучающихся на русском языке в средних специальных учебных заведениях на пространстве СНГ сократилось вдвое – до 430,9 тыс. человек. Лидирующие позиции по удельному весу студентов русскоязычных групп занимают Абхазия и Южная Осетия, где 100% студентов учатся на русском, а также Беларусь. По абсолютной численности студентов среднего профессионального образования (СПО), обучающихся на русском языке, лидируют Казахстан (198 тыс.), Беларусь (110,3 тыс.) и Киргизия (50,6 тыс.). Таким образом, в трех республиках сосредоточено более 4/5 обучающихся на русском языке в организациях среднего профессионального образования (не считая саму Российскую Федерацию). Высокое место среди обучающихся в средних учебных заведениях на русском языке занимает Республика Молдова, что связано с вкладом Приднестровья. Русский язык практически не используется в системе среднего профессионального образования Азербайджана, Армении, Грузии, Туркмении. Из стран Балтии русскоязычные группы в учреждениях СПО сохраняются лишь в Эстонии в частных образовательных организациях этого типа. В них обучалось около 350 человек. В Украине – 0.

Количество студентов вузов, обучающихся на русском языке в бывших союзных республиках, уменьшилось в 2 раза – до 716 тыс. человек. Уменьшение доли русскоязычного сектора связано с существенным увеличением общего числа студентов (с 2,3 до 3,8 млн). Небольшое увеличение по сравнению с 2019/2020 учебным годом доли русского языка в высшем образовании при сокращении долей по странам

связано с вкладом в первую очередь Киргизии, а также Таджикистана и, в небольшой степени, Азербайджана и Узбекистана. Благодаря высоким демографическим данным, в них увеличивается общее число студентов – и на национальных языках, и на русском. Например, в Киргизии за год число студентов вузов выросло на треть, и русскоязычных студентов стало больше на 25 тыс. Сегодня лидирующие позиции по удельному весу обучающихся на русском языке по программам высшего образования занимают Абхазия, Южная Осетия, Беларусь и Киргизия. Значительный сектор русскоязычного образования сохраняется в вузах Казахстана (хотя по ряду причин, не связанных с демографией, общее число студентов вузов в 2020/2021 учебном году в нем сократилось почти на 30 тыс.). Ощутимее всего русскоязычный сектор высшего образования сократился на Украине, где обучение на русском в вузах полностью прекратилось. По сравнению с 1990/1991 учебным годом в абсолютных цифрах на 86 тыс. стало меньше русскоязычных студентов в вузах Казахстана, на 36 тыс. – Узбекистана, на 29 тыс. – Грузии, на 28 тыс. – Азербайджана, на 23 тыс. – Армении. В то же время по сравнению с 1990/1991 учебным годом, на 85 тыс. выросло число студентов, обучающихся на русском, Киргизии, на 68 тыс. – Беларуси, на 24 тыс. – Таджикистана.

Заключение. Исходя из вышеизложенного, современные тенденции в обучении русскому языку должны быть ориентированы если не на рост роли русского языка в образовательном пространстве СНГ, то хотя бы на сохранение этих позиций. Для этих целей мы предлагаем создать особую программу «Русский язык в образовательном пространстве университета», которая должна включать следующие пункты: 1) учить на всех факультетах русский язык; 2) особое внимание уделить обучению речевой деятельности и речевого поведения; 3) на всех факультетах ввести вводный курс о языке вообще и о русском языке, в частности, куда входили бы сведения о происхождении языка и письменности, знакомство с существующими словарями. На любом факультете нужно учить создавать и понимать тексты по специальности на русском языке.

Литература

1. Индекс Положения русского языка в мире. – М.: Госин-т рус. языка им. А.С. Пушкина, 2023. – 70 с.
2. Штайнер, Р. Язык и его развитие с точки зрения духовной науки / Р. Штайнер. – Ереван: Логин, 2016. – С. 9.
3. Иванов, Е.Е. Лепта библейской мудрости. Библейские крылатые выражения и афоризмы / Е.Е. Иванов. – Минск, 2014. – 208 с.
4. Маслова, В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 347 с.
5. Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество / П.А. Сорокин; пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – 413 с.
6. Лихачев, Д.С. О русской интеллигенции: письмо в редакцию / Д.С. Лихачев // Новый мир. – 1993. – № 2. – С. 3–9.

Поступила в редакцию 26.04.2024

Функцыі моўных афарызмаў у сучаснай беларускай мове

Іваноў Я.Я.

Установа адукацыі “Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.А. Куляшова”, Магілёў

У артыкуле разглядаюцца моўныя афарызмы (афарыстычныя паводле зместу і формы прыказкі і крылатыя выразы) з пункту гледжання іх функцыянальнага прызначэння ў маўленні і ў мове. Гэта дазваляе акрэсліць асноўныя функцыі моўных афарызмаў як разнавіднасці страявых моўных адзінак (накшталт функцый лексічных і фразеалагічных адзінак) у сучаснай беларускай мове.

Мэта даследавання – вызначыць і апісаць асноўныя функцыі моўных афарызмаў (прыказак і крылатых выразы) як часткі падсістэмы ўстойлівых адзінак сучаснай беларускай мовы ў праекцыі на базавыя функцыі мовы/маўлення.

Матэрыял і метады. *Фактычным матэрыялам даследавання паслужылі актыўныя прыказкі і крылатыя выразы, якія ўжываюцца ў сучаснай беларускай літаратурнай мове. Метадалагічная аснова працы: тэорыя функцыянальнага прызначэння мовы і маўлення, тэорыя моўных афарызмаў як страявых адзінак мовы, тэорыя функцый устойлівых адзінак у мове і маўленні. Выкарыстаны метады эмпірычнага пазнання (лінгвістычнага назірання, інтраспекцыі, эмпірычнага апісання) і тэарэтычнага пазнання (дэдукцыі і індукцыі, сінтэзу і аналізу, абстрагавання і абагульнення, сістэматызацыі і класіфікацыі).*

Вынікі і іх абмеркаванне. *У сучаснай беларускай мове ўзнаўляльныя афарыстычныя адзінкі выконваюць усе базавыя функцыі мовы (акрамя намінатыўнай) і ўсе вытворныя ад іх (прыватныя функцыі). У адносінах да моўных афарызмаў функцыі мовы рэалізуюцца як аблігаторныя (камунікатыўная, кагнітыўная, кумулятыўная) і як факультатыўныя (астатнія). Прыватныя функцыі мовы могуць набываць спецыфікацыю пры ўжыванні ўстойлівых афарыстычных адзінак (канатыўная рэалізуецца як аргументацыйная і г.д.). Спецыфічныя функцыі размяжоўваюцца на агульныя (уласцівыя як моўным афарызмам, так і іншым свабодным і ўстойлівым фразам, аднафразавым тэкстам) і ўнікальныя (уласцівыя толькі ўстойлівым афарыстычным адзінкам). Да ўнікальных функцый адносяцца ўніверсальную (універсальнае абагульненне, якое проціпастаўляецца факталагічнаму абагульненню рэчаіснасці) і стылевызначальная (утварэнне стылістычнай адметнасці пісьмовага і вуснага маўлення – афарыстычнага стылю).*

Заклучэнне. *Даследаванне паказала, што моўным афарызмам у сучаснай беларускай мове ўласцівы ўсе базавыя функцыі мовы і маўлення (за выключэннем намінатыўнай). У адрозненне ад іншых устойлівых адзінак моўныя афарызмы выконваюць спецыфічныя функцыі – універсальную і стылевызначальную. Шырокае ўжыванне моўных афарызмаў у маўленні ўтварае яго стылістычную адметнасць – афарыстычны стыль (а ў выніку яго індывідуалізацыі – афарыстычны ідыястыль).*

Ключавыя словы: *сучасная беларуская мова, афарыстычная адзінка, прыказка, крылаты выраз, базавыя і прыватныя функцыі мовы і маўлення, універсальную функцыя, стылевызначальная функцыя, афарыстычны стыль.*

(Ученые записки. – 2024. – Том 39. – С. 168–172)

Functions of Stable Aphoristic Units in Modern Belarusian Language

Ivanov E.E.

Educational Establishment “Mogilev State A.A. Kulyashov University”, Mogilev

The article examines stable aphoristic units (aphoristic in content and form of proverbs and catchphrases) from the point of view of their functional purpose in speech and language. This allows us to define the main functions of stable aphoristic units as a type of regular linguistic units (such as the functions of lexical and phraseological units) in the modern Belarusian language.

The purpose of the research is to define and describe the main functions of stable aphoristic units (proverbs and catchphrases) as part of the subsystem of stable units of the modern Belarusian language in the projection onto the basic functions of language/speech.

Material and methods. *Active proverbs and catchphrases used in modern Belarusian literary language served as the actual research material. The theory of the functional purpose of language and speech, the theory of stable aphoristic units as unitary units of language, the theory of the functions of stable units in language and speech served as the methodological basis of the study. The methods of empirical knowledge (linguistic observation, introspection, empirical description) and theoretical knowledge (deduction and induction, synthesis and analysis, abstraction and generalization, systematization and classification) are used.*

Findings and their discussion. *In the modern Belarusian language, reproducible aphoristic units perform all the basic functions of the language (except the nominative one) and all those derived from them (private functions). In relation to linguistic*

aphorisms, language functions are implemented as mandatory (communicative, cognitive, cumulative) and optional (the others). Private functions of the language can acquire a specification when using stable aphoristic units (conative is implemented as argumentative, etc.). Specific functions are divided into general (inherent both in stable aphoristic units and other free and stable phrases, monosyllabic texts) and unique (inherent only in stable aphoristic units). Unique functions include universalizing (universal generalization, which is opposed to factual generalization of reality) and style-determining (forming stylistic distinctiveness of written and spoken speech – aphoristic style).

Conclusion. The study showed that stable aphoristic units in the modern Belarusian language have all the basic functions of language and speech (except for the nominative one). Unlike other stable units, aphorisms perform specific functions – universalizing and style-determining. Wide use of stable aphoristic units in speech forms its stylistic distinctiveness – aphoristic style (and as a result of its individualization – aphoristic idiosyncrasy).

Key words: modern Belarusian language, aphoristic unit, proverb, winged expression, basic and private functions of language and speech, universalizing function, style-determining function, aphoristic style.

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 39. – P. 168–172)

Паняцце моўных афарызмаў было абгрунтавана ў другой палове ХХ ст. пры лінгвакраіназнаўчым апісанні рускай мовы як замежнай, у межах чаго пад імі прапанавалася разумець “прыказкі, прымаўкі, крылатыя словы”, а таксама агульнавядомыя “заклікі, дэвізы, лозунгі, грамадска-навуковыя формулы і прыродазнаўчанавуковыя фармулёўкі” [1, с. 71–72]. У межах тэарэтычнай лінгвістыкі афарызмы такога кшталту былі вызначаны як “агульнамоўныя афарызмы”, кваліфікаваны як “катэгарыяльная разнавіднасць афарыстычных адзінак” і дыферэнцаваны на “прыказкі” (парэміялагічныя адзінкі) і “крылатыя выразы” (эпітанімічныя адзінкі) [2, с. 81–82]. Аналагічны погляд на “агульнамоўныя афарызмы” быў прапанаваны і абгрунтаваны на матэрыяле беларускай мовы [3, с. 80–84].

У сучасным мовазнаўстве прынята вылучаць тры функцыі моўных афарызмаў – намінатыўную, кумуляцыйную і дырэктыўную, якія былі ўпершыню прапанаваны і грунтоўна апісаны на матэрыяле рускай мовы Я.М. Верашчагіным і В.Р. Кастамаравым [1, с. 75–78]. Акрамя гэтага функцыі прыказак і крылатых слоў разглядаюцца асобна, што істотна пашырае і ўскладняе разуменне функцыянальнага прызначэння моўных афарызмаў. Так, напрыклад, Р.Л. Пермякоў вызначыў сем функцый прыказак: “мадэлюючая, павучальная, прагнастычная, магічная, негатыўна-камунікатыўная, забаўляльная, арнаментальная” [4, с. 88–89].

На матэрыяле толькі пісьмовых тэкстаў І.Я. Лепешаў вылучыў “стылістычныя функцыі прыказак” і размежаваў іх (“як і ў фразеалогіі”) на: узуальнага характару (“камунікатыўная, “лаканізацыі” маўлення, вобразнага выказвання, ацэначная, эмацыянальная і экспрэсіўная функцыі”) і аказіянальнага характару (“функцыі сюжэтнай асновы твора, у ролі эпіграфа, у ролі пачатку твора, у ролі рэфрэна, у ролі канцоўкі твора, маўленчай характарыстыкі персанажа, стварэння гумару і сатыры”) [5, с. 122–133]. Не менш разнастайна вызначаюцца і функцыі крылатых слоў. Так, М.С. і М.Р. Ашукіны вылучылі дзве іх функцыі: “вобразная, намінатыўная” [6, с. 4–5], В.П. Беркаў дадаў да іх яшчэ дзве: “абагульняючая, эстэтычная” [7, с. 12–13]; а пасля яшчэ тры: “аргументатыўная, палемічная, гумары-

стычная” [35, с. 9–10]. Да гэтых функцый крылатых слоў С.Р. Шуляжкова далучыла яшчэ сем: “ідэалагічная, прызыўная, аргументатыўная, характарызуючая, кантактаўтваральная, загаловавая, кампазіцыйная” [9, с. 245–254]. Да іх, у сваю чаргу, В.М. Макіенка і К.П. Сідарэнка дадалі яшчэ тры функцыі: “інтэртэкстуальная, тэкстаўтваральная, эмацыянальная” [10, с. 21–30]. Як можна бачыць, у межах розных класіфікацый розных даследчыкаў адвольна спалучаюцца разнастайныя моўныя і стылістычныя функцыі моўных афарызмаў, што сведчыць аб адсутнасці аб’ектыўна акрэсленых метадалагічных падстаў для іх вылучэння.

Праблема даследавання палягае, па-першае, у адсутнасці адзінага погляду на функцыі моўных афарызмаў (а ў іх складзе на функцыі асобна прыказак і крылатых выказаў). Па-другое, даследчыкі звычайна адзначаюць функцыянальную ізаморфнасць моўных афарызмаў, фразеалагізмаў і слоў (напрыклад, Р.Л. Пермякоў [11, с. 250], Я.М. Верашчагін і В.Р. Кастамараў [1, с. 73] і інш.), аднак ступень суаднесенасці функцый лексічных і фразеалагічных адзінак з функцыямі моўных афарызмаў спецыяльна не вызначаецца. І па-трэцяе, кваліфікацыя ўстойлівых афарыстычных адзінак як “моўных афарызмаў” натуральна прадугледжвае іх адпаведнасць паводле функцыянальных характарыстык асноўным функцыям мовы і маўлення, што ніколі не было прадметам спецыяльнага вывучэння.

Аktуальнасць даследавання заключаецца ў наспелай неабходнасці вызначэння функцый моўных афарызмаў у аспекце асноўных функцый мовы/маўлення (якія рэалізуюцца пры ўжыванні адзінак лексічнага і сінтаксічнага ўзроўняў), што дазволіць, з аднаго боку, аб’ектывізаваць класіфікацыю функцыянальнага прызначэння моўных афарызмаў, а з другога – устанавіць ступень і характар іх ізаморфнасці ў функцыянальным плане лексічным і фразеалагічным адзінкам.

Мэта даследавання – вызначыць і апісаць асноўныя функцыі моўных афарызмаў (прыказак і крылатых выказаў) як часткі падсістэмы ўстойлівых адзінак сучаснай беларускай мовы ў праекцыі на базавыя функцыі мовы / маўлення.

Матэрыял і метады. Фактычным матэрыялам працы паслужылі прыказкі і крылатыя выразы, якія актыўна ўжываюцца ў сучаснай беларускай літаратурнай мове, паводле іх нарматыўных (тлумачальных) слоўнікаў [12–15].

Метадалагічнай асновай даследавання паслужылі тэорыя функцыянальнага прызначэння мовы і маўлення [16], тэорыя моўных афарызмаў як страявых адзінак мовы [1, с. 71–80; 2, с. 66–71; 3, с. 83–84], тэорыя функцый устойлівых фраз у мове і маўленні [4, с. 88–89; 5, с. 122–133; 9, с. 245–254; 10, с. 21–30]. У даследаванні выкарыстаны метады эмпірычнага пазнання (лінгвістычнага назірання, інтраспекцыі, эмпірычнага апісання) і тэарэтычнага пазнання (дэдукцыі і індукцыі, сінтэзу і аналізу, абстрагавання і абагульнення, сістэматызацыі і класіфікацыі).

Вынікі і іх абмеркаванне. Даследаванне паказала, што моўныя афарызмы выконваюць у маўленча-мысленчай дзейнасці ўсе базавыя функцыі мовы (акрамя намінатыўнай) [16] – камунікатыўную, кагнітыўную, эматыўную (эмацыянальную), метамоўную, а таксама асноўныя прыватныя функцыі (вытворныя ад базавых) – фатычную (кантактаўсталёўную), канатыўную (уплыву), валонтатыўную (рэгулятыўную), пазнавальную, кумуляцыйную (захоўвання і перадачы інфармацыі), аксіялагічную (ацэнкі), рэфэрэнцыяльную, пазытыўную (эстэтычную), рытуальную (магічную) і інш. У гэтым плане моўныя афарызмы не адрозніваюцца ад страявых адзінак мовы (слоў і фразеалагізмаў) і таксама, як і яны дыферэнцыююцца паводле абмежаванасці і ступені рэалізацыі асобных функцый мовы (маўлення).

Устаноўлена, што базавыя і вытворныя ад іх (прыватныя) функцыі мовы ў адносінах да моўных афарызмаў рэалізуюцца дваяка – як *аблігаторныя* і як *факкультатывныя*.

Аблігаторны характар маюць тры функцыі мовы, якія выконваюцца ўсімі моўнымі афарызмамі пры іх рэалізацыі ў маўленча-мысленчай дзейнасці.

Камунікатыўная функцыя ўласціва моўным афарызмам як адзінкам, што існуюць і рэалізуюцца толькі ва ўмовах камунікацыі і выкарыстоўваюцца для пабудовы і перадачы вербальных (і паравербальных) паведамленняў. У гэтым сэнсе моўныя афарызмы адрозніваюцца, з аднаго боку, ад неафарыстычных па месце выказванняў, а з другога – ад лексічных ці фразеалагічных адзінак толькі спецыфікацыяй ролі і месца ў маўленні, якая праяўляецца ў адметнай рэалізацыі моўных афарызмаў у структуры камунікацыі, а таксама ў прыватных разнавіднасцях камунікатыўнай функцыі. Так, **канатыўная функцыя**, будучы прыватнай разнавіднасцю камунікатыўнай (як функцыя ўздзеяння маўлення на адрасата), рэалізуецца пры ўжыванні афарызмаў як аргументацыйная, напр.: *Каб хоць трохі апраўдаць сваё паражэнне перад удзельнікамі канферэнцыі, аўтар праекта на рэформе беларускай азбукі спаслаўся на крылаты выраз аднаго з французскіх мовазнаўцаў: “Лягчэй каралю адсячы галаву, як*

зрабіць якую-небудзь зьмену ў пісьме” (Л. Лыч “Рэформа беларускага правапісу 1933 года”) і да т.п.

Кагнітыўная функцыя праяўляецца ў тым, што моўныя афарызмы, як і словы і фразеалагізмы ўдзельнічаюць паводле свайго плана зместу і формы яго адлюстравання ў мысленчых працэсах падчас мысленча-маўленчай дзейнасці. Афарыстычныя адзінкі не толькі служаць вербальным сродкам фармулявання і адлюстравання думкі, як і словы і фразеалагізмы, але і адыгрываюць спецыфічную ролю ў кагнітыўнай дзейнасці, паколькі з’яўляюцца сродкам і спосабам універсальнага абагульнення рэчаіснасці [2, с. 84–94; 3, с. 63–73]. Так, уяўленне аб тым, што жыццё скончыцца смерцю, фарміруецца на эмпірычнай падставе (у выніку назіранняў за жыццём і смерцю іншых людзей) і існуе ў моўнай свядомасці ў форме ўніверсальнай заканамернасці ‘Смерць як заканчэнне фізічнага існавання спасцігне кожнага чалавека’ і адлюстравана ў шэрагу моўных афарызмаў (прыказак), унутраная форма (і агульнае значэнне) якіх можа даволі істотна адрознівацца, але якія аб’яднаны ў свядомасці носьбітаў мовы ў адну групу паводле свайго прызначэння быць вербальным сродкам выяўлення названай універсальнай заканамернасці, напр.: *Ад смерці доктара няма; Ад смерці не адкупішся; Дзвюм смярцям не бываць, а адной не мінаваць; Смерць і радзіны не выбіраюць гадзіны; Смерць не ручайка – не пераскочыш; Смерць нікому ў зубы не глядзіць; Смерць у бутэльку не заткнеш; Смерць ускоча, калі захоча* [12] і да т.п.

Кумуляцыйная функцыя ўласціва моўным афарызмам у той жа ступені, што і страявым адзінкам мовы, якія выкарыстоўваюцца не толькі як сродак перадачы, але і як сродак захоўвання інфармацыі аб акаляючым свеце. Афарыстычныя адзінкі з’яўляюцца ўнікальным сродкам захоўвання ведаў (што атрымліваюцца ў межах калектыўнага вопыту і верыфікуюцца ім) аб універсальных заканамернасцях як часткі ментальнай рэчаіснасці [2, с. 93; 3, с. 72], сукупнасць якіх з’яўляецца кампанентам нацыянальна-моўнай карціны свету – афарыстычнай карцінай свету [3, с. 107–112].

Кумуляцыйная функцыя мовы можа праяўляцца ў моўных афарызмах яшчэ і ў тым, што асобныя кампаненты іх лексічнага і фразеалагічнага складу таксама могуць (або незалежна, або як частка агульнага плана зместу афарыстычных адзінак) выступаць сродкам захоўвання ведаў аб акаляючым свеце і адлюстроўваць пэўныя, у тым ліку нацыянальна-культурна спецыфічныя фрагменты моўнай карціны свету. Акрамя гэтага, змештава моўныя афарызмы і як цэласныя знакі, і як фразавыя тэксты могуць звязвацца (паводле асобных слоўных кампанентаў) асацыяцыйнымі адносінамі як са зместам іншых моўных адзінак, так і з уяўленнямі, што не адлюстраваны ў мове, на падставе чаго ў структуры плана зместу моўных афарызмаў утвараецца т.зв. “фонавая семантыка” (“афарыстычны фон”), якая разам з лексічным фонам і фразеалагічным фонам утварае нацыянальна-культурную семантыку мовы і ўваходзіць у нацыянальную карціну

свету. Фонавая (нацыянальна-культурная) семантыка моўных афарызмаў з’яўляецца аб’ектам лінгвакультуралагічнага вывучэння мовы.

На сённяшні дзень распрацавана канцэпцыя вызначэння і апісання нацыянальна-культурнай семантыкі моўных афарызмаў беларускай мовы пры яе вывучэнні як замежнай і як няроднай (другой ва ўмовах білінгвізму) [17, с. 33–62]. Асноўныя палажэнні дадзенай канцэпцыі рэалізаваны на практыцы ў вучэбным даведніку моўных афарызмаў “Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў: лінгвакраіназнаўчы дапаможнік” (1997) [18].

Трэба таксама адзначыць, што кагнітыўная і кумуляцыйная функцыі моўных афарызмаў часта аб’ядноўваюцца даследчыкамі ў межах агульнай функцыі – пазнавальнай. Такі падыход характэрны для навукова-філасофскага аспекту вывучэння афарызма [19]. Ва ўласна лінгвістычным разуменні пазнавальная функцыя ў дачыненні да афарызмаў з’яўляецца факультатываўнай (гл. ніжэй).

Усе астатнія базавыя і прыватныя функцыі мовы маюць у дачыненні да моўных афарызмаў **факультатывны характар** (г.зн. уласцівы пэўным групам адзінак або абмежаваны пэўнымі ўмовамі ў сваёй рэалізацыі).

Эматыўная (эмацыянальная) **функцыя** ўласціва моўным афарызмам у залежнасці ад адпаведнай інтэнцыі моўніка, эмацыянальнасці кантэксту, напр.: *Ну, што ж? Слязамі бядзе не паможаш, а справу рабіць трэба. Жыццё ўсё наперадзе, хлопцы! (Я. Колас “На ростанях”)* (нейтральнае выкарыстанне); *Загаласіла і Паўлюкова жонка Гануля – блізка прыма-ла чужое гора. – Слязьмі гору не паможаш! – прыкрыкнуў на жанчын Паўлюк (А. Варановіч “Паўлюк з Жалезнікаў”)* (эмацыянальнае выкарыстанне) і да т.п.

Метамоўная функцыя рэалізуецца ў выпадках, калі з дапамогай моўнага афарызма тлумачаць або каментуюць змест раней выказанай думкі, напр.: *Які важны досвед вы вынеслі са сваіх камандзіровак у далёкае замежжа? З таго ж Алжыра, дзе будавалі электрастанцыі і абучалі персанал. Ці гэта толькі вопыт душы: “Добра працаваць дома... “. Інакш кажучы, сакраментальнае “Добра там, дзе нас няма” (“Звязда”)* і да т.п.

Фатычная (кантактаўсталёўная) **функцыя** ўласціва моўным афарызмам з семантыкай трызмаў [3, с. 75], якія ў прамым сэнсе не змяшчаюць ніякай карыснай інфармацыі, ужываюцца для падтрымання ці ўсталявання міжасабовага кантакту. Трэба адзначыць, што ў фатычнай функцыі могуць ужывацца моўныя афарызмы розных семантычных тыпаў (у якасці “прыгаворкі” ці ў іншых ролях), напр.: *Вяльможны наш пане дзядзічны, вотча і дабрадзею! Добра кажэ прыгаворка: госць у дом, бог у дом; а ты ж наш дарагі госць, як яснае солнышка (В. Дунін-Марцінкевіч “Сялянка”)* і да т.п.

Валюнтатываўная (рэгуляцыйная) **функцыя** выконваецца найперш моўнымі афарызмамі з дыдактычным зместам, аднак з’яўляецца спецыялізаванай для

афарыстычных адзінак з дырэктыўнай семантыкай, сінтаксічна арганізаваных з дапамогай імператывных форм і канструкцый, напр.: *Мама вучыла: “Не чапай чужога – і не бойся нікога”. А бацька: “Пазычай – а пра сваё дбай” (В. Рагаўцоў “Імгненні”); Яднама-ся навокал супольнага клічу, бо толькі ў еднасці сіла. Кіньма сваркі і звадкі, ад каторых церпіць увесь край. Падумайма разам ды шчыра аб долі гэтага Краю (“ЛіМ”, 23.11.1990)* і да т.п.

Пазнавальная функцыя ўласціва ўсім моўным афарызмам, акрамя тых, што паводле зместу адносяцца да трызмаў [3, с. 75], аднак рэалізуецца ў маўленні ў выпадках, калі моўныя афарызмы выкарыстоўваюцца непасрэдна ў якасці павучання, парады, сродку трансляцыі ведаў, калектыўнага вопыту (што часта маркіруецца адпаведнымі слоўнымі формуламі на-штальт як *усім вядома, здаўна вядома, народ кажэ, народная мудрасць вучыць, прыказка раіць* і да т.п.), напр.: *– Позна, перарос. Час мне ўжо дваццаць шосты гадоў горне, а за спінаю і людскіх трох класаў не наскрабеш... – горасна ўздыхнуў Шлык. – А ты чуў, што народная мудрасць кажэ? “Век жыві, век вучыся” (І. Дуброўскі “Жывая слава”)* і да т.п.

Аксіялагічная функцыя (функцыя ацэнкі) рэалізуецца, па-першае, у межах моўных афарызмаў як фразавых тэкстаў, у якіх ужываецца ацэначная лексіка (напр.: *Каму міла, а каму гніла; Лепш позна, чым ніколі; Усё мілагучна для слыху майго: і звонкае “дзе” і густое “чаго” (П. Панчанка), а па-другое, праз адлюстраванне сацыяльных, маральных, культурных каштоўнасцей у тых моўных афарызмах, што паводле свайго зместу з’яўляюцца часткай аксіялагічнай карціны свету, напр.: Сярод маскоўскага люду прыбывае беларусаў не толькі з нараджэння, але і з выбару, пераканання. Апошнім часам я ўсё больш схіляюся да думкі, што беларусамі сёння не нараджаюцца, імі становяцца. Вяртанне на Бацькаўшчыну? Дык я не разлучаўся з Ёю – скрозь Яна са мною, як і цяпер, пры нашай гутарцы. Хоць не раз і загадаецца Багушэвічаву “Калок свой мілейшы, як чужыя клямкі”... (“ЛіМ”, 10.01.1992)* і да т.п.

Трэба адзначыць, што функцыі ацэнкі пазбаўлены многія моўныя афарызмы (у тым ліку прыказкі), у якіх рэчаіснасць ніяк не ацэньваецца з сацыяльнага, маральнага, культурнага пункту погляду (аксіялагічна нейтральныя афарыстычныя адзінкі), напр.: *Ад жыгучкі трымай далей ручкі; Ліхтаром пучшы не асвеціш; Хваробы лечыць і атрутамі (М. Багдановіч)* і да т.п. У гэтай сувязі памылкова лічыць, што кожны моўны афарызм (найперш, прыказкавы) абавязкова павінен адлюстроўваць тую ці іншую нацыянальную каштоўнасць у моўнай карціне свету.

Рэфэрэнцыяльная функцыя ўласціва моўным афарызмам, якія заўсёды ўжываюцца ў маўленні ў дачыненні да канкрэтных асоб, прадметаў, якасцей, з’яў, дзеянняў і г.д. Такого кшталту адзінкі (рэферэнцныя) утвараюць асобны семантычны клас моўных афарызмаў. Так, прыказка *З паршывай (шалудзівай)*

авечкі хоць шэрсці (воўны, поўсці) клок (касмык, касмыль) мае абагульнена-ўніверсальнае агульнае значэнне “Калі нельга атрымаць ад каго-н. многае, то рады ўзяць хоць што-н. нязначнае”, пры гэтым “гаворыцца пра каго-н. (з непашанай)” [12, с. 277], г.зн. не выкарыстоўваецца ў маўленні як нерэфэрэнтнае, заўсёды суадносіцца моўнікам з тым, каго ён называе *паршывай (шалудзівай) авечкай і/або з тым, што ён вызначае як шэрсці (воўны, поўсці) клок (касмык, касмыль)*. Рэфэрэнцыяльная функцыя спарадычна рэалізоўваецца пры ўжыванні моўных афарызмаў у факталагічным сэнсе, калі рэфэрэнцыяльнае значэнне з’яўляецца прыватным праяўленнем іх абагульнена-ўніверсальнага зместу, напр.: *Тут падляцеў і другі верабей. Усчалася бойка. Карыстаючыся зручным момантам, трэці верабей-разбойнік імгненна ўхапіў пірог і паляцеў, а два першыя ўсё працягвалі біцца. – Так і сярод людзей бывае: калі двое б’юцца, трэціму карысьць*, – сказала Вера Ягораўна (Л. Прокша “Пакуль жывеш на свеце”) і да т.п. Набышчэ моўнымі афарызмамі рэфэрэнцыяльнага значэння можа суправаджацца або быць выкліканым іх трансфармацыяй у маўленні (разавым перафразаваннем або ўжываннем у парадыгматычнай форме), напр.: [Раман:] *Нашаму брату каб шыя, а хамут знойдзеца* (П. Васілеўскі “Год дзевяцьсот сямнаццаты”) ← Абы (Была б) шыя, а хамут знойдзеца (разавая трансфармацыя); [Павел:] *Пачастуй, дзед, самасадам*. [Кузнечык:] *Калі ты добры курэц, братка-беларус, то насі люльку і тытунец* (А. Дзялендзік, “Грэшная любоў”) ← Калі курэц, то насі люльку і тытунец (парадыгматычная форма – канкрэтызацыя ў спалучэнні з пранамінальнай устаўкай) і да т.п.

Паэтычная (эстэтычная) функцыя рэалізуецца, па-першае, тымі моўнымі афарызмамі, якія маюць выразную (мастацка апрацаваную) форму, па-другое, пры ўжыванні любых устойлівых афарыстычных адзінак у маўленні з мэтай упрыгожыць яго, надаць яму больш выразнасці, па-трэцяе, пры выкарыстанні моўнага афарызма ў маўленні дзеля самога выкарыстання (пры ўзнаўленні не як устойлівай фразы, а як фразавага тэксту – фальклорнага паходжання, калі гэта прыказка, або літаратурнага паходжання, калі гэта крылаты афарызм), і па-чацвёртае, пры ўжыванні ўстойлівых афарыстычных адзінак у пэўных мастацкіх мэтах (у мове мастацкіх і публіцыстычных твораў). Названыя праяўленні паэтычнай функцыі пры ўжыванні моўных афарызмаў могуць камбінавацца (у розных спалучэннях), напр.: *Гогель займаўся яшчэ “літаратурай” і неўзабаве пасля паўстання выпусціў у Вільні кніжку “Іасафат Агрызка і Пецяўбургскі рэвалюцыйны жонд у справе апошняга мяцяжу”, у якой паклёпнічаў на слаўных барацьбітоў за волю, у тым ліку на Кастуся Каліноўскага і яго старэйшага брата Віктара. Пра вольгарны характар яго кніжкі досыць красамоўна сведчыць эпіграф да яе: “Як воўка ні кармі, усё ў лес глядзіць” (меўся на ўвазе польскі народ) (Г. Кісялёў “Вялікі сын беларускага народа Кастусь*

Каліноўскі”) і да т.п. Пры ўжыванні моўных афарызмаў у паэтычнай (эстэтычнай) функцыі яны часта перафразоўваюцца, у тым ліку і з уласна эстэтычнымі мэтамі (для “паляпшэння” формы, павелічэння яе выразнасці, а таксама дзеля моўнай гульні і інш.). Усе парадыйныя ці жартаўлівыя перафразаванні прыказак і крылатых выразаў (адпаведна, “антыпрыказкі” [3, с. 117–125], і “антыцытаты” [3, с. 125–134]) з’яўляюцца непасрэдным вынікам рэалізацыі паэтычнай (эстэтычнай) функцыі мовы ў дачыненні да ўстойлівых афарыстычных адзінак.

Рытуальная (магічная) функцыя ўласціва звычайна тым моўным афарызмам, якія паходзяць з народных прымхаў, хоць разова выконваць яе могуць, дзякуючы інтэнцыі моўніка або пэўным маўленчым сітуацыям, таксама ўстойлівыя афарыстычныя адзінкі і іншыя разнавіднасці – найперш прыказкі, унутраная форма якіх часта адлюстроўвае міфалагічную карціну свету, напр.: *Чуў, як Маркава бабця гаворыць? Ніколі не скажа “вадзянік”, а заўсёды “зялёны” або “мокры падол”, бо ў таго, хоць ён чалавекам прыкінься, заўсёды з падолу капае. І не “чорт”, а “рагаты”, і не “воўк”, а “шэры пан”. І калі сабакі зімой небяспечныя бываюць, то “паны, што на саломе спяць і зубамі ішчуцца”. – Гэта чаго? Чаму гэта? – Забавонная. Верыць, што “пра воўка размова, а воўк у хатку”*. А колькі так усе людзі баяліся. Вось і назвалі звера, “той, хто мёд ведае”, мядзведзь (У. Караткевіч “Былі ў мяне мядзведзі”); *Маўчы, Цім! Не наша дзела аб гэтым гаманіць... Ты гамоніш, а ён шмыг – і тут. Ведаеш прыпавесць: ты з варот, а ён чэраз плот, аб воўку памоўка, а ён тут* (В. Дунін-Марцінкевіч “Ссялянка”) і да т.п.

Аблігаторныя і факультатыўныя функцыі, якія моўныя афарызмы выконваюць у працэсе маўленча-мысленчай дзейнасці, звычайна шырока спалучаюцца адна з адной, дзякуючы чаму ўстойлівыя афарыстычныя адзінкі практычна не абмежаваны ў сваім выкарыстанні як сродак мыслення і маўлення. Так, у наступным прыкладзе пры ўжыванні прыказкі рэалізоўваецца ўсе пералічаныя функцыі, акрамя трох (эматыўнай, фатычнай і метамоўнай): [Пацяруха (уголас, марудна, як бы стараецца ўнікнуць у сэнс слоў)] *Не кажы “гоп”, не пагаварыўшы з жонкай... А што? У гэтым, калі хочаце, ёсць вялікі сэнс. Прыказка вучыць, што складаныя пытанні трэба ўзгадняць з нашай сучаснай жанчынай – перадавіком фабрычнай і саўгасна-калгаснай вытворчасці. І абноўлена прыказка якраз на пяцьдзесят працэнтаў! Пайду запішу, пакуль не забыўся (Н. Гілевіч “Не кажы «Гоп»...”)*.

Даследаванне паказала, што ўстойлівыя афарыстычныя адзінкі маюць спецыфічныя функцыі, якія размяжоўваюцца на **агульныя** з блізкімі тыпамі звышслоўных адзінак маўлення і мовы (уласцівыя як моўным афарызмам, так і іншым свабодным і ўстойлівым фразам, аднафразавым тэкстам) і **ўнікальныя** (уласцівыя толькі моўным афарызмам). Спецыфічныя агульныя функцыі моўных афарызмаў – гэта

тэкстаўтваральная, канцэптаўтваральная і інш. (уласцівы таксама фразеалагічным адзінкам, шырока ўжывальным цытатам неафарыстычнага зместу і г.д.).

Унікальныя функцыі афарыстычных адзінак – гэта **ўніверсалузуючая** і **стылевызначальная**, якія не рэалізуюцца прама і непасрэдна ніякімі іншымі ўстойлівымі адзінкамі (хоць і могуць праяўляцца, дзякуючы разнастайным камбінацыям лексічна-семантычных, граматычных, стылістычных сродкаў мовы). **Універсалузуючая функцыя** маніфестуе ў маўленні вызначальную прымету афарызма – універсальнае абагульненне рэчаіснасці, проціпастаўленае факталагічнаму абагульненню. Моўныя афарызмы прызначаны ўжывацца ў маўленні найперш для адлюстравання ўніверсальнага зместу, для ўніверсалацыі рэчаіснасці ў межах паведамлення. Гэту функцыю не здольны выконваць ніводныя іншыя звышслоўныя адзінкі. **Стылеўтваральная функцыя** маніфестуе такую аблігаторную прымету моўных афарызмаў, як дыскурсіўная самастойнасць, здольнасць выкарыстоўвацца ў змесава і структурна аўтаномнай пазіцыі ў маўленні, што пры ўжыванні многіх афарызмаў запар абумоўлівае перарывісты, “ірваны” характар маўлення.

Ужыванне моўных афарызмаў можа ўтвараць такую стылістычна адметную форму маўлення, як **афарыстычны стыль**, калі афарыстычныя адзінкі мэтанакіравана і паслядоўна ўжываюцца ў тэксце як найбольш прадуктыўны семантычны, экспрэсіўны, тэкстаўтваральны сродак перадачы інфармацыі. Афарыстычны стыль засноўваецца не на выкарыстанні адзінкавых афарызмаў, а на змесавай універсалацыі (**афарызацыі**) маўлення (цалкам або амаль цалкам), калі змест паведамлення перадаецца з дапамогай выключна (ці пераважна) афарыстычных адзінак (як устойлівых, так і свабодных) або калі яны адыгрываюць семантычна і стылістычна галоўную ролю ў маўленні (з’яўляюцца змесава і структурна цэнтральнымі рэплікамі моўніка). Яскравы прыклад афарыстычнага стылю – маўленне Навума, персанажа камедыі В. Дуніна-Марцінкевіча “Сялянка” (1846), які амаль кожную сваю рэпліку пачынае або заканчвае прыказкай. Афарыстычны стыль трэба адрозніваць ад ужывання асобных прыказак ці крылатых выразаў у розных стылістычных функцыях.

Афарыстычны стыль рэалізуецца ў тэксце, які мае найвышэйшую ступень афарызацыі – насычанасці моўнымі афарызмамі (у афарызаваным тэксце), аднак не з’яўляецца прыметай афарыстычнага тэксту (які ствараецца толькі з адных афарызмаў). На матэрыяле беларускай мовы і іншых моў распрацавана канцэпцыя афарыстычнага стылю ў сувязі з вызначэннем паняццяў афарызацыі маўлення і афарыстычнага тэксту [20, с. 134–137]. Стылевызначальная функцыя моўных афарызмаў непасрэдна судносіцца з іх універсалузуючай функцыяй, выяўляе яе і абумоўлена ёй пры неадзінкавым ужыванні афарыстычных адзінак.

Індывідуалізацыя выкарыстання розных відаў моўных афарызмаў у розных формах, сэнсах, функцыях

пры рэалізацыі афарыстычнага стылю ўтварае яго індывідуальна-аўтарскую разнавіднасць – **афарыстычны ідыястыль**. Афарыстычны ідыястыль можа быць рэалізаваны як у мове асобнага твора (цыклу твораў), так і ў мове аднаго аўтара. Прыкладам выкарыстання афарыстычнага ідыястылю ў межах мовы асобнага твора з’яўляецца верш П. Панчанкі “Простыя ісціны” (1973): *Мы ўсе аматары амністыі, // І натуранняў, і спагад. // Няма складаней простых ісцін, // Што «пройдзеш свет, але назад...». // Я свет няпраўдай не праходзіў, // Быў часам тлум у галаве – // То бузіна расце ў гародзе, То дзядзька ў Кіеве жыве. // Бог зберагае беражонных — // Сівая прымаўка бабуль, // А на ражон не лезь піжонам, // І не кажы ты «гоп» пакуль... // І хоць не хочаш – заякочаш, // Калі, кума, ты падпіла. // Вышэй пуна, брат, не падскочыш, // Хоць з’еш вала – адна хвала. // І хай ты будзеш вельмі сыты // І на патэльні тук падскроб, // А ўсё-ткі і вала з’ясі ты // І нечакана скажаш «гоп». // Так век жыві і век вучыся, // Не плюй у студню... Гэта так... // Як доктар, сам лепш палячыся // І на ўсе рукі будзь мастак. // Час нашы беды перамеліць, // Сыны цыбатыя растуць, // Яны і самі зразумеюць // Складаных ісцін прастату* (дзе тлустым шрыфтам вылучаны моўныя афарызмы і іх індывідуальна-аўтарскія перафразаванні).

На сённяшні дзень распрацавана канцэпцыя афарыстычнага ідыястылю і на яе падставе апісаны афарыстычны ідыястылі Максіма Багдановіча [3, с. 139–143; 21, с. 141–170], Якуба Коласа [3, с. 143–156; 21, с. 106–140], Максіма Гарэцкага [3, с. 156–166; 21, с. 95–105] і інш. Вывучэнне афарыстычных ідыястыляў не толькі спрыяе пашырэнню і сістэматызацыі ведаў аб рэалізацыі стылевызначальнай функцыі моўных афарызмаў у сучаснай беларускай мове, але і стварае неабходныя падставы для ўкладання афарыстычных слоўнікаў беларускіх пісьменнікаў.

Заклучэнне. Рэгулярна ўзнаўляльныя афарызмы выконваюць базавыя і вытворныя ад іх (прыватныя) функцыі мовы, якія ў адносінах да ўстойлівых афарыстычных адзінак рэалізуюцца як аблігаторныя функцыі (камунікатыўная, кагнітыўная, кумулятыўная) і як факультатыўныя (усе астатнія). У гэтым плане моўныя афарызмы з’яўляюцца тоеснымі (за выключэннем намінатыўнай функцыі) фразеалагічным і лексічным адзінкам. Прыватныя функцыі мовы могуць спецыфікавацца ў дачыненні да моўных афарызмаў (напрыклад, канатыўная функцыя рэалізуецца як аргументацыйная і г.д.).

Устойлівыя афарыстычныя адзінкі маюць спецыфічныя функцыі, якія размяжоўваюцца на агульныя з іншымі адзінкамі (уласцівыя як моўным афарызмам, так і іншым свабодным і ўстойлівым фразам, аднафразавым тэкстам) і ўнікальныя (уласцівыя толькі моўным афарызмам). Да ўнікальных функцый устойлівых афарыстычных адзінак адносяцца ўніверсалузуючая і стылевызначальная.

Універсализуючая функцыя маніфестуе такую ўласцівасць моўных афарызмаў, як адлюстраванне ўніверсальнага абагульнення рэчаіснасці ў проціпастаўленае факталагічнаму абагульненню. Стылевызначальная функцыя суадносіцца з універсализуючай, выяўляе яе і абумоўлена ёй пры неадзінкавым ужыванні ўстойлівых афарыстычных адзінак. Ужыванне моўных афарызмаў можа ўтвараць афарыстычны стыль, які прадугледжвае зместавую ўніверсализацыю (афарызаванасць) маўлення, калі змест паведамлення перадаецца з дапамогай пераважна ўстойлівых афарыстычных адзінак. Афарыстычны стыль рэалізуецца ў тэксце, які характарызуецца найвышэйшай ступенню афарызаванасці (у афарызаваным тэксце), аднак не з’яўляецца прыметай афарыстычнага тэксту (які ствараецца з адных афарызмаў). Індывідуалізацыя выкарыстання розных тыпаў моўных афарызмаў у розных формах, сэнсах, функцыях, камбінацыях пры рэалізацыі афарыстычнага стылю ўтварае яго індывідуальна-аўтарскую разнавіднасць – афарыстычны ідыястыль.

Праўленне функцый мае розную прадуктыўнасць у дачыненні да пэўных разнавіднасцей моўных афарызмаў. Можна меркаваць, што кожнай разнавіднасці ўстойлівых афарыстычных адзінак уласціва пэўнае мноства функцый, якое адрозніваецца паводле значнасці і актыўнасці рэалізацыі кожнай функцыі. Высветленне спецыфікі ў выкананні розных моўных функцый афарыстычнымі адзінкамі розных відаў з’яўляецца адной з перспектывных праблем лінгвістычнага вывучэння афарызма.

Даследаванне выканана ў межах НДР “Беларуская фразеалогія, парэміялогія, моўная афарыстыка ў кантэксце еўрапейскіх моў і культур (сінхранічны і дыяхранічны аспекты)” Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў 2021–2025 гг. (дзяржаўная рэгістрацыя № 20211335).

Літаратура

1. Верещагин, Е.М. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 1990. – 246 с.
2. Иваноў, Я.Я. Дыферэнцыяльныя прыметы афарызма / Я.Я. Иваноў. – Магілёў: Брама, 2004. – 160 с.
3. Иваноў, Я.Я. Афарыстычныя адзінкі ў беларускай мове / Я.Я. Иваноў. – Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2017. – 208 с.
4. Пермяков, Г.Л. От поговорки до сказки (заметки по общей теории клише) / Г.Л. Пермяков. – М.: Наука, 1970. – 240 с.
5. Лепешаў, І.Я. Парэміялогія як асобны раздзел мовазнаўства / І.Я. Лепешаў. – Гродна: ГрДУ імя Янкі Купалы, 2006. – 279 с.
6. Ашукин, Н.С. Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения / Н.С. Ашукин, М.Г. Ашукина. – 4-е изд., доп. – М.: Худ. лит., 1987. – 527 с.
7. Берков, В.П. Русско-норвежский словарь крылатых слов / В.П. Берков. – М.: Рус. яз., 1980. – 175 с.
8. Берков, В.П. Большой словарь крылатых слов русского языка / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. – М.: Русские словари; Астрель; АСТ, 2000. – 624 с.
9. Шулежкова, С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие / С.Г. Шулежкова. – М.: Азбуковник, 2002. – 288 с.
10. Мокиенко, В.М. Словарь крылатых выражений Пушкина / В.М. Мокиенко, К.П. Сидоренко. – СПб.: Изд-во СПбГУ; Фолио-Пресс, 1999. – 752 с.
11. Пермяков, Г.Л. К вопросу о структуре паремиологического фонда / Г.Л. Пермяков // Типологические исследования по фольклору / сост.: Е.М. Мелетинский, С.Ю. Неклюдов. – М.: Наука, 1975. – С. 247–274.
12. Лепешаў, І.Я. Тлумачальны слоўнік прыказак / І.Я. Лепешаў, М.А. Якалэвіч. – Гродна: ГрДУ імя Янкі Купалы, 2011. – 695 с.
13. Крылатыя выразы ў беларускай мове: тлумачальны слоўнік. – Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2004. – Ч. 1. 3 іншамоўных (еўрапейскіх і амерыканскіх) крыніц XII–XX стст. / пад рэд. Я.Я. Иванова. – 136 с.
14. Крылатыя выразы ў беларускай мове: тлумачальны слоўнік. – Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2006. – Ч. 2. 3 рускамоўных літаратурных і фальклорных крыніц XII–XX стст. / пад рэд. С.Ф. Ивановай. – 208 с.
15. Иваноў, Я.Я. Крылатыя афарызмы ў беларускай мове: з іншамоўных літаратурных і фальклорных крыніц VIII ст. да н.э. – XX ст.: тлумачальны слоўнік / Я.Я. Иваноў. – Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2011. – 164 с.
16. Слюсарева, Н.А. Функции языка / Н.А. Слюсарева // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Совет. энцикл., 1990. – 685 с.
17. Иванова, С.Ф. Сацыякультурная прастора мовы (сацыяльныя і культурныя аспекты вывучэння беларускай мовы) / С.Ф. Иванова, Я.Я. Иваноў, Н.Б. Мячкоўская. – Мінск: Веды, 1998. – С. 33–62.
18. Иванова, С.Ф. Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразы: лінгвакраіназнаўчы дапаможнік / С.Ф. Иванова, Я. Я. Иваноў. – Мінск: БФС, 1997. – 262 с.
19. Сазбандян, Т.В. Афоризмы в бытии и познании человека / Т.В. Сазбандян. – М.: Прометей, 2009. – 139 с.
20. Иванов, Е.Е. Лингвистика афоризма / Е.Е. Иванов. – Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2016. – 156 с.
21. Иваноў, Я.Я. Праблемы лінгвістычнага вывучэння афарызма / Я.Я. Иваноў. – Магілёў: Брама, 2003. – 194 с.

Паступіў у рэдакцыю 07.05.2024

Перемирные грамоты Москвы и Великого княжества Литовского первой половины XVI века в аспекте сопоставительной исторической стилистики

Климкович О.А.

Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова», Витебск

Актуальность данного исследования определяется тем фактом, что полученные результаты позволят установить различия и сходства в языковом оформлении договоров о перемирии первой половины XVI в.

Цель представленной работы – определение специфики стилистической организации текстов перемирных грамот между Москвой и ВКЛ, датируемых периодом 1503–1556 гг.

Материал и методы. Материалом для статьи стали 23 текста (11 текстов, составленных от имени московских правителей, и 12 текстов, составленных от имени литовских послов и князей ВКЛ). Для анализа языкового материала использовались аналитический, описательный и сравнительный методы.

Результаты и их обсуждение. Одним из аспектов сопоставительного историко-стилистического анализа является характеристика средств репрезентации категории стандартизованности. Категория стандартизованности репрезентируется с помощью установленной последовательности структурно-смысловых единиц, которые определяются нами как смысловые блоки (далее – СБ). В проанализированных перемирных грамотах выявлены СБ, входящие в состав зачина (СБ со значением именованного правителя, от имени которого выдается перемирная); концовки (СБ со значением крестоцелования; указания места и даты создания перемирной; крестоцелования послов и закрепления документа их печатями; ратификации договора литовским князем); содержательной части (обязательные СБ со значением отправки послов с целью заключения договора о мире; указаний на то, что мирный бессрочный договор не заключен; определения сроков перемирия и его условий; обязательств не проводить военных действий на тех или иных территориях с указанием их границ; обязательств свободного пропуска послов и купцов; условий судебных разбирательств; обязательств отпустить послов и купцов, если закончится перемирие; факультативный СБ со значением условий обращения с пленными). В основе вербализации каждого СБ лежат определенные формулы, которые тематически относятся к сакральным, дипломатическим или канцелярским, а по своей структуре соотносятся с предикативными единицами или словосочетаниями.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы: 1) перемирные грамоты между Москвой и Великим княжеством Литовским характеризуются сходством языка, локальные отличия проявляются в употреблении вариантов вчинити, вчинитися, змолва, тыи, всим и др. в грамотах, составленных от имени правителей ВКЛ (посольских и великокняжеских); 2) употребление СБ в указанных текстах отличается достаточно жесткой последовательностью, так как нарушение порядка следования смысловых единиц фиксируется только для блока со значением обязательства свободного пропуска послов и купцов; 3) в диахронии наблюдается выход из употребления одних формул (путь чист, доброи конец учинил ся) и употребление вместо них других формул (дело делати); 4) для выявленных формул характерны случаи изменения порядка следования компонентов, употребление антонимов и расширение лексического состава формулы.

Ключевые слова: историческая стилистика, перемирная грамота, категория стандартизованности, структурно-смысловая организация, формулы, этикетные единицы.

(Ученые записки. – 2024. – Том 39. – С. 173–179)

The Early 16th Century Letters of Truce between Moscow and Great Duchy of Lithuania in the Aspect of the Comparative Historical Stylistics

Klimkovich O.A.

Educational Establishment "Vitebsk State University named after P.M. Masherov", Vitebsk

The relevance of such a study is determined by the fact that the results obtained will allow us to establish differences and similarities in the linguistic design of armistice agreements of the first half of the XVI century.

The purpose of the presented work is to determine the specifics of the stylistic organization of the texts of the letters of truce between Moscow and the great Duchy of Lithuania from 1503 to 1556.

Адрес для корреспонденции: e-mail: olga-klimkovich@mail.ru – О.А. Климкович

Material and methods. The material for the article was 23 texts (11 texts compiled on behalf of the Moscow rulers, and 12 texts compiled on behalf of the Lithuanian ambassadors and princes of Lithuania). Analytical, descriptive and comparative methods were used to analyze the language material.

Findings and their discussion. One of the aspects of a comparative historical and stylistic analysis is the characteristic of the means of representation of the category of standardization. The category of standardization is represented by a certain sequence of structural and semantic units, which we define as semantic blocks (hereinafter referred to as SB). In the analyzed letters of truce, the SB included in the beginning (SB with the meaning of naming the ruler on whose behalf the truce is issued); endings (SB with the meaning of cross-kissing; indication of the place and date of creation of the truce; of cross-kissing ambassadors and securing the document with their seals; ratification of the treaty by the Lithuanian prince); the substantive part (mandatory SAT with the meaning of sending ambassadors to conclude a peace treaty; indications that an indefinite peace agreement has not been concluded; determination of the terms of the truce and its conditions; obligations not to conduct military operations in certain territories, indicating their borders; obligations to freely allow ambassadors and merchants pass; conditions of court proceedings; obligations to release ambassadors and merchants if the truce ends; optional Security Council with the meaning of conditions for the treatment of prisoners). The verbalization of each SB is based on certain formulas that thematically relate to sacred, diplomatic or clerical, and in their structure correspond to predicative units or phrases.

Conclusion. The conducted research makes it possible to draw the following conclusions:

1) the letters of truce between Moscow and the Grand Duchy of Lithuania are characterized by similarity of language, local differences are manifested in the use of variants of *vchiniti*, *vchinitysya*, *zmolva*, *tyi*, *vsim* in letters drawn up on behalf of the rulers of the GDL (embassy and Grand duchies); 2) the use of SAT in these texts is characterized by a rather rigid sequence, since the violation of the order of semantic units is fixed only for the block with the meaning of the obligation of free passage of ambassadors and merchants; 3) in diachrony, there is a withdrawal from the use of some formulas (the path is clear, the good end has been achieved) and the use of other formulas instead (the case is done); 4) the identified formulas are characterized by cases of changing the order of components, the use of antonyms and the expansion of the lexical composition of the formula.

Key words: historical stylistics, letter of truce, category of standardization, structural and semantic organization, formulas, etiquette units.

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 39. – P. 173–179)

Изучение в сопоставительном историко-стилистическом аспекте жанров дипломатической письменности поможет проследить особенности формирования дипломатического подстиля современного официально-делового стиля в восточнославянских языках.

Эпоха XVI в. определяется как время сложных взаимоотношений и постоянной борьбы за сферы влияния между Великим княжеством Литовским (ВКЛ) и Московским государством. Исторические процессы находили свое отражение в языке и содержании деловых текстов, относящихся к дипломатической письменности.

Жанры дипломатических текстов, фиксирующих отношения между ВКЛ и Московским государством, очень разнообразны: это верющие/верущие листы (верительные грамоты), указы/инструкции послам, письменно зафиксированные речи послов, опасные грамоты (клейтовные листы, клейты), представляющие собой документы, разрешающие послам беспрепятственный проезд по территории, докончания (бессрочные договоры о мире), перемиренные грамоты/листы и др. Перемиренная грамота – это ‘документ о заключении или продолжении перемирия на какой-либо срок’¹, в сходном значении употребляется лексема *перемирие*, сочетания *перемиренный договор*, *перемиренное постановление*². Перемиренные грамоты могут быть включены в состав документов посольств [1, с. 637] или представлены отдельными документами [2, с. 418].

Одним из аспектов сопоставительного анализа перемиренных грамот, как и других деловых текстов эпохи Средневековья, может быть установление особенностей использования средств репрезентации в них такой категории, как категория стандартизованности. Цель представленной работы – определение специфики стилистической организации текстов перемиренных грамот между Москвой и ВКЛ, датируемых периодом 1503–1556 гг. Актуальность такого исследования определяется тем фактом, что полученные результаты позволят установить различия и сходства в языковом оформлении договоров о перемирии первой половины XVI в.

Материал и методы. Материалом для статьи стали 23 текста (11 текстов, составленных от имени московских правителей, и 12 текстов, составленных от имени литовских послов и князей ВКЛ), опубликованных в Сборнике императорского русского исторического общества [1], книгах Литовской Метрики [2; 3], Сборнике государственных грамот и договоров [4], Lietuvos Didžiosios kunigaikštystės ir Maskvos valstybės sutartys 1449–1556 metai [5].

Рассмотренные нами перемиренные грамоты представлены экземплярами двух сторон. Процедура заключения перемирия между Москвой и ВКЛ представляла собой следующую последовательность: «Великий князь московский выдавал послам великого князя литовского грамоту от своего имени, а они ему – от имени своего господаря с припиской, содержащей обязательство будущей ратификации договора литовским правителем. На нее отправлялись московские послы, захватив с собой грамоту литовских послов, чтобы проконтролировать иден-

¹ Словарь русского языка XI–XVII вв. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1988. – Вып. 14 (Отрава – Персона). – С. 265.

² Там же.

тичность текстов – предварительного (посольского) и ратифицируемого, а также соблюдение всех церемониальных моментов. Таким образом, в идеале в каждом случае первоначально существовали три оригинала: один – московской стороны, два (посольский и великокняжеский) – литовской стороны» [6]. 23 проанализированных текста представляют собой документы 9 договоров о перемирии. Из них 4 договора имеются в двух экземплярах: один московской стороны, один – посольский ВКЛ, 5 договоров имеются в трех экземплярах – один московской стороны, два (посольский и великокняжеский) ВКЛ. При этом тексты двух сторон повторяли взаимные обязательства. В текстах, подготовленных для послов ВКЛ, в конце содержалось приложение, в котором оговаривалось обязательство ратификации подписанного документа правителем ВКЛ [5, с. 26]. Из 23 документов 2 документа о заключении перемирия в 1532 г. отличаются по структуре. Для анализа языкового материала использовались аналитический, описательный и сравнительный методы.

Результаты и их обсуждение. По определению «Стилистического энциклопедического словаря» стандартизированность деловых текстов связана с активностью «устойчивых оборотов, клишированных фраз, стандартностью построения текстов»³. То есть мы можем говорить, что репрезентация категории стандартизованности осуществляется посредством определенной структурно-смысловой организации, в основе которой лежит последовательность СБ. СБ могут относиться к зачине, концовке или содержательной части. Состав СБ и способы их вербализации в текстах московских и литовских перемирных сходны, так как в них фиксируются одинаковые договоренности. Сходством характеризуется и язык исследованных текстов, что подтверждает идею А. Золтана о том, что «лексические различия между языком московских и литовских грамот в XV–XVI вв. еще не приводили к осознанию их как принадлежащих к двум разным языковым системам» [7], именно поэтому не было необходимости в переводе перемирных грамот.

Сходство московских перемирных и перемирных ВКЛ первой половины XVI в. позволяет нам рассмотреть их общую структурно-смысловую организацию. В зачине грамот первый СБ – это интитуляция правителя, от имени которого заключается договор: *Мы, Иоань, Божею м(и)л(о)стью г(о)с(у)д(а)рь всеа Руси и великий князь володимерский, и московский, и новгородский, и псковский, и тферский, и югорский, и пермский, и болгарский и иных, и мои сын, князь великий Василей Иванович всеа Рус[и], и н(а)ши дети* [5, с. 81]; *Мы, Александрь, Божею м(и)л(о)стью, корол полский и великий кн(я)зь литовский, и русский, и кн(я)жа пруское, и жомоитский и иных* [5, с. 92]. Титул с течением времени расширяет-

ся: *Мы великий г(о)с(у)д(а)рь Иван, Б(о)жиею милостию ц(а)рь и великий князь всеа Руси, владимерский, московский, новгородский, казанский, астраханский, псковский, резанский, тверский, югорский, пермский, вятский, болгарский и иных, и всеа Сибирские земли повелитель* [5, с. 263]; *Мы, велики г(о)с(по)д(а)рь Жигимонтъ Августъ, Б(о)жьєю м(и)л(о)стью корол полский, и великий князь литовский, русский, пруский, жемоитский, мазовецкий и иных* [5, с. 273]. Употребление лексем *господарь/государь* неоднократно обсуждалось историками и лингвистами. Б.А. Успенский указывает, что слово *господарь* употреблялось в московских текстах в течение первой половины XVI в. и было заимствовано из титула великих князей литовских [8, с. 135–136], а употребление в этих документах лексемы *государь* связано с решением тех, кто готовит публикацию текста к изданию. Это мнение подтверждается при сопоставлении текстов, опубликованных в разных изданиях. Так мы можем видеть разноту в употреблении данных терминов в разных изданиях: *государь* в московских текстах, *господарь* в литовских текстах [5, с. 180–182, 188–189]; *государь* при упоминании московского князя, *господарь* при упоминании князя ВКЛ в одном тексте [2, с. 418–419]; сокращенный вариант *Гдрь* [4, с. 24].

Только в перемирных 1503 г. мы встретим вариант имени *Иоань* [5, с. 81]. В московском варианте перемирной грамоты 1556 г. употреблялась лексема *царь* [5, с. 263]. По замечанию Б.А. Успенского, «если формально русский государь принимает царский титул в середине XVI в., когда имеет место первое поставление на царство (традиция поставления на царство, как мы помним, восходит к 16 января 1547 г., когда венчался на царство Иван IV), то неофициально русские князья могут спорадически именоваться таким образом по крайней мере с середины XI в.» [9, с. 34–35]. В ВКЛ посчитали уместным не упоминать этот титул: *великого г(о)с(по)д(а)ря Ивана, Божею м(и)л(о)стью г(о)с(по)д(а)ря всеа Руси, и великого кн(я)зя володимерског(о), московског(о), наугородског(о), казанског(о), астраханског(о), псковског(о), и резанског(о), тферског(о), югорског(о), пермског(о), болгарског(о), и иных* [5, с. 273–274]. Титул *король* при именовании правителя ВКЛ известен со времени правления Миндовга. Увеличение ряда определений *астраханский, резанский, мазовецкий* и появление элемента *всеа Сибирские земли повелитель* было обусловлено историческими процессами распространения влияния на отдельные земли Московского государства или ВКЛ.

Концовка исследованных московских перемирных грамот включает в себя СБ со значением крестоцелования и со значением указания места и даты создания перемирной. Основу СБ со значением крестоцелования составляет сходная формула *целовати крест ‘присягаць’*⁴: *А на том на всемь, как в сеи перемир-*

³ Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. – М: Флинта: Наука, 2006. – С. 275.

⁴ Гістарычны слоўнік беларускай мовы / Акад. навук Беларусі, Ін-т мовазнаўства; гал. рэд. А.І. Жураўскі. – Мінск: Беларуская навука, 2016. – Вып. 36. Фолга – чорногрывы. – С. 220.

ной грамоте писано, мы, <именование правителя Москвы> **целовали есмь кр(е)сть** к тебе, брату нашему, <именование правителя ВКЛ> **на том, что нам по сей перемирной грамоте до тех урочных пяти лет тот мирь держати крепко по тому, как в сей перемирной грамоте писано** [5, с. 183]. Блок со значением указания места и даты создания перемирной выражен типичной для деловых текстов разных жанров конструкцией: *Писан на Москве лета 7000 четыредесят пятого*.

Сходное строение имеют и концовки перемирных, которые представляют собой ратифицированные князем ВКЛ договоры: *А на томъ на всем, какъ в сей перемирной грамоте писано, мы, <именование правителя ВКЛ> целовали есмь крестъ к тебе, брату н(а)шому, <именование правителя Москвы> на томъ, што намъ по сей перемирной грамоте до тыхъ врочных пяти лет тот мирь держати крепко по тому, какъ в сей перемирной грамоте писано. Писанъ у Кракове, под лет Бож(ъего) нарож(енья) 1537 м(е)с(е)ца июн(я) 27 д(е)нь, индыть 10* [3, с. 216]. В данном случае обращает на себя внимание сокращение титула московского правителя: в концовке ратифицированного договора нет слова *псковского*.

Если это документ послов, то в конце документа оформляется крестоцелование от имени правителя ВКЛ. А после этого идет дополнительная приписка, которая включает в себя обязательства по ратификации подписанного перемирия. Она состоит из СБ со значением крестоцелования послов и закрепления документа их печатями: *На сей перемирной грамоте мы <именование правителя ВКЛ> [послы] <перечисление послов> цоловали есмо крестъ и печати свои к сей перемирной грамоте привесили на то, што <именование правителя ВКЛ> з братом своим <именование правителя Москвы> тое перемире до врочных летъ держати крепко как у сей перемирной грамоте писано* [5, с. 192–193] и СБ со значением обязательной ратификации договора литовским князем: *А как будут у н(а)ш(о)го г(о)с(по)д(а)ря, у великого г(о)с(по)д(а)ря у Жикгимонта, Божею м(и)л(о)стью короля полского и великого кн(я)зя литовского и руского, великого г(о)с(по)д(а)ря Ивана, Божею м(и)л(о)стью г(о)с(по)д(а)ря всея Руси и великого кн(я)зя бояре, и г(о)с(по)д(а)рю н(а)ш(о)му, великому г(о)с(по)д(а)рю Жикгимонту, Божею м(и)л(о)стью королю полскому и великому кн(я)зю литовскому и рускому с тое грамоты къ которои мы печати свои привесили, и кр(е)сть на ней цоловали, велети написати своя грамота слово в слово, и печат своя ему к тои грамоте привесити, и кр(е)сть на тои грамоте великому г(о)с(по)д(а)рю н(а)ш(о)му Жикгимонту, королю цоловати перед его бояры, и тая грамота г(о)с(по)д(а)рю н(а)ш(о)му дати великог(о) г(о)с(по)д(а)ря Ивана, Божею м(и)л(о)стью г(о)с(по)д(а)ря всея Руси и великого кн(я)зя бояром, и бояр его отпустити к нему незадерживая* [5, с. 193].

В содержательную часть перемирных грамот включаются СБ со значением:

– отправки послов с целью заключения договора о мире: *Што посылали есмо до тебе, брата нашего, <именование правителя Москвы> пословъ своихъ <перечисление послов>, о миру и о доброй смолве* [5, с. 160]. Репрезентация блока в грамотах Москвы и ВКЛ отличается употреблением глаголов *присылати* (Москва) – *посылати* (ВКЛ). В состав блока входит формула *о миру и доброй смолве* (Москва, ВКЛ), где сочетание *добрая смолва* имеет значение ‘доброе согласие’⁵. В этом сочетании с 1537 г. в перемирных ВКЛ употребляется вариант лексемы *змолва*.

При указании титула правителя возможно употребление этикетного сочетания *брат наш*, не указывающего на родство, а обозначающего особый тип отношений, соответствующих добрососедским, отношений, в которых уважается суверенитет друг друга, предвидится возможный союз (брат – союзник), и использующегося для обозначения высокого статуса лица, и, как и титулы монархов, выполняющего функцию официального обращения в дипломатических документах и речах послов ВКЛ и Москвы [5, с. 28], лексем, обозначающих родственные отношения: *зять* [5, с. 81], *сват* [5, с. 176].

Вызывает интерес последовательное употребление сочетания *ти* в московских текстах, соответствующее *ц* в литовских текстах: *послов своих, воеводу полотцког(о), старосту дорогитцког(о), пана Петра Станиславовича, ... старосту слонимского и каменецког(о) пана* [5, с. 149] – *пословъ своихъ – воеводу полоцкого, старосту дорогитцкого, пана Петра Станиславовича, ... старосту слонимского и каменецкого* [5, с. 160];

– указания на то, что мирный бессрочный договор не заключен: *И то меж нас с тобою с братом н(а)шимъ, <именование правителя ВКЛ>, не ссталос* [5, с. 243]; *И то меж нас с тобою, братом нашим, <именование правителя Москвы> ныне нестало ся* [5, с. 253], вариативность оформления которого определяется факультативным употреблением наречия *ныне*, формами предлогов *межи*, *меж*, *межы*;

– определения сроков перемирия и его условий: *И послы твои брата н(а)шег(о) говорили нам от тебя бра[та] н(а)шего, <именование правителя ВКЛ>, чтоб мы с тобою взяли перемире на пят лет на то, что нам в те перемирные лета меж нас себя рати и воины не замышля[ти], а слати нам в те лета меж нас могли дела делати* [5, с. 222], в лексическом составе которого наблюдается процесс замены одной формулы на другую.

Так, в перемирных 1503 г. употребляется формула *учинился доброй конец*, имеющая значение ‘завершить переговоры, принять совместное решение’⁶,

⁵ Словарь русского языка XI–XVII вв. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 2000. – Вып. 25 (Скорынья – Снулый). – С. 201.

⁶ Словарь русского языка XI–XVII вв. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1980. – Вып. 7 (К – Крагуяр). – С. 273.

а с 1522 года используется формула *делати дело*, имеющая значение ‘рабщъ справу’⁷;

– обязательства не проводить военных действий на определенных территориях с указанием их границ. В СБ указываются обязательства сначала второй договаривающейся стороны, а потом обязательства той стороны, от имени которой оформляется договор.

В московских перемирных сначала указываются обязательства правителя ВКЛ, а потом обязательства московского князя, в перемирных ВКЛ – сначала обязательства московского князя, а потом правителя ВКЛ:

И мы с тобою, братом своим, <именование правителя ВКЛ> *и с сыном твоим* <именование правителя ВКЛ>, *перемирье взяли на сем летъ, от Бл(а)говещенева дни лета 7000 пядьдесятого до Бл(а)говещенева дни лета 7000 пядьдесят седмаго, на то, что тебе брату н(а)шему*, <именование правителя ВКЛ>, *и с(ы)ну твоему* <именование правителя ВКЛ>, *в те перемирные лета, в семь летъ, н(а)шихъ земель не воевати, ни зацепляти ничемъ*: <перечисление территорий> [5, с. 201]. В вербализации СБ прослеживается локальная специфика оформления перемирных: 1) в тех частях блока, где оговариваются территории Московского государства, и в московских, и в перемирных ВКЛ используются формулы, обозначающие границы: *по старым рубежом, что изстарини потягло*, которых нет при описании границ ВКЛ; 2) сочетанию *те перемирные лета* в московских текстах соответствует сочетание *тыи перемирныи лета* в перемирных ВКЛ; 3) формула московских перемирных *не зацепляти, не воевати ничемъ* в перемирных ВКЛ имеет вид *не зачепляти / зачепати ничим*. Вербализация блока характеризуется параллелизмом синтаксического строения обязательств каждой из сторон;

– обязательства свободного пропуска послов и купцов, вербализующиеся с помощью конструкций с формулами *приехати и отехати доброволно без всяких зацепок/зачепок, пропушати без всяких зацепок*: *А послати мне, Александру, кор[ол]ю и велик[ому] кн(я)зю, к вам послов своих великих панов воевод не мотчая о том, за што межи насъ нелюбов и валка стала ся, а приехати им к вам и отехати доброволно, без всякое зачепки. А и впе[ред] и иным нашим послом, кого к вам пошлем в тую шесть лет, доброволно приехати и отехати, без всяких зачепок. А коли вы пошлете до насъ своих послов о каких де[лехъ], и вашим послом по нашим землям к нам доброволно приехати и отехати безо всяких зачепок. А вашим купцом изо всех ваших земель во вси мои земли приехати со всякимъ тов[а]ром и торговати на всякии товар, а пр[и]ехати им и от[е]хати доброволно, без всяких зачепок. А нашим купцом изо всех из хаших⁸ земель во вси ваши земли приехати со всяким товаром и торговати на всякои*

⁷ Гістарычны слоўнік беларускай мовы / Акад. навук Беларусі, Ін-т мовазнаўства; гал. рэд. А.І. Жураўскі. – Мінск: Навука і тэхніка, 1987. – Вып. 8. Девичий – дороговсть. – С. 28.

⁸ Так в издании.

товар, а приехати имъ и отехати доброволно без всяких зачепок [5, с. 94]. В блоке отдельно оговариваются условия беспрепятственного проезда послов из Москвы в ВКЛ и из ВКЛ в Москву, послов, которые едут в третьи страны через Москву и ВКЛ, послов иных государств, которые следуют в Москву или в ВКЛ, в этом же блоке содержатся условия беспрепятственной торговли на территориях договаривающихся государств. Как и в других случаях, несколько отличается вербализация данного СБ в перемирных 1503 г., так как только в этих текстах используются формулы *путь чист* ‘свабодны праход’⁹, *торговати без пакости* ‘без помех’¹⁰, *послати не мотчая* ‘без промедления’¹¹. Как и в предыдущем блоке, вербализация обязательств договаривающихся сторон характеризуется использованием параллельных синтаксических конструкций;

– условия судебных разбирательств, которые были связаны с возникновением проблем между поддаными: *А в те перемирные лета какова учинит ся обида межи н(а)ших кн(я)зеи и людеи в землях и в водах, и в ыных в каких обидных делех, и н(а)шии кн(я)зи и наместники¹², и волостели украинные сослав ся, да тем обидным делом всем управу учинят на обе стороны. А в каких обидных делех н(а)шии кн(я)зи и наместники, и волостели не учинят управы и нам о том сослати судеи. И они съехався да тем обидным делом всем управу учинят на обе стороны без хитрости. А татя, беглеца, холопа, робу, должника по исправе выдати, а даное, положеное, заемное, поручное отдати* [5, с. 153]. В основе блока формулы *учинит ся обида, обидные дела* ‘дела об обидах, спорные дела, конфликты’¹³, *учинити управу* ‘ажжыцявіць правосуддзе’¹⁴, *выдати по исправе*, отметим, что в Словаре русского языка (СРЯ) как устойчивое рассматривается сочетание *дати исправу* ‘дать удовлетворение по суду’¹⁵. Наблюдается разница в оформлении лексем *учинит ся, учинитца* (московские тексты) – *учинит ся, учинитца, вчинитца, вчинит ся* (тексты ВКЛ), *учинити* (московские тексты) – *учинити, вчинити* (тексты ВКЛ), *съехався* (московские тексты) – *зьехався* (тексты ВКЛ), *всем* (московские тексты) – *всим* (тексты ВКЛ);

– взаимные обязательства отпустить послов и купцов, если закончится перемирие, вербально выражены

⁹ Гістарычны слоўнік беларускай мовы / Акад. навук Беларусі, Ін-т мовазнаўства; гал. рэд. А.І. Жураўскі. – Мінск: Беларуская навука, 2009. – Вып. 29. Пристрастный – рак. – С. 378.

¹⁰ Словарь русского языка XI–XVII вв. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1988. – Вып. 14 (Отрава – Персона). – С. 130.

¹¹ Словарь русского языка XI–XVII вв. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1982. – Вып. 9 (М). – С. 278.

¹² Так в издании.

¹³ Словарь русского языка XI–XVII вв. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1987. – Вып. 12 (О – опарный). – С. 51.

¹⁴ Гістарычны слоўнік беларускай мовы / Акад. навук Беларусі, Ін-т мовазнаўства; гал. рэд. А.І. Жураўскі. – Мінск: Беларуская навука, 2015. – Вып. 35 (Уморати – фолдровый). – С. 87, 344.

¹⁵ Словарь русского языка XI–XVII вв. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1979. – Вып. 6 (Зипунь – Январий). – С. 287.

следующим образом: *А отойдут по сем перемирным грамотам промежи нас урочные лета, и розмирица межи нас учинит ся, а в те поры которые твоеи земли купцы или послы прилучат ся в наших землях, и нам тех твоих купцов и послов не порубати, ни статков у них не отнимати, а отпустити нам их всех добровольно со всякими их статки. А которые наши послы или купцы прилучат ся в те поры в ваших землях, и тебе н(а)ших купцов и послов также не порубати, ни [и]мати, ни животов их у них не отнимати, а отпустити всех добровольно со всеми их животы* [5, с. 277]. В их составе формулы перемирные грамоты, урочные лета, не отнимати животов.

В перемирных за 1526 г. были оговорены условия обращения с пленными: *А которые пленныи на обе стороне седять покованы и по турмам седять покованы, и с пленных тягость [с]няти, и с турем пленных выняти, и тягости с них сняти, а держати их в хоромах за сторожи, и лиху над ними и хитрости некоторое никакъ не быти. А которы ис тых перебежитъ, ино того отдади на [обе] [с]тороне, а изымает ся ли с тых которые на пути, ино того волно крепити. И в тую шесть лет неотдадут ся тыи плен[ны]и на обе стороне, и нам то перемирье держати крепко, и неподвижно до тых врочных шести [лет], [а] отдадут ся в тую шесть летъ пленныи на обе стороне, и намъ с тобою взяти перемирье вперед на петнадесят летъ. А несоимуть ся тягости с пленных, и с турем невыимут ся, а учнуть держати ся покованы в турмах, и нам с тобою [перемирье держати] два годы от Рож(д)ества Хр(и)стова лета семтысячного тридцать пятого, до Рож(д)ества Хр(и)стова лета семтысячного тридцать се(д)мого* [5, с. 162–163].

Отметим, что в течение полувека состав СБ и средства их выражения в содержательной части перемирных грамот оставались сходными. В основе вербализации значений каждого из СБ лежат устойчивые единицы, по отношению к которым в лингвистике употребляются самые разные термины: формула, синкретема, клише и др. Нами используется термин *формула* на основании частоты его употребления в исторических исследованиях текстов самых разных жанров (работы В.Я. Дерягина, В.В. Колесова, Е.И. Зиновьевой, Н.В. Полещук, Т.Г. Трофимович). Высказывается также мысль о том, что для определения устойчивости определенного глагольного сочетания целесообразно учитывать «частотность и воспроизводимость глагольных оборотов в древнерусских текстах» [10, с. 187].

В исследованных текстах нами выявлены такие тематические группы формул, как:

– сакральные формулы, к которым относится формула *Божею милостью*, представленная несколькими вариантами, самыми распространенными из которых являются *Божею милостию/милостью*, *Божею милостью/милостю*. Отмечено также употребление таких вариантов, как *Божеию милостию/милостью*, *Божьею милостью/милостю*. Эта формула, определявшая сакральность власти правителя, характерна

практически для всех монархических европейских государств. В русских текстах формула употреблялась с 1433 г. [11, с. 34], в грамотах ВКЛ с 1385 г.;

– дипломатические формулы, репрезентирующие определенную сферу использования деловой письменности: *присылати послов, взяти перемирие на ... лет, перемирные лета, перемирная грамота, целовали есмь крест, не/ни зацепляти/зацепляти ничем, нелюбовь и валка ссталась, приехати и отехать добровольно (безо всякие зацепьки/безо всяких зацепок)*;

– канцелярские формулы, отмеченные в концовке документов разных жанров: *что к тому истарины потягло, печати привесити*.

Структурную классификацию формул целесообразно провести по тому принципу, который был предложен в диссертационном исследовании А.И. Кулеш [12, с. 223–224]:

1) устойчивые предикативные единицы: *межи нас нелюбов и валка ссталас, то межии/меж нас (ныне) (с тобою) не ссталос, какова учинитя/вчинитя обида межии н(а)ших кн(я)зеи и людеи в землях и въ водах, розмирица межии нас учинитя, межии нас доброй конец учинился/вчинил се, отидут врочные лета, путь чистъ*.

2) устойчивые словосочетания:

– глагольно-именные

а) беспредложные *дела делати, учинити управу, учинити перемирие (с 1553), лиха и хитрости не вчинити, взяти перемирие, держати перемирие, межии себе рати и воины не замышляти, не воевати и не зацепляти ничим, не зацепляти ничем, товару/животов не отнимати, ни статков/статку не отнимати, пропуцати послов и гостей, целовати крест, сняти тягость*;

б) предложные: *торговати без пакости, пропуцати без всяких зацепок, выдати по исправе, держати по старине, отпустити со всеми животы, присылати послов о (вечном) миру и доброй смолве (змолве), быти в перемирье*;

– глагольно-наречные: *приехати и отехати добровольно; держати крепко и неподвижно, отпустити добровольно*;

– атрибутивно-именные: *перемирные лета, урочные (врочные) лета, обидные дела, перемирная грамота*.

При использовании в текстах указанных формул отмечены а) случаи изменения порядка следования компонентов формулы: *приехати им к вам и отехати добровольно, без всякое зацепки – добровольно приехати и отехати безо всяких зацепок* [5, с. 94], *взяти перемирие* [5, с. 201] – *перемирие взяли* [5, с. 180]; б) употребление антонимичных сочетаний с частицей *не*: *с пленных тягость вся сняти – а не соимут ся тягости с пленных* [5, с. 152], *управу учинят – не учинят управы* [5, с. 277]; в) расширение состава формул *те перемирные лета – в те перемирные лета, в пят лет – в те перемирные пят летъ* [5, с. 128–131].

Заключение. Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1) перемирные грамоты между Москвой и Великим княжеством Литовским характеризуются сходством языка, локальные отличия проявляются в употреблении вариантов *вчинити, вчинитя, змолва, тыи, всим* и др. в грамотах, составленных от имени правителей ВКЛ (посольских и великокняжеских); 2) употребление СБ в указанных текстах отличается достаточно жесткой последовательностью, так как нарушение порядка следования смысловых единиц фиксируется только для блока со значением обязательства свободного пропуска послов и купцов; 3) в диахронии наблюдается выход из употребления одних формул (путь чист, доброй конец учинился) и употребление вместо них других формул (дело делати); 4) для выявленных формул характерны случаи изменения порядка следования компонентов, употребление антонимов, расширение лексического состава формулы.

Литература

1. Сборник Императорского русского исторического общества / Санкт-Петербург. – Т. 35. – 1882. – 952 с.
2. Lietuvos metrika / Lietuvos istorijos institutas. Kn. 7: (1506–1539). Užrašymų knyga 7 / parengė: Inga Iparienė, Laimontas Karalius, Darius Antanavičius. – Vilnius: LII leidykla, 2011. – XXIX, 1010 с.
3. Lietuvos metrika / Lietuvos istorijos institutas. Kn. 15: (1528–1538): Užrašymų knyga 15 / [parengė: A. Dubonis]. – 2002. – 446 с.
4. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. – Типография Э. Лисснера и Ю. Романа, 1894. – Ч. 5. – 202 с.
5. Lietuvos Didžiosios kunigaikštys tėsirMaskvos valstybės sutartys 1449–1556 metai / Vytauto Didžiojo Universitetas. – 2016. – 307 с.
6. Ерусалимский, К.Ю. Новое издание московско-литовских договоров середины XV – середины XVI в.: замысел и его реализация [Электронный ресурс] / К.Ю. Ерусалимский, С.В. Полехов // Российская история. – 2020. – Вып. 6. – С. 180–186. – Режим доступа: <https://russian-history.ru/s086956870012950-6-1> – Дата доступа: 02.04.2024. DOI: 10.31857/S086956870012950-6.
7. Золтан, А. Взаимодействие двух «русских» канцелярских языков (Литовского и Московского) в XV–XVI веках [Электронный ресурс] / А. Золтан. – Режим доступа: <https://zapadrus.su/zaprus/strbel/2365-vzaimodejstvie-dvukh-russkikh-kantselyarskikh-yazykov-litovskogo-i-moskovskogo-v-xv-xvi-vekakh.html>. – Дата доступа: 02.04.2024.
8. Успенский, Б.А. К истории слова государь: некоторые выводы и предположения (Титул государь и династия Романовых) / Б.А. Успенский // Вопросы медиевистики. – 2023. – № 4. – С. 135–147.
9. Успенский, Б.А. Царь и император: Помазание на царство и семантика монарших титулов / Б.А. Успенский. – М.: Языки рус. культуры, 2000. – 144 с.
10. Пименова, М.В. Лексикографическое описание древнерусских устойчивых сочетаний слов (на материале глагольных оборотов) [Электронный ресурс] / М.В. Пименова // Вопросы лексикографии. – 2020. – № 17. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksikograficheskoe-opisanie-drevnerusskikh-ustoychivyh-sochetaniy-slov-na-materiale-glagolnyh-oborotov>. – Дата доступа: 05.02.2024.
11. Кабаченко, А.П. Теократические тенденции в Древней Руси XI–XV вв. [Электронный ресурс] / А.П. Кабаченко, Е.В. Климов // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 12. Полит. науки. – 2008. № 6. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/teokraticheskie-tendentsii-v-drevney-rusi-xi-xv-vm>. – Дата доступа: 21.04.2024.
12. Кулеш, Г.І. Фарміраванне і развіццё мовы беларускага заканадаўства XX – пачатку XXI стст. (на матэрыяле беларускамоўных заканадаўчых тэкстаў): дыс. ... д-ра філал. навук: 10.02.01 / Г.І. Кулеш; БДУ. – Мінск, 2016. – 308 л.

Поступила в редакцию 15.05.2024

Лингвокультурологический аспект в изучении религиозных традиций в курсе русского языка как иностранного

Гречиго Т.А.

Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова», Витебск

В статье рассматривается лингвокультурологический подход на занятиях русского языка как иностранного при изучении религиозных традиций, являющихся важнейшей частью мировой и национальной культур.

Цель исследования – определить культурно-религиозную специфику, отраженную в легендах, фразеологизмах, антропонимах христианского и исламского мира.

Материал и методы. *Материалом для работы послужили фразеологизмы и антропонимы с религиозным компонентом, легенды и притчи на религиозную тематику. Методы исследования – описательный и сравнительно-сопоставительный.*

Результаты и их обсуждение. *Современный иностранный студент для скорейшей адаптации в чужой стране не только должен знать ее язык, но и культуру, историю, традиции, обычаи, все то, что составляет национально-культурную специфику данного государства. Через язык передаются накопленные человечеством знания в разных сферах, в том числе в сфере религиозной. Культурно-религиозная информация заложена в текстах, легендах, фразеологизмах, антропонимах таких священных книг, как Библия и Коран. Познакомить студентов с этой информацией помогает лингвокультурологический подход при подготовке устных тем, посвященных религиозным традициям, и изучение фразеологии с религиозным компонентом. В статье рассматриваются разнообразные формы работы с фразеологическим материалом на религиозную тематику.*

Заключение. *Использование лингвокультурологического аспекта на занятиях русского языка как иностранного позволило определить специфические особенности религиозных традиций. Изучение языкового материала с религиозным компонентом помогает иностранным студентам приобрести культурно-религиозные знания и постигать языковую картину мира христиан и мусульман, что способствует признанию ими многообразия культур и религий в мире, воспитывает толерантное отношение к ним.*

Ключевые слова: *язык, религиозные традиции, христианство, ислам, языковая картина мира, фразеологизмы с религиозным компонентом, культурно-религиозные знания.*

(Ученые записки. – 2024. – Том 39. – С. 180–183)

Linguocultural Aspect in the Study of Religious Traditions in the Course of Russian as a Foreign Language

Grechikho T.A.

Educational Establishment “Vitebsk State University named after P.M. Masherov”, Vitebsk

The article examines the linguistic and cultural approach in Russian as a foreign language classes while studying religious traditions, which are the most important part of world and national cultures.

The purpose of the study is to identify the cultural and religious specificity reflected in legends, phraseological units, and anthroponyms of the Christian and Islamic worlds.

Material and methods. *The material for the study was phraseological units and anthroponyms with a religious component, legends and parables on religious themes. The research methods were the descriptive and comparative.*

Findings and their discussion. *In order to quickly adapt to a foreign country, a modern foreign student must not only know its language, but also its culture, history, traditions, customs, everything that constitutes the national and cultural specifics of the country. The knowledge accumulated by humanity in various fields is transmitted through language, including in the religious sphere. Cultural and religious information is contained in texts, legends, phraseological units, anthroponyms of such sacred books as the Bible and the Koran. The linguistic and cultural approach when doing oral topics dedicated to religious traditions and the study of phraseology with a religious component helps to familiarize students with this information. The article discusses various forms of working with phraseological material on religious topics.*

Conclusion. *The use of the linguistic and cultural aspect in classes of Russian as a foreign language made it possible to determine the specific features of religious traditions. Studying language material with a religious component helps foreign students acquire*

cultural and religious knowledge and comprehend the linguistic picture of the world of Christians and Muslims, which contributes to their recognition of the diversity of cultures and religions in the world, and fosters a tolerant attitude towards them.

Key words: *language, religious traditions, Christianity, Islam, linguistic picture of the world, phraseological units with a religious component, cultural and religious knowledge.*

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 39. – P. 180–183)

Языковая подготовка иностранных студентов в высших учебных заведениях предполагает не только изучение общего и профессионального модулей владения языком, но и знакомство со страноведческим материалом, культурой стран, народными традициями и обычаями. Это вызывает со стороны иностранных студентов интерес к изучению русского языка, способствует расширению их кругозора и увеличению словарного запаса. Важнейшей частью мировой и национальной культуры является религия. Через язык передаются накопленные человечеством знания в разных сферах, в том числе в сфере религиозной. Культурно-религиозная информация отражена в текстах, легендах, фразеологизмах, антропонимах таких священных книг, как Библия и Коран. В них заложены знания, связанные своим происхождением с религиозными учениями. Современный иностранный студент для скорейшей адаптации в чужой стране не только должен знать ее язык, но и культуру, историю, традиции, обычаи, все то, что составляет национально-культурную специфику государства, в чем проявляется душа народа и его характер. В связи с этим важно научить иностранного студента преодолевать как языковые, так и культурные сложности в области межнационального общения. Решить эту задачу в определенной степени помогает на занятиях русского языка как иностранного лингвокультурологический подход в изучении фразеологии, паремиологии, текстов и легенд на религиозную тематику, поскольку в них заложены жизненные ценности народа.

В современной лингвистике актуальным является изучение фразеологии, в том числе с религиозным компонентом, поскольку она является духовным наследием отдельных народов и человечества в целом. В ней заключены как общечеловеческие представления о ценностях жизни, так и национально-культурные особенности, связанные с бытом, традициями, обычаями, религией, мировоззрением, нормами поведения, морали, чертами национального характера. Библийская фразеология исследована недостаточно, к ее изучению обращались К.Н. Дубровина [1], Е.Е. Иванов [2] и др. Взаимосвязь языковых явлений и традиционной культуры отдельных народов позволяет изучать основные концепты для описания языковой картины мира. Эти языковые явления исследует лингвокультурология [3]. По мнению лингвистов, концепты формируют сознание, выступают как метаязык культуры. Концепты выражаются при помощи знаков – лингвокультурем, из них в сумме складывается языковая картина мира [4; 5].

Цель исследования – определить культурно-религиозную специфику, отраженную в легендах, фра-

зеологизмах, антропонимах христианского и исламского мира.

Материал и методы. Материалом для работы послужили фразеологизмы и антропонимы с религиозным компонентом, легенды и притчи на данную тематику, содержащиеся в библейских изданиях [6; 7], энциклопедических, фразеологических словарях и сборниках [8–11]. Методы исследования – описательный и сравнительно-сопоставительный.

Результаты и их обсуждение. Религия – один из ключевых концептов культур народов мира. Основой христианской религии является Библия, ислама – Коран. Познакомить студентов с культурно-религиозной информацией помогает лингвокультурологический подход при подготовке устных тем и изучении фразеологии на религиозную тематику. Обучение говорению как одному из основных видов речевой деятельности на занятиях русского языка как иностранного предполагает умение иностранным студентом содержательно и грамотно построить свое высказывание на заданную тему, рассказывать, пересказывать, беседовать, рассуждать, задавать вопросы, дискутировать. Так, подготовка арабскими, узбекскими, туркменскими студентами устных тем по традициям, обычаям, национальным и религиозным праздникам показывает, что они хорошо ориентируются в знании легенд Корана, чего нельзя сказать о знании Библии. В то же время в Беларуси и ее городах они видят христианские реалии и символы в виде креста, церквей, костелов, сравнивают их с мечетями, знакомятся с христианскими традициями и праздниками, сталкиваются с христианской тематикой в произведениях художественной литературы и киноиндустрии. У студентов возникает много вопросов по этому поводу. Обращение на занятиях русского языка как иностранного к христианским и мусульманским образам, символам, религиозным сюжетам воспринимается студентами с большим интересом, поскольку в основе своей всемирные религии утверждают общечеловеческие ценности: любовь к ближнему, сочувствие, духовность, являются культурным наследием народов разного вероисповедования. Обращение к истории развития этих религий позволяет найти в них общее и различное, обсудить политические события нашего времени, связанные с религиозным экстремизмом, например, с исламским фундаментализмом, порассуждать о добре и зле, человечности, гуманизме и терроризме, о терпимости и взаимоуважении в вопросах вероисповедания.

При обучении иностранцев русскому языку полезно сравнивать культурные явления страны изучаемого языка с родной культурой студентов. Прежде чем знакомить их с чужой культурой, необходимо дать им

возможность осознать собственные культурные ценности и их реалии. В связи с этим целесообразно вначале вести разговор об исламе, его истоках, особенностях и традициях. Поскольку студенты из арабских и среднеазиатских стран продолжают традиции своего народа, где свято чтится мусульманская вера, то они с большим интересом рассказывают о пророке Мухаммеде, мечетях, легендах из Корана, связанных с жертвоприношением, о мусульманских ритуалах, традициях, о таких религиозных праздниках, как праздник жертвоприношения Курбан-байрам, праздник разговения Ураза-байрам, праздник Ибра и Мирадж о чудесном путешествии пророка Мухаммеда из Мекки в Иерусалим и его вознесении на небеса к Аллаху. На заинтересованность, уважение и компетентность преподавателя в этих вопросах иностранные студенты отвечают уважительным отношением при обсуждении устных тем, посвященных христианству. Им также становятся интересными легенды из Библии, рассказы, притчи, фильмы об Иисусе Христе, его распятии и воскрешении, крещении, о таких религиозных праздниках, как Рождество Христово и Пасха. Подобные сложные темы лучше раскрываются через полилог, беседу, когда комментарии и вопросы студентов и преподавателя взаимодополняются и налажено взаимопонимание между ними. Студенты-мусульмане с удивлением обнаруживают, что ислам возник позже христианства и что у этих религий есть точки соприкосновения. Как мусульманам, так и христианам известна легенда о жертвоприношении Авраамом своего сына во имя любви к Богу. В Коране есть легенда о Марьям (Деве Марии) и ее сыне Иса ибн Марьям (Иисусе Христе). В Библии и Коране жизненные истории Матери Иисуса Христа похожи. Обе религии считают Иерусалим своим священным городом, поскольку он связан с основоположниками этих религий – Иисусом Христом и пророком Мухаммедом, а походы крестоносцев связаны с борьбой этих религий за Иерусалим и т.д. Все это помогает формировать у студентов исламского вероисповедания толерантное отношение к другим религиям и их представителям. Они сами приходят к выводу о том, что неважно, какой религии придерживается человек, главное – жить по общечеловеческим законам, являющимся основой христианства и ислама. Рассуждая о военных событиях в Афганистане, Сирии и Ираке, о террористических актах, происходящих в разных странах мира, студенты осуждают религиозный экстремизм и исламский фундаментализм, бесчеловечность и терроризм, связанный радикальными религиозными группировками. Такая форма работы со студентами, как экскурсии в христианские храмы также действенна в формировании терпимого отношения к разным религиям. Если студенты исламского вероисповедания сами предлагают организовать данное мероприятие, хотя им на это решиться трудно из-за религиозных убеждений, то, можно сказать, что цель таких устных тем достигнута.

Изучение на занятиях русского языка как иностранного фразеологизмов с библейскими образами

позволяет активизировать учебную работу, решать воспитательные задачи того же плана, что и устные темы, связанные с историей, культурой и религией разных народов.

В русской фразеологии встречаются идиомы, в основу которых положены библейские мотивы и легенды. Этимологический комментарий таких фразеологических единиц отображает их христианскую специфику. Чаще всего на нее указывают антропонимы библейского происхождения или образованные от них прилагательные. Знакомство студентов с этой тематической группой фразеологических единиц помогает им узнать и понять особенности христианской веры, иметь представление о библейских событиях и легендах. Сбор фактического материала данной тематической группы на основе фразеологических словарей русского языка указывает на то, что самым распространенным компонентом в таких фразеологических словосочетаниях является слово *Бог*. Например, в качестве дидактического материала студентам можно предложить следующие фраземы для определения их семантики: *слава богу* ‘все хорошо, к счастью’, *с богом* ‘в добрый час, счастливо’, *ради бога* ‘мольба, просьба’, *боже упаси* ‘выражение нежелательности чего-либо’, *дай бог* ‘выражение пожелания чего-либо’, *дай бог память* ‘выражает желание что-либо вспомнить’, *не бог весть что* ‘не заслуживающее особого внимания’, *бог в помощь* ‘пожелание кому-либо успеха в труде’, *бог ведает (бог знает)* ‘никто не знает, не ведает’, *бог весть* ‘неизвестно, неведомо’, *бог знает что* ‘что-то невероятное, неправильное, невразумительное’, *бог миловал* ‘о ситуации, когда удалось миновать неприятностей’, *бог не обидел* ‘кто-либо наделен способностями’, *богом обиженный* ‘ограниченный, несчастливый, неудачливый’, *бог с ним (с тобой)* ‘ну и ладно’, *бог ты мой* ‘выражение удивления, негодования’, *ей-богу* ‘клятвенное заверение в чем-либо; уверен, клянусь’, *чем бог послал* ‘угощать тем, что есть’, *божий свет* ‘земля со всеми существами; окружающий мир’ и др. [8–11]. Студенты самостоятельно могут вспомнить некоторые из этих фразеологических единиц и ввести их в контекст при составлении предложений или ситуативных диалогов.

В разговоре о Библии затрагиваются такие антропонимы, как *Адам* и *Ева* – первые люди, созданные Богом. В связи с этим нетрудно понять значение фраземы *от Адама и Евы* ‘с давних пор, давно’. Фразеологическое сочетание *адамово яблоко* ‘кадык у мужчин’ связано с библейской легендой о том, как все мужчины были наказаны Богом: Ева сорвала с дерева познания добра и зла яблоко, что было запрещено Богом. Кусочек яблока застрял в горле Адама [6; 7]. Сыном Адама и Евы был Каин, который из зависти убил своего брата Авеля, за что был Богом изгнан и проклят, поэтому фразема *каинова печать* имеет значение ‘след, итог преступного действия’ [6; 7]. Иуда и Фома – ученики и последователи Иисуса Христа. Как известно, Иуда предал своего учителя за 30 сребренников, поэтому фразеологизм *поцелуй Иуды* употребляется в значении ‘предательство

под маской дружбы'. Фома не поверил, что Иисус воскрес, пока тот не появился перед ним, отсюда выражение *Фома неверующий* 'человек, которого тяжело заставить поверить чему-либо' [6; 7]. Фразема *как у Христа за пазухой* имеет значение 'жить в полной безопасности, без хлопот'. Фразеологизмами книжного характера стали изречения Иисуса Христа из Библии: *соль земли* 'выдающиеся представители общества, народа', так Иисус Христос назвал апостолов; *краеугольный камень* 'основа, суть чего-либо'; *не оставлять камня на камне* 'совсем ничего не оставлять' (Иисус Христос предсказал разрушение Иерусалима) [8–10].

Из Библии взяты и многие другие известные фразеологические выражения, в том числе отраженные в библейских легендах и притчах, широко употребляемые в русском языке и русской литературе: *нести крест* 'терпеливо переносить страдания, испытания, тяжелую судьбу' (подобно Иисусу Христу); *рай земной* 'очень красивое место, где можно жить без забот и хлопот, где все есть в изобилии'; *суета сует* 'ничтожность мирских хлопот перед вечными непреходящими ценностями'; *внести свою лепту* 'принять посильное участие в чем-либо'; *притча во языцех* 'объект разговоров, насмешек, сплетен о чем-либо надоевшем'; *манна небесная* 'что-то очень желанное, но порой недостижимое'; *тьма кромешная* 'преисподняя, жизнь словно в аду, безысходное, мучительное существование'; *козел отпущения* 'человек, на которого сваливают ответственность за чужие обязанности' и др. [8–10]. Известным является библейское изречение *вавилонское столпотворение* 'хаос, беспорядок, неразбериха, сутолока', где слово *столпотворение* означает сотворение (строительство) столпа (башни). Жители Вавилона возвели башню до небес, чтобы показать свое могущество. Бог наказал строивших башню, смешав их языки. Они заговорили на разных языках и перестали понимать друг друга, началась неразбериха и башню не достроили [6; 7]. Узнаваемым является фразеологизм *содом и гоморра* 'неразбериха, беспорядок, суматоха' и 'кутеж': согласно библейской легенде, за грехи жителей древние города Содом и Гоморра были полностью уничтожены [7; 8]. Всем известно выражение *блудный сын* 'грешный, своевольный человек, удалившийся от семьи, дома, Бога', взятое из библейской притчи о неблагодарном, но покаявшемся сыне, который вернулся домой, и отец простил его [6; 7].

На занятиях русского языка как иностранного формы работы с фразеологическим материалом могут быть разнообразны: экстралингвистический комментарий об этимологии фразем, работа с фразеологическими словарями, лексическими компонентами фразем, чтение, воспроизведение библейских легенд, притч, поиск в них и объяснение фразеологических единиц, составление с ними предложений, микротекстов, эссе, где они могут высказать свои религиозные, философские и духовно-эстетические представления о жизни.

Заключение. Таким образом, использование лингвокультурологического аспекта на занятиях рус-

ского языка как иностранного позволило определить специфические особенности религиозных традиций. Изучение языкового материала с религиозным компонентом помогает иностранным студентам приобрести культурно-религиозные знания и постигать языковую картину мира христиан и мусульман, что способствует признанию ими многообразия культур и религий, воспитывает толерантное отношение к ним. Устные темы и фразеология на религиозную тематику развивают межкультурную коммуникацию студентов, раскрывают особенности культуры и религии народов, что содействует закреплению дружеских отношений между обучающимися разных государств, правильному поведению студентов в чужой стране, вызывает у них интерес к истории, культуре, религии и традициям страны, в которой они учатся.

Литература

1. Дубровина, К.Н. Библейские фразеологизмы в русской и европейской культуре / К.Н. Дубровина. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 264 с.
2. Иванов, Е.Е. Афоризмы в религиозном дискурсе / Е.Е. Иванов // Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова»: сб. науч. тр. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2019. – Т. 29. – С. 142–147.
3. Маслова, В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М.: Изд. центр «Академия», 2001. – 208 с.
4. Маслова, В.А. Язык и народ: народообразующая функция языка / В.А. Маслова // Беларуская мова і літаратура ў славянскім этнакультурным кантэксце: матэрыялы II Рэсп. навук.-практ. канф., Віцебск, 19–20 лістап. 2015 г. / Віцебск: ВДУ імя П.М. Машэрава, 2015. – С. 97–101. URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/6941> (дата обращения: 15.05.2024).
5. Романовская, Е.И. Лингвокультурная парадигма художественного текста / Е.И. Романовская // Нацыянальна-культурны кампанент у дыялектнай і літаратурнай мове: матэрыялы Рэсп. навук.-практ. канф., Брэст, 18–19 кастр. 2012 г. / М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, Брэст. дзярж. ун-т імя А.С. Пушкіна; рэдкал.: М.І. Новік [і інш.]. – Брэст: Альтернатыва, 2013. – С. 178–182.
6. Новый завет. – М.: Протестант, 1993. – 776 с.
7. Детская Библия / сост.: Б. Арапович, В. Маттелмяки. – Изд. 16-е. – Стокгольм: Ин-т перевода Библии, 1991. – 542 с.
8. Дубровина, К.Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов / К.Н. Дубровина. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 808 с.
9. Булыко, А.Н. Фразеологический словарь русского языка / А.Н. Булыко. – Минск: Харвест, 2007. – 448 с.
10. Фразеологический словарь русского языка: свыше 4000 словарных статей / сост.: Л.А. Войнова [и др.]; под ред. А.И. Молоткова. – М.: Рус. яз., 1986. – 543 с.
11. Лепта библейской мудрости: библейские крылатые выражения и афоризмы на русском, английском, белорусском, немецком, словацком и украинском языках / Д. Балакова [и др.]. – Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2014. – 208 с.

Поступила в редакцию 15.05.2024

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНТАНОВИЧ Зинаида Васильевна – доцент кафедры источниковедения Белорусского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент.

БОБЫЛЕВА Лиана Ивановна – доцент кафедры мировых языков учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат педагогических наук, доцент.

БУБЕНЬКО Татьяна Станиславовна – доцент кафедры истории и культурного наследия учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат исторических наук, доцент.

ГАВРИЛЕНКО Кирилл Евгеньевич – учитель истории и обществоведения государственного учреждения образования «Средняя школа г.п. Домачево»; аспирант кафедры философии, истории и методологии образования учреждения образования «Республиканский институт высшей школы».

ГИБКИЙ Павел Валерьевич – преподаватель, аспирант кафедры теории и практики китайского языка учреждения образования «Минский государственный лингвистический университет».

ГО ЦЗИМАО – аспирант отдела исследований глобализации, регионализации и социокультурного сотрудничества государственного научного учреждения «Институт философии Национальной академии наук Беларуси».

ГОЛУБЕВ Вячеслав Андреевич – аспирант кафедры философии и социальных наук учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

ГРЕБЕНЬ Евгений Александрович – заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин учреждения образования «Белорусский государственный аграрный технический университет», кандидат исторических наук, доцент.

ГРЕЧИХО Татьяна Антоновна – заведующий кафедрой русского языка как иностранного учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат филологических наук, доцент.

ГРУШОВА Людмила Дмитриевна – доцент кафедры мировых языков учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат педагогических наук, доцент.

ДОРОФЕЕНКО Марина Леонидовна – докторант кафедры русского языка Белорусского государственного университета.

ЗИМАНСКИЙ Вадим Элдарович – доцент кафедры языкознания учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат филологических наук, доцент.

ИВАНОВ Евгений Евгеньевич – аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики учреждения образования «Минский государственный лингвистический университет», преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин учреждения образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел».

ИВАНОВ Евгений Евгеньевич – заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова», доктор филологических наук, профессор.

КАМЫШЕВА Светлана Юрьевна – руководитель центра языковой политики и международного образования Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина, кандидат филологических наук, доцент.

КЛИМКОВИЧ Ольга Александровна – доцент кафедры русского языка как иностранного учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат филологических наук, доцент.

КУНТЫШ Марина Фёдоровна – доцент кафедры белорусской и русской филологии учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат филологических наук, доцент.

МУНИР Антониус Самир – аспирант кафедры германской филологии учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

НЕКРАШЕВИЧ Филипп Анатольевич – доцент кафедры философии и идеологической работы учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат исторических наук.

НОВИЦКИЙ Павел Иванович – доцент кафедры спортивно-педагогических дисциплин учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат педагогических наук, доцент.

ПОПЕЛЕНКО Екатерина Сергеевна – историк-ковед Витебской епархии Белорусской Православной Церкви, аспирант кафедры истории и культурного наследия учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

ПРИЩЕПА Максим Михайлович – учитель английского языка государственного учреждения образования «Гимназия № 4 г. Витебска».

РАЕМСКИЙ Юрий Алексеевич – старший научный сотрудник учреждения культуры «Могилевский областной краеведческий музей им. Е.Р. Романова»; аспирант кафедры философии, истории и методологии образования учреждения образования «Республиканский институт высшей школы».

РОСТОВСКАЯ Ольга Михайловна – заведующий кафедрой философии и социальных наук учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат философских наук, доцент.

РУДКОВСКАЯ Елена Эдвардовна – доцент кафедры философии и социальных наук учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат педагогических наук, доцент.

САФРОНОВ Павел Михайлович – аспирант кафедры философии, истории и методологии образования учреждения образования «Республиканский институт высшей школы».

СОЛОМКИНА Надежда Сергеевна – аспирант кафедры источниковедения и методологии образования Белорусского государственного университета.

СУББОТИН Александр Александрович – заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин учреждения образования «Витебский государственный технологический университет», кандидат исторических наук.

ХУАН СЮЙШЭН – аспирант кафедры международных отношений Белорусского государственного университета.

ЧЖЭНЬ ДАЧАО – аспирант отдела исследований глобализации, регионализации и социокультурного сотрудничества государственного научного учреждения «Институт философии Национальной академии наук Беларуси».

ЯРМУСИК Эдмунд Станиславович – профессор кафедры истории Беларуси, археологии и специальных исторических дисциплин учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», доктор исторических наук, профессор.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ANTANOVICH Zinaida Vasilyevna – Associate Professor of BSU Department of Source Studies, PhD (History), Associate Professor.

BOBYLEVA Liana Ivanovna – Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of World Languages, PhD (Education), Assistant Professor.

BUBENKO Tatyana Stanislavovna – Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of History and Cultural Heritage, PhD (History), Assistant Professor.

GAVRILENKO Kirill Evgenyevich – Teacher of History and Social Studies Domachevo Secondary School, postgraduate student of NIHS Department of Philosophy, History and Methodology of Education.

GIBKI Pavel Valeryevich – postgraduate student of Minsk State Linguistic University Department of Theory and Practice of the Chinese Language.

GUO JIMAO – postgraduate student Institute of Philosophy of NAS of Belarus Department of Globalization, Regionalization and Social and Cultural Cooperation.

GOLUBEV Viacheslav Andreyevich – postgraduate student of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Philosophy and Social Sciences.

GREBEN Evgeni Aleksandrovich – Head Department of Social and Humanitarian Disciplines of Belarusian State Agrarian Technical University, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor.

GRECHIKHO Tatyana Antonovna – Head Department of Russian as a Foreign Language of Vitebsk State P.M. Masherov University, PhD (Philology), Associate Professor.

GRUSHOVA Liudmila Dmitriyevna – Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of World Languages, PhD (Education), Assistant Professor.

DOROFEYENKO Marina Leonidovna – Doctoral Student of BSU Department of Russian Language.

ZIMANSKI Vadim Eldarovich – Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Linguistics, PhD (Philology), Assistant Professor.

IVANOV Evgeniy Evgeniyevich – postgraduate student of the Department Theoretical and Applied Linguistics of Minsk State Linguistic University, teacher of Mogilev Institute of MIA of the Department of Social and Humanitarian Disciplines.

IVANOV Evgeni Evgeniyevich – Head of Department Theoretical and Applied Linguistics of Mogilev State A.A. Kuleshov University, Dr.Sc. (Philology), Professor.

KAMYSHEVA Svetlana Yuryevna – Head of Center for Language Policy and International Education of Pushkin State Russian Language Institute, PhD (Philology), Assistant Professor.

KLIMKOVICH Olga Aleksandrovna – Associate Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Russian as a Foreign Language, PhD (Philology), Associate Professor.

KUNTYSH Marina Fedorovna – Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Belarusian and Russian Philology, PhD (Philology), Assistant Professor.

MOUNIR Antonius Samir – postgraduate student of Vitebsk State P.M. Masherov University of Department Germanic Philology.

NEKRASHEVICH Filip Anatolyevich – Assistant Professor of Academy of MIA of the Republic of Belarus of Department Philosophy and Ideological Work, PhD (History).

NOVITSKY Pavel Ivanoivich – Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Sport and Pedagogical Disciplines, PhD (Education), Assistant Professor.

POPELENKO Yekaterina Sergeevna – Historian of Vitebsk Diocese of Belarusian Orthodox Church, postgraduate student of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of History and Cultural Heritage.

PRISHCHEPA Maksim Mikhailovich – English teacher at Gimnasium № 4 of the City of Vitebsk.

RAYEMSKY Yuri Alekseyevich – Senior Researcher at Mogilev Region E.R. Romanov Museum of Local Lore, postgraduate student of NIHS Department of Philosophy, History and Methodology of Education.

ROSTOVSKAYA Olga Mikhailovna – Head Department of Philosophy and Social Sciences of Vitebsk State P.M. Masherov University, PhD (Philosophy), Assistant Professor.

RUDKOVSKAYA Elena Edvardovna – Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Philosophy and Social Sciences, PhD (Education), Assistant Professor.

SAFRONOV Pavel Mikhailovich – postgraduate student of NIHS Department of Philosophy, History and Methodology of Education.

SOLOMKINA Nadezhda Sergeevna – postgraduate student of BSU Department of Source Studies and Methodology of Education.

SUBBOTIN Aleksandr Alrksandrovich – Head Department of Social and Humanitarian Disciplines of Vitebsk State Technological University, PhD (History).

HUANG XUSHENG – postgraduate student of BSU Department of International Relations.

ZHEN DACHAO – postgraduate student Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus Department of Globalization, Regionalization and Social and Cultural Cooperation Research.

YARMUSIK Edmund Stanislavovich – Professor of the Department of History of Belarus, Archeology and Special Historical Disciplines of Grodno State University named after Yanka Kupala, Dr.Sc. (History), Professor.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Сборник научных трудов «Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова»» включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим, филологическим и философским наукам. Основными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. Вне очереди публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белорусском, русском или английском языках.
2. Каждая статья должна содержать следующие элементы: *индекс УДК; название статьи; фамилия и инициалы автора (авторов); организация, которую он (они) представляет (-ют); введение; раздел «Материал и методы»; раздел «Результаты и их обсуждение»; заключение; список использованной литературы.*
3. Название статьи должно отражать ее содержание, быть по возможности лаконичным, вмещать ключевые слова, что позволит индексировать статью.
4. Во введении дается краткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на заграничные публикации.
5. Раздел «Материал и методы» включает описание методики, технических средств, объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами).
6. В разделе «Результаты и их обсуждение» автор должен сделать выводы с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.
7. В заключении в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможность применения на практике.
8. Список литературы должен включать не более 12 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1], [2]. Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа – 7.1-2003. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.
9. Статьи сдаются в редакцию в двух экземплярах объемом не менее 0,35 авторского листа (14000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Количество рисунков не должно превышать трех. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Фотографии в печать не принимаются. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows. Используется следующий формат страницы: красная строка – 0,5 см; поля: сверху – 2,5 см, снизу – 2,5 см, слева – 2 см, справа – 2 см.
10. Иллюстрации, формулы, уравнения, которые встречаются в статье, должны быть пронумерованы в соответствии с порядком цитирования в тексте. К каждому экземпляру статьи нужно приложить по одному экземпляру иллюстрации. Копии рисунков для другого экземпляра статьи должны содержать все необходимые буквенные и цифровые надписи. Подписи к рисункам, схемам и таблицам печатаются через один интервал. В названиях таблиц и рисунков не должно быть сокращений.
11. Размерность всех величин, которые используются в тексте, должна соответствовать Международной системе единиц измерения (СИ).
12. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Электронная версия сдается на дискетах, дисках или пересылается на адрес электронной почты университета (*nauka@vsu.by*).
13. К статье прилагаются следующие материалы (на отдельных листах):
 - реферат (100–150 слов), который должен полно передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи, и ключевые слова на языке оригинала;
 - название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;
 - номер телефона, адрес электронной почты;
 - рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;
 - экспертное заключение о возможности публикации материалов к печати.
14. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.
15. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

GUIDELINES FOR AUTHORS

The List of scientific publications “Scientific notes of Educational Establishment «Vitebsk State University named after P.M. Masherov»” is included in the list of the scientific editions of the Republic of Belarus for publishing the results of dissertation researches in philological, historical and philosophical sciences. The main criterion for the publication is novelty and specificity of the article. The priority for publication is given to scientific articles by postgraduates in their last year (including their articles written with co-authors) on condition these articles correspond the requirements for scientific articles of the journal.

Guidelines for the layout of a publication:

1. Articles are to be in Belarusian, Russian or English.
2. Each article is to include the following elements: *UDK index; title of the article; name and initial of the author (authors); institution he (she) represents; introduction; “Material and methods” section; “Findings and their discussion” section; conclusion; list of applied literature.*
3. The title of the article should reflect its contents, be laconic and contain key words which will make it possible to classify the article.
4. The introduction should contain a brief review of the literature on the problem. It should indicate not yet solved problems. It should formulate the aim; give references to the recent articles of other authors including foreign publications.
5. “Material and methods” section includes the description of the method, technical aids, objects and contents of the author’s (authors’) research.
6. “Findings and their discussion” section the author should draw conclusions from the point of view of their scientific novelty and compare them with the corresponding well-known data. This section can be divided into sub-sections with explanatory subtitles.
7. The conclusion should contain a brief review of the findings, indicating the achievement of this goal, their novelty and possibility of practical application.
8. The list of literature shouldn’t include more than 12 references. The references are to be numerated in the order of their citation in the text. The order number of a reference is given in square brackets e.g. [1], [2]. The layout of the literature list layout is to correspond State Standard (GOST) – 7.1-2003. References to articles and theses which were not published earlier are not permitted. A complete name of the author’s certificate and the deposited copy is indicated as well as the institution which presented the copy for depositing.
9. Two copies of at least 0,35 of an author sheet size (14000 printing symbols with blanks, punctuation marks, numbers etc.), interval 1, Times New Roman 11 are sent to the editorial office. This size includes the text, charts and list of literature. Not more than three pictures are allowed. Pictures and schemes are to be presented in individual jpg-files. Photos are not allowed. Articles should be typed in Microsoft Word. The page layout is the following: new paragraph – 0,5 cm; margins: top – 2,5 cm, bottom – 2,5 cm, left – 2 cm, right – 2 cm.
10. Illustrations, formulas, equations, if any, are to be numbered in accordance with their appearance in the text. One copy of illustrations should be attached to each copy of the article. Picture copies for the second copy of the article should contain all the required letter and number titles. Titles of the pictures, charts and tables are to be typed in one interval. Titles of tables and pictures should not be abbreviated.
11. All dimensions used in the text should correspond the International measurement unit system (SI).
12. The electronic version should be attached to the paper copy of the article submitted to the editorial board. The electronic and the paper copies of the article should be identical. The electronic version is presented on a diskette or diskettes or is sent by e-mail (the university e-mail address is nauka@vsu.by).
13. Following materials (on separate sheets) are attached to the article:
 - *summary (100–150 words), which should precisely present the contents of the article, should be liable for being published in magazine summaries separately from the article as well as the key words in the language of the original;*
 - *title of the article, surname, first and second names of the author (without being shortened), place of work, summary and key words in English;*
 - *telephone number; e-mail address;*
 - *recommendation of the department (scientific laboratory) to publish the article;*
 - *expert conclusion on the feasibility of the publication.*
14. On the decision of the editorial board the article is sent for a review, and then it is signed by the members of the editorial board. If the article is sent back to the author for improvement it doesn’t mean that it has been accepted for publication. The improved variant of the article is reconsidered by the editorial board. The article is considered to be accepted on the day when the editorial office receives the final variant.
15. Earlier published articles as well as articles accepted for publication in other editions are not admitted.

Научное издание

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
УО «ВГУ имени П.М. Машерова»

Сборник научных трудов

Том 39

Компьютерный дизайн Л.В. Рудницкая
Корректор Т.В. Образова

Подписано в печать 28.06.2024. Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 22,05. Уч.-изд. л. 22,02. Тираж 50 экз. Заказ 94.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.